

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Антонов Андрей Николаевич

**РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА
(ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦИЯ, МЕТОДИКА)**

5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Научный консультант –
доктор юридических наук, профессор
В.Н. Григорьев

Ульяновск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА	34
§ 1. Международный вооружённый конфликт как основание для расследования преступлений силами международных структур	34
§ 2. Предмет расследования в условиях международного вооружённого конфликта	63
§ 3. Возникновение и развитие концепции расследования преступлений в зоне международного вооружённого конфликта как части общей теории расследования преступлений в особых условиях	81
§ 4. Структура и содержание концепции расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта	99
ГЛАВА II ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	124
§ 1. Правовые и иные предпосылки расследования преступлений в зоне международного конфликта и на постконфликтной территории	124
§ 2. Правовой режим прямого правления международной администрации в зоне международного вооружённого конфликта и его значение для расследования преступлений	148
§ 3. Уголовно-процессуальные нормы, регулирующие расследование преступлений в зоне международного вооруженного конфликта	167
§ 4. Специальное нормативное регулирование расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта	179
§ 5. Особенности юрисдикции местных и международных правоохранительных структур и органов, созданных межгосударственными и международными организациями	204

ГЛАВА III ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	241
§ 1. Создание международных подразделений, наделяемых полномочиями по расследованию преступлений в условиях международного вооружённого конфликта	241
§ 2. Виды и правовой статус международных подразделений, наделяемых полномочиями по расследованию преступлений в условиях прямого правления международной администрации в зоне международного вооружённого конфликта	257
§ 3. Структура и организация деятельности международных подразделений, наделяемых полномочиями по расследованию преступлений в условиях международного вооружённого конфликта	270
<i>Опыт Камбоджи</i>	272
<i>Опыт Восточного Тимора</i>	275
<i>Следственная группа ООН по ИГИЛ (ДАИШ)</i>	283
<i>Розыск и задержание подозреваемых</i>	289
<i>Конвоирование и содержание под стражей</i>	296
§ 4. Особенности кадрового и материально-технического обеспечения правоохранительных структур и органов, созданных межгосударственными и международными организациями для расследования преступлений, связанных с конфликтом	298
§ 5. Особенности организации расследования преступлений в условиях прямого правления международной администрации в зоне международного вооруженного конфликта	313
ГЛАВА IV МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗОНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	335
§ 1. Основные направления и типовые задачи расследования преступлений в зоне международного вооружённого конфликта	335

<i>Актуальность общетактических типовых задач расследования при расследовании преступлений на постконфликтных территориях.</i>	337
<i>Работа по заявлениям о похищенных и пропавших без вести лицах</i>	340
<i>Внимание вопросу о сексуальном и гендерном насилии</i>	343
<i>Незаконный захват недвижимого имущества</i>	346
§ 2. Особенности квалификации и доказывания преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта	359
§ 3. Организация и проведение первоначальных следственных действий на первоначальном этапе	385
§ 4. Взаимодействие международных следственных подразделений с международной администрацией, войсковыми подразделениями, местными правоохранительными органами	391
§ 5. Организация и проведение последующих следственных действий	407
<i>Труднодоступность свидетелей</i>	419
<i>Детализация</i>	421
<i>Формальности при проведении допроса.</i>	422
<i>Особенности работы при помощи переводчика</i>	424
<i>Эксгумации массовых захоронений</i>	429
§ 6. Особенности окончания расследования и направления уголовных дел в суд.	
Правопреемственность и «наследие» международных следственных структур	442
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	463
Термины и аббревиатуры, встречающиеся в тексте	472
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	474

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Как государство – член Организации объединённых наций, с 1948 года СССР, а позже и Российская Федерация, являясь его правопреемником, направляют своих гражданских полицейских, военных специалистов и гражданских служащих для участия в различных операциях по поддержанию мира, проводимых под эгидой ООН, ОБСЕ и других организаций, а также в соответствии со специальными двух- или многосторонними соглашениями. В зоны конфликтов также направлялись российские отдельные специальные военные подразделения различного размера и характера, как например в Сьерра Леоне (вертолётный авиаотряд), Боснию и Герцеговину (отдельная бригада ВДВ), Косово, Судан (авиационная группа), Сирия.

Россия продолжает и будет продолжать участвовать в миротворческой деятельности ООН, в том числе путём предоставления своих миротворцев, оказания услуг для миротворческой деятельности и подготовки для неё соответствующих миротворческих контингентов. Об этом заявил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, добавив, что Россия «будет и впредь вносить активный вклад в совершенствование превентивного антикризисного потенциала ООН»¹.

Изучение правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности показывает, что по мере развития цивилизаций, научно-технического прогресса, появления нового оружия, способствовавших совершению жестокостей во время вооружённых конфликтов международного и немеждународного характера, такими же темпами развивалось и законодательство. События Первой и Второй мировых войн явились толчком для мирового сообщества к принятию ряда правовых мер, выразившихся в запрещении отдельных действий, применения

¹ Россия продолжит активно участвовать в миротворческой деятельности ООН. ТАСС, 14 ноября 2013 г. Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/politika/750107> (дата обращения 2.11.2022).

различного типа вооружений и т.п. Немалую роль в формировании международно-правовых норм сыграли и СССР, а в последствии и Российская Федерация, часто выступавшие инициаторами их принятия. Соответственно развитию материального права появлялась и необходимость расследования преступлений, совершаемых в зонах вооружённого конфликта, а также и практика таких расследований и, соответственно, процессуальное право, закрепляющее их законность и порядок проведения.

Аналогично, в последнее время серьёзно изменилась сущность и структура миротворческих операций. Во многом утрачено первоначальное «классическое» назначение «голубых касок» – разделение враждующих сторон и наблюдение за соблюдением соглашений о прекращении активных боевых действий. Миротворческая функция заменяется «принуждением к миру» и всё чаще «миростроительством». Уже есть опыт принятия на себя международными структурами ООН и других организаций всех или многие государственных функций, в том числе и охраны общественного порядка, расследования преступлений, как и судебных функций. Одновременно критикуемые и восхваляемые доктрины «ответственность по защите» (англ.: *Responsibility to protect*) и «гуманитарных вмешательств» (англ.: *Humanitarian intervention*), используются для обоснования внешнего вмешательства во внутренние дела государств.

Процесс продвижения и закрепления изменений в сути и способах деятельности ООН ещё не далеко не закончен, в 2018 году по инициативе Генерального Секретаря ООН были произведены «массированные» организационно-штатные мероприятия, упразднившие, вновь создавшие, переименовавшие и переподчинившие большинство штабных подразделений ООН. В их результате с 1 января 2019 начала действовать новая структура Секретариата ООН.

Как отметил российский постоянный представитель в сентябре 2018 года: «Вопросы оптимизации деятельности миротворческих миссий имеют чрезвычайную важность и требуют самого пристального внимания со стороны всех участников миротворческой деятельности. Мы полностью поддерживаем общее стремление укреплять безопасность “голубых касок”, повышать эффективность их работы по выполнению мандата Совета [Безопасности]. Все ставят общий “диагноз”, но зачастую озвучиваются разные предложения относительно того, какими методами действовать. Мы, например, считаем, что простые решения, вроде постоянного усиления мандата миссий, не способны гарантировать устойчивый результат. ... Именно поэтому мы убеждены, что общие вопросы миротворчества должны рассматриваться самым широким кругом “заинтересованных игроков”. В противном случае эффективность нашей работы будет низкой»¹.

Создание ООН и последующее принятие Всеобщей декларации прав человека и последующих важных международных соглашений о правах человека перевели сотрудничество государств в сфере охраны прав человека на качественно новый уровень, провозгласив на международном уровне основные права и свободы личности неотчуждаемыми и присущими каждому человеку в равной степени от рождения, вне зависимости от национальных границ, культур и политических режимов.

Идея прав человека, прочно утвердившаяся во многих демократических государствах мира, нашла достойное место и в России. Понимание прирождённого характера прав и свобод, принадлежащих человеку, нашло отражение в конституционном принципе их естественности и неотъемлемости, обязательности для уважения всеми, и прежде всего государственной властью. Тем самым Российская Федерация приняла на себя обязательства по их обеспечению и защите.

¹ См.: Видеозапись 8359 заседания СБ ООН на сайте UN WEB TV [электронный ресурс]. – URL : <http://webtv.un.org/watch/security-council-1-protection-of-civilians-in-armed-conflict-8359th-meeting.-2-united-nations-peacekeeping-operations-8360th-meeting.-3-the-situation-in-the-middle-east-8361st-meeting/5838372072001/> (дата обращения 9.10.2018).

Однако одной лишь декларации закрепления за человеком неотчуждаемых прав и свобод недостаточно, это является лишь первым шагом на пути обеспечения.

Создание реальных условий, способствующих этому процессу, и должных государственно-правовых механизмов – задача комплексная и, как следствие, долгосрочная. Не менее актуальна эта задача и на международном уровне, особенно когда мы говорим о защите прав человека во время вооружённых конфликтов или непосредственно после их окончания. Одна ситуация складывается если Россия выступает стороной конфликта, и она обязана выполнять нормы международного права как по отношению к праву войны и мира и выбору способов и средств ведения войны, а также и по отношению к гражданскому населению на подконтрольных территориях. Другая ситуация – когда, не являясь стороной конфликта, Россия оказывает помощь в соответствии со своими обязанностями, вытекающими из международных договоров. Однако, независимо от формы участия (прямой или опосредованной) в конфликте, России необходимо прилагать все усилия и, более того, показывать пример и делиться опытом по защите прав человека на конфликтных территориях. Одновременно к сожалению и к счастью, опыт России в этом направлении достаточно богат, а в арсенале имеются опыт и примеры как далёкого, так и недавнего прошлого.

В 2008 году Россия не только оказалась стороной конфликта на Кавказе, но и впервые стала стороной в международно-правовом споре, который был в 2008 году принят к рассмотрению Международным судом ООН. К защите своих интересов на таком уровне России требуется подходить со всей серьёзностью и основательностью, чтобы как минимум выказать своё уважение к такому средству разрешения международных споров и не выглядеть неготовой свободно оперировать различными категориями международного права, интерпретировать их и обосновывать свою позицию. Тогда же проявилась и определенная степень неготовности России взаимодействовать с Международным уголовным судом (далее - МУС) относительно подпадающих под юрисдикцию суда преступлений,

предположительно совершенных в ходе вооружённого конфликта с Грузией, а также не очень чёткое понимание того, что и как необходимо будет доказывать.

Помимо предотвращения конфликтов, примирения сторон, а порой и «принуждения к миру», ООН активно участвует в постконфликтном миростроительстве, реализации проектов по решению коренных проблем и развитию экономического, социального, культурного и гуманитарного потенциала государств, преодолевающих последствия внутренних конфликтов. Снятие напряжённости и обеспечение социальной стабильности государств невозможно без обеспечения должного уровня общественной безопасности. Одним из ключевых условий этого является скорейшее восстановление или построение систем, способных на должном уровне расследовать преступления.

Относительно недавно отдельные вопросы послевоенного миростроительства стали предметом отечественных научных исследований¹. Авторами имеющихся публикаций по данной проблематике нередко являются непосредственно бывшие или действующие участники различных миротворческих операций ООН. Однако заметим, что вопросы расследования преступлений, проводимых международными структурами на послевоенных территориях, в российской науке практически не исследованы. В то же время, такой путь восстановления необходимых механизмов, обеспечивающих защиту граждан от преступности, несомненно является неотъемлемой составляющей миротворческого процесса и заслуживает должного внимания.

¹ См. напр.: Ромадан Л. И., Шагалов В. А. Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству // Вестник МГИМО-Университета. 2015 (6(45)), С. 174-181; Степанченко А. А. Международно-правовые вопросы деятельности региональных международных организаций в сфере установления правопорядка в постконфликтных государствах // Вестник экономической безопасности. 2019. №2. С. 161 – 170; Абакумова, И.В., Рядинская И.Н. Интегральный сравнительный анализ подходов к постконфликтному урегулированию вооружённых конфликтов // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 3(43).

Опыт миротворческих миссий ООН показывает, что для перехода от войны к устойчивой мирной жизни необходимо не только разоружение постконфликтного общества, но и создание атмосферы доверия внутри страны, что вряд ли возможно без должного уровня безопасности. При этом для постконфликтного общества важны видимые и значимые признаки, подтверждающие результаты мирного процесса и усилия государства и международного сообщества в этом направлении. Восстановление правоохранных механизмов, обеспечивающих должный уровень борьбы с преступностью, несомненно, является одним из таких очевидных признаков.

При этом нельзя абстрагироваться от проблем и вопросов и теоретического и практического плана, связанных, по выражению профессора Б.Р. Тузмухамедова, с «силовым обеспечением международного права»¹. В докладе Генерального секретаря ООН подчёркивается, что силовые приёмы, будь то в осуществление так называемой «обязанности защищать» или в порядке реализации неотъемлемого права на коллективную или индивидуальную самооборону, нуждаются в новом международно-правовом осмыслении и обосновании².

Доказательства в международном гражданском процессе не раз становились объектом изучения таких учёных, как И.В. Гетьман-Павлова, И.Г. Медведев, Т.Н. Нешатаева, И.Г. Ренц, М.А. Филатова³. В то же время, в отношении доказательств в международном уголовном процессе, которыми оперируют МУС и

¹ См.: Тузмухамедов, Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность // Россия в глобальной политике. 2006. №2. С. 204-213.

² См.: Доклад ГС ООН При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех. Документ ООН № A/59/2005, 21 марта 2005 г. Текст : электронный // ООН : [сайт]. URL: – Режим доступа : <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (дата обращения 10.05.2019).

³ См.: Ренц, И. Г. Факты и доказательства в международных спорах: между истиной и справедливостью. Москва : Статут, 2018. 302 с.; Гетьман-Павлова И., Филатова М. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) // Международное правосудие. 2017. № 3. С. 96-109; Медведев И.Г. Доказательства в международном гражданском процессе // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002-2003. № 2. Санкт-петербург : Издат. дом СПбГУ, 2004. С. 228-281.

международные уголовные трибуналы, подобных исследований практически нет¹. До сих пор, пожалуй, одной из основных научных работ по вопросам доказательств в международном уголовном процессе является книга С.Я. Розенблита 1948 года о показаниях свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе². В то же время зарубежная юридическая научная мысль давно и очень плодотворно занимается данной тематикой, где она порой превалирует в общем массиве литературы, посвящённой проблемам международной уголовной юстиции. Такую ситуацию вряд ли можно считать приемлемой, особенно учитывая вышеупомянутый факт участившихся случаев вовлечения России в те или иные международные конфликты, а также наличия международных процессов, как против России, так и инициированных ею.

Поскольку охрана прав и свобод личности имеет глобальный характер, восстановление правоохранительных функций государства является одной из главных задач постконфликтного миростроительства. Участие в этом международных структур уже зарекомендовало себя в качестве эффективного средства как для скорейшего решения задачи восстановления системы правосудия и правоприменения, так и широкого и устойчивого послевоенного примирения. Кроме того, международное участие создаёт более подходящие условия для нахождения долгосрочного решения проблем путём подготовки местных специалистов, которые будут в состоянии принять на себя правоохранительные

¹ См. напр.: Копылова Е.А. Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве // Международное правосудие. 2016. №2(18). С.108–118; Месяев А. Процесс против С. Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда. Кн. 1. Казань : Титул-Казань, 2005. 400 с.; Антонов А. Н. Григорьев В. Н. Решение Трибунала по бывшей Югославии по делу Готовина/Маркач как (очередной) провал международного правосудия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. №3. С. 9-15; Евсеев А.П. Особенности доказывания в практике органов международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2019. №3(31). С.69–83.

² Розенблит С. Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе. Москва : Юриздат, 1948. 96 с.

функции вообще и, в частности, обеспечить необходимый уровень расследования преступлений, в том числе и международных, на постконфликтных территориях.

Многоплановое и многоуровневое участие Российской Федерации в конфликте в Сирии говорит о том, что вопросы охраны правопорядка на конфликтных территориях не только не уходят на второй план, но наоборот, перемещаются в центр внимания с приближением окончания активной фазы конфликта и начала всеобщего восстановления деятельности всех государственных структур. В Сирийской Арабской Республике уже действуют подразделения военной полиции, помогающие в обеспечении общественного порядка сирийским органам. Участие российских и международных специалистов возможно будет полезно и для организации процесса расследования массы совершенных там преступлений.

В этом контексте наличие методик и владеющих ими специалистов по восстановлению эффективной системы полицейской работы вообще, и расследования преступлений – в частности, становится особенно важным. В том числе, необходимо и знание, и опыт по расследованию военных преступлений и преступлений против международного гуманитарного права, дающий возможность грамотно сформировать доказательственную базу, правильно разработать стратегию обвинения и убедительно представить позицию обвинения в суде. Обобщение имеющегося на сегодняшний день международного опыта и его применение как для формирования методик обучения, так и в практической деятельности, вряд ли можно чем-то заменить.

Актуальность исследования также обусловлена целым комплексом теоретических и практических проблем и вопросов, связанных с осуществлением следственной работы международными специалистами на территориях вооружённого конфликта, поиском наиболее эффективных форм охраны прав и свобод лиц, там находящихся, в том числе и оказавшихся вовлечёнными в производство по уголовным делам.

Научное исследование данной проблемы с учётом имеющегося международного опыта и стандартов, разработка концептуальных положений, методик работы, алгоритмов действий международного персонала в процессе расследования, как составной части концепции расследования преступлений на конфликтных и постконфликтных территориях, важны в методологическом плане. Одновременно они призваны способствовать решению общих и частных теоретико-прикладных проблем достижения современного правозащитного назначения уголовного судопроизводства: защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод, что в равной степени важно как на национальном (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, далее – УПК РФ), так и на международном уровнях. Достижение этих задач посредством привлечения международных специалистов уже доказало свою эффективность, хотя и этот способ не лишён недостатков, требующих устранения.

К сожалению, как показывает практика, помимо оказания помощи в поддержании мира, сами миротворцы также совершают дисциплинарные правонарушения, а порой и преступления, расследование которых также необходимо проводить в тех же конфликтных/постконфликтных условиях. Для разрешения таких проблемных ситуаций существует специальный механизм, уже опробованный на практике и доказавший свою действенность, опыт применения которого необходимо использовать.

Несмотря на наработанный положительный опыт расследования преступлений, связанных с конфликтами, существует и достаточно серьёзные претензии к международным механизмам. Пожалуй, в наибольшей степени они

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921 ; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.12.2022.

касаются значительной их стоимости и сложности процедур, приводящих к затянутости процесса, на фоне недостатка объективности и беспристрастности в их работе, а порой и открытой «политизированности» разбирательств.

Большинство из рассматриваемых вопросов и проблем либо недостаточно разработаны в современной российской и зарубежной юридической науке, либо требуют переосмысления в свете происходящих изменений в международном праве и практике его применения, структурный и сущностных изменений в ООН, других международных организациях, в структуре и сущности международных обязательств Российской Федерации, модификации и обновлении сложившихся парадигм внешней и внутренней политики.

Степень научной разработанности темы исследования. Научная разработка вопросов расследования преступлений вне нормальных процессов функционирования гражданского общества, таких как война, послевоенная ситуация, чрезвычайное положение, массовые беспорядки не находилась в центре внимания криминалистической и уголовно-процессуальной науки. Причина этого в относительно мирном развитии Российской Федерации в последнее время. Кроме того, часть рассматриваемой темы «уходила» в исследования военной тематики, проводимых учёными соответствующих специализаций. Однако, отдельные достаточно глубокие исследования имеются.

Вклад в разработку данной проблематики в большей или меньшей степени внесли серьёзные юристы и мыслители прошлых столетий: Г.А. Александров, Н.С. Алексеев, А.Ф. Кони, С.Т. Кузьмин, Ф.Ф. Мартенс, А.И. Полтораки, М.Ю. Рагинский и другие. В современной отечественной юридической научной литературе отдельным аспектам организации борьбы с преступностью, в том числе и на конфликтных и постконфликтных территориях, уделяли внимание В.В. Бобринский, А.Г. Волеводз, Ю.В. Гаврилин, В.Н. Григорьев, С.А. Егоров, Е.И. Замылин, С.В. Катков, А.Г. Кибальник, И.М. Клейменов, А.С. Князьков,

М.С. Колосович, Д.А. Лобачёв, Г.Л. Москалёв, Г.А. Нелаева, В.В. Овчинников, К.П. Саврыга, А.Б. Сергеев, Б.П. Смагоринский и другие.

Более широко вопросам деятельности международных организаций и охраны прав граждан на конфликтных и постконфликтных территориях, с точки зрения как политических, так и юридических наук, были посвящены работы А.А. Гридчина, Г.М. Григоряна, П.С. Долгошеина, А.П. Евсеева, В.Ф. Заемского, К.С. Кабиловой, С.А. Тишкова, А.И. Тамбовцева, О.С. Чернышовой, многих зарубежных авторов, таких как Л. Ван ден Херик, Л. Грин, К. Дель Понте, Р. Колб.

Приятно отмечать, что многие из вышеперечисленных авторов, внесших и продолжающих вносить свой вклад в освещение вопросов деятельности правоохранительных органов в особых условиях, в т.ч. связанных с вооружённым конфликтом, являются действующими и бывшими работниками МВД России, имеющими личный опыт участия в работе правоохранительных органов на таких территориях как в составе подразделений МВД, так и в миротворческих операциях ООН, миссиях ОБСЕ, и передающими этот опыт другим.

Признавая несомненную ценность опубликованных работ, отметим, что в условиях нарастающего вовлечения Российской Федерации в той или иной форме в вооружённые конфликты, а также возрастающей необходимости в специалистах, имеющих достаточную подготовку для проведения расследования преступлений, связанных с конфликтами, в составе международных или смешанных групп, вопросы расследования преступлений на постконфликтных территориях международными специалистами требуют целенаправленного системного исследования.

В недавнее время проведены диссертационные исследования, посвящённые отдельным аспектам данной тематики (Лобачёв Д.А. Организация правоохранительной деятельности органов внутренних дел в условиях межэтнических конфликтов: Саратов, 2006; Москалев Г.Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): Проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: Красноярск,

2015; Рамаданова А.А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития: Москва, 2006; Овчинников В.В. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в условиях внутренних вооружённых конфликтов: Москва, 1997; Тишков С.А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования: Орёл, 2011). Однако, при всей научной ценности частных положений, разработанных авторами до настоящего времени, они не позволяют составить систематическое представление о непосредственной организации процесса расследования преступлений на конфликтных и постконфликтных территориях.

В современных условиях, в том числе и на международной арене, представляется чрезвычайно важным наличие комплексного исследования, которое будет представлять результаты научно-правового анализа правовых и фактических предпосылок расследования преступлений международными специалистами, освещать национальные и международные правовые основы такой деятельности, особенности организации процесса, проблемы охраны прав участников таких следственных процессов, наличие средств защиты их прав, встроённых в законодательство о таких расследованиях, а также соответствие этого законодательства международным стандартам расследования. Отдельное значение в этом плане имеет вопрос об ответственности международных структур за нарушения прав человека, допущенные в процессе осуществления деятельности как в пределах своего «мандата», так и с выходом за рамки такового.

Отсутствие системного представления информации в данной части научного знания негативно сказывается, прежде всего, на эффективности планирования и подготовки к задействованию международных специалистов, на худшем с ними взаимодействии, снижает уровень методического обеспечения работы специалистов и эффективность внедрения рекомендаций в учебный процесс и практическую деятельность соответствующих органов, занимающихся такого рода

расследованиями. Вышеуказанные научные изыскания даже не наметили круга существующих теоретических и практических проблем, уже не говоря о представлении конкретных методик и криминалистических рекомендаций. Конечно, многие положения, представляемые в данном труде, носят дискуссионный характер и нуждаются в дальнейшей разработке.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объект исследования* составляют общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности международных специалистов по расследованию преступлений на конфликтных и постконфликтных территориях.

Предметом исследования являются концептуальные положения криминалистической и уголовно-процессуальной наук, посвященные расследованию преступлений в особых условиях вооруженного конфликта, основным правам человека и допустимости их ограничения в соответствующих контекстах, положения международного и российского права, решения Европейского суда по правам человека, Международного уголовного суда, Международного трибунала по бывшей Югославии, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации; а также международная правоприменительная практика в исследуемой области.

Цель и задачи диссертационного исследования. Диссертация имеет своей *целью* выработку концепции, включающей комплекс обобщенных теоретических положений о расследовании международными специалистами преступлений в условиях международного вооруженного конфликта; разработку на этой основе частных теоретических положений по отдельным институтам нормативного обеспечения этой деятельности; выработку положений, направленных на повышение эффективности достижения правозащитного назначения уголовного судопроизводства на постконфликтных территориях, в том числе организации, тактики и методики расследования совершенных преступлений с привлечением международных специалистов, а также формулирование предложений по

совершенствованию нормативно-правовых актов, действующих на территориях вооруженного конфликта, и практики их применения.

Достижение вышеуказанной цели обусловило постановку и решение *задач*, имеющих как научно-познавательный, так и прикладной характер, которые могут быть в обобщённом виде представлены следующим образом:

- выявление фактических предпосылок для создания международных следственных подразделений, а также локальных и международных нормативных актов - источников их юрисдикции;

- изучение влияния международных стандартов в области прав человека на государственную защиту от преступлений и обязательства расследования преступлений, выявление на этой основе минимальных стандартов в этой сфере, а также возможности и/или необходимости отступления от последних;

- раскрытие соотношения отдельных положений российского законодательства, направленных на охрану прав человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства, с имеющимися международными стандартами;

- выработка критериев допустимости и пределов ограничения прав участников уголовного процесса при производстве по уголовным делам на территориях вооруженного конфликта;

- разработка на этой основе положений, более чётко закрепляющих обязанности государства по расследованию преступлений на постконфликтной территории и прав лиц, вовлечённых в этот процесс;

- формулирование вывода об основных «за» и «против» использования возможностей отдельных международных подразделений по расследованию преступлений на конфликтных территориях на основе изучения и обобщения практики их деятельности, конкретных положительных и отрицательных примерах;

- выявление наиболее острых проблем, связанных с нарушениями обязанности по расследованию преступлений международными следственными подразделениями;
- разработка и обоснование предложений по методическому обеспечению деятельности специалистов, направляемых для проведения расследований на территории вооруженного конфликта, в том числе в подразделения, действующие под эгидой ООН;
- формулирование на этой основе предложений, направленных на эффективное применение методики расследования преступлений в зоне международного вооруженного конфликта путем совершенствования процедур по оценке необходимости и возможности направления специальных подразделений для расследования преступлений на конфликтных территориях, формирования таких подразделений и непосредственно их деятельности по сбору доказательств на местах..

Методологическую основу диссертационного исследования составили положения диалектического метода научного познания. Методологическая система представлена общими и частнонаучными методами научного познания: историческим, индуктивным, дедуктивным, анализом, синтезом, аналогией; юридико-техническим, историко-правовым, сравнительно-правовым, структурно-функциональным, социологическим, статистическим и др.

Одно из центральных мест, безусловно, занимает метод системных исследований, позволивший обнаружить элементы системы механизмов разной степени общности, связанных с подготовкой и проведением расследований преступлений в условиях международного вооруженного конфликта, выявить необходимые характеристики каждого элемента, требования к ним, связанность между собой и основанием – общим назначением уголовного судопроизводства, произвести обобщение частей в их качественном взаимодействии, определить функциональное назначение, место и эффективность воздействия всей системы и

каждого из ее элементов на внешнюю среду. Выявление требований к элементам системы и формирование их новых характеристик осуществлялось на основе метода моделирования. Сбор информации проводился также с использованием метода включенного наблюдения, особенно во время продолжительной работы автора, связанной с расследованием преступлений на постконфликтных территориях.

Теоретической базой для проведения диссертационного исследования послужили работы отдельных учёных в области криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального права, международного права. В процессе работы были изучены концепции и теоретические подходы к решению выдвигаемых проблем ведущих специалистов в данных областях.

Эмпирическую базу составили:

- опубликованные материалы следственной, прокурорской и судебной практики по уголовным делам, связанным с вооружёнными конфликтами, находившимся в производстве международных структур, функционировавших в Косово, Боснии, Сьерра Леоне, Руанде (1994 – 2013)

- статистические данные, содержащиеся в источниках Министерства юстиции и МВД Сербии, России, а также ООН, о количестве преступлений и правонарушений на постконфликтных территориях (1995-2000, 2012, 2015, 2017)

- результаты бесед с международными и местными судьями (28), прокурорами (16), следователями (46), юристами (12), оперативными работниками (58), экспертами и специалистами-криминалистами (35), а также другими специалистами в сфере расследования и уголовного судопроизводства по уголовным делам, связанным с вооружёнными конфликтами в Косово, Сербии, Боснии и Герцеговине, Сьерра Леоне, Восточном Тиморе, Руанде (2000-2018);

- изучены материалы 335 уголовных дел, находившихся в производстве международных следственных и судебных структур в Сербии, включая Косово, Боснии и Герцеговине, Сьерра Леоне (1998 – 2010 годы); 260 жалоб на

процессуальные действия (бездействие) и решения (их отсутствие) международных органов предварительного расследования в Косово, прокуратуры, судебных и квази-судебных органов по ним, и материалы, связанные с их рассмотрением в Косово, Сербии, Боснии и Герцеговине, Руанде, Восточном Тиморе, Сьерра Леоне, Ираке (2004 – 2010 годы).

При работе анализировались данные, полученные другими учёными и авторскими коллективами, материалы, опубликованные в средствах массовой информации, а также использован личный 20-летний опыт практической работы соискателя в различных международных структурах ООН, проводивших расследования преступлений и должностных правонарушений, рассмотрение жалоб о нарушениях прав человека органами ООН, а также осуществлявших надзор за деятельностью международных органов дознания и предварительного следствия в Косово (2003–2008, 2016–2022), Сьерра Леоне (2008), Судане (2008–2011), в центральном аппарате ООН (2011).

Нормативную базу исследования составили: международно-правовые материальные и процессуальные нормы о правах человека, обычаях и правилах ведения войны, ответственности за их нарушение, Конституция РФ, отдельные законодательные акты СССР и РФ, ведомственные нормативные акты органов власти и управления СССР и РФ, иных государств (Сербия, Сьерра Леоне, Босния и Герцеговина), а также трибуналов и следственных групп по Боснии и Герцеговине, Восточном Тиморе, Ираке, Косово, Руанде, Сербии, Сьерра Леоне. В работе также использованы приговоры и решения Европейского суда по правам человека, Международных трибуналов в Нюрнберге, по бывшей Югославии, Руанде, Правозащитной консультативной коллегии при Миссии ООН в Косово, судов общей юрисдикции в Косово, а также Комиссии по рассмотрению жалоб, связанных с жильём и собственностью при Миссии ООН в Косово.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретической концепции, включающей комплекс основанных на сложившихся международных

стандартах и практиках, обобщённых положениях о закономерностях, процессе и механизме расследования преступлений международными специалистами в условиях международного вооруженного конфликта; выработке на этой основе частных теоретических положений по отдельным институтам нормативного обеспечения этой деятельности; выработке положений, направленных на повышение эффективности достижения правозащитного назначения уголовного судопроизводства на конфликтных и постконфликтных территориях путем совершенствования организации, тактики и методики расследования совершенных преступлений с привлечением международных специалистов, а также в формулировании предложений по совершенствованию нормативно-правовых актов, действующих на таких территориях, и практики их применения, подготовки специалистов и групп, направляемых для следственной работы в условиях международного вооруженного конфликта.

На основании выполненных автором исследований предложены аргументированные решения вопросов, связанных с восстановлением работы правоохранительных органов по расследованию преступлений во время и по окончании международного вооруженного конфликта. На базе изученных международно-правовых требований, стандартов и практик международных правоохранительных институтов и следственных подразделений, положений современного законодательства на международном уровне, а также результатов обобщения следственной и судебной практики производства по делам о расследовании преступлений, связанных с вооружёнными конфликтами, проведённых международными специалистами, сформулированы положения о правовых предпосылках расследования преступлений в зоне международного конфликта и на постконфликтной территории и специальном нормативном регулировании расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта, особенностях организации и методики расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта, особенностях

окончания расследования и направления уголовных дел в суд, преемственности международных следственных структур.

Обобщение результатов работы отдельных учёных, занимавшихся изучением частных вопросов расследований в особых условиях, а также самостоятельные научные изыскания автора позволили разработать концептуальные положения, являющиеся составной частью концепции расследования преступлений в особых условиях, которые, несомненно, пополняют потенциал российских уголовно-правовых наук, в частности, уголовного процесса и криминалистики.

Положения, выносимые на защиту.

1. Современные условия как внутри России, так и за рубежом, обуславливают необходимость разработки концепции расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта, поскольку в мире регулярно вспыхивают различные конфликты, требующие вмешательства мирового сообщества в соответствии с нормами международного права. Поэтому нашему государству необходимо поддерживать оптимальный уровень готовности к реакции на подобные ситуации, содержать в рабочем состоянии действенный и апробированный механизм (специальную систему мероприятий). Одним из центральных элементов этого механизма в части готовности правоохранительных органов к расследованию преступлений является разновидность концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях – концепция расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта.

2. Основное содержание концепции расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта составляют следующие элементы: ее теоретическое обоснование; предпосылки возникновения; определение понятия концепции, её объекта, содержания, условий применения и других составляющих; обозначение круга преступлений, связанных с вооружённым конфликтом и представляющих интерес в рамках данной концепции; обзор и оценка значимости существующих внутренних и международных принципов и стандартов в данной

сфере; обобщение зарубежного опыта, примененного в этой области; выявление новых, более совершенных и приемлемых в российских условиях средств и способов борьбы с таковыми; особенности расследования связанных с конфликтом преступлений международными следственными группами; разработка системы мер (правовых, управленческих, организационных, материально-технических и др.), направленных на оптимизацию процесса расследования; определение особенностей возбуждения уголовных дел и производства следственных и других процессуальных действий, а также судебного рассмотрения дел о преступлениях, совершенных на конфликтной и постконфликтной территории.

3. Вооруженный конфликт, как ситуация, при которой нарушается привычное функционирование всех государственных структур, среди которых и правоохранительная деятельность, является фактическим основанием для введения в действие специальных механизмов расследования преступлений, среди которых – расследования международными специалистами в определенной организационно-правовой форме.

4. Определяющим обстоятельством для концепции расследования преступлений на территории вооружённых конфликтов является фактическое положение вещей, при котором налицо нарушение нормальной работы правоохранительных органов, независимо от признания наличия или отсутствия вооружённого столкновения обстоятельством, его вида, подвида, и других элементов, связанных с его международно-правовой классификацией.

5. Восстановление функций правоохранительных органов, среди которых в первую очередь следственная деятельность, может начаться и до окончания «войны» в юридическом понимании этого термина. Однако, на тактику и методику действий полиции/милиции/прокуратуры, а по большому счёту – на механизм расследования преступлений на территории вооружённых конфликтов это существенного влияния не оказывает.

6. Концепция расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта представляет собой совокупность *объединенных одним объектом теоретических положений о принципах и стандартах расследования преступлений на территории вооруженного конфликта, правовом и организационном обеспечении, особенностях предотвращения, расследования и обеспечения судебного рассмотрения дел о совершенных здесь преступлениях, а также систему практических рекомендаций, направленных на оптимизацию этого процесса.*

7. Предметом расследования на территории вооружённого конфликта являются совершаемые преступления, которые можно разделить на несколько групп в зависимости от степени их обусловленности конфликтом:

- а) преступления, на совершение которых наличие или отсутствие вооруженного конфликта не влияет или влияет минимально;
- б) преступления, непосредственно связанные с вооружённым конфликтом или постконфликтной ситуацией;
- в) преступления, совершение которых возможно исключительно в «военное» время.

8. Правильная квалификация преступных деяний, совершаемых на территории вооружённого конфликта, дает правильное определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, стратегии, методики и тактики расследования. При одних и тех же внешних обстоятельствах деяния могут быть квалифицированы и как общеуголовное преступление, и как геноцид, и как преступление против человечности, и как военное преступление. В этой связи большое значение имеет как можно более достоверное установление фактов, к которым в работе международных следственных подразделений относят: элементарные данные или основные факты; признание существования и взаимосвязей или причинно-следственных связей между несколькими основными фактами или элементарными данными; правовые факты или квалификации.

9. Создание специализированных следственных подразделений, укомплектованных международными специалистами, представляется наиболее оптимальным способом действий на территориях, где введено временное управление международных администраций. Вместе с тем, не всегда имеется возможность отказаться от «авральной формы» организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях, при которой присутствует множество проблем, связанных с формированием «сборной команды», финансированием, материально-техническим обеспечением, квалификацией кадров. Условия для создания таких подразделений и полная или частичная передача им следственных полномочий могут возникнуть и в отсутствие прямого правления международной администрации.

10. В случае полного или частичного отсутствия/паралича местных органов, наличии обоснованных сомнений в их беспристрастности или компетентности, создание и деятельность специализированных международных (или с международным участием) структур представляется единственно возможным реальным способом относительно быстрого решения проблем правоохранительной деятельности на постконфликтных территориях при том, что юрисдикции иностранных/смешанных специальных органов, призванных защищать права граждан, могут порождать конфликты с существующими национальными органами.

11. Требования к обеспечению необходимых минимальных стандартов расследования, в том числе устанавливаемых международным правом прав человека, должны оставаться неизменными независимо от того, работает ли международная следственная группа на территории, подконтрольной международной администрации, либо имеются действующие местные органы власти, сотрудничающие в той или иной форме (степени) с международными специалистами.

12. Особое значение при расследовании в условиях международного вооруженного конфликта приобретает вопрос возможности и целесообразности применимости старого «довоенного/доконфликтного» законодательства. Его модификация или полная замена может быть при необходимости проведена с учётом особенностей и потребностей следствия, а также ряда других обстоятельств. Одним из путей выполнения этого требования может быть введение в действие временных уголовного и уголовно-процессуального кодексов. Полная замена всего законодательства требует гораздо большего времени и далеко не всегда будет наилучшим решением проблем, связанных с работой правоохранительных органов на территориях вооруженного конфликта.

13. Разъяснения со стороны международной администрации и/или компетентных национальных органов в части законодательных актов, подлежащих применению на постконфликтной территории, следует проводить сразу же после стабилизации обстановки. При необходимости отдельные законодательные акты могут быть скорректированы в целях их приведения в соответствие с современными условиями, в частности, с международными требованиями по обеспечению прав человека.

14. В условиях международного вооруженного конфликта может появиться необходимость определённого подстраивания и модификации существующих процессуальных норм под нужды военного времени или сложных постконфликтных ситуаций. Разработка таких специализированных норм и процедур должна проходить с учётом необходимости обеспечения признанных стандартов прав лиц, затрагиваемых этими нормами, при наличии чётко обозначенных условий, потребности и возможности проведения следственных действий, обеспечения безопасности самих работников правоохранительных органов.

15. Среди наиболее распространенных и социально значимых направлений расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта

можно назвать работу по заявлениям о похищениях и пропавших без вести, о гендерном насилии и о незаконных захватах недвижимого имущества.

16. Для успешного расследования преступлений в условиях вооруженного конфликта и на постконфликтных территориях необходимо тесное взаимодействие с местными администрациями и войсковыми подразделениями, использование физических (охрана лиц и объектов, участие в поисковых мероприятиях и задержаниях и др.) и технических (радиоперехваты, обнаружение, извлечение, транспортировка и утилизация опасных предметов, предоставление транспортных средств и средств связи и т.п.) возможностей последних.

17. Особенности первоначальных и последующих следственных действий, тактических рекомендаций к ним, а также иных действий, обеспечивающих процесс расследования, определены особыми условиями проведения расследования, доступностью необходимых сил и средств, уровнем опасности при их проведении, возможностью проведения экспертиз, возможностью получения поддержки войсковых подразделений и другими обстоятельствами. В частности, подобные особенности характерны для проведения допросов (использование переводчика, особое внимание к детализации, формальности), поисковых мероприятий (привлечение личного состава вооруженных сил, наличие опасных предметов), эксгумации массовых захоронений, розыска и задержания подозреваемых, перевозки/содержания задержанных и др.

18. Необходима как можно более быстрая и тщательная документальная фиксация свидетельских показаний, материальных следов и вещественных доказательств с учетом того, что данные о местонахождении свидетелей могут оказаться недоступны вследствие массового перемещения и неорганизованной миграции гражданского населения, сами предметы могут представлять опасность для жизни (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества), из-за чего подлежат уничтожению, а условия для должного хранения предметов и вещественных

доказательств во многих случаях могут отсутствовать (например, для эксгумированных посмертных останков).

19. Профессиональная работа иностранных специалистов в условиях международного вооруженного конфликта неизбежно приходит к завершению. Поэтому она должна сопровождаться, во-первых, подготовкой необходимой смены из числа местных кадров, их подтягиванием до профессионального уровня, во-вторых, контролем за продолжением работы после свертывания международных следственных групп.

20. Передача полномочий местным правоохранительным органам представляет собой процесс, проходящий как минимум следующие этапы: подключение местных полицейских курсантов к практической работе в качестве стажёров; совместная работа с международными представителями в качестве равноправных партнёров; передача основных исполнительных функций местному персоналу (оставляя наиболее серьёзные функции под контролем международников); полная передача функций, с дальнейшим контролем за качеством работы; конечная полная независимая работа местных правоохранительных структур (контрольные функции сняты полностью).

21. Наследие международных следственных групп по окончании их работы заключается не только в собранных доказательствах и иных материалах уголовных дел о совершенных преступлениях. Знания и опыт, среди прочего, передаются в сфере языковых квалификаций, новых методов оперативной и следственной работы, организации судебной деятельности, защиты и поддержки свидетелей, судебно-прикладных наук, кадровой работы и материально-технического обеспечения, информационных технологий на службе следствия, стандартов в области прав человека и других. Для всех перечисленных областей возможна выработка целевых программ для максимизации положительного наследия, оставляемого за собой международными специалистами в целях развития потенциала местных правоохранительных органов.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что в ней сформулирована система взаимообусловленных положений, направленных на повышение эффективности следственной работы правоохранительных органов, восстанавливающих свои функции по охране прав личности на постконфликтных территориях. Результаты исследования вносят вклад в целый ряд разделов криминалистической науки и уголовного процесса, посвящённых правовым основам и организации деятельности международных правоохранительных органов, особенностям возбуждения уголовных дел и предмету доказывания, производству следственных действий, применению мер уголовно-процессуального принуждения, производству отдельных экспертиз.

Диссертация восполняет отдельные теоретические пробелы, имеющиеся в рассматриваемой сфере, и создает предпосылки для дальнейших научных изысканий, направленных на совершенствование процесса расследования преступлений на постконфликтных территориях с соблюдением сложившихся международных гарантий прав и свобод лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в нём выводы и предложения могут быть использованы как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности, а также в профессиональном образовании. В сфере правотворчества результаты исследования могут быть использованы при разработке ведомственных нормативных актов правоохранительных органов, наделенных полномочиями раскрытия и расследования преступлений, действующих на постконфликтных территориях, а также в условиях международных миротворческих миссий. Отдельные материалы и рекомендации могут быть использованы в работе дознавателей, следователей, руководителей органов дознания и следственных органов при производстве по уголовным делам, прокурорами, осуществляющими надзор за их деятельностью. Сформулированные положения и выводы можно

использовать при подготовке учебной, методической и научной литературы, а также в системе подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, при изучении криминалистики и уголовного процесса студентами.

Положения, выводы и рекомендации могут быть использованы:

- в деятельности российских органов власти при подготовке проектов и в процессе заключения международных договоров, относящихся к миротворческой деятельности ООН, а также других операций по поддержанию мира на постконфликтных территориях;

- вооруженными силами Российской Федерации и подразделениями Росгвардии, воинскими формированиями и органами, включая подразделения органов внутренних дел, направляемые для участия в миротворческих операциях как под эгидой ООН, так и иных;

- для скорейшего восстановления способности правоохранительных органов общего укрепления законности и правопорядка, а также предупреждения преступлений во время проведения миротворческих операций ООН;

- для повышения профессиональной квалификации и обеспечения специальной подготовки специалистов из числа сотрудников полиции МВД РФ и других правоохранительных органов, занимающихся расследованием преступлений на территориях международного вооруженного конфликта, а также оказывающих помощь в восстановлении правоохранительной деятельности на постконфликтных территориях;

- в исследовательской и учебной работе юридических вузов и факультетов.

Степень достоверности полученных результатов. Достоверность выводов и результатов исследования обеспечена научной методологией исследования, анализом значительного объема научной литературы, действующего законодательства, статистических данных, следственной и судебной практики на постконфликтных территориях, а также иных эмпирических материалов,

установлено качественное совпадение авторских результатов с результатами, представленными в иных источниках, затрагивающих тематику исследования, апробацией выводов диссертации.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный университет», где она прошла рецензирование, обсуждение и была рекомендована к защите.

Основные теоретические положения, выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 50 научных работах, в том числе в 1 индивидуальной монографии, а также в 49 научных статьях, из которых 21 – в рецензируемых научных журналах, входящих в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований.

Итоговые положения работы и предложения автора докладывались и обсуждались на 15 конференциях и семинарах, в том числе и международного уровня, в период с 2008 по 2022 год в России (Москва, Кисловодск, Краснодар, Новороссийск, Орел, Ульяновск) и за рубежом (Гомель, Минск, Страсбург, Лондон, Косовска Митровица, Ниш).

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс и научно-исследовательскую деятельность кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета; кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России; кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации; Краснодарского университета МВД России; в процесс служебной

подготовки сотрудников Следственного управления УМВД России по Брянской области и Главного следственного управления ГУ МВД Краснодарского края; в деятельность следователей, а также руководителей следственных органов при осуществлении ими ведомственного контроля, используются при повышении квалификации работников Следственного управления Следственного комитета РФ по Ульяновской области.

Отдельные рекомендации использовались в процессе работы на различных должностях в миротворческих Миссиях ООН в Косово (2000-2002, 2003-2008, 2011-2022), Сьерра Леоне (2008-2009), Судане 2009-2011, Штабе ООН (2011), в том числе в течение 13 лет работы на руководящих должностях в Миссиях ООН в Косово (начальника секретариата Правозащитной консультативной коллегии, начальника службы внутренней дисциплины), Сьерра Леоне (начальника юридического отдела), Судане (старшего специалиста службы внутренней дисциплины), штабе ООН (старшего следователя Управления служб внутреннего контроля). Помимо этого, рекомендации по организации и оптимизации работы международных следственных групп были включены автором в исследование, выполненное по заданию ООН в 2018 году и представленное в Штаб ООН 2 июля 2018 года.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА

«Не может и не должно быть одного правосудия для победителей, а другого – для проигравших. В случае, если конфликт имел место, все, все преступники должны преследоваться и быть привлечены к ответственности за свои незаконные деяния, независимо от того, к какой стороне они принадлежали и какую политическую роль исполняли».

Дик Марти

Специальный докладчик ПАСЕ¹

§ 1. Международный вооружённый конфликт как основание для расследования преступлений силами международных структур

Понятие «вооружённый конфликт» или «война» являются ключевыми при определении особых условий совершения преступлений и их расследования как во время конфликта, так и после его окончания. Считаем, что само понятие «война» в международно-правовом значении, моменте её начала и окончания, отдельные аспекты правового регулирования ведения боевых действий, правовое положение участников и гражданских лиц имеют большое значение для квалификации преступлений и, следовательно, направлении расследования, планировании, определении сил и средств, необходимых для привлечения. Кроме того, эти обстоятельства серьезно влияют и на тактику проведения отдельных следственных

¹ Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo. Report to the Committee on Legal Affairs and Human Rights by Mr Dick Marty. Doc. 12462 of 7 January 2011, §15. Текст : электронный //ПАСЕ : [сайт] - URL: <https://pace.coe.int/en/files/12608/html> (дата обращения 6.12.22).

действий, составление обвинительного заключения, и поддержания обвинения в суде, и судебного рассмотрения.

В Философском энциклопедическом словаре понятие «война» определяется как «организованная вооружённая борьба между государствами (группами государств), классами или нациями (народами)¹. В словаре Брокгауза и Эфрона война понимается как вооруженная борьба между государствами, народами или же враждебными партиями в одном и том же государстве, происходящая в видах восстановления, сохранения или приобретения спорных прав и интересов, словом — для понуждения одной стороны подчиниться воле другой².

За период с 3600 года до н. э. по 1980 было примерно 14 550 больших и малых войн, в том числе две мировые, в ходе которых погибло, умерло от голода и эпидемий свыше 3,6 млрд. человек³. По сведениям из «Барометра конфликтов», с 1997 года ежегодно издаваемого немецким Гейдельбергским институтом исследования международных конфликтов, в 2013 году в мире было зарегистрировано: 414 конфликтов, в 221 из которых присутствовало насилие. Среди последних, 45 оценивались как «насильственные кризисы высокой степени интенсивности», 16 «ограниченных» и 20 полномасштабных войн⁴. «Барометр» 2021 года показал 335 конфликтов, из которых 204 (около 60%) были насильственными, среди которых было по 20 «ограниченных» и полномасштабных войн⁵.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва [и др.]. Москва : Советская энциклопедия, 1983. С. 87.

² См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: Том VIA (12). Винословие — Волян. Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1892. - Война. - С. 939.

³ См.: Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва [и др.]. С.87.

⁴ См.: Conflict Barometer 2013. С. 14 - 15. Текст : электронный // Heidelberg Institute for International Conflict ResearchОфициальный : [сайт]. URL : <https://hiik.de/conflict-barometer/bisherige-ausgaben/?lang=en> (дата обращения 29.05.2018).

⁵ См.: Conflict Barometer 2021. С. 14. Текст : электронный // Heidelberg Institute for International Conflict ResearchОфициальный : [сайт]. URL : https://hiik.de/wp-content/uploads/2022/03/CoBa_01.pdf (дата обращения 29.09.2022).

Участвовать в таком насильственном вооружённом противостоянии могут как два, так и более государств. В то же время для состояния войны характерно не только открытая вооружённая борьба государств, но и разрыв между ними дипломатических и иных отношений. Как правило состоянию войны при его классическом развитии должно предшествовать уведомление в форме объявления войны или ультиматума, с сопутствующим информированием нейтральных держав, в первую очередь тех, которые граничат с конфликтующими сторонами¹.

В настоящее время термин «война» употребляется все реже и реже. Больше распространение получил термин «вооружённый конфликт»². Термин «война» Гейдельбергским институтом используется только для обозначения конфликтов наивысшей степени интенсивности, в которых в течение длительного времени и систематически применяется сила; конфликтующие стороны применяют серьёзные средства ведения войны в большом объёме; разрушения и людские потери значительны. Всего таких форм ими выделяется пять: спор [англ.: *dispute*], ненасильственный кризис [англ.: *non-violent crisis*], насильственный кризис [англ.: *violent crisis*], [англ.: *limited war*] и война [англ.: *war*]³. В свою очередь, исследователи норвежского «Международного университета исследований мира» относят вооружённый конфликт к категории «война», если его жертвами становится по меньшей мере 1000 человек в год⁴.

¹ См.: III Гагская конвенция об открытии военных действий 1907 года. Ст. 1,2. Текст : электронный // МККК : [сайт]. URL: http://www.icrc.org/ihl#view:_id1:_id2:_id250 (дата обращения 29.05.2022).

² См.: Буше-Сольнье, Ф. Практический словарь гуманитарного права / [пер. с фр. Е. Кирпичниковой и В. Садитдиновой]. - [2-е изд., доп., расш.]. - Москва : МИК, 2008. С. 81; Черноудова, М. С. Понятие конфликта в международном праве // Московский журнал международного права. 2005. № 5. С. 91.

³ См.: Conflict Barometer 2013. С. 8 - 9. Текст : электронный // Heidelberg Institute for International Conflict Research Официальный : [сайт]. URL : <https://hiik.de/conflict-barometer/bisherige-ausgaben/?lang=en> (дата обращения 29.05.2018).

⁴ См.: Strand H., Wilhelmsen L., Gleditsch N.P. Armed Conflict Dataset Codebook См.: Strand H., Wilhelmsen L., Gleditsch N.P. Armed Conflict Dataset Codebook, 2.0, 17 September 2003, P. 4. Текст : электронный // Department of Peace and Conflict Research, Uppsala Universitet : [сайт].

В отличие от «войны», «вооружённый конфликт» может иметь место как между государствами (международный), так и внутри отдельно взятого государства (внутренний, немеждународный). Оба эти понятия определены в источниках международного права и являются общепризнанными в мировом сообществе.

Статья 2, общая к Женевским конвенциям, принятым в Женеве 12 августа 1949 года в ходе деятельности Дипломатической конференции для составления международных конвенций о защите жертв войны¹, представляет следующие критерии для определения состояния *международного вооружённого конфликта* (англ.: *international armed conflict*, далее - МВК)²:

Помимо постановлений, которые должны вступить в силу ещё в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооружённого конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны.

Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооружённого сопротивления.

Наряду с классическими вооружёнными конфликтами между державами, Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям 12 августа 1949 года, подписанный 8 июня 1977 года, касающийся защиты жертв международных

URL : http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/55/55314_codebook_v2_0.pdf pdf (дата обращения 17.05.2018).

¹ См. официальный полный русский текст на сайте МККК. Текст : электронный // МККК : [сайт]. URL : <https://www.icrc.org/ru/war-and-law/treaties-customary-law> (дата обращения 17.05.2018).

² С нашей точки зрения термины «война» и «МВК» не имеют серьёзных различий, значимых с точки зрения нашей работы, которые необходимо было бы оговаривать отдельно и, следовательно, будут использоваться в нашей работе равнозначно.

вооружённых конфликтов (далее – Протокол I), расширяет значение понятия МВК, включая в него также:

... вооружённые конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закреплённого в Уставе Организации Объединённых Наций¹ и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций.

Существует также большое количество толкований понятия международного вооружённого конфликта различными исследователями и учёными юристами. Так, по мнению Д. Шиндлера: «... вооружённый конфликт в смысле статьи 2 общей для Женевских конвенций всегда можно считать существующим, когда происходят столкновения подразделений вооружённых сил двух государств ... Конвенции применимы к любым ситуациям использования оружия между двумя государствами»².

Г.-П. Гассер поясняет, что «любое применение вооружённой силы одним государством против территории другого вызывает применимость Женевских конвенций между двумя государствами. ... Защищается атакованная сторона или нет – значения не имеет. ... как только во власти вооружённых сил одного государства оказываются раненные, военнопленные или гражданские лица другого государства ... или есть фактический контроль над частью территории государства-

¹ См. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооружённых конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. Текст : электронный// МККК : [сайт]. URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 08.09.2022).

² Schindler, D. The different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols //RCADI. Vol. 163. 1979-II. P. 131.

противника, то они должны действовать в соответствии с применимой Конвенцией».¹

Немецкие Объединённые Служебные Правила (ZDv) 15/2 говорят, что «международный вооружённый конфликт существует, если одна из сторон использует силу оружия против другой стороны. [...] Применения военной силы отдельными лицами или группами лиц, недостаточно»².

По мнению Е. Дэвида: «... любое вооружённое противостояние между силами государств-участников [Женевских конвенций 1949 года] (и, очевидно, Протокола I 1977 года) “включает” эти инструменты, независимо от тяжести этого противостояния: любая стычка или пограничный инцидент между вооружёнными силами сторон достаточны для применения конвенций (и Протокола I, если таковой обязателен для государств) к этой ситуации»³.

Вооружённый конфликт немеждународного характера (далее – ВКНХ или «внутренний вооружённый конфликт») определён в статье 1 Дополнительного протокола № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера (далее – Протокол II), также подписанного 8 июня 1977 года⁴. В соответствии с ним, таковыми признаются все вооружённые конфликты, не подпадающие под действие статьи 1 Протокола I, происходящие «на территории какой-либо из Высоких Договаривающихся Сторон между её вооружёнными силами и антиправительственными вооружёнными силами или другими организованными вооружёнными группами, которые, находясь под ответственным командованием,

¹ Gasser, H.P. International Humanitarian Law: an Introduction, in: Humanity for All: the International Red Cross and Red Crescent Movement, H. Haug (ed.). Berne : Paul Haupt Publishers, 1993. P. 510-511.

² Fleck, D. The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 40.

³ David E. Principes de droit des conflits armés. Bruxelles : ULB, 2002. P. 109.

⁴ Протоколы I и II ратифицированы Верховным Советом СССР 4 августа 1989 г.; оба вступили в силу.

осуществляют такой контроль над частью её территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»¹.

Как видно уже из определения, представленного в Протоколе II, существует ряд обстоятельств, наличие которых необходимо для признания конфликту данного статуса. В свою очередь, признание конфликта ВКНХ определяет необходимость применения правил, установленных Протоколом II. Среди критериев, применяемым к формированиям, противостоящим правительственным вооружённым силам, для определения степени их организованности называются следующие:

- наличие ответственного командования;
- возможность проводить непрерывные и согласованные военные действия;
- осуществление контроля над частью территории.

Очевидно, что существует ряд конфликтных ситуаций внутри государств, внешне схожих с внутренним вооружённым конфликтом, но не являющихся таковыми в соответствии с международным правом. С целью отграничения таких ситуаций от Статьи 2 того же Протокола II оговаривает, что его положения неприменимы к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряжённости, таким как беспорядки, отдельные и разрозненные акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооружёнными конфликтами.

В свою очередь Международный трибунал, созданный под эгидой ООН для уголовного преследования лиц, ответственных за серьёзные нарушения МГП, совершённые на территории бывшей Югославии с 1991 года (Международный

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооружённых конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. Текст : электронный // МККК : [сайт]. URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения 08.09.2022).

уголовный трибунал по бывшей Югославии, далее «МТБЮ» или «Трибунал»)¹, для применения в своей работе выработал слегка отличное, более общее, но в то же время более простое и практичное определение вооружённого конфликта. Так, в деле Тадич, Трибунал установил, что «Вооружённый конфликт имеет место всегда, когда присутствует вооружённое насилие между государствами, а также длительное вооружённое насилие между государственными структурами и организованными вооружёнными группами или между такими группами внутри одного государства»². Как видим, первая часть этого определения относится к ситуациям международных вооружённых конфликтов.

Международный комитет красного креста (МККК) делает следующие выводы:

1. Международные конфликты существуют всегда, когда имеет место вооружённое насилие между двумя или более государствами.

2. Немеждународные вооружённые конфликты – это затяжные вооружённые столкновения, происходящие между правительственными вооружёнными силами и силами одной или нескольких вооружённых групп, а также между самими такими группами, возникающие на территории государства [участника Женевских конвенций]. Отдельно взятое вооружённое противостояние должно достичь необходимого минимального уровня интенсивности, а стороны, участвующие в конфликте, должны показать минимальную необходимую степень организации³.

¹ Полное название (англ): International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991 (ICTY).

² См.: Решение апелляционной инстанции в отношении юрисдикции МТБЮ в деле Prosecutor v. Duško Tadić, IT-94-1 (2 октября 1995), §70. Текст : электронный //casebook.icrc : [сайт]. URL : <https://casebook.icrc.org/case-study/icty-prosecutor-v-tadic> (дата обращения 08.09.2022)

³ How is the term “Armed Conflict” Defined in International Humanitarian Law? ICRC Opinion paper, March 2008. Текст : электронный // МККК : [сайт]. URL : <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/article/other/armed-conflict-article-170308.htm> (дата обращения 16.09.2022).

Счёт международно-правовых документов, регламентирующих собственно правила ведения войны (англ.: *methods and means of warfare*, лат.: *jus in bello*) идёт на десятки. Наиболее ранним документом признаётся Петербургская декларация 1868 года «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль»¹, запрещающая использование малых разрывных боеприпасов. Идея, содержащаяся в этой конвенции, состоит в том, что целей войны возможно и необходимо достичь без применения оружия, причиняющего дополнительные ненужные страдания человеку, уже и так «выведенному из строя», или делающего его смерть неизбежной. В противном случае, по мнению составителей этого документа, принцип гуманизма, как бы несовместим он не был с войной, полностью разрушается.

С того времени различными правовыми актами были установлены запреты или жёсткие правила по отношению к способам ведения боевых действий и к применению различных видов вооружения, способного по своим характеристикам наносить чрезмерные повреждения или причинять излишние страдания, а также оружия неизбирательного действия (которое не может быть направлено на конкретную «законную» военную цель). Среди таковых, например, штыки с зазубренными краями, экспансивные и разрывные пули, яды и отравленное оружие, биологическое, химическое зажигательное и ядерное оружие, мины, лазерное и другое вооружение².

Помимо этого, ограничение использования «неизбирательного» оружия подкреплено общим запрещением нападений неизбирательного характера, которые

¹ См.: Санкт-Петербургская декларация 1868 г. об отмене взрывчатых и зажигательных пуль (полный текст). Текст : электронный // МККК : [сайт] - URL : <https://www.icrc.org/ru/document/sankt-peterburgskaya-deklaraciya-1868-g-ob-otmene-vzryvchatyh-i-zazhigatelnyh-pul-polnyu> (дата обращения 15.10.2022).

² См.: Henckaerts J-M., Doswald-Beck L. Customary International Humanitarian Law. Rules. Volume 1. ICRC, 2005. P. 251-298. Текст : электронный // ICRC : [сайт] - <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf> (дата обращения 15.10.2022).

«поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия»¹. В настоящее время также обсуждается вопрос об использовании роботизированных автономных систем вооружения, некоторые образцы которых уже находятся на близких к завершению стадиях разработки².

В современном международном праве признается, что ко всем ситуациям вооружённых конфликтов немеждународного характера должны применяться те же правил ведения войны, что и для международных вооружённых конфликтов. Очевидно, что эти правила должны неукоснительно исполняться всеми сторонами конфликта. Данное положение было установлено Статьёй 3 общей к четырём Женевским конвенциям 1949 года³ и уже упомянутым Протоколом II.

¹ См.: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Женева, 8 июня 1977 года) ст. 51(4). Текст : электронный // МККК : [сайт]. URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения 08.09.2022)

² См.: Проблемы использования автономных видов вооружений : доклад Вице-президента МККК, 24 июня 2014 года. Текст: электронный // МККК : [сайт]. URL : <https://www.icrc.org/en/document/challenges-raised-increasingly-autonomous-weapons> (дата обращения 15.09.2014).

³ В случае вооружённого конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять как минимум следующие положения:

1. Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая лиц из состава вооружённых сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

б) взятие заложников;

с) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;

д) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

2. Раненых и больных будут подбирать, и им будет оказана помощь.

Беспристрастная гуманитарная организация, такая как Международный комитет Красного Креста, может предложить свои услуги сторонам, находящимся в конфликте.

Как-бы развивая эту мысль, в том же деле *Тадич* МТБЮ обозначил своё отношение к этой проблеме:

... руководствуясь простейшими соображениями гуманности и здравого смысла, абсурдно предполагать, что государствам разрешено использовать оружие, запрещённое к применению в вооружённых конфликтах между ними, для подавления восстания собственных граждан на собственной территории. То, что негуманно и поэтому запрещено в международных войнах, не может не быть негуманным и неприемлемым во время гражданской войны¹.

Рассматривая данную позицию более глубоко, один из признанных международных специалистов в области международного права, Линдси Мур, в работе «Право внутреннего вооруженного конфликта» называет несколько причин такого подхода²:

Во-первых, несмотря на немеждународный характер, конфликты такого рода могут оказывать глубокое влияние на мир и безопасность во всём мире. Насилие внутри отдельно взятого государства, достигнув определённых пределов, может перейти его границы и распространится на прилегающие регионы; последние также могут подвергнуться значительному наплыву беженцев с конфликтной территории. Также существует риск того, что иное государство присоединится к конфликту на одной из сторон, тем самым только подстёгивая эскалацию напряжённости и развитие военных действий.

Кроме того, находящиеся в конфликте стороны будут стараться путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений настоящей Конвенции.

Применение предшествующих положений не будет затрагивать юридического статуса находящихся в конфликте сторон.

¹ См.: Решение апелляционной инстанции в отношении юрисдикции МТБЮ в деле Prosecutor v. Duško Tadić, IT-94-1 (2 октября 1995), §119. Текст : электронный //Casebook.icrc : [сайт]. URL : <https://casebook.icrc.org/case-study/icty-prosecutor-v-tadic> (дата обращения 08.09.2022)

² См. : Moir L. The Law on Internal Armed Conflict (Cambridge studies in international and comparative law). Cambridge, England : Cambridge University Press, 2002. P. 2-3.

Во-вторых, международное право более не рассматривает только отдельно взятые государства и их взаимоотношения. Как видно из развития законодательства о правах человека после Второй мировой войны, каждый человек сейчас рассматривается как обладатель прав и свобод в соответствии с международным правом. Аналогично тому, как отношение какого-либо правительства к правам граждан является теперь сферой, регулируемой международным правом, защита прав человека в случаях вооруженного конфликта является сейчас предметом особого внимания международного сообщества.

И, наконец, *в-третьих*, международное гуманитарное право (далее – МГП) защищает тех, кто не участвует в международном вооружённом конфликте. Непонятно, почему те же самые правила не должны применяться в случаях, когда конфликт заключён в границах одного государства. Имеющаяся на сегодняшний день практика таких конфликтов показывает, что в случае внутреннего вооруженного противостояния гражданское население нуждается в защите не меньше, а порой даже больше.

Существует множество более или менее разнящихся толкований этого термина различными специалистами в этой области. Ряд авторов дают достаточно чёткие комментарии по поводу того, что должно рассматриваться в качестве ВКНХ. Так, по мнению Х.-П. Гассера, является более или менее общепризнанным то, что «внутренние вооружённые конфликты – это вооружённые столкновения, которые происходят на территории государства между правительством с одной стороны и вооружёнными группами повстанцев, с другой. ... Ещё один случай – это разрушение всех государственно-властных институтов в стране, порождающее насильственное противостояние различных группировок, борющихся за власть»¹.

¹ Gasser, H.P. International Humanitarian Law: an Introduction, in: Humanity for All: the International Red Cross and Red Crescent Movement, H. Haug (ed.). Berne : Paul Haupt Publishers, 1993. P. 555.

Д. Шиндлер предлагает следующее достаточно детальное определение: «Столкновения должны быть вооружёнными и иметь интенсивность, как правило вынуждающую правительство использовать против повстанцев не только полицию, но и вооружённые силы. Во-вторых, действия повстанцев должны носить коллективный характер... Кроме того, в их действиях должна быть хотя бы минимальная необходимая степень координации. Их вооружённые силы должны быть под ответственным командованием и быть в состоянии удовлетворять минимальные требования гуманитарного права»¹.

М. Сассоли, рассматривая особенности внутренних вооружённых конфликтов, подчёркивает: «общая статья 3 относится к конфликтам «происходящим на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон», в статье 1 Протокола II относится к тем конфликтам, которые «имеют место на территории Высокой Договаривающейся Стороны». Принимая в внимание цели и задачи МГП, это следует понимать всего лишь как напоминание о том, что договоры применяются только к государствам-участникам. Если же считать, что такая формулировка означает, что конфликты между одним государством и организованными вооружёнными группами, выходящие за пределы территории одного государств, не являлись бы «немеждународными вооружёнными конфликтами», то такое толкование порождало бы пробел в защите [предоставляемой Международным гуманитарным правом], который не мог бы быть объяснён озабоченностью государств своим суверенитетом. ... Трудно было бы объяснить, почему жертвы конфликтов, распространившихся на территории нескольких государств, получали бы меньшую защиту, чем те, кто пострадал от конфликтов, ограниченных территорией только одного государства»².

¹ Schindler D. The Different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols // RCADI. 1979-II. Vol. 163. P. 147.

² Sassoli, M. Transnational Armed Groups and International Humanitarian Law: Program on Humanitarian Policy and Conflict Research // Harvard University, Occasional Paper Series. Winter. 2006. Number 6. P. 8,9.

Наконец, по мнению Л. Зигвельд: «статьи 1 и 7 Статута Международного уголовного трибунала по Руанде (англ.: *International Criminal Tribunal for Rwanda*, ICTR, далее – МТР). расширяют его юрисдикцию, а именно в части применения норм, относящихся к немеждународным вооружённым конфликтам, на соседние страны. Это является подтверждением того, что даже конфликт, распространившийся через границу, не приобретает международного статуса автоматически. Из сказанного сделаем вывод, что внутренние конфликты отличаются от международных вооружённых конфликтов в первую очередь сторонами, в них участвующими, а не по территориальному критерию»¹.

Для придания ситуации статуса внутреннего вооруженного конфликта необходимо установление наличия следующих условий:

а) масштабы, интенсивность и продолжительность боевых действий, выходят за рамки, обычные для отдельных беспорядков;

б) конфликтующие стороны можно чётко определить и обозначить, они обладают известной степенью организованности;

в) возможно определить точные или примерные территориальные границы конфликта;

г) есть возможность более или менее чётко определить время начала и окончания конфликта.

Кратко рассмотрим эти условия по отдельности.

Первое необходимое условие, интенсивность и продолжительность боевых действий, подразумевает осуществление сторонами длительных и координированных военных операций². При оценке интенсивности конфликта МТБЮ учитывал следующие обстоятельства:

¹ Zegveld, L. *Accountability of Armed Opposition Groups in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 136.

² См.: Kolb, R. *The Jurisprudence of the Yugoslav and Rwandan Criminal Tribunals on their Jurisdiction and International Crimes* // *British Year Book of International Law*. 2000. Vol. 71. P. 270; *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*

– серьёзность нападений:

...После вывода с территории Боснии и Герцеговины подразделений ЮНА 19 мая 1992, в административном районе Приедор, акты насилия не прекратились. ... во второй половине мая 1992, после ранее рассмотренного столкновения между сербами и мусульманами на мусульманском КПП в Хамбарине, территории к юго-западу от Приедора были атакованы частями вооружённых сил боснийских сербов, что повлекло за собой потери с обеих сторон. Позднее, 24 мая 1992, г. Кожарац, населённый в основном мусульманами, был атакован войсками боснийских сербов, что сопровождалось артиллерийским обстрелом, который продолжался до 26 мая 1992, также поражая соседние мусульманские деревни. В результате этого обстрела было разрушено большое количество жилых домов, погибло более 800 жителей, а оставшиеся в живых были насильно выдворены; город и прилегающие территории были заняты войсками боснийских сербов¹.

– распространение конфликта на другие части территории государства:

... Даже после этих атак, до заключения Дейтоновского мирного договора, и несмотря на множественные соглашения о прекращении огня, имевшие место в различных частях Боснии и Герцеговины, военные акции продолжали происходить [в районе Приедора] и в других частях бывшей Югославии².

– количество государственных войск, мобилизация населения и доставка и раздача оружия сторонами конфликта:

/ Editors: Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmerman. Geneva : International Committee of Red Cross, 1987. §1348.

¹ См.: приговор по делу Tadić, IT-94-1 (7 мая 1999), §565. Текст : электронный //ООН. Международный уголовный трибунал ООН по бывшей Югославии : [сайт]. URL : <https://www.icty.org/en/case/tadic>(дата обращения 08.09.2022).

² См.: приговор по делу Tadić (7 мая 1999), цит. выше, §566; решение в деле Milosević (16 июня 2004), цит. выше, §29.

...Были представлены доказательства того, что 24 сентября 1998 года началась большая операция сербских войск по уничтожению ОАК [Освободительная Армия Косово¹] в «треугольнике» между городами Штимлье, Сува Река и Урошевац; на протяжении нескольких дней сербские солдаты, полицейские и члены иных военизированных формирований заполнили многие деревни, в которых не было активных действий ОАК; эта операция, вовлекшая значительное количество сербские вооружённых сил, а также специальных военных и военизированных подразделений, продлилась до 4 октября 1998 ...

...в распоряжении ОАК было стрелковое оружие и миномёты... Мр. Абрахамс заявил, что к марту 1997 года 700.000 единиц стрелкового оружия было роздано населению или похищено в Албании, тем самым обеспечив ОАК новый источник вооружения²...

– степень вовлеченности Совета Безопасности ООН в попытки разрешения конфликта:

...Уже 25 сентября 1991, признав, что ситуация в бывшей Югославии представляет опасность миру и международной стабильности, Совет Безопасности использовал Главу VII Устава ООН для введения полного эмбарго на поставку оружия в регионе. После этого Совет Безопасности предпринял дополнительные меры для поддержания миру и стабильности в регионе, включая наложение экономических санкций на [ФРЮ] за её участие в конфликте в Боснии и Герцеговине, а также создание [МТБЮ]³.

Как видно, при оценке этих обстоятельств, Трибуналом принималось во внимание максимально большое количество сведений о событиях, происходивший

¹ Алб.: Ushtria Çlirimtare e Kosoves (УЏК); Англ.: Kosovo Liberation Army (KLA); далее в нашей работе – «ОАК».

² См.: Решение МТБЮ в деле Milošević (16 июня 2004), §§30-31; приговор в деле Prosecution vs. Delalić et al, IT-96-21 (лагерь «Čelebići», 16 ноября 1998), §188.

³ См.: Приговор МТБЮ в деле Tadić (7 мая 1999), §567; приговор МТБЮ в деле Delalić (16 ноября 1998 года), §190.

на рассматриваемых территориях в определённый промежуток времени. Для более точной оценки происшедшего, все эти данные должны быть получены из достоверных источников и максимально детализированы.

Для установления наличия второго условия, необходимо доказать, что конфликтующие стороны имели чёткие обозначения, позволяющие их различать. Кроме того, должны быть представлены доказательства того, что они были достаточно организованны; конечно, необходимы более или менее чёткие критерии, позволяющие это установить. В практике МТБЮ, одним из таких критериев обычно являются:

- а) наличие командных структур и
- б) осуществление фактического контроля над частью территории.

Установление их наличия и позволяет выдвинуть более или менее достоверное предположение о том, что, с одной стороны, конфликтующие стороны имели реальную возможность осуществления военных операций, а с другой – они имели возможность и были обязаны обеспечить применение и соблюдения правил и обычаев ведения войны¹.

При рассмотрении отдельных уголовных дел, судебные коллегии МТБЮ уже принимали во внимание такие факторы как наличие штабов, разделение оперативной территории различными воинскими частями на сектора ответственности (деятельности), а также способность сторон приобретать и доставлять оружие и другие предметы снабжения своим подразделениям².

Определение территориальных границ конфликта также может вызывать трудности. Особенно это проявляется в ситуациях, когда нет открытого и более или менее длительного вооружённого противостояния конфликтующих сторон, как таковой «линии фронта» - что весьма характерно для вооружённых конфликтов немеждународного характера.

¹ См. напр.: Kolb R., вышеуказ. раб., с. 270.

² См.: Вышеуказ. решение МТБЮ в деле Milosević от 16 июня 2004 года (сноска № 49), § 23.

В то же время, Трибунал признаёт, что для удовлетворения этого условия нет необходимости в наличии военных действий на конкретной территории, где были совершены преступления, вменяемые конкретному лицу или лицам. Например, в случае международного вооружённого конфликта уже само его наличие предопределяет обязательность применения соответствующих норм МГП. В ситуации немеждународного вооружённого конфликта, достаточно чтобы место совершения преступления находилось в регионе, где происходили вооружённые столкновения и осуществлялись войсковые операции¹.

Наконец, последний фактор – временные границы конфликта. Для этого вспомним, что антонимом понятия «война» является «мир». Существуют два основных подхода к определению временных границ конфликта. В основе первого лежат фактические обстоятельства, а другой большую значимость придаёт юридическим фактам. Как правило, правильные выводы о наличии или отсутствии конфликта в конкретный момент можно сделать только при учёте обоих факторов в совокупности.

С определением начала вооружённого конфликта проблем меньше, т.к. отсчёт ведётся как правило либо с момента объявления войны, либо от первого агрессивного акта. Вспомним известную дату начала Второй мировой войны – 1 сентября 1939, когда в 04:40 самолёты германского Люфтваффе нанесли удар по польскому городу Вьелунь, вследствие которого погибли 1200 мирных жителей, а пятью минутами позже немецкий крейсер Шлезвиг Голштейнский (Schleswig-Holstein) открыл огонь по польским военным складам в Весплатте г. Данцига. Нападение Германии на СССР также произошло без формального объявления войны, однако 22 июня 1941 года неоспоримо считается датой начала Великой Отечественной войны.

¹ См.: Вышеук. решение МТБЮ в деле Tadić от 2 октября 1995 (сноска № 49), §70.

Окончание же международных вооружённых конфликтов обычно связывается с мирными соглашениями, с вмешательством третьей силы (сил), или без таковой. Внешние участники мирных переговоров и соглашений могут быть уполномочены на это специальными двух- или многосторонними соглашениями, действовать на основании международных договоров, под эгидой ООН или других международных организаций, имеющих международно-признанный статус.

Гораздо сложнее обстоит дело с определением точек начала и окончания немеждународных конфликтов, сопровождающих, например, борьбу народов за самоопределение. Как правило государство, имеющее фактический и контроль над территорией, желающей самоопределяться, не может и не будет объявлять войны своей территории и своим гражданам. Вспомним конфликт в Чечне, военные действия пакистанских властей против незаконных вооружённых формирований движения «Талибан» на севере страны в долине «Сват» или антитеррористическую операцию украинских властей на Донбассе с 2014 года до начала Специальной военной операции. Все они квалифицировались своими правительствами как направленные на защиту/восстановление конституционного строя и правопорядка.

С нашей точки зрения, единственно правильный подход, более или менее страхующий от возможных ошибок – это «привязка» момента начала и окончания конфликта к конкретным датам на основе юридических фактов (объявление войны, мирный договор), рассматриваемых в совокупности с фактическими обстоятельствами. Это значит, что необходимо использовать смешанный подход, при котором фактические обстоятельства должны быть подкреплены юридическими, и наоборот. В случае Косово, например, начало бомбардировок НАТО территории Югославии определило окончание «чистого» вооруженного конфликта немеждународного характера и начала конфликта смешанного, с международным участием, поддерживающим одну из сторон.

Определяя понятие «мир», профессор Р.А. Адельханян пишет: «Общеизвестно, что мир – это юридическое состояние, характеризующееся

отсутствием войны. При этом неважно, объявлены ли военные действия *de-jure* или нет: мир имеет место при отсутствии военных действий *de-facto*. Таким образом, мир как охраняемое международным правом благо представляет собой такое состояние, которое характеризуется отсутствием военных действий как таковых»¹. Обосновывая этот тезис, уважаемый автор ссылается на определение агрессии, сформулированное в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН №3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года.

Такое неестественно узкое и сугубо фактическое толкование представляется не совсем верным. Фактически мирные дни существуют и на линии фронта, когда «пули не свистят над головой» и активных боевых действий не происходит. Получается, что герои известной книги Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» большую часть времени провели не на войне, а на мирной территории, где не было агрессивных актов противника. При понимании, предложенном уважаемым профессором, любой день в отдельно взятой деревне, когда на неё не сбрасывают бомбы или за неё, не идёт бой, должен рассматриваться мирным днём. Таким образом, вся военная территория будет представлять собой этакое «лоскутное одеяло», т.е. состоять из отдельных очагов мира и очагов войны.

Если довести ситуацию до абсурда, то следуя такой «фактической» логике, в расстреле группы военнопленных в тихое летнее утро в глубоком тылу не будет состава военного преступления, потому что отсутствует главный квалифицирующий признак – наличие состояния войны. Если же это сделать рядом с линией обороны во время атаки противника – то военное преступление будет налицо. Приняв такую позицию, правоприменение само бы создало для преступников даже не лазейку, а широчайшую дорогу для обхода закона и ухода от ответственности. Подобный сугубо «фактический» подход противоречит практике применения норм международного уголовного права, сложившейся на

¹ Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. Москва : Науч. Кн., 2006. С. 46-47.

сегодняшний день, и, несомненно, делает доказывание военных преступлений практически невыполнимой задачей.

Дело в том, что указанная Резолюция представляет подход ООН сугубо к определению понятия «агрессия», а не «мир» или «война». В этом же документе, Генеральная Ассамблея отдельно оговорила, что СБ ООН может в отдельных обстоятельствах признать, что определение какого-либо враждебного действия в качестве *prima facie* акта агрессии может при оказаться неоправданным, если «соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьёзного характера»¹. Это однозначно подразумевает наличие определённого процесса последующей проверки первоначальных сведений, в процессе которого конкретный эпизод вооружённого нападения может и не оказаться признанным «актом агрессии» как таковым. Таким образом, налицо вывод о том, что несмотря на наличие вооружённого нападения, конкретная ситуация может и не быть квалифицирована как начало вооружённого конфликта, а следовательно – не дать юридического основания для применения норм МГП.

Представляется, что Р.А. Адельханян не совсем корректно напрямую применил положения этой Резолюции к определению понятия «мир». Как нам видится, в этой ситуации вместо исключительно математического доказательства «от противного» скорее всего должно иметь место «позитивное» доказательство, т.е. как раз установление наличия необходимых признаков, а не их отсутствия.

С нашей точки зрения, мира нет с момента объявления войны или первого агрессивного акта, то есть её фактического объявления (о чём и говорит указанная Резолюция) до момента вступления в силу соглашения сторон о прекращении боевых действий и последующего их полного прекращения. Такая позиция полезна

¹ Определение агрессии. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН №3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г. Ст. 2. Текст : электронный // ООН : [сайт] – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения 19.10.2022).

в первую очередь для правоприменителей, а не для науки, которая в основном отталкивается от юридических фактов (англ.: *legal fact*¹)

В свою очередь МТБЮ придерживается сугубо конкретного и практического подхода к разрешению данного вопроса:

...Международное гуманитарное право подлежит применению с момента начала вооружённых конфликтов и продолжается и после фактического прекращения боевых действий до заключения мирного соглашения, или, в случае внутренних конфликтов, достижения его мирного урегулирования. До этого момента, международное гуманитарное право продолжает применяться на всей территории воюющих государств или, в случае внутренних конфликтов, на всей территории, находящейся под контролем сторон конфликта, независимо от наличия или отсутствия реальных боевых действий².

Вооружённый конфликт, начавшийся внутри отдельного государства, может перерасти в международный конфликт, а также быть одновременно и внутренним, и международным. Подтверждение этому также находим в правоприменительной практике МТБЮ³.

Так, до бомбардировок авиацией НАТО территории Сербии, начавшихся 24 марта 1999 года, противостояние подразделений армии и полиции Сербии и группировок ОАК подпадал под признаки внутреннего вооруженного конфликта, несмотря на имеющуюся информацию о помощи, предоставленной ОАК иностранными спецслужбами. После 24 марта 1999 конфликт принял приобрёл также международный характер, при этом, не потеряв своего внутреннего характера.

¹ См.: Black's Law Dictionary / Abridged Seventh Edition. St. Paul, Minnesota : West Group, 2000, P. 484.

² См.: Вышеук. решение МТБЮ в Tadić от 2 октября 1995, § 70.

³ См.: Решение апелляционного суда ICTY по делу Tadić et al (15 июля 1999), § 84 // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

Как мы уже упоминали выше, при рассмотрении отдельных уголовных дел о военных преступлениях высказывались мнения о том, что на отдельных территориях в конкретный момент не было вооруженного конфликта. Как правило защита или сами обвиняемые старались доказать отсутствие правомочий специализированных трибуналов на их рассмотрение, поскольку очевидно, что при отсутствии состояния войны и преступления становятся «невоенными», общеуголовными. Этот аргумент не один раз выдвигался в судебных процессах в МТБЮ.

Так, власти Хорватии ещё долго после окончания войны в 1995 году утверждали, что операция «Буря» в августе 1995 была исключительно полицейской акцией, направленной на восстановление центральной власти и конституционного порядка на территории тогдашней Республики Српской Краины. Следовательно, при её проведении не было необходимости соблюдать правила и ограничения, устанавливаемые международным гуманитарным правом.

В письме Прокурору МТБЮ от 29 мая 1997 года, глава Отдела сотрудничества с МТБЮ Правительства Хорватии высказал следующее: «Операция «Буря» не являлась вооружённым конфликтом, как он рассматривается в соответствии с принципами международного права, а полицейской спецоперацией, длившейся всего 84 часа; следовательно, МТБЮ не имеет достаточной компетенции или юрисдикции для расследования и судебного преследования лиц, подозреваемых в совершении преступлений, нарушающих положения МГП, во время указанной операции. В соответствии с изложенным, запрашиваемые документы не имеют никакого отношения к задачам, решаемым МТБЮ в соответствии его мандатом»¹. Схожую позицию заняло правительство

¹ См.: Rakate, P.K. The shelling of Knin by the Croatian Army in August 1995: A police operation or a non-international armed conflict? // International Review of the Red Cross. 2000. №. 840. P. 1039.

Сербии в конце девяностых годов по отношению к событиям в Косово, а также российские власти по отношению к вооружённому противостоянию в Чечне¹.

Многие юристы неоднократно указывали на очевидные факты того, что действия события в Српской Крайине в августе 1995 года значительно превышали границу, условно разделяющую внутренние беспорядки и Вооружённый конфликт. В конфликте принимали участие подразделения хорватской армии с одной стороны, и армии Республики Српска Крайина – с другой; использовалась тяжёлая техника и вооружение; конфликт привёл к большим жертвам, особенно среди не хорватского населения².

МТБЮ обвинял Анте Готовину (генерала хорватской армии, командовавшего всей операцией), Младена Маркача (бывшего помощника министра внутренних дел, руководившего отрядами сил специальной полиции, задействованными в той операции), и Ивана Чермака (бывшего командира гарнизона хорватской армии в г.Книн) в планировании, организации, подстрекательстве, отдании приказов, а также иных незаконных действиях против сербского гражданского населения, т.е. в совершении преступлений против человечности и правил и обычаев ведения боевых действий (статьи 3, 5 и 7 Статута МТБЮ)³.

В 2011 судебная коллегия Трибунала единогласно признала Готовину и Маркача виновными по всем пунктам обвинения, за исключением пункта 3 (насильственные перемещения), и приговорила их к 24 и 18 годам тюремного заключения соответственно. Иван Чермак был признан невиновным по всем

¹ См. напр.: Петрухин И. Правовая оценка военного конфликта в Чечне. Текст: электронный // Международное общество «Мемориал»: [сайт]. URL : <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/aspekty1/Chapter3.htm> (дата обращения 20.07.2022); Justice for Chechnya. The European Court of Human Rights against Russia. July 2007. Electronic text // Human Rights Watch : [website]. URL : https://www.hrw.org/sites/default/files/related_material/justice_for_chechnya_2_0.pdf (дата обращения 23.07.2019).

² См.: Rakate, P.K. Указ. соч. С. 1038.

³ См.: Обвинительное заключение по делу Готовина/Маркач, № IT-06-90-PT, § 48–53 Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website]. URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

пунктам¹. Однако в 2013 году Апелляционная коллегия МТБЮ тремя голосами против двух отменила этот приговор и оправдало Анте Готовину и Младена Маркача по всем девяти пунктам обвинения². Тем самым Трибунал фактически отбросил любые доводы о незаконном характере хорватской операции «Буря» в августе 1995 года.

Можно провести достаточно большое количество параллелей между «Грозой» и военной операцией Грузии в августе 2008 года в Южной Осетии. Обе операции под видом «восстановления конституционного порядка» представляли собой попытку этнической чистки части своей территории, только в одном случае полностью удавшуюся, а в другом – полностью провальной³. Кроме того, можно найти множества сходных элементов с действиями подразделений силовых ведомства Украины в процессе АТО на юго-востоке страны с 2014 года. В отношении Косово практика МТБЮ говорит о том, что в 1998 – 1999 годах там имел место Вооружённый конфликт, к которому полностью применимы положения МГП⁴.

Для исследования автора особую важность представляет как наличие вооружённого конфликта, так и момент его окончания, порождающий так называемые «постконфликтные территории». По нашему мнению, под «постконфликтными территориями» следует понимать конкретные области, на

¹ См., например: Ohlin, J. D. Why the Gotovina Appeals Judgment Matters // *European Journal of International Law*. EJIL: Talk : [website]. URL : <http://www.ejiltalk.org/why-the-gotovina-appeals-judgment-matters/> (дата обращения 5.11.2022).

² См.: Решение Апелляционной палаты по делу Готовина/Маркач (цит. выше), § 158.

³ Подробнее о мнении автора по поводу квалификации вооружённого конфликта в Южной Осетии см.: Антонов А.Н., Григорьев В.Н. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при расследовании военных преступлений // *Вестник Московского университета МВД России*. № 8. 2008, С. 103-110.

⁴ См.: приговор по делу Prosecutor v. Limaj et al, IT-03-66 (30 ноября 2005), §173. Electronic text // *International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia* : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).; решение суда по ходатайству о снятии обвинений в деле Prosecution vs. Slobodan Milosević, IT-02-54 (16 June 2004), §28; решение суда в деле Milosević (16 июня 2004), §40.

которых вооружённый конфликт завершился и начался возврат к нормальному функционированию гражданского общества.

Однако, несмотря на то, что данный термин сам по себе как бы «переносит» конфликт в прошлое, это не означает, что в действительности акты вооруженного насилия на таких территориях полностью прекращены. Несмотря на формальное окончание конфликта, ситуация «на земле» как правило очень нестабильна, и отдельные очаги насилия могут сохраняться ещё достаточно длительное время. Хотя военных действий уже и не осуществляется, но зачастую имеет место определённый «вакуум» права и власти, т.е. ситуация, когда структуры, разрушенные конфликтом, полностью или частично перестали действовать, а восстановить их функции или создать новые структуры ещё не успели.

Такой «правовой вакуум», к сожалению, характерен для постконфликтных территорий в периоды перехода к мирной жизни. В последние годы на различных уровнях уделяется особое внимание проблемам правосудия таких переходных периодов (англ. *transitional periods*), а особенно вопросам поддержания законности и правопорядка или «верховенства права» или «верховенства права» как его теперь принято называть (англ. *rule of law*), в постконфликтных обществах.

Для эффективного преодоления трудностей постконфликтного периода, для заполнения такого «правового вакуума», признаётся необходимым установление так называемого «правосудия переходного периода» (англ. *transitional justice*). По определению ООН, это понятие «... охватывает весь комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества преодолеть тяжкое наследие крупномасштабных нарушений законности в прошлом с целью обеспечить подотчётность, справедливость и примирение. К их числу могут относиться как судебные, так и несудебные механизмы с различной степенью международного участия (или вообще без такового), а также отдельные действия по судебному преследованию, возмещению ущерба, установлению фактов, институциональной

реформе, предварительному обзору и прекращению дел либо сочетание вышеописанных действий»¹.

В рамках «правосудия переходного периода» разрабатывается система тщательно связанных между собой в единую, логически стройную, систему мер, в том числе направленных на поддержку и развитие местные органов правопорядка и укрепления потенциала национальных органов правосудия². В некоторых случаях для расследования ранее совершенных преступлений в постконфликтных обществах создавались международные или смешанные трибуналы. Однако несмотря на то, что они внесли свой вклад в достижение справедливости и борьбе с безнаказанностью преступников, а также и в практику международного уголовного судопроизводства, такие трибуналы требовали больших финансовых затрат вряд ли помогли в создании жизнеспособной национальной системы юстиции.

Например, в целях скорейшего восстановления системы охраны правопорядка в Косово, к сентябрю 1999 года приступили к выполнению своих функций 1100 гражданских полицейских ООН (от утверждённого количества в 3155)³. Позднее, максимальный их штат достиг 4,718 человек⁴.

¹ Верховенство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах. Доклад Генерального секретаря ООН № S/2004/616 от 23 августа 2004г. Текст : электронный //ООН : [сайт]. URL : <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/PCS%20S%202004%20616.pdf> (дата обращения 21.10.2022).

² См. напр.: Harper, E. *Delivering Justice in the Wake of Mass Violence: New Approaches to Transitional Justice* / E. Harper // *Journal of Conflict & Security Law*. - Oxford University Press, 2005. - Vol. 10. - №. 2. - P. 149–185.

³ См.: Доклады Генерального Секретаря ООН № S/1999/779 от 12 июля 1999 и № S/1999/987 от 16 сентября 1999. Текст : электронный // ООН : [сайт]. URL : <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/unmik/documents.shtml> (дата обращения 24.07.2014).

⁴ См.: Письмо Председателя Совета Безопасности от 5 ноября 1999 года на имя Генерального Секретаря, документ ООН № S/1999/ 1119.Текст : электронный // ООН : [сайт]. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/1999/1119 (дата обращения 24.07.2014).

Одновременно, в связи с полным развалом системы правосудия в Косово, временная администрация ООН уже в июне 1999 года приступила к созданию Временной («аварийной») системы правосудия, которая была составлена из относительно небольшого количества местных судей и прокуроров и действовала до января 2000 года, когда была восстановлена нормальная система этих органов. Однако уже в феврале 2000, Миссия ООН приняла решение о назначении в Косово международных судей и прокуроров для обеспечения независимости и непредвзятости правосудия. К октябрю 2002, в Косово работали 341 местных и 24 международных судей и прокуроров. В январе 2003 года Генеральный Секретарь ООН в докладе Совету Безопасности охарактеризовал систему правоохранительных органов и органов правосудия в Косово как эффективно функционирующую и устойчивую¹.

Одним из иных популярных направлений правосудия переходного периода является создание комиссий по установлению истины и примирению (англ.: *Truth and Reconciliation Commission*). Кроме того, важное место в переходный период занимают продуманные программы возмещения ущерба потерпевшим, которые помогают органам юстиции, наказывающих преступников, не оставить без внимания и тех, кто пострадал от их действий. Однако, независимо от выбора пути переходного периода, на правоохранительные органы, как местные, так и международные, налагаются обязанности по обеспечению деятельности структур правосудия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что целью всей деятельности в постконфликтный период является скорее установление законности и правопорядка на территории, ставшей мирной. Поскольку переходный период по самой идее должен иметь временные границы, по его окончании ответственность

¹ См.: Доклад Генерального Секретаря ООН № S/2003/113 от 29 января 2003, С. 8-9. Текст : электронный // ООН : [сайт]. URL : <http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/kos%20S2003%20113.php> (дата обращения 24.07.2014).

за законность и правопорядок должны принять на себя местные структуры. Деятельности международных следственных подразделений, как варианта «механизмов» правосудия в переходный период мы также уделяем внимание в наших дальнейших исследованиях.

Представляется, что для концепции расследования преступлений на территории вооружённых конфликтов и постконфликтных территориях, безразличен факт признания наличия или отсутствия вооружённого столкновения, его вид, подвид, и другие элементы, связанные с его международно-правовым позиционированием. Главное – это фактическое положение вещей, при котором налицо нарушение нормальной работы правоохранительных органов. Восстановление их функций, среди которых нами рассматривается в первую очередь следственная функция, может начаться и до окончания «войны» в юридическом понимании этого термина.

По нашему твердому убеждению, влияние на тактику и методику действий полиции/милиции/прокуратуры, а по большому счёту – на саму концепцию расследования преступлений, оказывает не юридическая оценка наличия/отсутствия конфликта, а возможность безопасно проводить следственные действия. Обеспечивая выполнение своей функции расследования преступлений, и тем самым защищая различные права граждан, государство может и должно также соотносить свои действия с принципом целесообразности, и думая о жизни и здоровье работников правоохранительных органов.

Из этих соображений, как нам представляется, не так давно Донецкое правительство призвало жителей освобожденных регионов «создавать у себя органы, фиксирующие преступления украинских боевиков»¹. Детали пока не обнародованы, но скорее всего, собранные фактические данные в дальнейшем

¹ См.: В ДНР призвали создавать структуры для фиксации преступлений ВСУ. Текст: электронный // РИА Новости, 7 сентября 2022. : [сайт]. URL : <https://ria.ru/20220907/prestupleniya-1815174418.html> (дата обращения 17.09.2022).

планируется собрать в каком-то едином центре для их анализа, систематизации и дальнейшего использования в работе судов или трибунала, рассматривающих дела о военных преступлениях и преступлениях против МГП.

§ 2. Предмет расследования в условиях международного вооружённого конфликта

Неоспоримо, что и в ситуации вооружённого конфликта правоохранительным органам необходимо продолжать выполнять свои обязанности и конституционный долг по защите жизни, здоровья, неприкосновенности личности и имущества граждан. Несомненно, что ситуация вооружённого противостояния, затрагивая все стороны общественной жизни, воздействует и на преступность, причём изменения затрагивают практически все стороны этого явления. Меняются как количественные, так и качественные показатели этого явления, в том числе количество и виды совершаемых преступлений, обстоятельства конкретного преступного деяния (элементы состава преступления) и элементы криминалистической характеристики¹ отдельных видов и групп преступлений.

Ранее мы уже упомянули полный или частичный «правовой» вакуум, возникающий на постконфликтных территориях. К сожалению, этот вакуум зачастую очень быстро заполняется самозванными нелегитимными властями, «правление» которые в свою очередь приводит к всплеску криминальной активности. Например, говоря о ситуации, сложившейся в Косово после полного

¹ Подробнее о понятии и содержании категории «криминалистическая характеристика преступлений» см.: Танасевич. В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Москва, 1976. Вып 25.; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. Москва, 1997, С 105; Андреев И.С., Грамович Г.И., Порубов Н.И. Криминалистика : Учеб. Пособие / Под ред. Н.И. Порубова. – Минск. 1997, С 180-181. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений : монография. - Москва : Амалфея, 2001. - 304 с.

вывода оттуда сербских властных структур и ввода туда международного гражданского и военного присутствия, Генеральный секретарь ООН в докладе Совету Безопасности ООН о Миссии ООН в по делам временной администрации в Косово (англ.: *United Nations Interim Administration Mission in Kosovo [UNMIK]*), далее – МООНК) в частности отметил:

Положение в Косово в целом, напряжённое ... ОАК быстро вернулась во все части Косово, особенно в юго-западные районы ... Отъезды [косовских сербов] провоцируют демонстративные убийства и похищения, а также грабежи, поджоги и насильственные захваты квартир. Сейчас этот процесс замедлился, однако косовские сербы практически полностью покинули такие города как Призрень и Печь, а города Митровица и Ораховац разделены по этническому признаку.

Проблема безопасности в Косово в основном является результатом отсутствия правоохранительных и других органов и учреждений. Многие преступления не преследуются должным образом. Эту ситуацию уже используют преступные группировки, которые борются друг с другом за установление контроля над дефицитными ресурсами. Хотя в настоящее время ответственность за поддержание как общественной безопасности, так и общественного правопорядка несут [силы международного присутствия по безопасности в Косово], их возможности обеспечивать это на практике ограничены, поскольку они ещё находятся в стадии формирования. Остро ощущается отсутствие законных полицейских сил – как международных, так и местных, и поэтому данный вопрос необходимо решать в первоочередном порядке.¹

¹ Доклад Генерального секретаря ООН № S/1999/779 от 12 июля 1999 г. Текст : электронный//ООН 6 [сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=s/1999/779> (дата обращения 21.05.2018).

Вот как охарактеризовал задачи правоохранительных органов на постконфликтной территории Министр Внутренних Дел Абхазии Отар Хеция: «...Там, где прошла война, как правило, имеет место хаос. Но несмотря на то, что практически все население Абхазии вооружено, тот процент преступности, который есть в республике на душу населения, на самом деле является нормальным явлением. Наша задача – не допустить тяжких преступлений, чтобы не было разбоев, похищений граждан с целью выкупа, убийств и т.д. ... Главное для нас – держать преступность на минимальном уровне. И сегодня все делается для того, чтобы добиться таких результатов»¹.

Таким образом, власти должны понимать, что скорейшее восстановление деятельности правоохранительных органов вообще, и в частности одной из важнейших сторон из деятельности – расследования преступлений, должно рассматриваться как одна из основных задач, требующих безотлагательного решения. Восстановление работы правоохранительных органов не только поможет в налаживании мирной жизни, но и окажет вклад в общую стабилизацию обстановки в целях недопущения «скатывания» ситуации обратно к конфликту.

Правозащитная консультативная коллегия при Миссии ООН в Косово² (англ.: *Human Rights Advisory Panel*, HRAP; далее – ПКК), рассматривавшая жалобы о нарушениях прав человека органами ООН в провинции, не раз отмечала в заключениях по жалобам, связанным с недостатками расследований, проведенных полицией ООН:

«... отсутствие немедленной и скоординированной реакции от полиции МООНК, возможно, давало преступникам основания считать, что власти либо были не в состоянии, либо не желали заниматься расследованием

¹ См.: Грузия нанимает уголовников в Абхазию :публикация от 2 мая 2006 г. Текст : электронный// Сегодня.Ру : [сайт]. URL: <http://www.segodnia.ru/content/24131> (дата обращения 3.06.2018).

²ПКК: [сайт]. URL: <http://www.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/default.aspx> (дата обращения 19.05.2018).

подобных преступлений. Такое отношение властей к тяжким преступлениям в любом обществе, а особенно в постконфликтных условиях, неизбежно создаёт культуру безнаказанности среди преступников и может привести только к ухудшению ситуации. Проблемы, с которыми сталкивалась [Миссия ООН в Косово] в начале своей деятельности ... не оправдывают такое бездействие. Более того ... такое бездействие точно уж не помогло снизить степень “накалённой обстановки и напряжённости ... среди всех этнических групп, усугубляющуюся многочисленными сообщениями о пропавших без вести и погибших”, упомянутых Специальным представителем Генерального секретаря.»¹

В целом круг преступлений, в зоне вооруженного конфликта, достаточно широк. Естественно, что, как и в обычных условиях, расследованию подлежат все совершенные преступления, в том числе и не имеющие прямой причинно-следственной связи с вооружённым конфликтом.

В целях нашего исследования мы разделили преступления, совершаемые на территории вооружённого конфликта, на несколько групп в зависимости от степени их обусловленности конфликтом, связи с ним:

- 1) преступления, на совершение которых наличие или отсутствие вооруженного конфликта не влияет или влияет минимально;
- 2) преступления, непосредственно связанные с вооружённым конфликтом или постконфликтной ситуацией;
- 3) преступления, совершение которых возможно исключительно в «военное» время.

¹ ПКК при Миссии ООН в Косово, Мухаррем Ибрай, № 14/09 и др., заключение от 6 августа 2014 года, § 157. - Текст : электронный // ПКК : [сайт]. – URL : <http://www.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/default.aspx> (дата обращения 19.09.2018).

К преступлениям *первой* группы мы относим преступления (по большей части общеуголовные), мотивы совершения которых, как, впрочем, и иные обстоятельства их совершения, никак не связаны с военной обстановкой. К ним можно отнести кражи, мошенничества, экономические преступления, преступления на бытовой почве, преступления против личности и т.д. Продолжают совершаться преступления на бытовой почве, из мести, корысти, из хулиганских побуждений. Такого рода «обычные» преступления совершаются как в мирное, так и в военное время.

Конечно, военное положение окажет влияние на количество некоторых преступлений данной группы. Например, преступлений, совершаемых в нетрезвом виде неизменно должно стать меньше только потому, что, скорее всего, будут вводиться ограничения на открытую продажу спиртного, ограничено время работы ресторанов и увеселительных заведений, будет введён комендантский час и т.д.

Однако, всё-таки вряд ли можно утверждать, что обстоятельства вооружённого конфликта не оказывают влияния и на другие элементы криминалистических характеристик таких преступлений. Так, изменяются время, способы, орудия и средства совершения и сокрытия преступлений, объекты посягательств, используемые деяния.

Производство по делам о менее значимых преступлениях на практике зачастую фактически приостанавливается, т.к. реально у следователей может хватать времени только на расследование тяжких преступлений. Одной из причин этого, конечно, будет уменьшение количества квалифицированных работников правоохранительных органов вследствие их призыва на воинскую службу, обязанности которых перекладываются на оставшихся работников (естественна перезагруженность) и на дружинников и иных общественных помощников.

С практической точки зрения, зачастую осмотр места происшествия или иные следственные действия невозможно проводить без войскового и другого

специального обеспечения просто по причине опасности нахождения в определённом месте.

Кроме того, деятельность правоохранительных органов на определённой территории может целенаправленно блокироваться представителями противоборствующих сторон в целях воспрепятствования получения доказательств преступлений последних.

Не менее важно учитывать и то, что во время вооружённого конфликта деятельность судов по рассмотрению гражданских исков практически полностью прекращается. По окончании конфликта необходимы отдельные оперативные меры для скорейшего восстановления нормальной работы судов и в этом направлении.

На практике данные проблемы решить порой невозможно без принятия специальных организационных мер, направленных на восстановление и обеспечение текущей работы правоохранительных органов, которые осуществлялись бы параллельно с расследованием военных и иных тяжких преступлений (эти вопросы будут рассмотрены ниже). Однако, как правило, такие задачи либо решаются подразделениями военной полиции, либо их решение откладывается до окончания конфликта.

Высказанное положение можно подтвердить тем фактом, что практически отсутствует статистика общеуголовных преступлений на территориях вооружённых конфликтов, идущих с достаточной степенью интенсивности и обладающих рассмотренными выше признаками, либо такая статистика отрывочна и, как правило, не очень информативна¹.

¹ См., напр.: Преступность и правонарушения (1995 - 1999) : Статистический сборник. Москва, 2000. С. 22-24; Killings and Refugee Flow in Kosovo. March - June 1999. A report to the ICTY, 3 January 2002, P. 5-8. Electronic text // Human Rights Data Analysis Group [website]. URL : <https://hrdag.org/wp-content/uploads/2013/06/kosovo-killings-refugeeflow-ICTY2002.pdf> (дата обращения 23.02.2018).

Говорить о том, что преступления не совершаются, вряд ли возможно. Гораздо более вероятно то, что регистрация заявлений о преступлениях просто не ведётся в нормальном режиме. К сожалению, нам не удалось найти какого-либо исследования корреляции количества зарегистрированных преступлений и фаз активности военных действий, например, в СФРЮ или Чеченской республике.

В то же время, даже простейшие кражи скота, домашней утвари, угоны автомашин и т.п., на первый взгляд являющиеся типичными общеуголовными преступлениями, могут на самом деле относиться к преступлениям второй группы, т.е. преступлениям, связанным с вооружённым конфликтом.

Отделить преступления *второй* группы от остальных преступлений возможно на том основании, что ситуация вооруженного конфликта явилась условием, а порой и прямой причиной их совершения.

К таким преступлениям необходимо отнести, прежде всего, преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, а также против собственности, совершенные на почве межнациональной вражды, обострившейся на фоне вооруженного конфликта. К этой группе также можно отнести преступления против государства, такие как призывы к насильственному свержению правительства или смене государственного устройства, диверсии, акты терроризма, убийства и похищения представителей власти¹.

Известно, что далеко не всегда гражданское население гибнет от рук военных. Во множестве случаев малейшее разногласие или непонимание, которые в мирное время прошли бы незамеченными, становятся поводом для того, чтобы представители гражданской части одной из враждующих сторон начали выражать своё недовольство противоположной стороной насильственными методами. До предела натянутые межнациональные отношения очень легко перерастают в открытое противостояние, когда город или село разделяется на части,

¹ Саврыга К.П. Война с терроризмом как вооруженный конфликт / К.П. Саврыга // Право и политика. 2016. №4. С. 498-514.

контролируемые одной национальностью. Попадание на «чужую» территорию зачастую грозит смертью «неудачнику». Подобные преступления совершаются как во время вооруженного конфликта, так и после его окончания.

В июле 1999 года в Приштине, административном центре провинции Косово, гражданин Республики Болгария Валентин Крумов, прибывший для прохождения службы в составе международной полиции ООН, подвергся нападению группы косовских албанцев. Он был избит и застрелен из его же табельного оружия, которое исчезло после преступления. Как выяснилось, потерпевший просто разговаривал с товарищем по-болгарски, и вследствие этого он был ошибочно принят за серба и атакован¹. В 1999 – 2000 годах славяно-говорящий персонал, прибывающий на работу в Косово, инструктировали не использовать свой язык в общественных местах, чтобы не спровоцировать подобные проявления нетерпимости и не подвергать свою жизнь опасности².

На территориях, где недавно завершились вооружённые конфликты получают распространение «показательные» убийства и похищения (зачастую с последующим убийством) представителей противной национальной группы или лиц, сотрудничающих с властями, независимо от национальности. Во многих случаях даже высшие руководители не застрахованы от расправ. Вспомним хотя бы известный захват Президента республики Афганистан Наджибуллы и его брата Ахмадзая талибами 26 сентября 1996 года и их публичную расправу над ними 27 сентября. Казнь была такой жестокой, что возмутила даже противников «Наджиба».

Практикам, работавшим на постконфликтных территориях, хорошо известно, что дни, а порой недели и месяцы, после формального прекращения вооруженного

¹ См.: Материалы уголовного дела 1999/236 в архиве Регионального штаба Полиции г. Приштина, Косово. Текст : электронный // Intolerance leads to Envoy's Death : [сайт]. URL : <http://www.bulgaria-italia.com/fry/krumov.htm> (дата обращения 23.07.2014)

² См.: U.N. issues security alert to Slav staff in Kosovo // intolerance leads to Envoy's Death : [сайт]. URL : <http://www.bulgaria-italia.com/fry/krumov.htm> (дата обращения 23.07.2014)

противостояния, зачастую наполнены сообщениями о убийствах и других преступлениях, совершаемых как правило представителями «победившей» стороны. Объясняются они послевоенной горячкой и ненавистью, особенно на фоне гибели членов семьи, случайным стечением обстоятельств. Однако, большое количество таких преступлений являются частью единого плана целенаправленных ответных этнических зачисток территории от представителей неугодных этнических меньшинств.

В то же время, даже наиболее тяжкие и спланированные преступления такого рода, к сожалению, уже не могут быть квалифицированы как собственно военные преступления или преступления в нарушение положений МГП. Даже тогда, когда в процессе расследования становится совершенно ясно, что преступление было представителями какой-либо вооружённой группы – участника только что завершившегося вооруженного конфликта, а жертвами являются лица из числа гражданские лица, не принимавшие участия в конфликте, деяния придётся квалифицировать как общеуголовные преступления против других охраняемых законом личных или общественных интересов.

Как мы уже упоминали выше, после ухода югославских войск и полиции Косово превратилось в территорию безвластия, где расправы над неалбанским населением происходили практически ежедневно¹. В свою очередь, только начинавшей свою деятельность полиции ООН в Косово пришлось «иметь дело с последствиями войны, телами погибших, разграбленными и сожжёнными домами. Началась новая волна этнического насилия в виде незаконных выселений, насильственных захватов собственности, поджогов домов и физического насилия ... по всему Косово»². В соответствии с данными Полиции МООНК (англ.: *UNMIK Police*), с июня 1999 года по декабрь 2000 года было зарегистрировано 351

¹ См.: World : Europe Massacre victims laid to rest. 28 июля 1999. Electronic text// BBC News : [websites]. URL : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/405692.stm> (дата обращения 3.02.2014).

² См.: Отчет о работе Международной полиции Миссии ООН в Косово за 2000 год. Департамент прессы и общественной информации Полиции МООНК. 2000. С. 12.

похищение людей, 675 убийств и 115 изнасилований¹. В то же время, развёртывание международной полиции в Косово (4400 полицейских из 53 различных стран) не был полностью завершено даже к концу декабря 2000².

Широкую известность получило массовое убийство сербов, происшедшее чуть больше месяца после передачи провинции под контроль миротворцев, недалеко от села Старо Грацко³ в центральной части Косово. Тогда в этом селе с населением около 300 человек проживало только две албанские семьи. Соседние сёла к тому времени уже были или смешанными, или исключительно албанскими.

Примерно в 21:13 23 июля 1999 года подразделения Британского КФОР (КФОР - Международное военное присутствие в Косово, англ.: *Kosovo Forces*, KFOR; см. ниже) зарегистрировали звук стрельбы из огнестрельного оружия. Группа быстрого реагирования НАТО, прибывшая на место происшествия, обнаружила тела тринадцати косовских сербов, лежащих в поле около комбайна. Труп четырнадцатой жертвы был обнаружен в стоящем неподалёку тракторе. Как стало известно, эта группа сербов - фермеров возвращалась домой после дня работы на своих полях, когда они были перехвачены вооружёнными бойцами ОАК и расстреляны. На телах некоторых погибших также остались телесные повреждения, нанесённые тупыми предметами. Как тоже выяснилось позднее, за неделю до происшествия представитель фермеров из села Старо Грацко сообщали КФОР о грядущей опасности и просили обеспечить им безопасность, но их просьба была проигнорирована.

Лидер ОАК Хашим Тачи осудил убийства, назвав их «безумным актом, направленным на разрушение только начавшегося процесса примирения между косовскими албанцами и сербами». Глава Миссии ООН в Косово Бернанд Кушнер

¹ См.: Отчет о работе Международной полиции Миссии ООН в Косово за 2000 год. Департамент прессы и общественной информации Полиции МООНК. 2000. С. 35 и 38.

² См.: Там же, С. 11 и 31.

³ См.: Массовое убийство в Старо-Грацко // Wikipedia : [сайт]. URL : <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 4 февраля 2014).

высказал своё потрясение происшедшим и пообещал, что ответственные за него лица в скорейшем будущем предстанут перед судом. Похожее заявление сделала и Обвинитель МТБЮ Луиз Арбор.

В свою очередь, Президент Югославии Слободан Милошевич возложил ответственность за смерть своих соотечественников на международные миротворческие силы, а командующий югославской армией генерал Небойша Павкович даже пригрозил вернуть югославские войска назад в Косово если ООН будет не в состоянии контролировать ситуацию в провинции¹. К сожалению, ни примирения, ни расследования и привлечения виновных в этом и множестве других убийств на этнической почве, ни возвращения подразделений Войска Югославии обратно в Косово для охраны сербского населения так и не произошло.

Также по данным ООН, в 2001 году Косово было совершено: 136 убийств, 153 похищения людей, 274 случая нанесения тяжких телесных повреждений, 124 изнасилования (попытки), 483 кражи и 209 поджогов жилых домов. По данным из того же источника, в 2002 году: убийств - 65, похищений людей - 75, тяжких телесных повреждений - 454, изнасилований (попыток) - 105, краж 498, поджогов 259².

Из преступлений против собственности самое большое распространение получают грабежи брошенных жилищ (домов, квартир) с последующим их поджогом. Данный вид преступления порой становится основным занятием отдельных категорий граждан и порождает большие рынки краденных автомобилей, сельхозтехники, скота, бытовой техники и различной домашней утвари. Особенно это процветает в районах, оставленных гражданским населением определённой этнической группы. В военное время эти действия являются не чем

¹ См.: West blamed for Serb deaths. July 24, 1999. Electronic text // BBC News : [websit]. URL : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/402948.stm> (дата обращения 3.02.2014).

² См.: Доклад Генерального Секретаря ООН № S/2003/113 от 29 января 2003. С. 8. Текст : электронный //ООН : [сайт]. URL : <http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/kos%20S2003%20113.php> (дата обращения 30.05.2022).

иным, как мародёрством, что по законам военного времени мародёрство обычно карается расстрелом на месте. В мирное же время все имеют право на рассмотрение его дела беспристрастным судом.

Другое широко распространённое правонарушение, близкое к этой группе – это незаконное заселение в дома и квартиры, оставленные покинувшим его населением одной этнической группы, фактически – их захват. Само по себе это не является преступлением, кроме «незаконного входа на частную территорию» (англ.: *trespassing*). Кроме того, возвращающиеся беженцы перемещённые лица зачастую находят их собственные жилища в состоянии, непригодном для проживания. Поэтому использование оставленных домов для расселения нуждающихся представляется скорейшим и целесообразным решением проблемы. Однако, в большинстве случаев этот процесс проходит неконтролируемо и является основой для совершения преступлений, связанных с правами на недвижимое имущество.

Во многих случаях под видом возвращающиеся беженцев чужое недвижимое имущество занимает в период безвластия представителями вооружённых формирований. К сожалению, очень часты случаи, когда представители «проигравшей стороны», не покинувшие территорию, уведомляются «победителями» о необходимости освободить жилые помещения. При отказе подчиниться в лучшем случае их насильно выселяют, а в худшем – их уводят на допрос по обвинению в неподчинении «властям» и зачастую больше их никто никогда не видит.

В отдельных случаях просто производится «зачистка» территорий от оставшихся на них представителей «неправильной» этнической группы. К сожалению, в основном это престарелые люди, которые в конфликте участия не принимали, а порой и прятали или другими способами помогали соседям, и поэтому думали, что их не тронут. Однако, практика показывает, что такие ожидания не верны.

Так, например, после такой «зачистки» села Дойница в регионе Призрень, Косово, проведённой 27 и 28 июня 1999 года подразделениями ОАК, из села бесследно исчезло около 20 престарелых жителей. До настоящего времени были обнаружены и идентифицированы посмертные останки только одного из жертв, Сречко Декича¹.

Права на такую незаконно захваченную собственность на более поздних этапах «подкрепляются» фальсифицированными документами. Происходит это вероятно потому, что на документы, подтверждающие право собственности, начинают обращать внимание по истечении определённого, пород длительного, времени после окончания конфликта. Соответственно, складываются подходящие обстоятельства для процветания очень доходного бизнеса, связанного с незаконной продажей недвижимого имущества беженцев и погибших, также посредством поддельных документов и обычно в соучастии с адвокатами и судебными служащими.

Расследование такого рода преступлений сопряжено с большим количеством трудностей, которые будут рассмотрены ниже в соответствующем разделе. С другой стороны, оставление ситуации без разрешения не даёт беженцам ни возможности вернуться, ни возможности продать свои дома и нормально устроить свою жизнь на новом месте. Это также является катализатором, который мешает восстановлению нормальной жизни, подогревает конфликт.

Помимо этого, широкое распространение получают мелкие правонарушения, такие как контрабанда бензина и других товаров первой необходимости в небольших размерах. Начинаясь зачастую как способ заработать, выжить в послевоенное время, во многих случаях такие эти преступления перерастают в огромный доходный бизнес.

¹ См.: ПКК при Миссии ООН в Косово, *Mirić et al*, № 68/09 и др., Решение по жалобе, 10 сентября 2015 года, §§ 44 - 52. - Текст : электронный // URL : <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unmik> (дата образования : 22.10.21).

Поскольку на постконфликтные территории как правило в больших количествах поставляются товары первой необходимости в качестве гуманитарной помощи, то различного рода криминальные и теневые структуры организуют её хищения с целью последующей продажи. Как мы помним из классики, именно этот способ наживы – хищения продуктов, предназначенных голодающим Поволжья – помог гражданину Корейко из «Золотого телёнка» перейти в разряд подпольных советских миллионеров.

Помимо этого, могут иметь место другие злоупотребления гуманитарной помощью, в частности – поставки различных товаров для ведения бизнеса, а также оружия, под видом такой помощи. Естественно, что для успешного совершения преступлений такого рода необходимо наличие соучастников из числа должностных лиц, имеющих отношение к оформлению и выпуску ложной «гуманитарной помощи» на территорию государства.

Кроме того, так как на постконфликтных территориях обычно достаточно плотно размещаются различные военные подразделения, необходимо иметь в виду, что военнослужащие также могут становиться соучастниками преступлений экономического характера. Обусловлено это в первую очередь тем, что при недостатке практически всех видов товаров, снабжение армии стабильно поддерживается на высоком уровне. Кроме того, и собственно миротворцами совершаются дисциплинарные правонарушения и преступления, которые также необходимо расследовать и принимать адекватные коррективные меры.

И, наконец, в общем рассмотрим преступления **третьего вида** - собственно военные преступления и преступления против мира и человечности (серьёзные нарушение требований МГП).

В международном праве давно существуют общепризнанные правила ведения войны. Однако эти правила во многом ограничивают свободу действий противоборствующих сторон, выбор средств и объектов ведения боевых действий. Желание обойти ограничения, незнание об их существовании, или их

применяемости в конкретной ситуации порождают объективные предпосылки для нарушения правил ведения войны, а тем самым для совершения военных преступлений.

Р.А. Адельханян определяет *военные преступления* как деяния, которые состоят в нарушении установленных основополагающими принципами международного права и международным гуманитарным правом правил ведения вооружённых конфликтов международного или немеждународного характера и преступность которых определена в акте международного уголовного права¹.

Достаточно полно отражая сущность таких преступлений, по нашему мнению, определение уважаемого профессора есть серьёзный недостаток. Дело в том, что при такой трактовке уголовное преследование может быть осуществлено только «наднациональными» правоохранительными структурами. На национальном уровне же уголовное преследование кого-либо будет невозможно, поскольку нет прямой «криминализации» деяния национальным законодательством. В отсутствие такового, как известно, состава преступления нет. Следовательно, понятие должно иметь прямое указание на то, что деяние должно быть криминализовано местным законодательством. Кроме того, вызывает определённые сомнения другой тезис данного автора о том, что военное преступление, сопряженное с преступлением против человечности либо с преступлением против мира, должно получать самостоятельную правовую оценку, т.е. данные деяния должны квалифицироваться по совокупности². Однако, поскольку для данного исследования уголовно-правовые тонкости не имеют особого значения, здесь мы оставим этот вопрос без рассмотрения.

¹ См: Адельханян, Р. А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества : автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Москва, 2003, С. 10.

² См.: Адельханян Р.А. Указ. соч. С. 53.

Говоря непосредственно о деяниях, входящих в круг военных преступлений (серьёзных нарушений норм МГП) и преступлений против человечности, будем опираться на международно-правовые стандарты.

Так, Римский статут Международного уголовного суда (англ.: *International Criminal Court*, далее – «МУС») вводит в его юрисдикцию следующие виды преступления (ст. 5 Статута): а) геноцид, б) преступления против человечности, с) военные преступления и d) преступление агрессии¹. Далее в Статуте представлены определения этих преступлений и конкретные деяния, подпадающую под эту квалификацию. Состав геноцида (статья 6) охватывает пять деяний, преступления против человечности (статья 7) – одиннадцать.

Военные преступления (статья 8) разделены на 4 блока: серьёзные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, а именно любое из следующих деяний против лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей Женевской конвенции (восемь составов); другие серьёзные нарушения законов и обычаев, применимых в между-народных вооружённых конфликтах в установленных рамках международного права (двадцать шесть составов); серьёзные нарушения статьи 3, общей для четырёх Женевских конвенций во время немеждународного вооруженного конфликта, совершенные в отношении лиц, не принимающих активного участия в военных действиях (четыре состава); а также другие серьёзные нарушения законов и обычаев, применимых в вооружённых конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права (12 составов)².

Устав МТБЮ (статья 1) определяет его юрисдикцию как «судебное преследование лиц, ответственных за серьёзные нарушения МГП, совершенные на

¹ Состав преступления агрессии до сих пор не определён, поэтому деятельности Суда в этом направлении нет.

² Римский статут МУС (официальный русский текст). - Текст : электронный // ООН :[сайт]. – URL : [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 21.11.2016).

территории бывшей Югославии с 1991 года»¹. Классификация преступных деяний представлена с их разделением на четыре блока: серьёзные нарушения Женевских конвенций 1949 года (статья 2, восемь составов); нарушение законов или обычаев войны (статья 3, пять составов); геноцид (статья 4, пять составов); и преступления против человечности (статья 5, восемь составов – список «открыт», обозначена возможность квалификации и деяний, не приведённых в списке).

Здесь же добавим, что, как нам кажется, международное право во-многом зависит от политической конъюнктуры и желания «заказчика» (договаривающихся сторон, членов международных организаций и т.д.). Вот что по этому поводу сказал Ноам Хомский, известный современный политолог и философ, рассуждая о правосудии и международном праве:

«Руководящий принцип (международного правосудия) элементарен. Нормы устанавливаются сильными мира сего, в их собственных интересах и под бурные аплодисменты интеллектуалов. ... Я искал исключения [из этих правил] в течение многих лет. Есть несколько, но не так много.

Иногда этот принцип признается открыто. Стандарты международного правосудия после Второй мировой войны устанавливались в Нюрнберге. Для того, чтобы привлечь к ответственности нацистских преступников, необходимо было разработать определения «военного преступления» и «преступления против человечности». Телфорд Тейлор, главный адвокат обвинения и выдающийся международный юрист и историк, откровенно объяснил, как это было сделано:

“Поскольку обе стороны во Второй мировой войне преуспели в страшной игре по разрушению городов – причём союзники в этом были гораздо более успешны – не было оснований для возбуждения уголовных обвинений против немцев или японцев, и на самом деле таких обвинений не было предъявлено ... Воздушная бомбардировка использовалась союзниками так широко и безжалостно

¹ Устав МТБЮ (официальный русский текст). - Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL : <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> - (дата обращения 21.11.2016).

... что ни в Нюрнберге, ни в Токио этот вопрос в судебных заседаниях не поднимался”.

Зачастую, на практике «преступление» определяется как: “Преступление, которое вы совершили, а мы - нет”. Доказывает этот факт то, что, нацистские военные преступники освобождались от ответственности, когда защита была в состоянии доказать, что американская сторона совершала те же деяния»¹.

В обобщение вышесказанного, сделаем вывод о том, что правильная квалификация преступных деяний, представляющих интерес для нашего исследования, достаточно сложна и неоднозначна. Это явствует из вышеприведённой различной трактовки юрисдикции двух наиболее известных институтов международного уголовного судопроизводства. Так, убийство в Статуте МУС имеется и среди преступлений, которые могут быть квалифицированы и как геноцид, и среди преступлений против человечности, и среди собственно военных преступлений. Ниже мы отдельно остановимся на неоднозначных вопросах квалификации, влияющих на круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, представляющих для нас интерес в рамках нашей работы.

¹ Chomsky, N. Simple Truths, Hard Problems: Some thoughts on terror, justice, and self-defence /N. Chomsky ; Talk at Royal Institute of Philosophy. London, May 19, 2004. Philosophy, The Royal Institute of Philosophy. 2005. P. 3.

§ 3. Возникновение и развитие концепции расследования преступлений в зоне международного вооружённого конфликта как части общей теории расследования преступлений в особых условиях

Идея создания единой концепции расследования преступлений в условиях, отличных от ежедневного обыденного функционирования правоохранительных подразделений, различных чрезвычайных условиях, не нова. Однако до сих пор она остаётся неразработанной и, соответственно, не достигшей своего логического завершения – практического применения.

В то же время, отдельные сектора данной многосторонней задачи уже были исследованы. Единственная отдельная целостная концепция расследования преступлений в условиях чрезвычайного положения была создана профессором В.Н. Григорьевым¹. На её основе были также разработаны как учебный курс, так и ряд серьёзных практических рекомендаций².

В своих работах на эту тему профессор Григорьев детально рассмотрел историю возникновения и развития концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Он связывает её первое «явление» с одной из первых в России работ, посвящённых протекавшему в чрезвычайных условиях расследованию – заметок А.Ф. Кони об обстоятельствах расследования произошедшего в 1888 г. крушения царского поезда³. В основу своих выводов и наблюдений А.Ф. Кони взял свой опыт организации и проведения расследования

¹ Григорьев, В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Правовое обеспечение, организация, методика : диссертация ... доктора юридических наук (12.00.09). - Москва, 1993. - 565 с; он же, Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика). Москва : Академия МВД, 1994. 565 с. Григорьев, В. Н. Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения : учеб. пособие для вузов МВД СССР / М-во внутр. дел СССР, Ташк. высш. шк. - Ташкент : ТВШ МВД СССР, 1991. – 179-с.

² См. напр.: Криминалистика : учебник для вузов / под ред. проф. А.Ф. Волынского. – Москва : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА. 1999, 615 с. Глава 16.

³ См.: Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Правовое обеспечение, организация, методика : диссертация ... доктора юридических наук (12.00.09). Москва, 1993. С. 61-64.

катастрофы поезда, в котором ехал император, 17 октября 1888 года на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге.

В Заметках был проанализирован ход и перипетии следствия, предвосхищающие многие современные ситуации и возникающие в них проблемы. Среди них, в частности, В.Н. Григорьев отметил проблемы подготовки к проведению расследования в чрезвычайных условиях, взаимоотношения с местными должностными лицами, организации взаимодействия с представителями других служб и ведомств, войсковыми подразделениями, организации экспертных исследований, тактики допросов и многие другие¹.

В.Н. Григорьевым была проанализирована и дальнейшая судьба концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Он, в частности, отметил: «Традиционное развитие юридической концепции связывается с совершенствованием законодательства, принятием новых нормативных актов. В такой период выходит много научных работ, обосновывающих необходимость законодательных новелл, содержащих их толкование, анализ практики применения. С этой точки зрения логично ожидать существования подобной связи между чрезвычайным законодательством и теоретическими положениями о расследовании преступлений в чрезвычайных условиях. Однако, как свидетельствует анализ, такая связь отсутствует. В частности, чрезвычайное законодательство, принятое в царской России в 1881 г., а затем в советской России в 20-х гг. текущего столетия, не сопровождалось теоретическими изысканиями в этом направлении».

Среди причин сложившейся ситуации им названы такие обстоятельства, как непопулярность чрезвычайных мер, предназначенность норм о них в основном для государственных чиновников, локальность действия этих норм. Помимо этого,

¹ Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Правовое обеспечение, организация, методика : диссертация ... доктора юридических наук (12.00.09). Москва, 1993. С. 22.

доступ к фактическому материалу, воплощающему опыт применения чрезвычайного законодательства, научным работникам (особенно гражданским) зачастую ограничен. С другой стороны, практические работники, обладающие подобным опытом, не имеют ни потребности, ни времени описывать наблюдавшиеся обстоятельства, как во многих случаях и навыков обобщения, классификации и описания научных фактов¹.

Говоря об исторических корнях расследования преступлений в конфликтной зоне международными комиссиями, в первую очередь вспомним механизм урегулирования международных споров, впервые формализованный в Гаагской конвенции 1899 Конвенции «О мирном решении международных столкновений», принятой 29 июля 1899 года. Статья 9 этой Конвенции гласит:

«При разногласиях международного характера, не затрагивающих ни чести, ни жизненно важных интересов, а вытекающих из разных позиций при оценке фактов, Подписавшие державы рекомендуют сторонам, которые не смогли прийти к соглашению с помощью дипломатии, насколько позволяют обстоятельства, создавать Международную комиссию по расследованию, чтобы облегчить решение этих разногласий путём выяснения фактов посредством беспристрастного и добросовестного расследования»².

Этот международный механизм, обозначивший начала процесса институционализации международных расследований, был предложен в связи с конкретным инцидентом – катастрофой на американском броненосце «Мэн», затонувшем 15 февраля 1898 года. Тогда Испания и США провели внутренние расследования и пришли к противоречивым выводам о причинах загадочного

¹ Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Правовое обеспечение, организация, методика : диссертация ... доктора юридических наук (12.00.09). Москва, 1993. С. 61-64.

² Конвенция о мирном решении международных столкновений (Гаага, 18 октября 1907 г.). Текст : электронный // СПС Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/2540203/> (дата обращения 10.05.2019).

взрыва, потопившего корабль. При существовавшей тогда напряжённости из-за Кубы, инцидент был использован США для начала войны против Испании¹.

Спустя год, предложение России о создании механизма мирного урегулирования разногласий между странами посредством расследования обстоятельств конкретного события международной комиссией нашло благодатную почву в ходе конференции в Гааге. Автор концепции, русский юрист Ф.Ф. Мартенс, полагал, что беспристрастное установление фактов и обстоятельств международных споров поможет разрядить обстановку, т.к. этим будет выиграно время. С другой стороны, независимое установление фактов поможет сгладить «острые углы» в конфликте до того, как разница во взглядах заведёт ситуацию в тупик, выход из которого может быть только военный.

Согласно положениям Конвенции (Title III), каждая комиссия должна формироваться по принципу арбитража, когда каждое государство – участник спора выбирает по два члена комиссии, которые уже самостоятельно выбирают пятого члена, являющегося и её председателем. Задача комиссий состоит в установление фактов посредством беспристрастного и добросовестного расследования; регламент работы устанавливался каждой комиссией отдельно². Однако, не будем забывать, что этот процесс происходит исключительно в дипломатических рамках, не являясь расследованием ни в уголовно-процессуальном, ни в административно-правовом или ином смысле. Заключительный доклад комиссии носит исключительно рекомендательный характер, ограничиваясь изложением установленных фактов без какой-либо их оценки, квалификации и решения.

¹ См.: Самсонов А. Помни «Мэн». Идеальная американская война. Текст : электронный // Военное обозрение. 2012. 12 января. URL : <https://topwar.ru/10090-pomni-men-idealnaya-amerikanskaya-voyna.html> (дата обращения 10.05.2019).

² В Гагской конвенции 1907 года (с тем же названием) появились уже детальные унифицированные правила деятельности всех создаваемых комиссий. См.: Pacific Settlement of International Disputes (Hague I) October 18, 1907, Part III; Конвенция о мирном решении международных столкновений (Гаага, 18 октября 1907 г.). Текст : электронный // СПС Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/2540203/> (дата обращения 10.05.2018).

Государства не обязаны принимать результаты деятельности комиссий и самостоятельно выбирают дальнейшие действия. Таким образом, этот инструмент призван только помочь сторонам в разрешении конфликта, но не разрешить его.

Вообще, в соответствии Гаагской конвенцией 1899 года доклады этих комиссий направляются строго сторонам и не подлежали разглашению. В отличие от положений этого договора, в статье 34 Гаагской конвенции 1907 года уже было предусмотрено оглашение доклада на открытом заседании комиссии.

Таким образом можно заключить, что прародитель международных следственных структур, рождённый в ходе Гаагских конференций, являлся ситуативным вспомогательным инструментом прямого урегулирования межгосударственных споров дипломатическим путём, основанным на согласии сторон, носил более¹.

Возвращаясь нашей теме, ещё раз отметим, что возникновение реальных особых условий (вооружённых конфликтов, чрезвычайных условий) и необходимости расследовать преступления в такой обстановке обуславливает практическую работу в этом направлении и возобновляет интерес к созданию теоретической концепции.

Также вспомним деятельность Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками во время Первой мировой войны (далее - ЧСК). Комиссия была учреждена после ряда инициатив и обсуждений в правительственных кругах, что в конце концов было обсуждено на Особом Совещании 4 февраля 1915 года, под председательством Управляющего юрисконсультской частью Совета министров юстиции барона Нольде. Результаты обсуждения и предложения, оформленные в виде Журнала Особого Совещания², были представлены

¹ См. также: Ван ден Херик, Л. Важность установления фактов: возвращаясь к концепции расследования Ф. Ф. Мартенса // Международное правосудие. 2017. № 3(23). С. 26-27.

² См.: Дело Канцелярии Совета Министров. Об учреждении Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-

Императору на рассмотрение. Государь 9 апреля 1915 года утвердил решение Совещания и дал согласие на формирование ЧСК¹ при Министерстве иностранных дел. Возглавил Комиссию Первоприсутствующий в Особом Присутствии Сената для суждения дел о государственных преступлениях, сенатор Уголовного Кассационного Департамента, тайный советник Кравцов.

В более близкой нам истории, мы помним созданную в 1942 году, во время Великой Отечественной Войны Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (далее - ЧГК). Учреждена она была Указом Президиума Верховного совета СССР от 2 ноября 1942 года².

В обоих случаях, Комиссии были созданы после анализа ситуации и вывода о том, что действующая система правосудия не сможет справиться с огромным массивом информации и объёмом работы, которую предстояло проделать. В то же время, требовался централизованный государственный орган, который мог бы фокусировать всю информацию, анализировать её и делать на этой основе выводы более высокой степени общности, более объективно отражающие действительное положение вещей.

В юрисдикцию Комиссий входили сбор, систематизация, оценка и представление информации о всех преступлениях, совершаемых войсками стран-противников в процессе военных действий и на оккупированных территориях. Представителями Комиссий проводился массовый сбор информации. О результатах своих расследований Комиссии предоставляли всесторонние отчёты и выпускали

венгерскими войсками. 26 февраля - 9 декабря. - 1915. (77 листов) – С. 6-12 //Фонд Совета Министров. Опись № 11. 1915 год) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 110.

¹ См.: там же, С. 45, 46-49.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 96—98.

периодические Обзоры своей деятельности. Вот несколько примеров одного из тысяч нарушений правил ведения войны, описанный в Отчёте о деятельности ЧСК в 1916 году:

«Между 25 августа и 5 сентября в 15 верстах севернее г. Львова части нашего 186 Асландузского полка причинили австрийской пехоте, состоявшей из 13 или 14 Венгерского полка, большие потери. Вследствие этого неприятель поднял по линии своего расположения несколько белых флагов. Наступающие цепи наши прекратили стрельбу и поднялись, чтобы взять пленных. В этот момент австрийцами был открыт по нашим солдатам пулемётный огонь и 4 человека были убиты, а 7 ранены»¹.

«После Рождества 1914 года, когда наши войска стали как-то по утрам выбивать германцев из города Андреева близ Мемеля, часть 94 пешей Калужской дружины наткнулась на немцев, которые, в числе 11 человек рядовых при офицере, выскочили из какого-то сарая и бросились убежать, но были изрублены казаками. В сарае, куда вошли несколько наших солдат, оказалось 10 женщин и девушек из местных жительниц, которые им жаловались, что немцы увели их силой в этот сарай и там всю ночь насиловали»².

Все описанные случаи сопровождаются ссылками на документальные источники, которыми в большинстве случаев являются показания свидетелей, полученные с соблюдением уголовно-процессуальных норм³. Описывались как преступления в нарушение Труд авторов этого Обзора по праву является одним из ориентиров при разработке современной концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях.

¹ См.: Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии : в 2-х томах. Т. 1. Петроград, 1916. С. 34. Текст : электронный // Государственная публичная историческая библиотека России : [сайт]. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18133> (дата обращения 8.01.2018).

² См. там же, С. 281.

³ См. там же, С. 327-499.

Результаты деятельности таких комиссий, как правило, используются при рассмотрении уголовных дел по обвинениям, выдвинутым против представителей стран-противников. В частности, в сборнике материалов по Нюрнбергскому процессу приводятся сведения о создании и порядке деятельности Комиссии, юридическом значении её актов, а также опубликованы многие данные, собранные Комиссией и представленные Главным обвинителем от СССР в Международный военный трибунал¹.

Труды учёных и практиков, принимавших непосредственное участие в работе комиссий или трибуналов, представляют особый интерес. Среди них профессор Григорьев называет, в частности, М. Ю. Рагинского, помощника Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе, кто помимо общей характеристики деятельности комиссии показал особенности использования собранных доказательств в судебных процессах, привёл сведения о технологии захвата, сбора и обработки доказательственных материалов, которая применялась американскими военными и судебными властями в условиях военных действий². А. И. Полторак, заведовавший советским секретариатом на Нюрнбергском процессе, привёл данные об особенностях доказательств, собранных Чрезвычайной государственной комиссией³.

Г.А. Александров, возглавлявший специальную следственную группу, описал систему обработки, систематизации и использования собранных материалов⁴. Он также отразил вызвавшие его удивление отдельные методы работы зарубежных коллег по следственной работе, которые представляют интерес и сейчас; например:

¹ См.: Нюрнбергский процесс: сборник материалов : в 2-х т. / [под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) и др.]. Москва : Госюриздат, 1951-1952. Т. 1: Нюрнбергский процесс. 832 с.

² См.: Рагинский, М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории : Воспоминания участника Нюрнберг. процесса / М. Ю. Рагинский. Москва : Политиздат, 1986. С. 4-7, 37

³ См.: Полторак, А. И. Нюрнбергский эпилог : [Пер. с рус.]. Москва : Прогресс, Б. г. (1987). С. 90-92.

⁴ См.: Александров Г.А. Нюрнберг вчера и сегодня. Москва : Политиздат, 1971. С. 13-29.

- «Нельзя не сказать о некоторых деталях, которые на первых порах вызывали у нас по меньшей мере недоумение. Вскоре ... мы начали получать обещанные протоколы допросов, проводившихся американскими следователями. Происходило это так: ко мне в кабинет входил американский солдат и с небрежным видом выкладывал на стол объёмистый пакет, на котором стояло «Top Secret», то есть «Совершенно секретно». Не говоря ни слова и не получив расписки, солдат молча, с независимым видом, уходил»¹.
- «Не было у них и единого общего плана, даже подсудимые были распределены между следователями без какого-либо принципа, без какой-либо определённой системы. Например, Кейтель и Йодль, представлявшие гитлеровскую военную клику, и Шахт и Функ, представлявшие гитлеровскую экономику и финансы, допрашивались разными следователями. Допросы так называемых свидетелей также проводились без какой-то системы. Кроме того, в процессе работы следователи нередко менялись»².

Значительный вклад в разработку этих проблем внесли и последующие исследователи: Н. С. Алексеев, автор фундаментальной работы о преступлениях нацистов против человечества³, С. Т. Кузьмин⁴ и другие. Упомянутые и многие другие работы, в которых освещается деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, также вносят свой вклад в концепцию расследования преступлений на территории вооруженного конфликта.

Отражённый опыт зачастую оказывается схож с теми обстоятельствами, с которыми довелось столкнуться в следственных группах, расследовавших массовые беспорядки в Закавказье и Средней Азии. В частности, это касается

¹ См. там же, С. 16-17.

² См. там же, С. 27.

³ Алексеев, Н. С. Злодеяния и возмездие : Преступления против человечества. Москва : Юрид. лит., 1986. 398 с.

⁴ Кузьмин, С.Т. Сроку давности не подлежит : [О фашист. преступниках] / [Предисл. В. Иванова]. – Москва : Политиздат, 1986. - 204 с.

организации сбора сведений о совершенных преступлениях, их обработки, порядка сбора и использования доказательств. Многие моменты оказались схожи и с работой следственных подразделений под эгидой Миссии ООН в Косово, различных комиссий по установлению фактов (англ.: *fact-finding commissions*) следователей МТБЮ и других международных правоохранительных органов, в которых довелось участвовать автору данной работы.

К сожалению, деятельность подобных комиссий государственных механизмов порой не лишена противоречивости и предвзятости. Вспомним, например, выводы специальных комиссий по расследованию обстоятельств связанных с обнаружением массовых захоронений польских военных, обнаруженных в Катынском лесу Смоленской области. Комиссии, созданные сначала фашистскими властями¹, а позднее – СССР (в составе ЧГК)², пришли к противоположным выводам. Сейчас сложно судить о причинах такого расхождения, но политическую подоплёку времени, когда расследования проводились, и реальную возможность обеспечения независимости обеих комиссий нельзя не принимать во внимание.

Возникновение конкретных особых условий, в которых необходимо налаживать процесс расследования преступлений, порождает освежение интереса к концептуальным вопросам работы в чрезвычайных условиях. Возникает насущная потребность в квалифицированных кадрах, «снаряжённых» адекватными рекомендациями и методиками по выполнению объёмной и сложной работы, проходящей во многих случаях под пристальным вниманием национальных и международных средств массовой информации и общественности, а порой и правительств.

¹ См.: Немецкое расследование Катынского дела (1943) // Википедия, свободная энциклопедия [сайт] – URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Немецкое_расследование_Катынского_дела_\(1943\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Немецкое_расследование_Катынского_дела_(1943)) – (дата обращения 18.01.2018).

² См.: Советское расследование Катынского дела (1943-1944). Текст : электронный // Википедия, свободная энциклопедия [сайт] – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Советское_расследование_Катынского_дела_\(1943-1944\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Советское_расследование_Катынского_дела_(1943-1944)) – (дата обращения 18.01.2018).

В таких ситуациях активизируется изучение проблем расследования преступлений в особых условиях, полученные результаты публикуются на страницах юридической печати. В то же время многие недочёты и промахи следственных и судебных органов также попадают на страницы прессы и порой вызывают общественный резонанс. С другой стороны, открытость следствия создаёт дополнительный контроль за действиями правоохранительных органов и, следовательно, вносит вклад в защиту граждан от возможных злоупотреблений и произвола властей. Такой принцип «открытости», например, законодательно закреплён в правовой системе США с 1966 года Актом о свободе информации¹.

Президент США Б. Обама в меморандуме, адресованном всем главам департаментов и агентства исполнительной власти, привёл известное высказывание судьи Луиса Брандейса: «солнечный свет – лучшее средство от инфекции». Президент Обама также отметил: «В нашей демократии Акт о свободе информации, который обеспечивает ответственность власти через её “прозрачность” — это выдающееся выражение глубочайшей нацеленности нации на обеспечение открытости правительства. В центре этого процесса находится идея о том, что такая ответственность необходима в равной степени в интересах власти и граждан»².

В этом же документе отдельно отмечено, что в случае сомнений, открытость должна преобладать. Кроме того, правительство не должно защищать конфиденциальность информации только потому, что некоторым официальным лицам может быть стыдно за её содержание, что она может показать отдельные ошибки и провалы, или по причине безосновательных или абстрактных опасений. «Отказ в опубликовании информации не может быть основан на попытках защитить личные интересы представителей Правительства в ущерб интересам тех, кому они

¹ См.: Freedom of Information Act. 5. U.S.C. § 552 (2000 & Supp. III 2003). Electronic text // U.S. Department of Justice : [website]. URL : http://www.usdoj.gov/oip/foia_updates/Vol_XVII_4/page2.htm (дата обращения : 25.01.2018).

² См.: Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies. Freedom of Information Act. President of USA, 2009. Electronic text // U.S. Governments : [website]. URL : <https://www.sec.gov/foia/president-memo-foia-nov2009.pdf> (дата обращения : 25.01.2018).

обязаны служить» (англ.: *Nondisclosure should never be based on an effort to protect the personal interests of Government officials at the expense of those they are supposed to serve*).

В нормальных условиях функционирования государства и всех его органов, конечно, такой подход не может заслуживать ничего, кроме безоговорочной и всесторонней поддержки со стороны общества. Однако, особые условия расследования неизбежно диктуют определённые изъятия из такого правила, обусловленные необходимостью. Как в нашей стране, так и за рубежом существует законодательство, устанавливающее особые правила расследования преступлений террористической направленности, преступлений против государства, организованной преступности и некоторых других¹. Такие законы, устанавливают особые правовые режимы и делают легитимными отдельные изменения в процедуре расследований и определяют отдельные изъятия, зачастую ущемляющие права человека на время чрезвычайного положения. В тех же США за президентом сохраняются особые полномочия, позволяющие ему отказать в предоставлении отдельных материалов, если таковое представляется необходимым для защиты национальных интересов. Президент Д.Трамп совсем недавно воспользовался этим правом, вызвав бурю негодования в части Конгрессе, представленной демократами².

¹ CRIMINAL RICO: 18 U.S.C. §§1961-1968 : A Manual For Federal Prosecutors. sixth revised edition 2016. May. Electronic text // U.S. Department of Justice : [website]. URL : <https://www.justice.gov/archives/usam/file/870856/download> ; Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) "О чрезвычайном положении" // КонсультантПлюс, 2002.

² Белый дом отказался предоставлять Конгрессу США полную версию доклада Мюллера. ТАСС, 8 мая 2019. Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. URL : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6414403> (дата обращения : 10.05.2019); Trump asserts executive privilege over Mueller report; House panel holds Barr in contempt. Washington Post, 8 мая 2019 // Washington Post : [website]. URL : https://www.washingtonpost.com/politics/barr-to-trump-invoke-executive-privileged-over-redacted-mueller-materials/2019/05/07/51c52600-713e-11e9-b5ca-3d72a9fa8ff1_story.html?utm_term=.03e306280097 (дата обращения 10.05.2019).

Дальнейшее развитие идея подобной концепции получила в исследованиях последнего десятилетия прошлого века, базирующихся на анализе работы специализированных следственных групп, расследовавших массовые беспорядки и вооружённые конфликты на территории бывшего СССР в 1986 – 1991 годов. Так, захлестнувшая в середине 80-х годов страну волна массовых беспорядков, вынудила правоохранительные органы СССР к действиям в чрезвычайных условиях, порой обнажая весьма низкую степень из готовности к эффективной деятельности в таких обстоятельствах. Это и побудило к созданию соответствующих методических материалов, предназначенных для практических работников.

Позднее появились отдельные работы, посвящённые анализу отдельных аспектов расследования преступлений, совершенных обеими сторонами в процессе боевых действий и контртеррористических операций Чечне, Дагестане, Северной и Южной Осетии, а также миротворческих операций ООН на территории бывшей Югославии¹. Однако, освещение данных вопросов как в отечественной, так и в зарубежной литературе представляется совершенно неадекватным возрастающим потребностям практики в настоящее время.

Опубликованные результаты проведённых исследований, а также исследования и обобщения, проведённые автором лично, представляют теоретическую основу для разработки концепции расследования преступлений в условиях вооруженного конфликта.

С нашей точки зрения, не только анализ судебной практики международных трибуналов от Нюрнберга до Гааги, но и сама практика как таковая уже вносит значительный вклад в теорию расследования преступлений, совершенных на

¹ Тамбовцев, А.И. Организация и тактика розыска лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах (по материалам Сибирского федерального округа) : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Омск, 2006. С. 12; Антонов, А. Н. Особенности организации и проведения эксгумаций массовых захоронений в процессе расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооружённого конфликта // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1.

территории вооружённых конфликтов. Во-первых, трибуналы рассматривают и оценивают различные виды доказательств. Отказ в принятии тех или иных доказательств, а особенно обоснование такого решения, содержит информацию для следственных органов. Анализ таких решений указывает на недостатки в работе и направления, требующие особого внимания. Также, трибуналы дают оценку различным способам получения доказательств, порой создавая прецеденты, ранее не существовавшие в практике, и оценивая соответствие процесса получения доказательств существующим нормам.

Обобщая все вышесказанное, скажем, что в своём развитии концепция расследования преступлений в особых условиях прошла несколько этапов:

- работы по расследованию обстоятельств крушения царского поезда в 1888 г.;
- обобщения и отчёты о результатах деятельности Чрезвычайной следственной комиссии, созданной во время первой мировой войны для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками;
- описания деятельности Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, учреждённой во время Второй мировой войны;
- работы, освещающие особенности собирания и использования доказательств в судебном процессе Нюрнбергского трибунала;
- работы, посвящённые анализу действий специализированных следственных групп, расследовавших массовые беспорядки и вооружённые конфликты на территории бывшего СССР в 1986 - 1991 гг.;
- работы, изучающие деятельность специализированных следственных и следственно-оперативных групп, расследовавших межнациональные конфликты и вооружённые столкновения в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации в 1992 - 1993 гг.;
- работы, освещающие опыт борьбы с преступностью, накопленный в процессе

миротворческих операций на территории бывшей Югославии;

- судебная практика международных трибуналов и национальных судов.

К сожалению, большинство случаев расследования преступлений в условиях вооружённых конфликтов, не получили достаточного отражения в научной криминалистической литературе или хотя бы в публицистике. Иногда объём или формат конкретного научного исследования просто не позволяет спокойно проанализировать и обобщить отдельные моменты работы. Порой не находится людей, который были бы в состоянии взять на себя такой труд и были бы заинтересованы в его результатах. Те, кто хотел бы этим заняться, в большинстве случаев не имеют доступа к конкретным материалам следствия. В свою очередь специалисты, имеющие такой доступ, не имеют свободного времени и/или желания, а иногда и связаны различными служебными «грифами» или подписками.

Необходимо также признать, что в некоторых ситуациях особенности расследования на территории вооружённых конфликтов представляли собой, по существу, элементарный произвол и неуважение к букве закона. Естественно, что подобные «закономерности» нуждаются в анализе только как отрицательные примеры, и большинство участников о них предпочитали молчать.

Так, например, в 2004 году автор лично участвовал в расследовании превышения полномочий, угрозы убийством и нанесения телесных повреждений, совершённых тремя полицейскими – австрийцем и двумя косовскими албанцами. Тогда, в процессе расследования другого преступления, эти трое полицейских вывезли подозреваемого в лес недалеко от г. Призрень и разыграли сцену его расстрела. Подозреваемого заставили рыть себе могилу, заставили в неё встать, приставили к голове пистолет и предложили последний раз дать признательные показания. После происшедшего, теперь уже ещё и потерпевший, написал заявление в международную прокуратуру ООН в Косово¹. Австрийский

¹ См.: Материалы уголовного дела № P-128/2003 против Мартина Альмера и др. // Архив Муниципального суда г. Ораховац, Косово.

полицейский был задержан, но по просьбе дипломатических структур помещён не камеру для временного содержания задержанных, а в отдельную палату медицинского блока базы австрийского КФОР. Через день, он был незаконно вывезен с территории Косово в автомобиле с дипломатическими номерами и власти Австрии впоследствии отказались его правосудию. Впоследствии уголовное дело было рассмотрено «*in absentia*» (лат. в отсутствие), обвиняемый был признан виновным и приговорён к трём годам лишения свободы¹. Информации о реальном исполнении наказания в распоряжение ООН не поступало.

Оценивая периодичность развития концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях, есть основания отметить, что оно не представляет собой последовательного процесса научных исследований, этапы которых сменяют друг друга. Авторы имеющихся в нашем распоряжении источников обычно не использовали труды своих предшественников. Объектом анализа служил, как правило, только современный, их личный, материал о расследовании конкретных чрезвычайных обстоятельств. Это исключало преемственность исследований, использование предшествовавшего опыта. В результате многие работы в научном отношении не стали более зрелыми и содержательными, чем предыдущие, как это следовало бы ожидать. Ценность этих работ определяется главным образом талантом исследователя, степенью его овладения фактическим материалом, и степенью владения словом, позволяющим адекватно отразить важнейшие элементы.

Мы согласны с мнением профессора В.Н. Григорьева о том, что до сих пор, по-видимому, непревзойдёнными остаются воспоминания А.Ф. Кони о расследовании обстоятельств крушения царского поезда. Написанные около века, в

¹ См. также: Venice Commission. Opinion on Human Rights in Kosovo: Possible Establishment of Review Mechanisms. Electronic text // Венецианская комиссия : [website]. URL : [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2004\)033-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2004)033-e) (дата обращения 15.01.2018); UN raps Austria for whisking suspect out of Kosovo // Freerepublic.com : [website]. URL : <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/642005/posts> (дата обращения :15.01.2018).

совершенно другой социальной, политической и правовой среде, они интересны и актуальны и на сегодняшний день. Это чрезвычайно квалифицированное описание тщательно проанализированной профессиональной деятельности, выполненной на пределе мало изменившихся с тех пор индивидуальных ресурсов человека.

В данной работе, используя знания, почерпнутые из опубликованные в разное время научных трудов, а также накопленный личный практический исследования, автор предпринял целенаправленную попытку создания целостную концепцию расследования преступлений, совершенных на территории вооружённых конфликтов. Потребность в такой концепции вызвана получающими всё более широкое распространение вооружёнными конфликтами, как внутренними, так и международными.

Вместе с тем назначение данной концепции представляется более универсальным. По мере возможной стабилизации обстановки в государстве, она не утратит своего практического значения, т.к. в жизни с неизбежностью достаточно регулярно проявляются различные катаклизмы, происходят различного рода события из разряда чрезвычайных. Поэтому общество должно постоянно поддерживать оптимальный уровень готовности к самозащите в подобных ситуациях, содержать для этого специальную систему. А одним из элементов такой системы и является концепция расследования преступлений в чрезвычайных условиях.

Ситуацию вооружённого конфликта (как международного, так и внутреннего) представляется целесообразным рассматривать как наиболее тяжкую разновидность чрезвычайных обстоятельств. Чрезвычайные обстоятельства «могут проявляться в различных сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной, культурной, правоохранительной и т. д. Причём по степени чрезвычайности они могут быть разграничены на два вида: а) сказывающиеся в одной сфере жизни и влекущие дезорганизацию какой-то одной

системы; б) охватывающие комплекс систем, затрагивающие жизнедеятельность целого региона»¹.

Очевидно, что вооружённый конфликт относится к чрезвычайным обстоятельствам второй группы, поскольку он накладывает свой отпечаток на все области функционирования общества, в том числе и на структуру преступности, на закономерности расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах.

В.Н. Григорьев определил концепцию расследования преступлений в чрезвычайных условиях как имеющую важное научное и практическое значение комплексную, целостную теоретическую систему, являющуюся частью теоретической системы большей степени общности о различных видах деятельности в особых условиях в целом и объединяющую совокупность идей и теоретических положений о вызванных чрезвычайными условиями специфических закономерностях, которые проявляются в сфере правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, послуживших причиной чрезвычайных обстоятельств, затронувших жизнедеятельность целого региона, создавших для них условия или иным образом связанных с ними². Под теоретической системой большей степени общности подразумевалась общая теория расследования преступлений в особых условиях.

В последнее время на разных уровнях высказывается мысль о необходимости создания набора универсальных законодательных актов, применение которых на постконфликтной территории возможно после малозначительных доработок, адаптации к специфике конкретного общества. Уже имеется определённый наработанный материал в этой области. Например, американским Институтом Мира (англ.: *United States Institute of Peace*, USIP), разработаны модели Уголовного

¹ Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных обстоятельствах. Москва, 1994. С. 9.

² См.: Там же. С. 40.

и Уголовно-процессуального кодексов, предназначенных к применению на территориях завершившегося конфликта¹. Эти кодексы базируются на общепризнанных мировых стандартах прав человека. С нашей точки зрения, оба они имеют серьёзный перекося в сторону американского видения системы идеального правосудия, что на практике не всегда так.

В заключение отметим, что современные условия как внутри России, так и за рубежом, обуславливают необходимость разработки такой концепции, поскольку в мире регулярно вспыхивают различные конфликты, требующие вмешательства мирового сообщества в соответствии с нормами международного права. Поэтому мировое сообщество должно постоянно поддерживать оптимальный уровень готовности к реакции на подобные ситуации, содержать для этого действенную и апробированную специальную систему мероприятий. А одним из элементов такой системы и является концепция расследования преступлений в условиях прямого правления международной администрации в зоне вооружённого конфликта.

§ 4. Структура и содержание концепции расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта

Известно, что концепция представляет собой определённый способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основную точку зрения на предмет или явление, руководящую идею для их систематического освещения². В нашем исследовании общая категория «концепция» воплощается в упорядоченную систему научных взглядов на расследование преступлений совершенных на территории международного вооружённого конфликта, а также практических рекомендаций, направленных на оптимальную организацию этого

¹ См.: Model Codes for Post-Conflict Criminal Justice. Vol. I. Model Criminal Code. Washington D.C., 2007, 462 p.

² См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. Москва : Сов. энциклопедия, 1983. С.278.

процесса. Она включает в себя теоретические положения об её объекте, о системе и содержании её отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики следственной работы, о задачах дальнейшего научного исследования, а также некоторые другие элементы.

Данная концепция не является некой отдельной теоретической моделью, а представляет собой часть теоретической системы большей степени общности, а именно – частью учения о различных видах деятельности в особых условиях в целом. В свою очередь она находится на одном уровне с другими схожими концепциями¹.

Всесторонних специальных научных исследований, посвящённых организации расследований такого рода, в нашей стране пока не осуществлялось, хотя отдельные работы схожего характера имеются². В результате рекомендаций применимых к ситуациям международных вооружённых конфликтов либо нет вообще, либо они имеют разрозненный характер. Соответственно, не проводится подготовка работников правоохранительных органов на достаточном уровне и, как

¹ См. напр.: Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : диссертация ... доктора юридических наук Москва, 1994. 565 с.; Зайцев, О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. Москва : Экзамен, 2002. 510 с. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – Москва : Экзамен, 2003. - 350 с.

² См. напр.: Волеводз, А. Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО 2009. №2. С.1-22.; Овчинников, В. В. Взаимодействие правоохранительных органов в условиях внутренних вооружённых конфликтов // Вестник московского университета МВД России. 2006. №2. С. 35-39; Беликин, В. В. Правовое регулирование противодействия внутренним вооружённым конфликтам // Вестник московского университета МВД России. 2006. №2. С. 95-99; Котляров, И. И., Ходжабегова К. Л. Применение норм международного гуманитарного права внутренними войсками МВД России и органами внутренних дел в период вооружённых конфликтов // Вестник московского университета МВД России. 2008. №3. С. 41-46; Лобачёв, Д. А. Организация правоохранительной деятельности органов внутренних дел в условиях межэтнических конфликтов : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Саратовский юрид. ин-т МВД России. Саратов, 2006. 26 с.

следствие, в некоторых ситуациях они оказываются неготовыми к успешному осуществлению своих функций¹.

К сожалению, жизнь диктует необходимость развития подготовки в этом направлении. Применительно к российским реалиям, она была обусловлена объективными обстоятельствами, возникшими после втягивания России в Вооружённый конфликт с Грузией, имевший место в августе 2008 года на территории Южной Осетии.

Так, сразу же после сообщений о гибели российских миротворцев в Южной Осетии в августе 2008 года, была создана специальная группа в составе прокурорских работников военных прокуратур Северо-Кавказского военного округа, имеющих опыт работы в условиях боевого применения войск. В неё вошли более 30 человек во главе с заместителем Главного военного прокурора. Целью работы этой группы являлось обеспечение законности при решении задач по защите жизни и здоровья российских граждан, находящихся в Южной Осетии.

Группа базировалась на территории Северной Осетии, где её члены начали осуществлять приём жалоб и заявлений от граждан России, пострадавших в ходе агрессии со стороны силовых структур Республики Грузия. Кроме того, группа координировала взаимодействие сотрудников МЧС, пограничных органов России, подразделений Вооружённых Сил, привлечённых к выводу из Южной Осетии мирного населения, экспертных учреждений, проводящих судебно-медицинское исследование погибших и раненых, а также следователей военно-следственных органов Следственного комитета при прокуратуре РФ, проводящих следственные действия по уголовному делу, возбуждённому в связи с убийством российских военнослужащих и других граждан в зоне проведения миротворческой операции².

¹ Долгошеин, П.С. Подготовка гражданских полицейских ООН к миротворческой деятельности: Достоинства и недостатки современных программ и методик / П.С. Долгошеин, А.И. Тамбовцев, Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 194-199.

² См.: В Северной Осетии начала работу оперативная группа Главной военной прокуратуры Российской Федерации (9 августа 2008 г.). Текст : электронный // Генеральная

Эта функция была реализована органами военной прокуратуры в соответствии с требованиями ч.1 ст. 46 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», поскольку на территории Южной Осетии, где в полном соответствии с международными договорами находятся российские миротворцы, отсутствуют правоохранительные органы России¹.

Чуть позже следственное управление Следственного комитета Прокуратуры РФ (СКП) по Северной Осетии возбудило уголовное дело по фактам убийства граждан в Южной Осетии (ст. 105 ч. 2 пп. «а» и «е», «Убийство двух и более лиц, совершённое общеопасным способом»). Несколькими днями позже представители СКП рапортовали, что возбуждение уголовного дела по ст. 357 УК РФ «Геноцид» уже состоялось, пояснив при этом, что к ответственности могут быть привлечены лица, совершивших преступление вне пределов РФ, а материалы следствия могут быть использованы не только в рамках российского правосудия, но и при обращении в международные инстанции². К июлю 2009 года уже была проведена колоссальная работа по сбору доказательств: допрошены более 1000 свидетелей, проведено более 1000 осмотров мест происшествия и 928 экспертиз, исследовано более 600 документов на грузинском языке, потерпевшими по уголовному делу признаны 5315 человек³.

Как видим, созданная следственная группа была вынуждена решать целый ряд задач, многие из которых не были напрямую связаны с расследованием

прокуратура РФ : [сайт]. – URL : <http://genproc.gov.ru/news/news-62503/> (дата обращения : 03.03.2018).

¹ Ч. 1. ст. 46 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 10.02.1999 N 31-ФЗ): «В местностях, где в силу исключительных обстоятельств не действуют иные органы прокуратуры Российской Федерации, а также за пределами Российской Федерации, где в соответствии с международными договорами находятся войска Российской Федерации, осуществление функций прокуратуры может быть возложено Генеральным прокурором Российской Федерации на органы военной прокуратуры».

² См.: СКП завёл дело о геноциде. Текст : электронный // Взгляд :газета : [сайт]. URL: <http://www.vz.ru/society/2008/8/14/196471.html> (дата обращения : 2.05.2018).

³ См.: История конфликта в Южной Осетии 2008 года. Текст : электронный // ИТАР-ТАСС : [сайт]. URL: <http://www.itar-tass.com/c110/101385.html> (дата обращения : 30.09.2012).

конкретных преступных деяний или поддержанием обвинения в суде. В таких ситуациях представляемая концепция послужит хорошей основой для дальнейшей работы по подготовки личного состава к несению службы на территориях вооружённых конфликтов, обозначит основные направления и проблемы, которые могут возникать. На её основе возможна выработка методических рекомендаций, в которых в сжатом виде будут представлены основные положения, необходимые для применения на практике. Также пример Осетии подтверждает, что содержание концепции не может и не должно быть излишне теоретизировано, что оторвёт её от реальности, и искусственно заужено только до отдельных блоков рекомендаций, связанных со следственной деятельностью.

С другой стороны, уже и ранее имелась необходимость «отработки» большого количества материала, накопленного в процессе проведения спецопераций в Чеченской республике, а также участия российских миротворцев (офицеров Министерств обороны и внутренних дел) в составе военных и полицейских сил ООН и Европейского союза (ЕС) по поддержанию мира и правопорядка на Балканах, в Африке и других регионах.

Острая потребность в создании такой концепции также вызвана необходимостью разрешения отдельных проблем теоретического и прикладного характера, непосредственно связанных с организацией расследования таких преступлений. Некоторые из них уже давно требуют доктринального толкования в условиях постоянно изменяющейся системы законодательства в нашей стране, своего рода «перманентной правовой реформы», продолжающейся уже почти два десятилетия.

Конечно, это предопределяется постоянно изменяющимися условиями (как внутренними, так и внешними), в которых существует и действует государство. Право не высечено из камня, оно создаётся каждодневной практикой. Однако, работать в условиях, когда нормативно-правовая база, на основании которой действуют правоохранительные органы, и порой даже их структура и полномочия,

периодически меняются, становится очень тяжело. Практика просто не успевает за изменениями. Обобщение положительных и отрицательных примеров на должном уровне просто невозможно провести за короткое время. В результате соответственно методические рекомендации запаздывают, а порой и не создаются вовсе.

Применительно к разрабатываемой концепции должно отметить, что необходимость её разработки, как и предоставления основанной на ней системы конкретных рекомендаций, направленных на прямое применение при расследовании преступлений, совершенных на конфликтных территориях, диктуется как внутренними факторами (потребностями страны), так и внешними обстоятельствами (например, международными обязательствами).

С другой стороны, разрабатываемая концепция не потеряет своей актуальности и в том случае, если Россия не будет участвовать в военных конфликтах, и даже если российский военный, полицейский или гражданский персонал не будет участвовать в международных операциях по поддержанию мира. На её основе может быть разработан учебный курс, который внесёт свой вклад в поддержание необходимого уровня готовности правоохранительных органов к действию в экстраординарных обстоятельствах вооруженного противостояния и постконфликтного общества.

В зарубежной научной литературе, как, впрочем, и в нашей, имеется огромное количество работ, публикаций и других материалов посвящённых различным вопросам, связанным с военными преступлениями. Например, поисковая система «Google» по запросу «War Crimes» (военное преступление, англ.) выдаёт более 4 млн (!!!) ссылок на электронные ресурсы, содержащие это словосочетание¹. К сожалению, среди такого на первый взгляд огромного количества информационного материала работ, связанных с вопросами

¹ См.: www.google.com [электронный ресурс] (дата обращения 5.10.2021).

организации следственной деятельности и проведением отдельных следственных действий практически нет. Все эти источники можно разделить на несколько групп:

- исследования в области теории уголовного и гуманитарного права;
- обзоры практики работы трибуналов и судов, под юрисдикцию которых подпадает рассмотрение дел о военных преступлениях;
- анализы такой практики;
- публицистические и иные материалы, направленные на широкий круг читателей, но не имеющие ни научного ни практического значения.

При всей ценности этих работ просматривается серьёзный пробел в подходе к решению таких комплексных задач, а именно – недостаток обобщения и целостного рассмотрения проблем, возникающих на практике. Практическая ценность большинства научных работ, к сожалению, сведена к их использованию в качестве справочного материала прокурорами и судьями при подготовке к судебным заседаниям и при вынесении решений. Однако мало кто не согласится с тем, что на этих этапах исправлять большинство ошибок, допущенных при проведении расследования, уже поздно. К сожалению, автор не встретил ни одной работы, предоставляющей более или менее упорядоченный набор средств и методов, направленных на предотвращение такого рода ошибок, т.е. непосредственно проблемам расследования преступлений, совершаемых во время вооружённых конфликтов.

Применяя общее понимание концепции к разработкам, имеющим отношение к следственной деятельности, мы приходим к выводу, что общие её элементы должны иметь соответствующую «привязку». Таким образом, она должна включать в себя теоретические положения об своём объекте и месте в системе научного знания, раскрывать содержание отдельных элементов, обосновывать их значение для теории и практики следственной работы, а также намечать направления и

задачи возможного дальнейшего научного исследования¹. Объектом теоретической концепции в самом общем виде являются закономерности и тенденции в определённой сфере общественных отношений, содержащие социальное противоречие и порождающие проблемную ситуацию².

Ранее нами уже обосновывалась необходимость разработки отдельной частной методики расследования преступлений, совершенных в зоне вооруженного конфликта³. В свою очередь, концепция и отдельная методика связаны между собой как категории «общее» и «частное», методика вытекает из концепции. Концепция является более высокой степенью развития и обобщения научной мысли в этом направлении. В то же время большинство теоретических положений, предоставляемых концепцией, должны быть так или иначе реализованы в практических рекомендациях, предоставляемых практическим работникам конкретной методикой.

Объектом теоретической концепции в самом общем виде являются закономерности расследования преступлений. Отметим, однако, что в целом для концепции не имеет большого значения, какое конкретно преступление совершено, поскольку все они объединены общим родовым признаком - особыми условиями, в которых они совершались. Объектом предлагаемой концепции являются лишь специфические закономерности, вызванные очевидно необычными условиями расследования, вызванными этой специфической ситуацией. Аналогично в теории выделяются, например, закономерности расследования преступлений по горячим

¹ См.: Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 1993. С.77-97. См. также: Григорьев, В. Н. К вопросу о структуре теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сборник трудов участников Международной научно-практической конференции, 25 мая 2017 года – Ростов на Дону : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017. С. 57-63.

² См.: Ядов, В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Москва, 1987. С.14-29.

³ См.: Григорьев, В. Н., Антонов А. Н. К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне вооружённого конфликта // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. 2008. № 1. С. 329-332.

следам, групповых преступлений, преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.

В зависимости от того, о какой конкретной стороне деятельности идёт речь, различаются специфические закономерности правового обеспечения, организации, методики расследования преступлений в чрезвычайных условиях. В обычных ситуациях проявляются и другие закономерности этой деятельности, например, касающиеся её психологии, научной организации труда. Здесь эти закономерности в силу определённых оснований не выделяются. В частности, психологические закономерности не являются в чрезвычайных условиях специфическими только для расследования преступлений, они составляют объект более общей концепции о психологии деятельности в экстремальных ситуациях.

Конечно, далее в работе мы будем выделять отдельные виды преступлений, расследование которых будет иметь наибольшее количество особенностей. В данном случае речь в первую очередь идёт о закономерностях расследования преступлений, которые послужили причиной чрезвычайных обстоятельств, создали для них условия, а также были иным образом связаны с ними.

Таким образом, **объектом** данной теоретической концепции являются специфические закономерности правового обеспечения, организации и методики расследования преступлений, совершаемых на территории вооруженного конфликта, в том числе и находящейся под контролем международной администрации.

Среди наиболее крупных «блоков», составляющих объект, выделим правовые основы деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, совершаемых в зоне вооруженного конфликта, тенденции и закономерности этого процесса, специфические условия расследования преступлений обычными и специально создаваемыми местными, международными

или смешанными правоохрнительными структурами. Кроме того, есть и некоторые элементы меньшей значимости, вытекающие из вышеуказанных.

Объект представляемой теоретической концепции в значительной мере предопределяет её **систему**. Основное содержание в системе концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях составляют научно обоснованные и апробированные на практике теоретические положения, касающиеся организации расследования, выбора и применения технико-криминалистических средств и криминалистических приёмов с учётом специфических условий деятельности. В таком понимании она подходит под определение частной криминалистической методики, что и составляет её основу¹.

В свою очередь данная концепция не должна ограничиваться только методикой, которая представляет собой лишь одну из её составных частей. Кроме неё в содержание входят научные положения о правовом обеспечении и организации расследования преступлений, проводимых легитимной международной администрацией.

Право обоснованно рассматривается в юридической литературе как определяющий фактор и источник методических рекомендаций криминалистики². В рассматриваемой концепции ему отводится и другое место, где оно составляет самостоятельный элемент, существующий наряду с методикой. Это обусловлено тем, что в рассматриваемом случае все действия правоохрнительных органов подконтрольных временной (международной) администрации, и, в частности, расследование преступлений, наряду с обычным законодательным регулированием, нуждается в особом правовом обеспечении, соответствующим образом отвечающим сложившимся условиям.

¹ Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – Москва : Юрид. Лит., 1988. С. 170.

² Там же. С. 201.

Организация расследования преступлений в ряде работ рассматривается как составная часть криминалистической методики¹. Речь при этом идёт о традиционных мероприятиях, которые предпринимаются на уровне отдельного уголовного дела: планирование работы следователя, обеспечение квалифицированного руководства следственно-оперативной группой, подборка нормативного, другого необходимого материала и иные организационные мероприятия по уголовному делу, необходимые для успешного раскрытия преступлений. При расследовании преступлений в чрезвычайных условиях приходится предпринимать и организационные меры, выходящие за рамки отдельных уголовных дел. Среди них – формирование следственных групп для работы в чрезвычайных условиях, их материально-техническое снабжение, обеспечение реального участия различных субъектов в уголовном процессе, организация взаимодействия с местными органами государственной власти и управления, подразделениями внутренних войск, учебных заведений МВД и Вооружённых сил и т. д. В отличие от обычных ситуаций, где все эти вопросы в достаточной мере урегулированы, в чрезвычайных условиях из-за дезорганизации жизнедеятельности региона они выдвигаются на первый план и приобретают особую остроту.

Кроме особенностей уголовно-процессуального порядка правовое обеспечение расследования включает в себя особый правовой режим прямого правления международной администрации, который вводится в регионе при соответствующих условиях. На практике это обычно воплощается в создании миротворческой миссии под эгидой ООН, обладающей особым набором полномочий и всем необходимым для их осуществления.

¹ Возгрин, И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск : Вышэйш. шк., 1983. С. 114; Криминалистика : учебник / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – Москва : Юрид. лит., 1988. С. 334—336; Зеленский, В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. — Ростов-на-Дону, 1989. С. 56.

Основное назначение таких миссий ясно из названия – «миротворческие». Они призваны создать необходимые условия для стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка. По устранении обстоятельств, послуживших причиной принятия решения о вводе миссий, они как правило либо полностью прекращают своё существование (расформировываются), либо их мандат пересматривается так, как этого требуют новые условия.

Среди мероприятий, которые предпринимаются с этой целью, расследование преступлений, послуживших причиной, создавших условия или иным образом связанных с чрезвычайными обстоятельствами. Поэтому введение особого правового режима, по существу, способствует и проведению надлежащего расследования.

Систему концепции составляют научно обоснованные и проверенные на практике принципы и стандарты расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта, сложившиеся в международном праве и признаваемые международным сообществом, а также приемлемые с точки зрения Конституции и других основополагающих законодательных актов Российской Федерации.

Всё большее внимание к нормам МГП неоспоримо придаёт дополнительное значение правовым требованиям, ориентированным на соблюдение прав человека на охваченных конфликтами территориях. Большинство государств согласовало и признало обязательными общепризнанные стандарты, направленные на обеспечение прав и свобод, а также предоставление возможности реализовать их защиту юридическими средствами. Кроме того, не оспаривается необходимость установления и привлечения к ответственности лиц, нарушающих такие международно-правовые нормы¹.

¹ См.: ст. 88. Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. – URL :

Особое внимание международным сообществом уделяется выработке и закреплению в соответствующих актах основных правовых гарантий, удовлетворяющих представлениям о справедливом правосудии. Среди них – неотвратимость ответственности за совершение военных преступлений. Однако даже лицам, их совершившим, гарантируется справедливое судебное разбирательство¹.

Общепринято считать, что во многих областях международные стандарты обеспечения тех или иных прав и интересов могут и должны быть выше, чем нормы, установленные законодательствами отдельных стран. Подписанием какого – либо международного соглашения государство признает стандарты, устанавливаемые этими соглашениями, и берет на себя ответственность по приведению своего внутреннего законодательства в максимально возможное соответствие с ними. В случае, если отдельные позиции являются неприемлемыми, то за государством остаётся право отказа от подписи или подписи с оговорками, временно и вообще приостанавливающими применение отдельных позиций договора к стране-участнику.

В науке МГП выделяются следующие функции международных стандартов:

- 1) определение перечня прав и свобод, относящихся к категории основных и обязательных для всех государств;
- 2) формулирование главных черт содержания каждого из этих прав, которые должны получить воплощение в соответствующих конституционных и иных нормативных положениях;

<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> (дата обращения 08.09.2022).

¹ См.: Ст. 6. Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения : 08.09.2022).

3) установление обязательств государств по признанию и обеспечению провозглашаемых прав и введение на международном уровне самых необходимых гарантий, обуславливающих их реальность;

4) фиксирование условий пользования правами и свободами, сопряжёнными с законными ограничениями и даже запретами¹.

Право граждан на защиту со стороны государственных структур должно быть максимально обеспечено вне зависимости от ситуации на конкретной территории. Конечно, это обеспечение может быть невозможно в отдельный промежуток времени из-за военных действий, стихийных бедствий, массовых беспорядков и тому подобных явлений (т.е. обстоятельств *force majeure*). Никто, находящийся в здравом уме, не направит оперативно-следственную группу например для осмотра места происшествия на территорию, находящуюся в зоне боевых действий, или ещё не разминированную местность. Присутствует и множество иных обстоятельств, затрудняющих деятельность властных структур, включая правоохранительные органы. Несмотря на это, возможность обеспечения всех прав и законных интересов всех лиц, находящихся на постконфликтной территории (как граждан, так и неграждан), должна быть восстановлена в кратчайшие сроки после устранения таких трудностей.

Имеется целый ряд крупных международных инициатив и документов, связанных с произошедшими вооружёнными конфликтами и направленных на обеспечение принципа неотвратимости наказания путём проведения независимых расследований и привлечения виновных к ответственности. Среди таковых создание Международного Уголовного Суда, международных трибуналов по бывшей Югославии, Руанде, Ливану, специального суда в Сьерра Леоне и т.д.

¹ См.: Игнатенко, Г. В. Международные стандарты прав и свобод человека // Международное право : [Учебник для вузов по спец. "Правоведение" / под ред. Г.В. Игнатенко и Д.Д. Остапенко. Москва : Высш. школа, 1995. С. 243.

Уставы этих судов и трибуналов предоставляют в наше распоряжение набор принципов и стандартов квалификации, расследования и судебного рассмотрения военных преступлений, тем самым в свою очередь становясь источниками материального и процессуального права. В значительной степени они даже дублируют друг друга, повторяя отдельные положения, поскольку цели и задачи этих учреждений одни и те же, только элементы их юрисдикции *ratione personae*, *ratione loci* и *ratione temporis* различаются. Это только подкрепляет утверждение о том, что право рождается из практики, нужды которой изменяются, анализируются и закрепляются в последующих законодательных актах.

В этой связи заметим, что в настоящее время перед мировым сообществом скорее всего стоит проблема не создания новых норм «наднационального права» (здесь – в области международного или международного гуманитарного права), в чём в последнее время нет никакого недостатка, а в практической реализации уже имеющихся.

В целях претворения в жизнь международных принципов и стандартов ответственности за военные и иные преступления, совершенные в зонах вооружённых конфликтов, большинство стран законодательно закрепили обязанности государства по их расследованию. Это также нашло своё отражение в главе 34 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Уже отмечено, что в правоохранительной деятельности как на внутреннем, так и на международном уровнях, нередко возникают острые проблемы, для решения которых необходимо творчески исследовать систему международных норм, в результате чего механизм их реализации и действия может быть использован в национальной правовой системе¹. Несомненно, общепризнанные

¹ См.: Лукашук, И. И. Нормы международного права в правовой системе России : (Учеб.-практ. пособие). Москва : Спарк, 1997. – 89 с ; Марочкин, С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. 199 с.; Тихомиров, Ю. А. Реализация международно-правовых актов в российской правовой системе // Журнал российского права. 1999. № 3-4. С.87-96.

принципы и стандарты имеют огромное значение, но их закрепление в национальном законодательстве и применение на практике должно осуществляться только с учётом особенностей развития правовой системы каждой конкретной державы.

Перенос данных принципов в законодательство России обычно осуществляется либо путём прямого восприятия внутригосударственным правом нормы международного права без изменения её содержания (рецепция), либо путём их преобразования в нормы внутригосударственного права (трансформация)¹.

Постоянно меняющаяся международная политическая обстановка требует тщательного исследования международных принципов и стандартов расследования преступлений, совершенных во время вооруженного конфликта и на постконфликтной территории (если таковые имеются), их систематизации, определения возможности их «встраивания» в правовую систему нашей страны. В случае невозможности последнего, необходимо разрабатывать свои уникальные методики, которые впоследствии могут быть переданы на вооружение правоохранительным органам других стран. Конечно, не только можно, но и необходимо при этом пользоваться теоретической базой и практическим опытом, накопленными наукой и практикой других стран, или как минимум учитывать такой опыт и не повторять совершенных ранее чужих ошибок.

Попытки «синхронизировать» национальные и наднациональные правовые нормы неизбежно будут порождать конфликты. Одна из свежих иллюстраций – это кардинальное разделение мнений по поводу известного решения Европейского суда по правам человека (англ.: *European Court of Human Rights, ECtHR*; далее - ЕСПЧ)² в деле Кононов против Латвии (заявление № 36376/04). Как известно, заявитель, ветеран Великой Отечественной войны Василий Макарович Кононов, обжаловал в

¹ См.: Мингазов, Л. Х. Эффективность норм международного права. Казань, 1990. С.189.

² *European Court of Human Rights (ECtHR)* // Официальная интернет-страница ЕСПЧ : [сайт]. – URL : <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения : 6.07.2014).

Европейский суд приговор, осудивший его за действия в составе партизанского отряда на территории Латвии в 1944 году, которые были признаны латвийским судом преступными в 2004 (дело было возбуждено в 1998 году).

Рассмотрев дело по существу, 24 июля 2008 году одна из Судебных палат ЕСПЧ приняла решение в пользу заявителя. Судом было установлено нарушение статьи 7 Конвенции (Наказание исключительно на основании закона). После жалобы, поданной Латвией, 17 мая 2010 году Большая палата ЕСПЧ признала действия латвийского правосудия законными. Данное решение породило большое количество противоречивых мнений, как радостно поздравляющих Суд с созданием нового подхода к пониманию принципа неотвратимости ответственности за совершение военных преступлений и международного права вообще¹, так и осуждающих его как опасный судебный прецедент, который можно рассматривать как за попытку пересмотра результатов Нюрнбергского трибунала и правовых подходов к оценке результатов II Мировой войны².

Необходимость осторожного и взвешенного подхода к вопросам приоритета норм права регулярно озвучивается и в связи с другими ситуациями, в частности – современной системой международного правосудия. Так, Председатель Конституционного суда России В. Зорькин отметил, что приоритет наднационального права фактически означает создание «мирового правительства», и что чрезмерное использование институтов международного правосудия может

¹ См.: European Court of Human Rights recognizes acts committed by Vasiliy Kononov as a war crime // Пресс-релиз МИД Латвии от 17 мая 2010 : [сайт]. URL : <http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2010/may/17-05/> (дата обращения: 12.10.2016); Schabas, W.A. Kononov War Crimes Judgment Issued by European Court of Human Rights Grand Chamber. 2010. 17 мая – <http://humanrightsdoctorate.blogspot.com/2010/05/kononov-war-crimes-judgment-issued-by.html> (дата обращения 12.10.2022)

² См.: Постановление Государственной Думы РФ от 21 мая 2010 г. № 3694-5 ГД О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “В связи с принятием Большой палатой Европейского суда по правам человека постановления по делу В.М. Кононова” Текст : электронный // Официальный сайт Госдумы РФ : [сайт]. URL : http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd/asozd_text.php?nm=3694-5%20%C3%C4&dt=2010 (дата обращения 12.10.2012); Strasbourg sides with Nazis // радио Голос России 2010. 17 мая [сайт]. URL : <http://english.ruvr.ru/2010/05/17/7994664.html> (дата обращения : 12.10.2012).

привести к тому, что такое правосудие становится не международным судебским арбитром, а механизмом в руках какой-либо из сверхдержав или группы сильных государств. Он также призвал выстроить правильные отношения между национальными судебными системами и международным правосудием¹.

Отдельным самостоятельным элементом теоретической концепции является **правовое и организационное обеспечение** расследования преступлений, совершенных во время вооруженного конфликта. Кроме того, она предлагает **дополнения и изменения норм действующего законодательства** в рассматриваемой области, направленные на обеспечение действенности усилий правоохранительных органов в этом направлении.

К сожалению, без личного участия в расследовании, или вооружённом конфликте, а также присутствия на постконфликтной территории, сложно понять и осознать размах и социальные последствия преступлений, совершаемых в процессе этих конфликтов. Широко распространено мнение, что традиционные нормы уголовного права и процесса могут достаточно эффективно применяться в борьбе с ними, однако практика доказывает обратное.

Вернёмся к работе следственной группы СКП по преступлениям, совершённым во время вооружённого конфликта в Южной Осетии. Приходится признать, что государственные органы оказались слабо подготовленными к решительным действиям по расследованию военных преступлений. С другой стороны, порой кажется, что квалификация преступлений, совершаемых во время вооруженного конфликта, была обусловлена и политической конъюнктурой.

Так, председатель СКП А. Бастрыкин 23 декабря 2009 года заявил, что не исключено расширение квалификации деяний лиц, виновных в нападении на Южную Осетию. Тогда же он пояснил, что «возможно» дополнение

¹ См.: Валерий Зорькин поставил наднациональное право под национальным. Текст : электронный // Коммерсантъ. 2011. №86 . URL: <http://kommersant.ru/doc/1642018>. (дата обращения 12 октября 2012).

первоначальной квалификации преступлений, совершенных в Южной Осетии, четырьмя статьями Уголовного Кодекса РФ: 353 «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны», 356 «Применение запрещённых средств и методов ведения войны», 359 «Наёмничество» и 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой»¹. С другой стороны, заявления о массовом совершении «военных преступлений» во время конфликта звучали со всех уровней, вплоть до Президента России. На фоне вышеупомянутой информации об огромном количестве работы, проведённом следственной группой по уголовному делу, создавалось впечатление, что в скором времени состоятся заседания российских судов, которые вынесут решения о наказании виновных.

Вместо этого, как выяснилось позже, материалы расследования были переданы российской стороной в Международный уголовный суд². Как сообщалось, «Копии материалов уголовного дела направлены прокурору Международного уголовного суда ... для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц Грузии, виновных в совершении преступлений против граждан Российской Федерации»³. Однако, доступная официальная интернет-база данных суда до настоящего времени содержит ссылки только на жалобу Грузии против России по этому же вопросу, а никаких признаков наличия в его производстве дела против Грузии нет⁴.

¹ См.: Бастрыкин: Следствие располагает явными признаками геноцида в Южной Осетии Текст : электронный // Regnum : [сайт]. URL : <https://regnum.ru/news/1103513.html> (дата обращения : 30 мая 2018).

² См.: МУС начал расследование военных преступлений в Южной Осетии. Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. URL : <https://ria.ru/world/20160127/1366054923.html> (дата обращения : 30 мая 2018).

³ См.: В Международный уголовный суд направлены материалы о событиях в Южной Осетии Заявление официального представителя Следственного комитета Владимира Маркина (видео файл). Текст : электронный // Сайт Newstube : [сайт]. URL : <https://www.newstube.ru/m/466615> (дата обращения 5.05.2018)

⁴ См. МУС (англ./фр.) : [сайт]. URL : <http://www.icj-cij.org> (дата обращения : 30 мая 2018).

Европейский суд по правам человека также уже принял к рассмотрению жалобу против России, а не наоборот¹. По поводу ранее обозначенных перспектив уголовного преследования виновных в этих убийствах и других преступлениях правоохранительной системой Российской Федерации ничего не известно вообще. Явилось ли это результатом недобросовестно проведённого расследования, удовлетворения чьих-то амбиций, или таков был план с самого начала, остаётся только догадываться.

С другой стороны, оказывается имеются и формальные недочёты в действующем законодательстве, препятствующие нормальному судебному рассмотрению дел о преступлениях, совершенных за пределами России. Подтверждает это недавнее решение Конституционного Суда Российской Федерации, указавшее на отсутствие правил установления территориальной подсудности по делам о таких преступлениях². Действительно, в соответствии с частью первой статьи 32 УПК Российской Федерации, уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, каковым признаётся то место совершения деяния, содержащего признаки преступления, где оно пресечено или окончено (часть вторая статьи 32, часть первая статьи 73 и часть первая статьи 152 УПК Российской Федерации, статьи 8, 11, 12, 14, 29 и 30 УК Российской Федерации). Конституционный суд постановил, что данное правило - в силу ограничения юрисдикции Российской Федерации по судебному рассмотрению уголовных дел территорией Российской Федерации, если иное прямо не предусмотрено международным договором Российской Федерации или УПК РФ

¹ См.: Решение Европейского суда по правам человека о приемлемости жалобы № 38263/08, Грузия против России. Текст : электронный // Право. ру : [сайт]. URL : <https://pravo.ru/news/229035/> (дата обращения 5.05.2018).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. N 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова», §§ 3-5. Текст : электронный // Гарант.ру : : [сайт]. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70145112/> (дата обращения 5.05.2018).

(например, в части второй статьи 2), - не позволяет однозначно определить территориальную подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов Российской Федерации.

Очевидно, имеются и иные объективные трудности на пути привлечения виновных к ответственности. Однако представляется, что во многом недостатки в планировании расследований и сборе доказательственной информации обусловлены и субъективным фактором – неполной готовностью личного состава к проведению расследований такого плана, отсутствию стратегического планирования таких объёмных расследований (особенно на первоначальном этапе, по «горячим» следам), бессистемностью и разбросом усилий при подготовке доказательственной базы – т.е. отсутствием чёткого представления о конечном «продукте», получение которого ожидается после проведения всех необходимых следственных мероприятий.

Основная задача разрабатываемой нами концепции расследования преступлений, совершаемых в зоне международного вооруженного конфликта и есть устранение или сведение к возможному минимуму негативных последствий такой неготовности.

Концепция расследования преступлений, совершенных во время вооруженного конфликта, также включает в себя **рассмотрение отдельных вопросов управленческого, ресурсного и информационного характера**. Они касаются формирования и обеспечения деятельности специальных следственных подразделений, организации взаимодействия этих подразделений с органами дознания, прокуратуры и суда, обеспечения их материальной базы и других проблем управленческого уровня. Рассмотрение этих вопросов необходимо потому, что успешное решение таких задач во многом предопределяет успех такого рода расследований в целом.

Как уже отмечалось выше, наша страна не обладает обстоятельным свежим опытом в данной области, во многом благодаря своему мирному развитию в

последнее время. При разработке мер правового и организационного обеспечения необходимо принимать во внимание, накопленный международным правосудием во время расследований преступлений в бывшей Югославии, Африке, Ливане, Камбодже, Восточного Тимора, и др. Используемый системный подход к рассмотрению существующих проблем позволяет выявить и использовать уже имеющиеся в распоряжении нашего государства и мирового сообщества средства и методы борьбы с преступлениями данной группы.

Отдельным и одним из наиболее важных элементов представляемой теоретической концепции являются **особенности расследования по уголовным делам** о преступлениях, совершенных во время вооруженного конфликта, то есть непосредственно отдельная целостная методика расследования таких преступлений.

В данной методике будет представлен комплекс методических рекомендаций, отражающих специфические особенности расследования по уголовным делам рассматриваемой категории, знание которых позволит эффективно устанавливать основания для возбуждения уголовного дела (лат.: *prima facie*), обеспечивать сбор доказательств и, следовательно, обеспечивать дальнейшее привлечение виновных к ответственности. Отдельное внимание в концепции, как и в разрабатываемой методике, уделяется особенностям взаимодействия следственных структур с военными подразделениями. Кроме того, представлен ряд алгоритмов действий следователя в типовых ситуациях.

Несомненно, что никакая методика не может нормально работать без соответствующего правового обеспечения, соответствующих организационных мероприятий, связанных с контекстом – вооружённым конфликтом. Поэтому рекомендации выделяются на основании особого правового положения и особых условий деятельности правоохранительных органов на территории вооружённого конфликта. К ним предъявляются следующие требования: они должны быть в первую очередь выполнимыми (т.е., основанными на реальном положении вещей),

конкретными и достаточно гибкими, т.е. предоставляющими возможность быстрой корректировки в ходе реализации без потери качества.

Таким образом, концепция расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооружённого конфликта, представляет собой *объединённые одним объектом теоретические положения о принципах и стандартах расследования преступлений совершенных в зоне вооружённого конфликта, правовом и организационном обеспечении, особенностях предотвращения, расследования и судебного рассмотрения дел о таких преступлениях, а также систему практических рекомендаций, направленных на оптимизацию этого процесса.*

По отношению к различным областям юридических знаний концепция является **междисциплинарной**, так как в неё вносит свой вклад не только уголовное и уголовно-процессуальное право, но и теория оперативно-розыскной деятельности, криминалистика, криминология, психология, международное уголовное и гуманитарное право и другие области знаний.

Помимо чисто **научной ценности**, концепция имеет значительное **практическое значение**. Массив практического и научного материала по вопросам расследования преступлений, совершенных на территории вооружённого конфликта, является очень динамичным и постоянно пополняется новой информацией. Представляемая концепция является первой цельной попыткой его систематизации, осмысления, и формулировки на этой основе выводов и предложений. Она объединяет в себе разрозненные научные положения о деятельности правоохранительных органов на территории вооружённого конфликта в единую систему. Это вносит свой вклад в обеспечение возможности выявления ранее неисследованных вопросов в юридической науке, ошибок и недочётов в ранее предложенных подходах к решению тех или иных задач, более точной оценки сложившейся ситуации и её причин, формулирования средств и методов её разрешения. Она предоставляет сотрудникам правоохранительных

органов научно-обоснованные рекомендации по организации расследования преступлений на территории вооружённого конфликта и на постконфликтных территориях, методику и особенности их применения.

Концепция направлена в первую очередь на обеспечение эффективного расследования, повышение оперативности, профессионального уровня и эффективности судебно-следственной практики. В конечном итоге, внедрение комплекса мер, предлагаемых в концепции, поможет обеспечить более решительную защиту прав и законные интересы человека и гражданина в Российской Федерации.

Помимо всего вышесказанного, данная концепция предполагает **перспективный подход** к исследуемой проблеме, который открывает возможность для проведения дальнейших научных исследований функционирования различных институтов общества, координации их деятельности в сфере защиты прав и законных интересов, затрагиваемых вооружённым конфликтом, и формулировки на этой основе дальнейших предложений по совершенствованию изучаемых процессов.

Подытоживая все вышеизложенное, обозначим основные направления исследования в процессе разработки концепции:

- теоретическое обоснование необходимости её создания;
- изучение предпосылок возникновения этой концепции;
- чёткое определение её понятия, содержания, условий её применения;
- обозначение круга преступлений, совершаемых во время вооружённых конфликтов;
- обзор и оценка значимости существующих внутренних и международных принципов и стандартов в данной сфере;
- обобщение зарубежного опыта, применимого в этой области;

- выявление новых, более совершенных и приемлемых в российских условиях средств и способов борьбы с такими преступлениями (в том числе системы превентивных мер);
- разработка системы мер и механизмов (правовых, управленческих, организационных, материально-технических и др.) направленных на оптимизацию процесса расследования;
- определение особенностей возбуждения уголовных дел и производства следственных и процессуальных действий, а также судебного рассмотрения (т.е. методики) расследования преступлений на постконфликтной территории.

Глава II

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

§ 1. Правовые и иные предпосылки расследования преступлений в зоне международного конфликта и на постконфликтной территории

В нормально функционирующем гражданском обществе нормативные предпосылки деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений прямо установлены законом и являются очевидными. Уголовное законодательство устанавливает список преступных деяний, административное – административных правонарушений и т.д. Процессуальное законодательство устанавливает чёткие процедуры по их расследованию и судебному рассмотрению, перечисляет органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять необходимые действия, определяет их компетенцию. Законодательные положения как материального, так и процессуального права обеспечиваются соответствующей материально-технической, кадровой и организационной базой, что позволяет успешно реализовывать их на практике.

Применительно к следственной деятельности, это выражается в том, что при совершении преступления «включаются» стандартные механизмы реагирования (принятие заявления, проведение следственных действий, оперативное и экспертное сопровождение расследования и т.п.). Эти механизмы обеспечивают принципиальную возможность того, что при правильном и планомерном их использовании преступление будет раскрыто, виновные привлечены к ответственности, а ущерб, причинённый потерпевшим, будет компенсирован. Конечно, мы не утверждаем, что в реальности все преступления раскрываются и что все расследования приводят к установлению виновных привлечению их к ответственности. В данном случае главное значение имеет то, что правовые

положения, при их правильном и полном применении и исполнении, должны обеспечить принципиальную возможность раскрытия любого преступления. Материализация же этой возможности в реальной жизни, несомненно, зависит от ряда факторов, многие из которых неподконтрольны следователям.

Ситуация же, в которой приходится действовать правоохранительным органам в зоне конфликта или после его окончания, драматически отличается от такой же работы в стабильном мирном обществе, на практике большинство стандартных процессуальных предписаний или перестают срабатывать, или у правоохранительных органов просто нет возможности проводить полноценное расследование. Причины этого разные, порой первоочередной задачей органов полиции просто является наведение и поддержание минимального правопорядка и защита населения от нападений со стороны вооружённых формирований стороны. Также и процесс расследования изменяется, «подстраиваясь» по обстановку, в которой приходится действовать.

Начиная говорить о правовых предпосылках расследования преступлений на конфликтных и постконфликтных территориях, отметим, что обязанность государственной власти расследовать эти преступления вытекает в первую очередь из общей обязанности государства по защите своих граждан от противоправных посягательств, т.е. обязанности защищать фундаментальные права человека на своей территории¹.

В этой связи считаем необходимым обратиться к опыту отдельных органов международного правосудия, в первую очередь ЕСПЧ. Всеми этими институтами признаётся, что среди таких прав, в связи с которыми обязанности государства не прекращаются и не приостанавливаются даже во время вооружённых конфликтов или иных чрезвычайных условий, в первую очередь право на жизнь и личную

¹ Стандарты и практика в области прав человека для работников полиции. Расширенное карманное пособие по правам человека для работников полиции. - Текст : электронный // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека : [сайт]. - URL : <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/training5Add3ru.pdf> (дата обращения 21.10.2022).

неприкосновенность, право на личную свободу, запрещение пыток и иного жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Автор понимает, что в настоящее время Россия не является ни членом Совета Европы¹ ни государством-подписантом Европейской конвенции². Ранее, решения ЕСПЧ и положения Конвенции подлежали применению российскими судами, являлись для них обязательными³. В то же время, решения ЕСПЧ против Российской Федерации, вынесенные до 16 марта 2022 всё же подлежат исполнению⁴. Поскольку практика Европейского суда является богатейшим источником толкований и правоприменительной практики в мире, считаем возможным пользоваться ею в рамках данного исследования.

В частности, по отношению к расследованию тяжких преступлений против личности, Европейским Судом уже не раз отмечалось, что расследование должно быть проведено независимым органом быстро и всестороннее, быть доступно для потерпевшего или его семьи, процесс следствия и его результаты должны быть в определённой степени открыты для общественного контроля. Также, расследование также должно быть эффективным в том смысле, что обеспечивать

¹ Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428ter meeting of the Ministers' Deputies) // ECtHR [электронный ресурс] - Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a5da51 (дата обращения 3.11.2022)

² The Russian Federation ceases to be a Party to the European Convention on Human Rights. Press release by the Registrar of the ECtHR // ECtHR [электронный ресурс] - Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22sort%22:\[%22kdate%20Descending%22\],\[%22itemid%22:\[%22003-7435446-10180882%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22sort%22:[%22kdate%20Descending%22],[%22itemid%22:[%22003-7435446-10180882%22]}) (дата обращения 3.11.2022)

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней», ст.2 // Официальный интернет-портал ВС РФ <https://www.vsrp.ru/documents/own/8352/?ysclid=1a9cj80948269507033>, 3.11.2022.

⁴ Россия перестает выполнять решения ЕСПЧ // Российская газета [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/14/rossiia-perestaet-vypolniat-resheniia-espch.html?ysclid=1a8oil9rnq393990748> (дата обращения 8.11.2022)

принципиальную возможность определения причин и правомерности наступления смерти, и в конце концов к установлению и наказанию виновных¹.

Суд многократно отмечал, что в соответствии с требованиями статьи 2 Европейской Конвенции по правам человека (ЕКПЧ), государство обязано расследовать случаи смерти при неясных обстоятельствах, в т.ч. и самоубийства. Признавая, что расследования не всегда приводят к установлению виновных, а порой и признаков преступления вообще, Суд определил, что обязательность расследования – это «не обязательство “результата”, а обязательство “средств”». Это означает, что уполномоченные государственные органы должны как можно быстрее предпринять все резонные шаги по сбору доказательств, в т.ч. например показаний очевидцев, свидетелей, материальных следов, данных судебно-медицинских исследований (включая заключение о причине наступления смерти)², осуществить объективный, полный и всесторонний анализ собранной информации и на этой основе сделать взвешенное заключение³. Недостатки расследования, которые ставят под сомнение или делают невозможным установление причины смерти и привлечение виновных к ответственности, считаются наиболее серьёзными и приводят к нарушению этого стандарта⁴. Помимо этого, власти должны предпринять серьёзные попытки по установлению истины; они не должны полагаться на поспешные или недостаточно обоснованные решения о прекращении расследования⁵. Таким образом, при выполнении этих минимальных требований

¹ См. напр.: ECtHR [GC], *Varnava and Others v. Turkey*, nos 16064/90 and others, judgment of 18 September 2009, § 191; ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, § 63

² См. напр.: ECtHR, *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, ECHR 2000-VII, § 106; ECHR, *Isayeva v. Russia*, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, § 212.

³ См. напр.: ECtHR, *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, judgment of 6 April 2004, § 312; and *Isayeva v. Russia*, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, § 212.

⁴ См. напр.: ECHR, *Isayeva v. Russia*, вышеуказ. ссылка; сравнить: ECHR, *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, judgment of 4 April 2000, § 144.

⁵ См.: ECtHR [GC], *El-Masri v. “the Former Yugoslav Republic of Macedonia”*, no. 39630/09, judgment of 13 December 2012, § 183; ECtHR [GC], *Mocanu and Others v. Romania*, nos 10865/09, 45886/07 and 32431/08, judgment of 17 September 2014, § 322.

расследование может быть признано «эффективным»¹ даже если в результате виновные не привлечены к ответственности².

ЕСПЧ также поясняет, что «... участие ближайших родственников служит для обеспечения подотчётности властей и общественного контроля за их действиями при проведении расследования. Право семьи погибшего участвовать в расследовании или судебном рассмотрении гибели ... требует принятия необходимых мер, направленных на обеспечение защиты их интересов, которые могут прямо противоречить интересам полиции или сил безопасности, вовлечённых в события...»³. С другой стороны, по признанию Суда, их участие в процессе должно быть обеспечено не беспредельно, а только в том объёме, который необходим для защиты их прав и законных интересов, и не «угрожает» интересам следствия⁴.

Несомненно, что ситуация, в которой приходится действовать правоохранительным органам во время вооружённого конфликта, серьёзнейшим образом отличается от их работы в нормальное, мирное время. В этой связи возникает вопрос, применимы ли требования к проведению расследований в одинаковой мере и к военному времени, или они неизменны; могут и должны ли те же действия выполняться в полной мере, или возможны «сокращения» и иные издержки.

Высказывая своё мнение по этому поводу, ЕСПЧ, отмечает, что положения статьи 2 Европейской конвенции (право на жизнь) полностью применимы как на

¹ См. напр.: ECtHR, Grand Chamber (GC), *Varnava and Others v. Turkey*, nos 16064/90 and others, judgment of 18 September 2009, § 191; ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, § 63.

² См. напр.: ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, ссылка выше, § 65; ECtHR [GC], *Giuliani and Gaggio v. Italy*, no 23458/02, judgment of 24 March 2011, §§ 301 and 326.

³ См.: ECtHR, *Anusca v. Moldova*, no. 24034/07, judgment of 18 May 2010, § 44 and ECtHR, *McKerr v. the United Kingdom*, ссылка выше, § 148.

⁴ См. напр.: ECHR, *Kelly and Others v. the United Kingdom*, no. 30054/96, judgment of 4 May 2001, § 144; ECHR, *McKerr v. the United Kingdom*, ссылка выше, § 115; ECtHR [GC], *Ilhan and Others v. Turkey*, no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII; ECtHR, *Trubnikov v. Russia*, no. 49790/99, judgment of 5 July 2005, § 88.

постконфликтных территориях¹, так и «на территориях со сложными и небезопасными условиями, а также и в контексте вооружённого конфликта»². Схожую позицию высказывает и Комитет по правам человека ООН (Англ.: *UN Human Rights Committee* (HRC), далее - КПЧ ООН): «Вопрос о праве на жизнь, провозглашённом в статье 6 Пакта, рассматривается в докладах всех государств. Это - основополагающее право, от которого не допускается никаких отступлений даже во время чрезвычайного положения в государстве, при котором существование нации находится под угрозой (статья 4). Однако Комитет отмечает, что информация, представленная в связи со статьёй 6, довольно часто ограничивается лишь тем или иным аспектом этого права. Право на жизнь является правом, которое нельзя толковать узко»³.

Однако, отдавая должное реальной ситуации «на земле», ЕСПЧ всё же признаёт, что в ситуациях, «когда гибель людей, подлежащая расследованию в соответствии с требованиями статьи 2, происходит в ситуациях, характеризующихся наличием большого количества незаконных насильственных действий, вооружённого конфликта или отдельных “партизанских” действий, на пути следствия могут быть дополнительные преграды и трудности, которые могут принудить к использовать менее эффективных следственных мероприятий, или привести к задержкам в проведении расследования»⁴.

Несмотря на это, Европейский Суд также отмечает, что «обязанность по защите жизни ... означает, что даже в трудных и небезопасных условиях все возможные шаги для обеспечения проведения эффективного и беспристрастного

¹ См. напр.: ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, ссылка выше; ECtHR, *Jularić v. Croatia*, no. 20106/06, judgment of 20 January 2011.

² См. напр.: ECtHR [GC], *Al-Skeini and Others v. the United Kingdom*, judgment of 7 July 2011, no. 55721/07, § 164; ECtHR, *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, ссылка выше, §§ 85-90, 309-320 and 326-330; *Isayeva v. Russia*, ссылка выше, §§ 180 and 210.

³ UN HRC, General Comment No. 6. Article 6 (The right to life), 16th Session, adopted 30 April 1982, UN Doc. HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I), § 1.

⁴ См. напр.: ECtHR [GC], *Al-Skeini and Others v. the United Kingdom*, ссылка выше, § 164; ECtHR, *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, judgment of 27 July 2006, § 121.

расследования обвинений в нарушении права на жизнь должны быть предприняты»¹.

ЕСПЧ отдельно подчеркнул, что требование разумной быстроты и безотлагательности проведения расследования, как неотъемлемая часть эффективного расследования, установлено для того, чтобы прояснить обстоятельства чьей-либо гибели². Этот же судебный орган также неоднократно высказывался о том, что даже тех случаях, когда расследование в своих начальных стадиях встречало определённые объективные трудности, связанные с войной или послевоенной ситуацией, безосновательное длительное бездействие властей по отношению к расследованию преступлений после окончания конфликта уже не может быть оправдано³.

КПЧ ООН занимает схожую позицию, отмечая что «... государства должны разработать эффективные средства и процедуры тщательного расследования дел об исчезнувших и пропавших без вести лицах при обстоятельствах, которые могут быть связаны с нарушением права на жизнь»⁴.

Действительно, во время вооружённого конфликта объём следственных действий по конкретным происшествиям может значительно уменьшаться, кроме того, зачастую необходимые процессуальные акты также не выносятся. То есть, страдает как содержание, так и форма следственного процесса. Так, например, только в регионе г. Призрень провинции Косово с июня 1998 по июнь 1999 года

¹ См. напр.: ECtHR, *Kaya v. Turkey*, judgment of 19 February 1998, § 105, Reports of Judgments and Decisions 1998-I, at §§ 86-92; ECtHR [GC], *Tanrikulu v. Turkey*, no. 23763/94, judgment of 8 July 1999, §§ 101-110, ECHR 1999-IV; ECtHR, *Isayeva v. Russia*, ссылка выше, §§ 215-224; ECtHR, *Musayev and Others v. Russia*, nos 57941/00 and others, judgment of 26 July 2007, §§ 158-165; а также мн. другие.

² См. напр.: ECtHR, *Paul and Audrey Edwards*, no. 46477/99, judgment of 14 March 2002, § 72, ECHR 2002-II; ECtHR, *Jelić v. Croatia*, no. 57856/11, judgment of 12 June 2014, § 91.

³ См. напр.: ECtHR, *Agache and Others v. Romania*, no. 2712/02, judgment of 20 October 2009, § 80; ECtHR, *Association “21 December 1989” and Others v. Romania*, nos. 33810/07 and 18817/08, judgment of 24 May 2011, § 100.

⁴ См.: HRC, General Comment No. 6, § 4; см. также: HRC, *Abubakar Amirov and Aïzan Amirova v. Russian Federation*, communication no. 1447/2006, views of 22 April 2009, § 11.2, CCPR/C/95/D/1447/2006.

было зарегистрировано более 800 тяжких и особо тяжких преступлений против общественной безопасности, жизни и собственности граждан. По подавляющему большинству из них были проведены только первоначальные следственные действия (осмотр места происшествия, опрос потерпевших и свидетелей, судебно-медицинское освидетельствование и т.п.). В некоторых из них участвовали прокуроры и/или судьи-следователи¹, но большинство производилось следственно-оперативными группами, а порой и просто патрулями, самостоятельно. Данные дела только регистрировались и после шести месяцев помещались в архив. Когда, в 2006 году, копии всех этих материалов были получены Департаментом правосудия МООНК, ни в одном из них не было согласия прокурора на приостановление производства, что говорит о полном отсутствии прокурорского надзора за расследованием в чрезвычайных условиях (широкомасштабная антитеррористическая операция). То есть, после проведения первоначальных следственных действий, дела были *de-facto* приостановлены, без вынесения официальных решений.

Из приведённого примера видно, что особые условия, в которых приходится действовать правоохранительным органам, диктуют необходимость выработки и внедрения особых процедур проведения расследований. Различные обстоятельства, такие как наличие персонала, условия безопасности и т.д., обуславливают сокращение следственных действий до минимально необходимого, а порой и до одной только регистрации сообщений и заявлений. Это обусловлено тем, что

¹ В соответствии с Законом об Уголовном Процессе СФРЮ (серб.: *Zakon o krivičnom postupku SFRJ*, далее – УПК СФРЮ), полиция и прокуратура проводит только первоначальные следственные действия, направленные на установление подозреваемых. С момента установления такового, прокурор должен направить в суд ходатайство об открытии уголовного дела, назначении судьи следователя, и проведении ряда следственных действий. После выполнения предложенных следственных действий судья возвращает материалы уголовного дела прокурору для пересмотра и принятия решения о дальнейших действиях (составление обвинительного заключения, проведение дополнительных следственных действий, приостановление производства и т.п.). См.: ч.1 ст. 155, ст. 157, 158 и 174 УПК СФРЮ, Сборник законодательных актов СФРЮ (*Službeni Glasnik SFRJ*), № 26, Белград, 1986.

«обработать» значительно возросшее количество происшествий, полностью выполнив все установленные законом требования, практически невозможно. По крайней мере, правоохранительные органы должны сконцентрироваться на максимально полной фиксации обстановки и имеющихся доказательств. Все эти материалы будут использованы позже, когда появится возможность проведения полномасштабных расследований.

Здесь уместно вспомнить ранее высказанную позицию автора по поводу алгоритмов решения типовых «общетактических» задач расследования, призванных обеспечить принципиальную возможность сбора доказательств, тем самым дополнительно обеспечивая эту сторону его эффективности¹. В последующих главах мы отдельно остановимся на этом вопросе.

В нашей работе мы не говорим о «худших случаях», когда органы охраны правопорядка не работают вообще, то есть и подать заявление или позвонить просто некуда. В таких экстремальных ситуациях как правило вопрос стоит в первую очередь о сохранении жизни граждан и говорить о какой-либо следственной деятельности просто нет смысла.

Вспомним в этой связи вышеприведённый пример – убийство четырнадцати мирных сербских земледельцев у села Старо Грацко в Косово. В процессе расследования того преступления, например, выяснилось, что незадолго до трагедии жители села, среди которых вероятно были и некоторые из погибших, во время встреч с представителями КФОР высказывали им опасения по поводу своей безопасности, в частности во время сельскохозяйственных работ. Вследствие этого, люди просили выделить им охрану или хотя бы выставить вооружённый стационарный контрольный пункт, чтобы ограничить перемещение албанского населения. Однако, их просьбы остались невыполненными, поскольку реальность угрозы была оценена как низкая. Результаты этой ошибки правоохранительных

¹ См.: Антонов А.Н. Решение типовых задач расследования (тактико-криминалистический аспект). Диссертация на соискание учёной степени канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 135.

органов (т.к. до сентября 1999 подразделения КФОР выполняли все функции полиции), а может быть и намеренного искажения фактов, как известно были ужасны.

Таким образом, с нашей точки зрения, основной правовой предпосылкой деятельности по расследованию преступлений на конфликтной и постконфликтной территории является обязанность государства по защите прав и основных свобод лиц, находящихся на его территории, вытекающая из международных стандартов прав человека. В то же время, нельзя не признать, что следствие на территории, охваченной вооружённым конфликтом, вряд ли будет проводиться с полным исполнением процессуальных правил и с применением абсолютно тех же стандартов, как и в мирное время. Даже если «теория» будет настаивать на том, что это неверно, практика будет диктовать свои правила.

Конечно, есть и случаи, когда наряду с законодательством существует и «параллельная» система правосудия, отправляемого местными лидерами, вождями, советом старейшин и т.п., как во многих странах Африки, например, в Сьерра Леоне. Там существуют суды, полиция и даже тюрьмы, контролируемые советами вождей. Также, известны системы правосудия по законам «шариата», действующие в странах исламского мира. Шариатские суды, «полиция нравов», в одних случаях сами являются государственными структурами, а в других – действуют одновременно с правительственными правоохранительными органами¹.

В то же время, деятельность таких систем правосудия тоже в какой-то мере, пусть и формально, урегулирована законодательно². В случае же возникновения вооружённого конфликта, они практически так же, как и государственные, не могут остаться не затронутыми и беспрепятственно действовать.

¹ См. напр.: Customary Justice and the Rule of Law in War-Torn Societies / Deborah Isser, editor. - Washington : United States Institute of Peace, 2011. 386 p.

² См. подробнее: Reed T., Robinson James A. The Chieftdom of Sierra Leone. Harvard University, 15 июля 2013 г., 141 с. // На официальном сайте Гарвардского университета [электронный ресурс] - режим доступа. - <https://scholar.harvard.edu/files/jrobinson/files/history.pdf> (дата обращения 31.05.2018)

Теперь перейдём к рассмотрению иных предпосылок и условий расследования преступлений в зоне международного конфликта. В первую очередь отметим, что зачастую правоохранные органы, работающие на территории вооруженного конфликта, сталкиваются в своей деятельности с **неясностью законодательства, подлежащего применению**. Это распространяется как на правоохранные деятельность вообще, так и конкретно на процесс расследования преступлений на конфликтной и постконфликтной территории. Поясним свою позицию.

Мы не имеем в виду, что нужных законов нет; в основе этой неясности лежит проблема иной, двойственной природы. Во-первых, зачастую законы, действовавшие до конфликта, могут частично или полностью быть связаны, ассоциироваться, с теми негативными проявлениями предыдущей власти, которыми, собственно, и породили сам конфликт. То есть, некоторые законы могут сами быть частью причины конфликта. Следовательно, даже само упоминание их, а тем более их применение их после конфликта, как минимум вызовет недоумение и недовольство, а скорее всего встречены они будут враждебно. Естественно, правоохранные органы, как носители обязанности по защите правопорядка, окажутся «на острие» этого недовольства, что само по себе окажет серьёзное негативное воздействие на деятельность полиции. Доверие граждан будет подорвано и восстановить его будет нелегко. Назовём эту сторону проблемы «принципиальной».

Ещё в 2000 году в докладе Совету Безопасности ООН, отдельные проблемные моменты в функционировании временных гражданских администраций ООН (тогда существовавшими в Косово и Восточном Тиморе), команда экспертов под руководством посла Лахдара Брахими отметила, что вопрос о законодательстве на постконфликтных территориях, особенно в уголовно-правовой сфере, являются «насущной проблемой». И в Косово, и в Восточном Тиморе было отмечено, что местные судебные и правоохранные структуры или не существовали вообще,

или не работали, или подвергались запугиванию со стороны «вооружённых элементов». С другой стороны, «законодательные акты и правовые системы, преобладавшие до конфликта, были подвергнуты сомнению или отвергнуты основными группами населения, пострадавшими от конфликтов»¹.

Миссия ООН по наблюдению за правами человека на Украине (англ.: *UN Human Rights Monitoring Mission in Ukraine*) отмечала следующее: «Заместитель министра внутренних дел обратился с просьбой о международной помощи в проведении расследования, путём письменных обращений в четыре посольства (Германия, Израиль, Соединённое Королевство и Соединённые Штаты). Независимая комиссия запросила помощь иностранных экспертов от ОБСЕ и Совета Европы. Комиссия официально запросила помощь специалистов от Генерального секретаря ООН, Верховного комиссара по правам человека, Миссии по наблюдению за соблюдением прав человека на Украине и Постоянного координатора ООН на Украине. Считается, что такие независимые международные эксперты смогут получить более адекватные результаты, поскольку свидетели будут больше доверять иностранцам, чем местным чиновникам»².

С другой стороны, возможен простейший недостаток текстов тех или иных законов, опять же из-за конфликта. Полицейские участки, прокуратура и суды, как известно, часто становятся объектами атак. Вследствие этого, сами тексты на различных носителях могут быть просто уничтожены. При неработающей иной инфраструктуре, это может быть достаточно серьёзной проблемой — это её «материальная» составляющая.

¹ См.: Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Report of the Panel on United Nations Peace Operations (“Brahimi Report”), 21 August 2000, UN Doc. No. A/55/305-S/2000/809, § 79 // доступен на официальном сайте ООН.

² Report on the human rights situation in Ukraine, 15 July 2014, § 109 // Доступен (на англ. языке) на официальном сайте УВКПЧ ООН [электронный ресурс]. - режим доступа - http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine_Report_15July2014.pdf (дата обращения 31.05.2018)

Так, например, сразу же после введения Временной администрации ООН в Косово для разъяснения вопроса о законодательстве, подлежащем применению, было оперативно подготовлено и издано Распоряжение главы миссии за номером 1999/1, позже дополненное и уточнённое Распоряжением № 1999/24 (англ.: *UNMIK Regulation*; далее – Распоряжение МООНК), снявшее все проблемы. Они установили иерархию законов, в соответствии с которой действующими и, следовательно, подлежащими применению на территории Косова были признаны следующие нормативные акты:

1. Распоряжения МООНК, подписанные Специальным представителем Генерального секретаря ООН (англ. *Special Representative of the Secretary-General*, далее - СПГС) (имеют высшую юридическую силу),
2. Международно-правовые акты (имеют прямое действие на территории подконтрольной МООНК);
3. Законы и подзаконные акты, действовавшие на территории Косова на 24 марта 1989 (дата аннулирования статуса автономной провинции), а также директивы, направленные на реализацию Распоряжений МООНК (англ.: *Administrative Direction*; далее – Директива МООНК);
4. Более поздние местные законодательные акты в правовых областях, не обеспеченных законодательными актами из предыдущих трёх пунктов, и не носящие дискриминационного характера.

Как известно, дискриминация албанского населения в Косово, как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях, явилась одной из главных причин вмешательства международного сообщества во внутренние дела суверенной Югославии, в рамках развивающейся концепции ответственности государств по защите населения от грубых нарушений прав человека («ответственность по защите»; англ.: *responsibility to protect*, “R2P”)¹.

¹ См. напр.: Справочная информация: Ответственность по защите // Программа просветительской деятельности «Геноцид в Руанде и ООН» [электронный ресурс] – Режим

Как видим, Главой МООНК этот болезненный вопрос был сразу же законодательно оговорён. Конечно, остался незакрытым вопрос о том, кто конкретно, на основании чего и как будет решать, какое положение отдельно взятого закона дискриминационно, а какое – нет. Однако, это уже детали, на которые как правило внимания не обращают, оставляя всё на разрешение отдельным мелким чиновникам, полагающихся на «политику партии» и своё «внутреннее убеждение».

Однако, несмотря на то что, возможно, вопрос о законодательстве может быть и решён достаточно оперативно, остаётся другая огромная проблема - **доведение этой информации до работников на местах**, а также до потребителей «услуг» правоохранительных органов – гражданского населения. Как мы уже упомянули ранее, инфраструктура может быть разрушена, соответственно системы оповещения и распространения официальной информации также могут функционировать в весьма ограниченной форме.

Как один из серьёзных негативных факторов назовём **недостаток квалифицированных специалистов с соответствующим опытом работы**. Известно, что основной целью формирования международных следственных подразделений на постконфликтной территории является получение юрисдикции над расследованием определённого круга преступлений, чтобы избежать дискриминации по национальному признаку. В списке преступлений, вынесенных в исключительную юрисдикцию таких подразделений, лидируют, конечно же, военные преступления. Однако, подавляющее большинство специалистов, направляемых в миссии, прибывают из мирных государств, где они, естественно, не сталкивались с расследованиями военных преступлений. Этот негативный фактор можно частично преодолеть путём разработки целостной методики

доступа. - <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (дата обращения 30 мая 2018).

расследования преступлений, совершенных в зоне вооруженного конфликта, и её внедрения в учебный процесс.

Например, в ответе Главы Миссии ООН в Косово на запрос ПКК при Миссии ООН в Косово в деле *Булатович* отмечено, что «основой проведения эффективного расследования является профессиональная, хорошо подготовленная и хорошо обеспеченная полиция» и что, к сожалению, «такой полиции в Косово в 1999 году не было, её нужно было создавать с нуля и постепенно развивать». Это приходилось делать в состоянии полного «вакуума» полицейской работы (англ.: *policing vacuum*), имевшего место после окончания конфликта, и работа эта, по мнению Главы МООНК, до сих пор не закончена¹.

Ещё один интересный факт. В июне 2007 года начальник Отдела по расследованию военных преступлений направил рапорт директору Департамента правосудия МООНК, в котором просил разъяснить, какие же преступления подлежат квалификации как «военные», а какие – как «обычные», необходимо ли направлять прокурору уведомление при получении заявления или сообщения о таком преступлении и др. Это говорит о том, что спустя восемь лет после начала деятельности Полиции МООНК, даже в этом подразделении, которое должно было быть «элитарным» отделом, не было полного понимания отдельных важных положений материального и процессуального права².

Тесно связана с общей нехваткой специалистов проблема **недостатка беспристрастности, непредвзятости, в служебной деятельности**. Даже когда опытные профессионалы имеются, после войны вряд ли смогут полностью одинаково относиться к потерпевшим или подозреваемым, независимо от того, с какой стороны конфликта они ассоциируют себя или могут быть ассоциированы.

С другой стороны, аналогична и реакция граждан в ситуациях, когда им приходится иметь дело с полицейскими, представляющими бывшую противную

¹ См.: HRAP, *Bulatović v UNMIK*, no. 14/09 et al, opinion of 13 November 2014, § 53.

² Копия документа имеется в личном архиве автора.

сторону. Автору самому не раз приходилось сталкиваться с проблемами, когда Албанские участники процесса не хотели общаться с русскими полицейскими, т.к. последние однозначно воспринимались как союзники сербского населения. Следовала очень долгая и кропотливая работа по доказыванию того, что ты можешь быть нейтральным и беспристрастным профессионалом.

В практике Европейского суда представлено достаточно много весьма страшных примеров «правоохранительной деятельности» на конфликтной территории. В отдельных случаях было установлено, что официальные лица сначала использовали ситуацию в личных целях, в том числе для наживы, а потом всячески препятствовали расследованию. Рассмотрим один из них, из относительно свежего решения по делу *Елич против Хорватии*¹.

Вечером 15 ноября 1991 года, пятеро вооружённых людей в камуфляжной форме и масках, арестовали Васо Елича, серба по происхождению, в его доме в поселке Сисак. Его тело было найдено почти три месяца спустя на берегу реки Купа рядом с Сисаком. Судебно-медицинское исследование показало, что он был расстрелян; было возбуждено дело об убийстве его неизвестным лицом или лицами.

Ни одно из следственных действий не дало никаких ощутимых результатов, пока в сентябре 1999 года полиция не допросила мужчину, который предоставил собранную им информацию об арестах и убийствах 83 и исчезновениях ещё 500 мирных жителей сербского происхождения в районе Сисака. Этот свидетель показал, что начальник полиции округа Сисак был соучастником арестов и убийств.

В декабре 2002 года судья заслушал другого свидетеля, который в 1991 году служил в полиции, назвавшего несколько лиц, предположительно причастных к убийству сербов в том же районе в 1991 году, в том числе и г-на Елича. В марте и мае 2003 года полиция и органы прокуратуры допросили двух анонимных свидетелей, один из которых был представителем хорватской армии в полиции

¹ ECtHR, *Jelić v. Croatia*, no. 57856/11, judgment of 12 June 2014.

района Сисак в 1991 году. Оба подробно описали как проводились аресты и убийства сербских гражданских лиц, а также назвали нескольких непосредственных участников, в том числе имя человека, который застрелил г-на Елича, некоего А.Х.

Один из свидетелей неоднократно присутствовал при отдаче приказов на аресты. Он также показал, что хорватским резервистам, осуществлявшим аресты, были розданы сербские флаги с сербским крестами и четырьмя «С» на них, а также членские книжки якобы Сербской демократической партии и поддельные партийные приказы, отмечавшие заслуги перед партией за распространение её идеологии на территории Восточной Славонии. Эти предметы должны были быть подброшены в обыскиваемые дома и в дальнейшем быть использованы как доказательства вражеской деятельности. Тот же свидетель пояснил, что жертвы арестовывались в своих домах, и в процессе обыска всегда изымались все деньги и ценности. Арестованных препровождали в полицейский участок, а позже – на военную базу около Сисака, где большинство из них расстреливалось. «Изъятые» имущество и деньги присваивались руководством полиции и армии.

Другой свидетель также сообщил, что у начальника полиции Сисака имелся список лиц, которые должны были быть арестованы, обвинены в пособничестве врагу и быстро ликвидированы. Основным помощником начальника полиции в этом «мероприятии» являлся его заместитель. Мотивом арестов и убийств в большинстве случаев было обогащение за счёт изъятия денег и ценностей, а также продажи имущества ликвидированных сербов. Одновременно, это давало всем оставшимся сербам понять, что им там больше нормально не жить.

В марте 2009 года, полиция отправила пистолет, изъятый у А.Х., и пулю, извлечённую из тела г-на Елича, на трасологическую экспертизу. В соответствии с заключением эксперта от 30 апреля 2009 года, представленная пуля не была выпущена из представленного пистолета. Никаких дальнейших следственных действий в отношении А.Х., в том числе и его допроса, произведено не было.

В июне 2011 года было возбуждено уголовное дело в отношении бывшего начальника отдела полиции округа Сисак, его бывшего заместителя, которые были смещены со своих позиций в 1999 году, а также в отношении одного военнослужащего хорватской армии. Первый погиб ещё до передачи дела в суд; в декабре 2013 года его бывший заместитель был признан судом первой инстанции виновным в совершении военных преступлений против гражданского населения (ответственность как командира за допущение убийств и непринятие адекватных мер по их предотвращению), и приговорён к 8 годам лишения свободы лишения свободы. Третий обвиняемый был оправдан.

В своём решении по этой жалобе Европейский суд признал, что дело было действительно сложным и имелись признаки того, что г-н Елич был убит в контексте целенаправленных «зачисток» района Сисак в 1991-1992 годах от сербов, проведённых хорватской полицией и армией. ЕСПЧ признал, что власти столкнулись с трудной ситуацией во время войны и послевоенного восстановления. В частности, властям недавно приобретшего независимость государства нужно было время для того, чтобы организовать работу, но при этом было необходимо возбуждать и одновременно работать по большому количеству уголовных дел о военных преступлениях.

Кроме того, ЕСПЧ принял во внимание и определённые меры общего характера, принятые в 2005 и 2008 годах, когда Генеральный прокурор поручил всем прокурорам сконцентрировать свои усилия на выявлении лиц, виновных в совершении таких преступлений, а также придать особое внимание беспристрастности расследования всех военных преступлений, независимо от этнической принадлежности их сторон. В результате этого, к концу 2012 года в Хорватии были проведены расследования в отношении 3436 лиц, подозревавшихся в совершении военных преступлений, и было вынесено 557 обвинительных приговоров.

Европейский суд также признал, что ситуация была усложнена тем, что подозреваемыми в убийстве г-на Елича были те же лица, в обязанности которых как высших должностных лиц полиции в регионе Сисак до конца 1999 года была возложена обязанность по защите граждан от таких преступлений и по их расследованию. По мнению ЕСПЧ, несмотря на то что эта ситуация однозначно повлияла на расследование на его начальных этапах, она не оправдывает недостатки расследования, имевшие место после 1999 года.

ЕСПЧ продолжил, что самое позднее с 2003 года из ключевых свидетельских показаний власти имели в своём распоряжении достаточную информацию, которая могла бы помочь в установлении организаторов и непосредственных исполнителей убийств, в том числе и убийство г-на Елича. Таким образом, государственные органы были обязаны принять дальнейшие меры по расследованию. Несмотря на то, что трое свидетелей назвали человека, который застрелил г-на Елича, никаких дальнейших шагов по проверке этой информации, кроме трасологической экспертизы, показавшей что он был застрелен не из пистолета, изъятого у подозреваемого в 2004 году (!!!), предпринято не было. В целом, по мнению ЕСПЧ, на протяжении всего расследования были периоды бездействия, не обоснованные документально, которые, несомненно, должны были оказать негативное влияние на перспективы установления истины по делу.

В конце концов один обвиняемый (бывший заместитель начальника полиции) был осуждён за военные преступления. Тем не менее, Европейский суд отметил, что в контексте военных преступлений «командная» форма вины начальствующих должностных лиц отличается от вины их подчинённых. Наказание командиров за непринятие необходимых и разумных мер по предотвращению военных преступлений подчинёнными или их наказанию за совершение таковых, не могли освобождать последних от индивидуальной уголовной ответственности за преступления, совершённым ими лично.

В общем, ЕСПЧ признал, что трудности, обозначенные хорватским правительством, сами по себе не оправдывают то, как было проведено данное расследование, а в частности тот факт, что ключевая версия по поводу личностей непосредственных исполнителей убийства, имевшаяся в распоряжении органов прокуратуры, не была полностью «отработана». В заключении суд признал, что имело место нарушение требований статьи 2 Европейской Конвенции.

Также остановимся на **разгуле преступности в постконфликтное время**. Преступлений совершается много, носят они разный характер. Описывая ситуацию в Южной Осетии в августе 2008 года, средства массовой информации отмечали, что инцидентов происходит множество, число их жертв постоянно растёт, а подразделения миротворческих сил просто не справляются с даже с их первоначальным расследованием¹.

Например, отвечая на запрос ПКК, глава Миссии ООН в Косово сообщал, что в начале своей деятельности полиция в Косово вынуждена была работать в послевоенных условиях, «с лежащими на улицах трупами и разрушенными, разграбленными и горящими домами. Распространённое насилие по этническому признаку воплотилось в незаконные выселения и завладения чужой собственностью, поджоги и нападения на лиц разных национальных групп по всему Косово. Страсти и напряжённость кипели среди всех этнических групп, усугубляемые сообщениями о пропавших без вести и убитых. Первоочередной задачей полиции МООНК стало скорейшее восстановление правопорядка и структуры, необходимой для регистрации заявлений о преступлениях их расследования»².

Как отмечала ПКК в заключении по делу *Mladenović*, говоря опять же о похищениях и убийствах сербов, очевидное отсутствие незамедлительной,

¹ См.: С юга на север // Российская газета, №4721, 5 августа 2008 г. [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.rg.ru/2008/08/05/osetia.html> (дата обращения 17.02.2018).

² См.: HRAP, *Mladenović v UNMIK*, no. 99/09, opinion of 26 June 2014, §§ 129, 195.

систематичной и скоординированной реакции Полиции МООНК, особенно в наиболее критичный период сразу же по окончании конфликта, могло дать понять преступникам, что власти либо не могут, либо не хотят расследовать такие преступления. По мнению Коллегии, «Такое отношение властей к преступлениям, рассматриваемым как наиболее тяжкими в любом обществе, и особенно в постконфликтной обстановке, неизбежно создаёт культуры безнаказанности среди преступников и может только привести к ухудшению общей ситуации. Проблемы, встреченные Миссией ООН в Косово в начале своей деятельности, ... не оправдывают такого рода бездействия, что на начальных этапах, что в дальнейшем. Несомненно, ... этим бездействием МООНК уж никак не помогало разрядке тех страстей и напряжённости, которые, как упомянуто выше, “кипели среди всех этнических групп, усугубляемые сообщениями о пропавших без вести и убитых”»¹.

С другой стороны, как правило учёт преступлений в периоды «безвластия» либо отсутствует, либо он очень разрозненный. В Косово, например, централизованного учёта заявлений и сообщений о преступлениях в июне – июле 1999 года вообще не было. В то же время, КФОР, уполномоченный на начальном этапе (до развёртывания гражданской полиции ООН) заниматься охраной правопорядка, полные о преступлениях полиции не передал, а архивы КФОР оказывались либо недоступны, либо также не содержали нужной информации.

Например, одна из заявителей в деле *Николич и другие* сообщила, что она сразу же заявила в КФОР о похищении своего брата бойцами ОАК в июне 1999 года. В процессе рассмотрения дела ПКК МООНК запросила информацию из регионального штаба КФОР «Запад» о наличии этого зарегистрированного сообщения. Однако, информации об этом заявлении ни в общем архиве, ни в архиве

¹ См.: там же, § 195.

военной полиции региона «Запад» не оказалось¹, в связи с чем ПКК выразила свою озабоченность о сохранности информации.

Конечно, отдельные данные всё-таки имеются. В соответствии с отчётом Полиции МООНК за 2000 год, с июня 1999 по декабрь 2000 было зарегистрировано 675 убийств, 115 изнасилований и 351 похищений людей. В то же время, поиск из базе данных Полиции Косово (англ.: *Kosovo Police Information System*, KPIS), которая включает в себя и более раннюю информацию гражданской полиции ООН, проведённый 5 июля 2012, выдал другие результаты: 143 убийства, 5 изнасилований, 17 похищений, 7 сообщений о пропавших людях, 2 незаконных лишения свободы. Что интересно, в июне 2015 года в той же KPIS количество убийств за 1999 и 2000 год зарегистрированных убийств было уже менее 120. Что происходит со статистикой – это «история, покрытая мраком».

Как видим, расхождение огромное. Возможны два очевидных объяснения ситуации: огромное количество тяжких преступлений (около 80% убийств, 95% изнасилований, и 92% похищений людей) не были зарегистрированы, либо статистика преступности в вышеуказанном отчёте была значительно «раздута» по неясным причинам. Весьма вероятно, что сообщений о преступлениях меньшей тяжести в полицию вообще не поступало, что привело к тому, что они остались незарегистрированными. В постконфликтных обстоятельствах, когда органы правопорядка только начинают восстанавливаться и население просто не знает, кому верить, такой сценарий весьма вероятен.

С другой стороны, многие потерпевшие ощущают последствия отсутствия работающей полиции и спустя много лет. ПКК получала заявления от потерпевших, которые не могли получить копию полицейского рапорта о совершённом в их отношении преступлении и таким образом доказать властям, что вред их здоровью был причинён криминальным путём. Поскольку последнее оказывается доказать

¹ См.: HRAP, *Nikolić et al v. UNMIK*, no. 72/09 et al, opinion of 14 December 2014, §§ 58 and 184.

невозможно, заявители ПКК не могли получить дополнительные пособия по утрате трудоспособности и адекватное бесплатное медицинское обслуживание в Сербии.

Таким образом, большое количество и опасный характер преступлений, совершаемых на территории вооружённого конфликта, сами по себе являются факторами, обуславливающими необходимость скорейшего их расследования. Когда нераскрытых преступлений, оставленных без внимания полиции, много, то это конечно волнует общественность внутри страны, поддерживая страх и замедляя процесс восстановления нормальной жизни. Однако, когда преступность «зашкаливает», а власти не в состоянии оказать адекватный отпор, то настаёт черед международной общественности волноваться, т.к. создаётся реальная угроза того, что все это беззаконие выйдет из национальных границ и как минимум распространится на соседние государства. В таких случаях происходит «включение» международно-правовых механизмов, которые обеспечивают правовую основу международного вмешательства.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что необходимые правовые предпосылки, обосновывающие необходимость скорейшей организации расследования преступлений на конфликтной территории и обеспечения должных стандартов при проведении таких расследований, несомненно, имеются. С другой стороны, имеются и фактические предпосылки, создающие условия для поручения расследования особо значимых преступлений международным структурам. В первую очередь это касается межэтнических насильственных преступлений, так или иначе связанных с конфликтом. Основная причина этого – невозможность проведения местными властями независимого и беспристрастного расследования. Однако при этом нельзя также забывать и о безопасности персонала, направляющегося для проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий на местах. В таких случаях можно рекомендовать разработку и применение соответствующие специальных законодательных и процессуальных отступлений, некоторые из которых мы более детально рассмотрим ниже.

В заключении этого раздела не можем не отметить, что даже совпадение всех из вышеуказанных негативных факторов, и даже полный хаос и безвластие и на определённой территории, решение на создание и введение международных следственных структур – это в первую очередь политическое решение. Без наличия политической воли заинтересованных сторон, и что немаловажно - принимающей стороны, никакое более или менее объективное расследование просто невозможно. Для подтверждения наших слов просто сравните результаты деятельности, например, Специального суда по Сьерра Леоне, который был создан по просьбе правительства этой страны, судов Департамента правосудия в Косово, которые были приняты по необходимости, и где не было отправлено за решётку ни одного мало-мальски значимого деятеля из бывших бойцов ОАК. В адрес МТБЮ, на практику которого в области развития понятийной системы мы часто ссылаемся в нашей работе, и МУС также немало подозрений и критики в выполнении политических заказов¹.

¹ См. напр.: Локленд Д. Пародия на правосудие. Гаагский трибунал против Слободана Милошевича. Москва : Русская панорама, 2009, 184 с.; African leaders plan mass withdrawal from international criminal court. The Guardian, 31 января 2017 г. // The Guardian [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://www.theguardian.com/law/2017/jan/31/african-leaders-plan-mass-withdrawal-from-international-criminal-court> (дата обращения 5.03.2018).

§ 2. Правовой режим прямого правления международной администрации в зоне международного вооружённого конфликта и его значение для расследования преступлений

Как известно, миротворческие усилия ООН изначально сводились к военным операциям «голубых касок». Позже, в структурах операций ООН появились полицейские и судебные компоненты, подразделения по развитию пенитенциарной системы и др. До середины 1999 года ООН никогда не осуществляла более-менее серьёзных функций по управлению какой-либо постконфликтной территорией.

Исследователи выделяют четыре типа операций по поддержанию мира: наблюдательные миссии (англ.: *Observer missions*), операции по разделению сторон (англ.: *Interposed forces*), многоцелевые операции (англ.: *Multidimensional operations*) и переходные администрации (англ.: *Transitional administrations*)¹.

Наблюдательные миссии – это «классические» миротворческие операции. Их главная цель – наблюдать за расположением и действиями вооружённых сил двух или более враждующих сторон, обычно в связи с достигнутым соглашением о прекращении огня, которое часто помощью (ООН, ОБСЕ, других организаций или лиц) или без таковой.

В 1956 году на полуострове Синай впервые появились миротворческие силы ООН, направленные туда не только для наблюдения, а для физического разделения египетской армии и вторгнувшихся туда сил Израиля, Франции и Великобритании. Это положило конец Суэцкому конфликту и начало появлению второго типа операций – разделительных сил, личный состав которых уже насчитывает тысячи вооружённых миротворцев, тогда как количество безоружных наблюдателей в разы обычно в разы меньше.

¹ См.: Dorn A.W. Keeping watch. Monitoring, Technology & Innovation in UN Peace Operations. United Nations University, 2011, P. 10-13.

Третье поколение операций ООН, многоцелевые, появился вследствие изменения характера большинства конфликтов вследствие Холодной войны, а особенно с появлением большого количества вооружённых конфликтов внутри государств. Международное сообщество оказалось больше и больше вовлечённым в такие конфликты уже не только с целью прекращения насилия, но и для помощи в восстановлении или построении государственности. Это вызвало необходимость добавления к традиционным миротворческим операциям дополнительных функций, таких как доставка гуманитарной помощи, наблюдение за соблюдением прав человека, помощь в организации выборов и т.д. Первая такая миссия была организована ООН в Конго (ONUC) и действовала с июля 1960 во время вывода оттуда бельгийских войск для оказания помощи правительству в поддержании правопорядка и оказания иной помощи. Уже существовало около 40 подобных многоцелевых операций.

«Переходные администрации» появились в конце 1990-х годов, когда ООН была вынуждена не только наблюдать за соблюдением мирного договора, а непосредственно управлять отдельными территориями во время перехода от военного времени к мирной жизни¹.

Так июне 1999 года, однако, Секретариату ООН было поручено срочно разработать план введения и структуру временной гражданской администрации для Косово, а спустя три месяца - для Восточного Тимора. С того времени ООН начался новый этап в деятельности ООН – этап функционирования отдельно взятой миротворческой миссии в качестве временной международной администрации. К сожалению, опыт этот нарабатывался во многом методом «проб и ошибок», причиняя дополнительные страдания населению территорий, уже и так пострадавших от вооружённого конфликта.

¹ См.: там же.

Эти миротворческие операции столкнулись с совершенно новыми проблемами, так как им пришлось восстанавливать законность и правопорядок, устанавливать таможенные службы и правила, вводить систему сбора налогов, решать гражданские и восстанавливать инфраструктуру, разрушенную войной, реконструировать жилой фонд и коммунальные службы, банковскую систему, запустить школы, платить учителям и врачам, собирать мусор и т.д. В дополнение к таким задачам, эти Миссии должны были попытаться восстановить гражданское общество и содействовать восстановлению уважения к правам человека в местах, где не перечисль взаимных обид и претензий различных групп населения друг к другу и эти обиды «пропитывают» все стороны общественной жизни.

Под **международной администрацией** (или *международной территориальной администрацией*, далее - МТА) в целях нашего исследования мы понимаем особый способ организации органов власти и управления, когда их формирование на первоначальном этапе полностью проводится международными структурами в соответствии с имеющимся мандатом уполномоченного органа. Правление МТА подразумевает практически полную замену местного персонала на всех уровнях международным персоналом. «Практически полную» - потому что, конечно, полностью обойтись без представителей местного населения в органах власти и управления невозможно. С другой стороны, управление какой-либо территорией без участия гражданского населения, возможное на начальной фазе, при его продлении начинает «попахивать» колониализмом.

Так, временная международная гражданская администрация в Косово изначально должна была просуществовать максимум пять лет. За это время, по идее, конфликтующие стороны должны были договориться о форме их будущего сосуществования. В то же время, с 2004 года и в прессе, и на различных форумах начали высказываться мнения о необходимости полной передачи власти местным структурам. Поскольку этого не произошло, в феврале 2008 года Парламент Косова в одностороннем порядке объявил о независимости провинции от Сербии. Однако,

поскольку правовая основа существования этой Миссии ООН, Резолюция СБ ООН № 1244 до сих пор в силе, то и Миссия, как мы знаем, благополучно существует до сих пор, конечно, в значительно «урезанном» виде.

Временная администрация ООН в Восточном Тиморе (англ.: *United Nations Transitional Administration in East Timor*, UNTAET) была создана 25 октября 1999 года с целью управления территорией, осуществления законодательной и исполнительной власти в переходный период, а также поддержки создания потенциала для самоуправления. Поскольку 20 мая 2002 года Восточный Тимор стал независимым государством, государственные функции были переданы правительством и UNTAET перестала существовать. Вместо неё на основании Резолюции СБ ООН № 1410 от 17 мая 2002 была создана Миссия ООН по поддержке Восточного Тимора (англ.: *United Nations Mission of Support in East Timor*, UNMISSET), сформированная для оказания помощи основным административным структурам, имеющих решающее значение для жизнеспособности и политической стабильности молодого государства¹.

Граждане государства, на территории которого данная администрация действует, или на которую распространяется её юрисдикция, принимаются только на вспомогательные должности таких административных структур, а ключевые посты занимают иностранцами, имеющими необходимую квалификацию и опыт работы. Эту форму правления можно назвать синтетической во многих смыслах. Происходит смешивание национальных элементов системы управления с интернациональными как на законодательном, так и на исполнительном уровне.

Прежде чем изучить более детально интересующие нас процессы жизнедеятельности МТА, необходимо понять саму её концепцию и принципы действия. Есть достаточно большое количество серьёзных исследований

¹ См. информацию на официальном сайте ООН [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/past/etimor/etimor.htm> (дата обращения 22 мая 2018).

международных авторов в этой области¹. В первую очередь, МТА является достаточно известным и общепринятым институтом международных политических отношений. Это означает, что каждая подобная администрация включает в себя практически одни и те же виды деятельности, которые должны обеспечивать возможность достижения определённых общих целей. История международных администраций начинается с проектов Лиги Наций начала 1920-х годов. Хотя управление территориями иностранцами встречались и ранее, но они как правило были связаны с колониализмом и неоколониализмом, поэтому от параллелей с ними авторы обычно воздерживаются².

С введением МТА международное сообщество пытается разрешить проблемы, связанные как с суверенитетом конкретной территории (наличие или отсутствие местных органов, осуществляющих контроль над территорией), так и с существующим там способом правления (поведением местных руководителей). Иными словами, имеются проблемы как принадлежности власти к определённому государству (в случае борьбы за самоопределение), так и проблемы качества её использования.

Ещё одной важной характеристикой правления МТА является его навязанный характер. МТА отличима от других форм международной деятельности, поскольку она не зависит от действий самого государства, т.к. фактически подменяет его. В других случаях различные международные органы, в том числе судебным и санкционным путями, пытаются оказать давление на государство, чтобы заставить его отказаться от продолжения неприемлемых действий. Международная администрация же напрямую берёт на себя все функции, которые ранее неадекватно выполнялись местными органами. Несомненно, что международная

¹ См. напр.: Wilde R. *International Territorial Administration How Trusteeship and the Civilizing Mission Never Went Away*, Oxford University Press, 2008, 640 p.; Momirov A. *Accountability of International Territorial Administrations A Public Law Approach*, Eleven International Publishing, The Hague, 2011, 315 p.

² См.: Chesterman S. *You, the people: the United Nations, transitional administration and state-building*, Oxford: Oxford University Press, 2005, P. 44-47.

администрация обладает гораздо большими возможностями, чем обычные миротворческие миссии с ограниченными мандатами, по одной простой причине, что она не должна ожидать выполнения предписаний или рекомендаций властными структурами принимающего государства, так как сама является таким «государством».

Кроме того, МТА придаёт определённую форму уникальному взаимодействию международного и местного правового поля, которые фактически сливаются. Такое взаимодействие приводит к тому, что решения, принимаемые на международном уровне, по международным стандартам, имеют прямое действие на местном уровне. В нормальной же обстановке, как известно, международные нормы действуют опосредованно, через национальное законодательство.

Отдельные наблюдатели также отмечают, что международные администрации обладают тремя значительными особенностями: полнота полномочий на управление отдельной территорией, отсутствие ясной правовой базы и чётких административно-управляющих структур, а также неприкосновенность близкая к абсолютной, вытекающая из их наднационального статуса (как неприкосновенность ООН)¹.

К вопросам, связанным с ответственностью таких международных администраций за нарушения прав человека, а их отдельных функционеров – за совершённые правонарушения, мы вернёмся позже. Сейчас мы сконцентрируемся больше на процедурных моментах.

Введение такого правления – это очень сложный и «болезненный» процесс, который можно условно разделить на следующие этапы:

1. Подготовительный
2. Переговорный (политический)
3. Этап принятия решения (законодательный)

¹ См.: Momirov A., см выше, с. 255.

4. Исполнительный

5. Завершающий (выходная стратегия)

В формате нашей работы детальное рассмотрение этого процесса не представляется целесообразным, поскольку только перегрузит текст множеством технических подробностей, не имеющих отношения к криминалистике и уголовному процессу. Поэтому, кратко охарактеризуем его основные этапы и их содержание, после чего отдельно остановимся на некоторых значимых для нас моментах.

Подготовительный этап наполнен, в основном, действиями по сбору, систематизации и анализу информации о ситуации, которая может стать основанием ввода режима прямого правления международной администрации. Работа, естественно, начинается с поступления первичной информации о какой-либо ситуации, возможно требующей международного вмешательства.

Источники её могут быть различны: государство, международные и/или национальные правозащитные организации (группы), сообщения средств массовой информации (СМИ), сообщения международных организаций и отдельных граждан, статистические данные и т.п. Первичная информация может прямо указывать на какую-то ситуацию, а может и служить косвенным подтверждением уже имеющихся сведений, «индикатором возможности или невозможности каких-то событий».

Так, при наличии например отдельных сообщений СМИ о вооружённом конфликте, естественно ожидать данные о вынужденных переселенцах с территории, где конфликт якобы разгорелся. Информация из одного источника должна обязательно подтверждаться через другие источники. Сообщения СМИ, конечно, могут рассматриваться как первоначальные «сигналы» к действию, но для принятия серьёзных решений их необходимо тщательно проверять. Итак, необходимость серьёзной аналитической работы обосновывать, как нам представляется, не нужно. Способы и методы её проведения также рассматривать

нет необходимости, поскольку к нашему исследованию в этой части они не относятся.

Если в результате анализа информация подтверждается, то начинается дальнейшая работа, до передачи предложения на рассмотрение уполномоченного органа. В частности, проводится правовая проверка (экспертиза), преследующая две основные цели. Во-первых, исследование ситуации с правовых позиций позволяет предложить её правовую квалификацию, как, например, международного вооружённого конфликта или борьбы криминальных группировок за сферы влияния. Во-вторых, в результате этой деятельности и на основе этой квалификации оценки, предлагаются варианты действий, возможные в соответствии с применимыми нормами права (международного и/или внутреннего).

Естественно, любые предлагаемые варианты действия, помимо правового обоснования, должны иметь и просчитанную финансовую сторону. Во время дрящего мирового финансового кризиса эта сторона порой приобретает главное значение. Поэтому предложения анализируются и с учётом этого аспекта.

После формирования цельного синтетического предложения, начинается дипломатический этап предварительного обсуждения ситуации и вариантов её решения.

Если представленная картина ситуации недостаточно убедительна, варианты действия не отвечают ситуации, нет достаточных средств для претворения плана в жизнь, или существуют другие причины, не позволяющие принять положительное решение сразу, план возвращается на доработку, для сбора дополнительной информации, её анализа, или иной деятельности. Также, может быть сразу принято отрицательное решение и весь процесс остановлен полностью или приостановлен до будущих указаний.

Если же принципиальное решение принимается положительное, то **начинается законодательный этап.** На нем происходит подготовка

представленного фактического материала и предлагаемого выбранного варианта действия к рассмотрению и принятию в форме решения уполномоченного органа.

Если брать за пример работу ООН, то таким уполномоченным органом является её Совет Безопасности. Доклады же в свою очередь представляются делегациями государств – членов СБ ООН. Вопрос включается в повестку дня заседания, иницирующая сторона представляет ситуацию и черновой вариант документа. Конечно, непосредственно заседание СБ – это кульминация всего процесса, поскольку все материалы распространяются и уже обсуждаются заранее. Обычно вследствие уже проведённых предварительных переговоров и позиции сторон - участников уже известны до заседания. Однако, всем предоставляется трибуна для «озвучивания» своего отношения к рассматриваемой ситуации и обоснования своей позиции. После чего проводится голосование. В случае набора большинства голосов «за» резолюция принимается и начинается разработка и согласование соответствующего пакета дополнительных нормативно-правовых актов, более детально обговаривающие отдельные стороны претворения решения в жизнь.

Кроме того, происходит разработка и подписание необходимых соглашений, как между государствами, так и между международными организациями и иными заинтересованными сторонами. Наибольшее значение здесь имеет так называемое Соглашение о статусе миссии (англ.: *Status of Mission Agreement*, SOMA) и/или Соглашение о статусе войск (англ.: *Status of Forces Agreement*, SOFA). Последнее необходимо в тех случаях, когда в составе миссии/администрации ООН присутствует военный миротворческий компонент, т.н. «голубые каски».

Однако, существует прецедент длительного функционирования миссии ООН без подписания такого соглашения – это Миссия ООН в Косово. Во-первых, она была введена после длительной «гуманитарной» бомбардировки Сербии авиацией НАТО, Сербия была вынуждена согласиться на её создание. Во-вторых, Миссия разместились и начала действовать только на Косово, где сербских властей не

осталось, в соответствии с Резолюцией 1244. Поскольку сама Миссия и являлась властью, договариваться самим с собой смысла не было.

Несмотря на это, в 2001 году между МООНК и правительством Сербии все-таки был подписан договор, отдалённо напоминающий SOMA под названием «Общий документ» (англ.: *UNMIK – FRY Common Document*). В нем были обговорены отдельные моменты, разрешение которых требовало координированных действий. Однако, он носил скорее декларативный характер, т.к. никаких прямых обязательств из него не вытекало.

Исполнительный этап (утверждение этапов и временных рамок введения действия администрации – выполнение запланированных акций – контроль выполнения соглашений всеми сторонами).

Кратко рассмотрим процесс принятия такого решения на примере Резолюции ООН № 1244, которая ввела правление временной международной администрации (в тексте резолюции – «международное гражданское присутствие») на территории Косова, провинции Республики Сербии, тогда находившейся в составе Федеративной Республики Югославии.

Резолюции 1244 предшествовал ряд других резолюций, тоже касавшихся Косовских или югославских проблем. Ссылка на эти резолюции подтверждает проведённую работу по изучению ситуации и предыдущим попыткам её урегулирования другими способами. Так, в преамбуле Резолюции СБ ссылается на свои резолюции 1160 (1998) от 31 марта 1998 года, 1199 (1998) от 23 сентября 1998 года, 1203 (1998) от 24 октября 1998 года и 1239 (1999) от 14 мая 1999 года, а также на заявление Генерального секретаря от 9 апреля 1999 года, в котором была выражена озабоченность по поводу гуманитарной трагедии в Косово. Там же СБ зафиксировал факт невыполнения требований этих резолюций.

Обозначив озабоченность установленными фактами нарушения прав человека, насилием и террористическими актами, законодательной

дискриминацией албанского населения и т.п., СБ переходит к изложению сути решения.

Любое такое решение должно строиться с учётом общих и индивидуальных принципов. Как и в ситуации по Косово, резолюции Совета безопасности ООН основываются на общих принципах организации, таких как уважение суверенитета и территориальной целостности (общие принципы) и принципах, признанных мировым сообществом применимыми к ситуации в Косово (индивидуальные принципы)¹. Последним, и как нам представляется наиболее веским аргументом принятия Резолюции является то, что «ситуация в регионе продолжает создавать угрозу международному миру и безопасности».

Основываясь на этом, СБ постановил развернуть в Косово, под эгидой ООН, международные гражданское присутствие (собственное МООНК) и международное военное присутствие (КФОР) в целях обеспечения безопасности, с необходимым персоналом и снаряжением. Союзная Республика Югославия согласилась на введение такого присутствия, что приветствовалось Советом безопасности.

МООНК были предоставлены следующие полномочия:

- содействие установлению, до окончательного урегулирования, существенной автономии и самоуправления в Косово;
- осуществление основных гражданских административных функций;
- организация и контроль за развитием временных институтов самоуправления до достижения политического урегулирования, с последующей передаче им своих административных функций;
- содействие политическому процессу, призванному определить будущий статус Косово;

¹ Индивидуальные принципы урегулирования косовского кризиса были приняты 6 мая 1999 года (документ S/1999/516 – Приложение 1 к Резолюции) и 2 июня 1999 года (S/1999/649 – Приложение 2 к Резолюции).

- на заключительном этапе — контроль за передачей полномочий от временных органов Косово к органам, учреждённым в рамках политического урегулирования;
- оказание помощи в восстановлении ключевых объектов инфраструктуры и других экономических объектов;
- координация гуманитарной и чрезвычайной помощи, а также обеспечение безопасного и беспрепятственного возвращения всех беженцев и перемещённых лиц к местам своего проживания в Косово;
- поддержание гражданского правопорядка, включая создание местных полицейских сил, а на данном этапе путём развёртывания для несения службы в Косово международного полицейского персонала;
- защиту и поощрение прав человека.

МООНК состояла из четырёх основных компонентов под руководством ООН (гражданской администрации), ОБСЕ (восстановление институтов гражданского общества) и ЕС (реконструкция и экономическое развитие). Глава МООНК, СПСГ, был наделён наивысшими законодательно-властными полномочиями в Косово. Восстановлением институтов поддержания правопорядка и судебной системы занимался второй компонент, «Полиция и правосудие» (*англ.: Pillar II, Police and Justice*).

Рассматривая выше предпосылки для расследования преступлений в постконфликтных зонах международными специалистами, мы уже отмечали, что неясность законодательства является одной из его предпосылок. В то же время, признаётся, что эта проблема являлась наиболее насущной для международных администраций ООН в переходный период¹. В Косово и Восточном Тиморе, где находились миротворческие операции ООН, обнаружили, что правовые,

¹ См.: Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Report of the Panel on United Nations Peace Operations, of 21 August 2000 (“Brahimi report”) // UN Document no A/55/305-S/2000/809, §§ 76 - 83.

правоохранительные и судебные системы, которые они должны были контролировать, либо не существовали, либо были подконтрольны различным вооружённым «элементам». Кроме того, в обоих местах правовые системы, существовавшего до конфликта частично либо полностью отвергались ключевыми группами населения, пострадавшими от конфликтов¹.

Когда же не было проблемы с выбором правовых актов, для надлежащего применения его необходимо было изучить. В зависимости от степени различий в языке, культуре, обычаях и практике (в том числе правовых), что процесс обучения может занять шесть или более месяцев. Что же делать Организации до окончания? Выше мы опять же отмечали опасность таких периодов «правового вакуума», во время которых местные политические и криминальные группировки могут даже успеть создать собственные параллельные властные структуры для контроля над территорией с наибольшей выгодой для себя.

Например, обратив внимание на существовавшие или существующие международные уголовные трибуналы или иные судебные механизмы, мы увидим, что все они, получив принципиальный мандат на осуществление своей деятельности, немедленно разрабатывали и принимали свои процессуальные правила (англ.: *Rules of Procedure*). Представляется, что поскольку многие из них имели (имеют) международную или универсальную юрисдикцию, это делалось (делается) как раз с целью уйти от необходимости подстраиваться под местные процессуальные нормы, таки образом «унифицировав» свои правила.

В ситуации с Косово, уже в июле 1999 года, в рамках деятельности по восстановлению правопорядка и законности, СПГС предложил государствам-членам ООН ввести в состав гражданского компонента МООНК 4718 международных сотрудников полиции. Полиция МООНК должна была обеспечивать правопорядок совместно с КФОР до момента, пока полицейские

¹ См. там же, § 79.

структуры будут готовы взять на себя полную ответственность в этой сфере. Согласие на ввод гражданской полиции было получено и началась работа по её развёртыванию.

Так, в сентябре 1999 года в Косово находилось уже около 1100 международных полицейских. К декабрю 2000 года, работа по развёртыванию Полиции МООНК была почти завершена, к тому времени в Косово находилось уже около 4400 сотрудников из 53 стран. Соответственно, полиция взяла на себя правоохранительную деятельность во всех районах Косово, за исключением Митровицы.

В то же время, в связи с развалом системы отправления правосудия в Косово, МООНК параллельно начала работу и по её восстановлению. В июне 1999 года система «аварийной юстиции», состоявшая из небольшого числа местных судей и прокуроров, которая должна была действовать до начала работы регулярной системы правосудия в январе 2000 г. В структуре МООНК были созданы Департамент юстиции и Департамент судебной администрации. В феврале 2000 года в целях укрепления системы местного правосудия и гарантировать его беспристрастности СПГС начал назначать международных судей и прокуроров в Косово. По состоянию на октябрь 2002 года, местная система правосудия состояла 341 местных и 24 международных судей и прокуроров.

Полиция и система правосудия оставались под полным контролем МООНК до 9 декабря 2008 года, когда полномочия в этой области были переданы Миссии Европейского Союза по соблюдению законности в Косово (EULEX)¹, о чём было сообщено в заявлении Председателя Совета безопасности ООН 26 ноября 2008 года (S/PRST/2008/44), приветствовавшем развёртывание и начало работы EULEX.

Необходимо особо отметить, что, принимая на себя властные функции на территории Косово, МООНК также обязалась исполнять имеющиеся

¹ См.: Официальная страница EULEX [электронный ресурс] – Режим доступа. – <http://www.eulex-kosovo.eu> (дата обращения 17.01.2022).

международные обязательства по защите прав человека. Так, уже в Решении МООНК № 1999/1 от 25 июля 1999 года, международно-признанные стандарты в области прав человека были признаны напрямую применимыми в Косово. Более подробно это обязательство было описывается в Решении МООНК № 1999/24 от 12 декабря 1999 года. В связи с этим уже отмечалось, что временный характер деятельности МООНК и связанные с этим трудности, в том числе и напряжённая обстановка в плане безопасности, должны быть должным образом приняты во внимание при оценке деятельности Миссии, но ни при каких обстоятельствах они не могут оправдывать умаления существующих стандартов прав человека¹. Одной из важнейших функций в этом плане является «эффективное расследование» посягательств на права граждан². В предыдущем параграфе мы уже раскрывали позицию ЕСПЧ по поводу следственных стандартов, особенно в части расследования преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан, и их полной применимости к постконфликтным ситуациям.

ПКК также неоднократно высказывалась по этому поводу. Так, признавая важность расследования преступлений в постконфликтном Косово, ПКК также приняла во внимание трудности, с которыми следственным органам пришлось столкнуться. В то же время, Коллегия отметила, что руководство МООНК должно было с самого начала деятельности Миссии позаботиться об обеспечении для правоохранительных органов необходимыми условий, в которых они бы могли успешно работать и непосредственно проводить «эффективные расследования», отвечающие всем требованиям.

¹ См.: HRAP, Milogorić and Others, nos 38/08 and others, opinion of 24 March 2011, § 44; Berisha and Others, nos 27/08 and others, opinion of 23 February 2011, § 25; Lalić and Others, nos 09/08 and others, opinion of 9 June 2012, § 22.

² См. напр.: Сергеев, А.Б. Права и законные интересы участников уголовного судопроизводства: понятие, соотношение, степень правовой гарантированности. Постановка проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7. № 2. С. 53-59.

Кроме того, Коллегия отдельно подчеркнула необходимость таких механизмов в следственном процессе как руководство и мониторинг, регулярных пересмотров и проверок материалов и статуса расследований, а также и чёткой процедуры передачи дел между следователями и/или следственными подразделениями. Только при наличии как минимум перечисленных, а возможно и других, институционализированных механизмов контроля за следствием и его качеством, система могла бы на достаточном уровне защищать права потерпевших и свидетелей, а также уделять должное внимание правам перемещённых лиц и беженцев, которые как правило оказываются наиболее ущемлены конфликтами¹.

Конечно, развёртывание и организация аппарата полиции и правосудия в Косово происходило постепенно. В связи с этим, Коллегия не оставила незамеченным вышеупомянутый факт, что в январе 2003 Генеральный Секретарь ООН охарактеризовал систему полиции и правосудия в Косово как «эффективно функционирующую и устойчивую»². Далее в работе мы несколько раз вернёмся к опыту работы международных правоохранительных органов в Косово, отдельные стороны которой свидетельствуют о том, что на тот момент этот радостный доклад как минимум слегка приукрашивал реальное положение вещей.

Конечно, нельзя всё слепо обобщать, рассматривать каждое расследование необходимо с учётом конкретных обстоятельств дела и стоявших перед следствием проблем и препятствий, но общий подход к оценке эффективности расследования должен оставаться неизменным, т.е. в случае когда следствием были своевременно предприняты все возможные и разумные мероприятия по обнаружению и фиксации доказательств, с учётом реалий исследовательской работы в Косово, то расследование будет признано эффективным в смысле статьи 2 Европейской Конвенции.

¹ См.: HRAP, *Ibraj v UNMIK*, nos 14/09 et al, opinion of 6 Aug 2014, § 123.

² См. Доклад Генерального Секретаря ООН № S/2003/113 от 29 января 2003, С. 8-9.

Так, например, один из заявителей пожаловался на то, что, расследуя обстоятельства смерти его племянника, следственные органы МООНК не провели ряд следственных действий, в частности не была назначена токсикологическая экспертиза остатков субстанции, обнаруженных в желудке погибшего при вскрытии. Её химический состав был установлен экспертами, кроме того, судебный медик сделал вывод о том, что это вещество может вызвать летальный исход. Однако, экспертиза образцов крови погибшего на предмет установления содержания в ней этого опасного вещества не была проведена. С учётом того, что на теле не было обнаружено следов борьбы или иных повреждений, а погибший был наркоманом, прокурор посчитал самоубийство наиболее вероятной версией и закрыл дело¹.

Из материалов следствия стало ясно, что до 2007 года в Косово не было технической возможности провести такого рода экспертизу, а её проведение необходимо было поручать зарубежному криминалистическому институту. Коллегия отметила, что смерть потерпевшего была подозрительной. Тем не менее, судебно-медицинская экспертиза не обнаружила никаких признаков насилия. Коллегия признала, что в данном случае все возможные доказательства были собраны и исследованы, и пришла к выводу, что задержка в проведении токсикологического исследования привела к потере важных доказательств и не поставила под сомнение общую эффективность расследования в смысле статьи 2 ЕКПЧ².

Также отметим то, что при наличии международной администрации, управляющей территорией, вопросы организационного характера, связанные с расследованием преступлений, в большинстве случаев также разрешаются этой администрацией. В такой ситуации проблем, например, с обеспечением скорейшего

¹ См.: HRAP, R.A. v UNMIK, no. 41/09, opinion of 13 December 2013, §§ 27, 28, 30, 39, 41 - 45.

² См. там же, § 67.

прибытия международного следственного персонала к месту работы на подконтрольной территории, законностью их нахождения и деятельности на территории, материально-техническим обеспечением не возникает.

В то же время, есть случаи, когда отдельные заинтересованные стороны, страны, предоставляют в распоряжение территориальной международной администрации следственные группы, обеспечиваемые полностью за счёт направляющей стороны. Например, в 1998 году, «в ответ на многочисленные просьбы международного сообщества, включая Евросоюз и негосударственные правозащитные организации, была создана Группа судебных экспертов Европейского союза [англ.: *The European Union Forensic Expert Team, EU-FET*] в Косово. В её задачи входило исследование мест происшествий, где возможно произошли серьёзные нарушения норм международного права в отношении гражданских лиц на территории провинции Косово...»¹ Работа экспертов оплачивалась Европейским союзом и Правительством Финляндии.

В то же время, поскольку до передачи провинции под контроль ООН в июне 1999 года там действовали югославские судебные власти, необходимо было придание легитимности деятельности этих экспертов в соответствии с законодательством Югославии. После переговоров, Окружной суд в Приштине выдал соответствующий ордер, определивший конкретные места, подлежащие исследованию этой группой: Глоджанье, Горнье Обринье, Голубовац, Клечка, Ораховац и Волюяк. Позднее, после обнаружения 16 января 1999 года более 40 тел погибших косовских албанцев в деревне Рачак, Наблюдательная миссия ОБСЕ в Косово и Министерство юстиции Югославии обратились за срочной помощью в проведении судебно-медицинских исследований тел. В ответ, этой Группе судебных экспертов ЕС было предписано безотлагательно вернуться в Югославию

¹ Executive Summary on the work of the European Union Forensic Expert Team in Kosovo, the Federal Republic of Yugoslavia in 1998 – 2000, July 2000 // *Balkanwitness* [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://balkanwitness.glypx.com/Racak-FET-summary2.htm> (дата обращения 11.04.2018).

для проведения необходимых исследований, доложив их результаты соответствующим структурам ЕС. Ордер Приштинского Окружного суда был дополнен, чтобы включить исследования обстоятельств этого происшествия в юрисдикцию экспертов ЕС.

С января по март 1999 года, члены Группы проводили или наблюдали за вскрытиями 40 тел и 17 марта 1999 года результаты исследований были сообщены в Докладе (на 1428 страницах)¹. К сожалению, этот доклад никогда не был опубликован, поскольку, в как заявили некоторые из его авторов, заключения Группы не совпадали с официальной позицией, необходимой для обоснования начала бомбардировок Югославии. Как высказалась финский эксперт-патологоанатом, бывший член этой Группы экспертов, госпожа Хелена Ранта: «... кажется, господин Уокер был расстроен результатами наших исследований...»² Споры о том, каковы же в реальности были заключения этой Группы, до сих пор не утихают³.

Кроме того, с июня 1999 года в Косово одновременно работали несколько следственных групп из различных стран, занимавшихся сбором доказательств военных преступлений; общая координация их деятельности осуществлялась МТБЮ⁴. Несмотря на заявленную некую «общую координацию действий», реальной координации действий и согласования методов работы и фиксации сведений не было, а отдельные негативные последствия этого ощущаются и по сей день.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что

¹ См.: там же.

² См.: Косово – Край, обречённый на изгнание. Фильм Евгения Баранова, 1 канал (с 19'38" до 22'31") // Youtube [электронный ресурс] – Режим доступа.: https://youtu.be/ibCVZfer_LE?t=19m38s (дата обращения 11.04.2018).

³ См.: Албанцы бежали не от Милошевича // Время новостей, № 48, 24 марта 2009 [электронный ресурс] – Режим доступа.: <http://www.vremya.ru/2009/48/5/225586.html> (дата обращения 22.01.2018).

⁴ См.: HRAP, Tomić v UNMIK, no. 160/09, opinion of 25 September 2014, § 52.

нахождение какой-либо территории под временным управлением международной территориальной администрации скорее всего потребует введения и международных правоохранительных структур, которые также включают в себя и следственные подразделения. Особое значение в таких условиях приобретает вопрос возможности и целесообразности применимости старого «довоенного» законодательства, модификация или полная замена которого может быть при необходимости проведена, но только с учётом особенностей и потребностей следствия, а также ряда других обстоятельств.

В то же время, независимо от того, работает международная следственная группа на территории подконтрольной международной администрации, либо имеются действующие местные органы власти, и международные специалисты с ними сотрудничают в той или иной форме, требования к обеспечению необходимых минимальных стандартов расследования должны оставаться неизменными¹. Однако представляется, что отдельные отступления, диктуемые объективными обстоятельствами, всё-таки возможны; подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже.

§ 3. Уголовно-процессуальные нормы, регулирующие расследование преступлений в зоне международного вооруженного конфликта

В документе, «создавшем» Чрезвычайной следственной комиссии в 1915 году (см. в § 3 главы I выше), было оговорены процессуальные вопросы её деятельности. Так, было указано, что «[Комиссия] вырабатывает наказъ, опредѣляющій ближайшимъ образомъ порядокъ дѣятельности Коммиссіи въ полномъ составѣ и отдѣльных ея членовѣ, а равно и порядокъ дѣлопроизводства ея

¹ О судебной практике в этой области также см.: Нешатаева, Т.Н., Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт / Т.Н. Нешатаева // Москва, Городец, 2007, 319 с.

канцелярий. Наказъ этотъ утверждается Предсѣдателемъ Коммисіи пр предварительномъ одобреніи его Верховнымъ Главнокомандующимъ»¹.

Кроме того, было определено процессуальное право, подлежащее применению: «[ЧСК] предоставляется право въ полномъ составѣ или черезъ отдельныхъ ея членовъ производить, руководствуясь правилами устава уголовного судопроизводства, осмотры и освидѣтельствования, вызывать и допрашивать потерпѣвшихъ, свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ; поручать совершеніе отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій гражданскимъ слѣдственнымъ властямъ, а въ случаяхъ, предусмотрѣннымъ ст. 1353 Военно-Судебнаго Устава ..., военной полиціи и военному начальству; приглашать къ участию въ производствѣ мѣстныхъ осмотровъ должностныхъ лицъ Кабинетовъ научно-судебной экспертизы ... и поручать симъ Кабинетамъ производство отдѣльныхъ изслѣдованій; возлагать на чиновъ полиціи собраніе свѣдѣній и справокъ и производство дознаній»².

Выше мы уже отмечали, что одной из проблемных предпосылок расследования преступлений в зоне международного конфликта является неясность законодательства, подлежащего применению в том числе и правоохранительными органами, и что этот вопрос подлежит скорейшему разрешению. В вышеупомянутом докладе Лахдара Брахими в 2000 разъяснение законодательства, особенно в уголовно-правовой сфере, на постконфликтных территориях было названо «насущной проблемой».

Существуют три основных варианта действий в этом направлении, в том числе и по отношению к нормативным актам в уголовно-процессуальной сфере:

- 1) использование «довоенного» законодательства;
- 2) использование модифицированного довоенного законодательства;

¹ См.: Дело Канцелярии Совета Министров. Об учреждении Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками. 26 февраля - 9 декабря. - 1915. (77 листов) – С. 6-12, (Фонд Совета Министров. Опись № 11. 1915 год) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 110.

² Там же, С. 11-12.

3) использование специально разработанного законодательства.

Во многих случаях, используется комбинированный подход к разрешению этой проблемы. Так, как мы уже упомянули ранее, в Косово для этого было принято два законодательных акта: Распоряжение МООНК № 1999/1 и 1999/24, определившие применимость и иерархию законов на территории Косово. Применению подлежали только (от более значимых к менее значимым) распоряжения и подзаконные акты МООНК, международно-правовые акты (имеющие прямое действие на территории Косово), законы и подзаконные акты, действовавшие на территории Косова на 24 марта 1989 и, наконец, более поздние сербские и югославские законодательные акты, регулирующие те области права, которые не были обеспечены законодательными актами трёх предыдущих видов. Для последних обязательным критерием являлось то, что они не должны были носить дискриминационного характера.

Последний критерий вызвал много трудностей и споров, поскольку он оказался не только сложным к применению на практике, но и весьма политизированным. Причина этого в том, что практически всё, что делалось правительством Сербии на территории Косова после 1989 года было представлено как негативное и неравноправное по отношению к несербскому населению провинции. Следовательно, применение законодательных актов периода 1989 – 1999 годов могло вызвать протесты среди отдельных слоёв населения. Вернее, не само применение этих законодательных актов, а та огласка, которая при желании могла быть использована экстремистскими кругами для достижения своих целей.

С другой стороны, как мы также уже обсуждали, полный отказ от имеющегося законодательства практически невозможен и нецелесообразен, поскольку порождает опасный «правовой вакуум». В свою очередь суды, прокуратура и полиция поставлены в условия, когда определённые общественно-опасные деяния оказываются ненаказуемы, т.к. их криминализация была проведена путём принятия соответствующих поправок к законодательству в период

«дискриминационного права». В некоторых случаях наказания по старым кодексам были настолько малы, что их применение практически было лишено смысла.

В частности, в такой ситуации приходилось действовать правоохранительным органам по отношению к случаям незаконного владения оружием. В старом УК Косово (который подлежал применению в первую очередь) санкция по частям 1 и 2 статьи 199 «Незаконное владение оружием или взрывчатыми веществами» предусматривала лишение свободы на срок всего лишь до 1 года! Только часть 3, касающаяся владения оружием или взрывчатыми веществами в крупных размерах, позволяла применять наказание от 1 до 10 лет лишения свободы. Однако, к сожалению, и поправка, введившая эту часть статьи, и толкование понятия «крупный размер» также было сделано в период 1989 – 1999 годов, и, следовательно, эта норма оказалась «дискриминационной» и не применялась.

В условиях, когда провинция была просто наводнена оружием, такая санкция просто была неадекватна реальности. Только Распоряжение МООНК № 2001/7, подписанное 21 февраля 2001 и вступившее в силу с 4 июня 2001 года, устранило это несоответствие. Статья 8.5 этого Распоряжения повысила ответственность за незаконное владение оружием до 8 лет лишения свободы или штрафа до 15000 немецких марок. В тоже время за период с августа 1999 до момента вступления в силу данного Распоряжения полиция зарегистрировала 899 фактов незаконного владения оружием. Виновные по этим составам в большинстве случаев «отделались лёгким испугом», получив условные сроки.

Теперь рассмотрим, что же происходит с уголовно-процессуальным законодательством. До 1 апреля 2004 года на территории Косово действовали Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) 1986 года, а также Уголовные кодексы Социалистической автономной провинции Косово (1977), Республики Сербии (1977) и СФРЮ (1976). С апреля 2004 в Косово в действие вступили Временный уголовный кодекс (англ.:

Provisional Criminal Code, далее – «ВУК») и Временным уголовно-процессуальным кодексами (англ.: *Provisional Criminal Procedure Code*, далее – «ВУПК») Косова, разработанные группой экспертов по заданию МООНК. Эти кодексы должны были с одной стороны отвечать всем международным стандартам, в том числе и в части обеспечения прав сторон, участвующих в процессе, а с другой – учитывать местные особенности и сложившуюся практику правоприменения.

Конечно, отдельные проблемы, как, например, использование в качестве доказательственного материала результатов обысков, проводимых войсковыми подразделениями, остаются (подробнее см. в § 4 главы IV). Однако, они более или менее легко могут разрешаться по ходу их возникновения.

С другой стороны, даже если выбор применимого законодательства не представляет проблемы, следственные специалисты сталкиваются с необходимостью изучения норм материального и процессуального права достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в том, что доказательства собираются и сохраняются в соответствии с процессуальными требованиями и, следовательно, будут допустимы для будущего судебного рассмотрения дела. Из-за языковых различий, разницы правовой культуры, обычаев и опыта процесс обучения может легко «растянуться» на несколько месяцев. Однако, как мы также уже отмечали выше, «роскоши» этих многих месяцев обучения как правило не бывает из-за временного по сути характера международных следственных подразделений, персонал которых достаточно часто меняется («ротации персонала»), особенно при работе в трудных условиях. Поэтому, заслуживает внимание и решение этой проблемы третьим способом, то есть посредством создания и применения специально разработанного законодательства.

Так, в вышеупомянутом докладе Совету Безопасности ООН, группа экспертов предложила разработать пакет законодательных актов и общих указаний для полиции, прокуроров и пенитенциарной систем. Разработка такого «законодательного пакета» должна проводиться с учётом руководящих принципов,

стандартов и процедур, содержащихся в основных международных конвенциях и декларациях в области прав человека и гуманитарного права. Существование таких обобщённых законодательных актов облегчило бы работу как временных международных администраций, так и других структур ООН, занимающихся правоохранительной деятельностью, поскольку соответствующий персонал мог бы быть предварительно их изучить и, следовательно, быть уже подготовленным к решению конкретных задач на местах, в том числе и следственных, пока «вопрос о применении законодательства находится в процессе разрешения»¹.

По идее тех же экспертов, такие «кодексы – модели» должны быть разработаны только в сфере уголовно-правовой, для обеспечения минимальных международно-признанных стандартов при расследовании особенно тяжких преступлений, таких как убийства, нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилования, поджоги, похищения людей. Конечно, в каждом конкретном случае, должна проводится соответствующая адаптация этих «моделей» к региональным условиям и требованиям. Вопросы гражданского права скорее всего «втиснуть» в рамки таких «моделей» не получится. Однако, международные администрации по крайней мере были бы в состоянии, например, организовывать отвечающее международным стандартам и проводимое международными специалистами уголовное преследование лиц, которые поджигают дома своих соседей, до разрешения вопроса о праве собственности на имущество.

Итак, мы подходим к рассмотрению третьего варианта разрешения проблем, связанных с применимым законодательством – путём разработки и использования специального законодательства. Здесь уже существуют два подхода. Один из них, только что обозначенный – это разработка образцов, которые на ходу могут быть подстроены под местные условия и быть использованы напрямую.

¹ См.: Comprehensive review of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Report of the Panel on United Nations Peace Operations (“Brahimi Report”), 21 August 2000, UN Doc. No. A/55/305-S/2000/809, §§ 79, 81 – 82.

Как мы уже упоминали выше, после нескольких лет работы в этом направлении, в 2007 году Институт мира США, опубликовал первый кодекс из этого пакета постконфликтных законов в области уголовного правосудия, «модельный» Уголовный кодекс. В 2008 году - Уголовно-процессуальный кодекс¹; Уголовно-исполнительный кодекс до сих пор не опубликован.

Хотя уже есть отдельные данные о применении таких модельных кодексов в постконфликтных ситуациях, пока они касаются их использования только для преподавания стандартов уголовного права практическим работникам при их переподготовке или их использования как примерных образцов при проведении реформ правосудия. Тот же Институт мира сообщает об этих успехах на своей интернет – странице.

В то же время, несмотря на изначальное позиционирование этих «моделей» как непосредственных временных источника материального и процессуального права, которые можно было бы применять на постконфликтных территориях во время «правового вакуума», автор не смог найти ни одного примера их использования в таком качестве правоохранительными органами при расследовании реальных преступлений.

В настоящее время в международных правовых кругах часто обсуждается вопрос о создании групп быстрого развёртывания, оперативно направляемых для проведения предварительного расследования сообщений о военных преступлениях, нарушениях прав человека, сексуального или иного насилия на территориях вооружённых конфликтов или на постконфликтных территориях. Просто нельзя не вернуться к нашему старому доброму термину «следственно-оперативные группы» (СОГ), его и будем далее использовать, с приставкой «международные».

Комплектоваться такие международные СОГ должны из предварительно сформированных списков специалистов, имеющих необходимый опыт и

¹ См.: Model Codes for Post-Conflict Criminal Justice. См. выше.

прошедших подготовку. Лица, прошедшие отбор и изъявившие желание быть включёнными в эти списки, по идее должны быть готовы безотлагательно и положительно отозваться на вызов и прибыть к месту формирования группы, для инструктажа и дальнейшей отправки к месту работы в течение нескольких дней или недель.

Например, с 2012 года организацией Женщины ООН (англ.: *UN Women*)¹, совместно с организацией «Правосудие быстрого реагирования» (англ.: *Justice Rapid Response, JRR*)², уже сформирован и периодически обновляется «Реестр специалистов по расследования сообщений о сексуальном насилии и насилии по признаку пола»³. Более детально рассмотрим процедуру их формирования ниже.

Один из наиболее важных вопросов – вопрос о форме фиксации доказательств прибывшими иностранными специалистами. Естественно, что должны использоваться уголовно-процессуальные нормы того суда, в котором планируется рассмотрение конкретного дела. На их изучение тоже требуется время.

Во время подготовительного курса «Правосудия» каких-либо унифицированных форм уголовно-процессуальных документов обучавшимся не предоставляли. Нам сообщили, что в случае направления для проведения расследования, детальные инструкции должны будут быть предоставлены принимающей стороной или организацией, с учётом того, какова цель сбора этой информации. В любом случае детальная информация о формах документов и иных процедурных особенностях (например, наличии или отсутствии необходимости в понятых при производстве осмотра места происшествия и иных следственных действиях) должны быть предоставлены принимающей стороной/организацией.

¹ Официальная интернет страница [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.unwomen.org> (дата обращения 31.05.2022).

² Официальная интернет страница [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.justicerapidresponse.org> (дата обращения 31.05.2022).

³ Англ.: JRR Roster // JRR [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.justicerapidresponse.org/what-we-do/jrr-roster/> (дата обращения 31.05.2022).

С точки зрения автора, реально использовать вышеупомянутые «модельные кодексы» смогут только такие международные СОГ. Однако, даже при эти более или менее универсальные инструменты не обеспечивают безопасного выхода из положения, поскольку не закрывают вопроса о приемлемости доказательств в конкретном суде.

Выше мы уже упоминали, что Коллега автора, также состоящая в вышеуказанном Реестре, пояснила, что во время подготовительного курса каких-либо унифицированных форм уголовно-процессуальных документов им не предоставляли. В случае направления для проведения расследования, детальные инструкции, формы документов и информация о процедурных особенностях (например, необходимости в понятых при производстве осмотра места происшествия) должны будут быть предоставлены принимающей стороной, с учётом цели сбора этой информации.

В иных случаях использоваться могут специальные бланки и базы данных, разработанные в Управлении Верховного комиссара по правам человека ООН (Англ.: *Office of the High Commissioner for Human Rights*, ОНСНР; далее – УВКПЧ)¹. Ту же информацию получил и автор, сам проходя курс обучения в JRR в 2016 году. Вся информация о нарушениях прав человека, собранная для УВКПЧ ООН, является конфиденциальной; имена допрошенных не разглашаются, чтобы не подвергнуть опасности их жизни. У свидетелей и потерпевших необходимо спрашивать, согласны ли они на передачу их показаний и личных данных правоохранительным органам, которые будут заниматься расследованием конкретного события как преступления.

В случае, если планируется дальнейшее использование собранной информации в уголовном процессе, то показания либо сразу необходимо фиксировать с учётом процессуальных требований того судебного органа, который

¹ Официальная страница в Интернете: <http://www.ohchr.org>.

будет рассматривать дело, либо после всех передопрашивать. Однако, свидетелей и потерпевшие зачастую меняют показания, отказываются от повторной их дачи, а порой и просто пропадают. Однако, ситуация с вещественными доказательствами ещё сложнее, т.к. если их сразу не оформить как полагается, то второй раз их уже не собрать; в результате они скорее всего будут признаны недопустимыми, т.к. очевидно были собраны с нарушениями. Также, все собранные доказательства становятся «собственностью» стороны – «заказчика».

Как мы уже упомянули выше, возможны ситуации, когда на постконфликтной территории работают сразу несколько групп специалистов, порой из разных стран. Тогда проблема унификации правил работы становится особенно насущной. К сожалению, даже специалисты «Правосудия быстрого реагирования» не смогли ответить на вопрос о наличии подобных унифицированных стандартов. В практическом плане наименее трудоёмкие и, скорее всего, «усреднённо – приемлемые» стандарты могут достаточно легко быть «выведены» из стандартов и процессуальных уложений судебных органов – источников правил международного уголовного судопроизводства, таких как Международный уголовный суд, МТБЮ, Нюрнбергский трибунал, т.е. как ныне существующих, так и прекративших свою деятельность.

Как неоднократно отмечала ПКК, в своей работе МООНК сталкивалась со многими проблемами, особенно в начале деятельности, во-многом в связи с необходимостью разбираться с последствиями действий в Косово представителей организаций, не зависящих от Миссии. В частности, «с приходом НАТО в 1999 году сбор доказательств по военным преступлениям начал проводится независимыми группами из нескольких стран, действовавших под общим, номинальным, руководством МТБЮ. Отсутствие стандартных процедур действий и центрального управления породило проблемы с использованием собранных в это время доказательств. В 2000 году [в Косово] ... независимо друг от друга действовало несколько групп судебных медиков. ... Для того, чтобы доказать системность и

широкое распространение преступлений [элементы *corpus delicti* серьёзных нарушений МГП] экспертно-следственные группы МТБЮ группы старались провести судебно-медицинские экспертизы как можно большего количества эксгумированных человеческих останков, при недостатке или полном отсутствии действий, направленных на их идентификацию. Более того, эксгумированные тела погибших, личности которых не были установлены, в 1999 году были перезахоронены, а информация о местах захоронения зачастую недоступна. После прекращения массовой работы МТБЮ в Косово в 2000 году, полиция МООНК продолжила расследование сообщений о пропавших без вести¹, но «без какой-либо стратегии». Как следствие, было собрано большое количество несистематизированной информации»².

Кроме того, в условиях Косово насущной проблемой была выработка процедуры, в соответствии с которой доказательственные материалы, собранные подразделениями КФОР, могли бы быть оформлены в качестве допустимых в суде доказательств. Полиции МООНК часто приходилось сталкиваться с ситуациями, когда признаки различных преступлений обнаруживались войсковыми подразделениями. Как правило сообщения о преступлениях от них поступает после проведённых ими обысков или после работы на контрольно-пропускных пунктах.

Уже тогда автором данной работы было высказано мнение о том, что деятельность военных по сбору первичной информации в-принципе подпадало под диспозицию части 2 статьи 197 ВУПК и должно рассматриваться как «принятие необходимых мер для сохранения следов преступления, объектов, на которые было совершено посягательство, орудий преступления и других доказательств».

¹ Сергеев, А.Б. Производство оперативно-разыскных мероприятий при работе о безвестном исчезновении лица // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2018. С. 113-116.

² См.: HRAP, Čelić and Fazlija v. UNMIK, nos 51/09 and 53/09, opinion of 14 February 2014, § 54.

Основная практическая проблема состояла в том, что в национальных контингентах КФОР не было (и, по нашим сведениям, нет до сих пор) общих правил действий в той или иной ситуации; все они действовали в соответствии с национальным законодательством и нормами и уставами, действующие внутри их армий. Естественно, что стандартные процедуры действий в той или иной ситуации, установленные для армейских подразделений, далеко не всегда отвечают требованиям, предъявляемым к проведению расследования в рамках уголовно-процесса. В районах правления временной администрации, где часть правоохранительных функций, а в частности – сбор первоначальной доказательственной информации, пусть и временно, выполняют войсковые подразделения, это однозначно является одной из причин низкой эффективности расследования преступлений. Ниже, в 4 главе, мы остановимся на более детально на обстоятельствах этого.

Наиболее логичным решением рассмотренной проблемы было создание унифицированной процедуры по фиксации и сбору первичных следов преступления, для их последующего использования в качестве доказательств в суде. Такая процедура должна была иметь в своей основе действующее законодательство и быть обязательной к применению всеми войсковыми подразделениями, независимо от национальности. Введение её в действие должно было произойти приказом командующего КФОР после согласования основных моментов с полицией и Департаментом правосудия. Однако, до сегодняшнего дня, никаких позитивных изменений в этом направлении нет.

Таким образом, из всего вышеизложенного мы можем заключить, что разъяснения в части законодательных актов, подлежащих применению на постконфликтной территории, необходимо проводить как можно быстрее после полной замены власти, как это произошло в Косово. При необходимости отдельные законодательные акты необходимо корректировать в целях их приведения в соответствие с современными условиями, в частности с международными

требованиями по обеспечению прав человека, как было сделано, например, в Косово, с введением в действие новых УК и УПК, разработанных под руководством МООНК.

С другой стороны, необходимо понимание того, что полная замена всего законодательства ни за день, ни за неделю, невозможна. Тем более, невозможна полная перестройка всей правоприменительной и правоохранительной системы. Кроме того, такая полная замена далеко не всегда будет наилучшим решением проблем, связанных с работой правоохранительных органов на постконфликтных территориях.

§ 4. Специальное нормативное регулирование расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта

В мирное время расследование преступлений проводится в соответствии с нормами уголовного и уголовно-процессуального права, с соблюдением гарантированных международным правом и Конституцией прав человека и гражданина. Однако даже в нормальной обстановке существует ряд ситуаций, когда процедура расследования может видоизменяться, «подстраиваясь» под особые условия. Как уже было отмечено выше, даже стремясь к обеспечению необходимых минимальных стандартов расследования, нельзя не принимать во внимание объективные обстоятельства, вынуждающие к процессуальным отдельным удержаниям. Особенно это утверждение применимо к расследованиям, проводимым в ситуациях вооружённого конфликта или непосредственно после окончания такового.

Несмотря на большое количество противников, сторонников «специальных» приёмов и методов получения информации, а также сбора доказательств, предостаточно, в том числе и в России. Принципиальные разногласия, как правило, имеются между лагерем правозащитников с одной стороны и практическими

работниками, и представляющими практику учёными юристами – с другой. Для России допрос «с пристрастием» не является чем-то новым, подобные способы ведения следствия дозволялись отдельными уголовно-процессуальными нормами: «сей распрос такой есть, когда судья того, на которого есть подозрение, и оный добровольно повиниться не хочет, пред пыткой спрашивает, испытуя от него правды и признания в деле»¹.

Действительно, деятельность правоохранительных органов в настоящее время очень усложнено тем, что законодательство зачастую просто не поспевает за быстроразвивающимся преступным миром. Появляются новые, ранее неизвестные, способы совершения преступления, меняются их масштаб, появляются новые преступления. В такой ситуации, правоохранительным органам всегда остаётся «реактивная» роль в этой борьбе, т.е. только лишь стараться как можно быстрее отреагировать на изменяющуюся обстановку разработкой и внедрением соответствующих мер. Однако, если дело только в технике, то это ещё полбеды. Если же проблема в отсутствии или устаревании норм материального или процессуального права, то решить её оперативно очень трудно, т.к. нормотворчество – это прерогатива правительства и отчасти судов (через правоприменительное толкование).

Так, на слуху гибель и тяжкий вред здоровью потребителей наркотических курительных смесей («спайс»). В сентябре 2014 года насчитывалось более 20 погибших и около 700 пострадавших², к концу января 2015 года было уже около 40

¹ См. напр. Краткое изображение процессов или судебных тяжб. Глава шестая. О Роспросе с пристрастием и пытке. 1715 г., март. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Составитель В.А. Томсинов. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001, С 193-195. См. также: Петухов Н.А. История военных судов России / Под ред. и с предисл. д.ю.н., проф. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2009. – 352 с.

² См.: Отравления курительными смесями // ТАСС [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://tass.ru/infographics/8062> (дата обращения 23.02.2022).

погибших и более 2000 пострадавших¹. Так, по данным экспертов, «объем изъятия спайсов и дизайнерских наркотиков за последние семь лет увеличился в 130 раз, сегодня эта цифра составляет 22 тонны»². Несмотря на все усилия, волну этой преступной деятельности остановить пока не удаётся³.

Как выяснилось в процессе расследования, «причиной смерти ... является отравление неустановленным веществом с функциональным типом действия. В представленной на исследование растительной массе наркотические средства, психотропные вещества и их производные не установлены»⁴. В результате, для доказывания вины злоумышленника необходимо проведение отдельной токсикологической экспертизы на предмет установления «опасности для жизни и здоровья растительной массы»⁵, так как в большинстве случаев эти наносящие вред здоровью вещества не находятся в списках, запрещённых к обороту наркотических и психотропных веществ и прекурсоров⁶. В этой связи также известно, «когда какое-то вещество попадает в список запрещённых, дельцы слегка меняют его химическую формулу, и формально новый наркотик уже не является запретным»⁷.

¹ См.: Совет Федерации одобрил запрет оборота и пропаганды спайсов в России // РИА Новости [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://ria.ru/incidents/20150128/1044697930.html> (дата обращения 23.02.2015).

² См.: там же.

³ См.: В Москве изъяли более 100 кг сырья для производства спайса // Газета.ru [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/12/n_6920221.shtml (дата обращения 23.02.2015).

⁴ См.: Следственный комитет проверит все случаи отравления курительной смесью в Кировской области // Новости Следственного комитета РФ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://sledcomrf.ru/news/148151-sledstvennyiy-komitet-proverit-vse.html> (дата обращения 23.02.2022).

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681, с изменениями) // Система ГАРАНТ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://base.garant.ru/12112176/#text> (дата обращения 23.02.2022).

⁷ ФСКН обсудила ситуацию с наркотиком, отравившим более 200 человек // РИА Новости [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://ria.ru/society/20140925/1025545801.html> (дата обращения 23.02.2015).

Поскольку изменения списка списков запрещённых веществ проводятся через Правительство РФ, специальным «антиспайсовым законом» Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) предоставлено право создать реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в России запрещён. Если этот закон будет в конечном итоге принят, то деятельность связанная с оборотом вредоносных курительных смесей также будет криминализована¹. О реальном эффекте этих мер пока судить рано.

То есть, мы видим, что особые обстоятельства, понуждающие власти к нахождению специальных мер, адекватно на них отвечающих, могут существовать и в мирное время. В ситуациях же, имеющих значение для нашего исследования, такие особые обстоятельства совершенно очевидны, а значит и аргументов в защиту специальных мер тоже больше.

Знаменитые революционные трибуналы – это другой достаточно известный способ действия судебной системы в «особых условиях». Почти все революции сопровождались «быстрым правосудием». Конечно, как говорил один из авторов Версальского договора Жорж Клемансо: «Военное правосудие имеет такое же отношение к правосудию, как военные марши – к музыке»². Вспомним революционный террор во Францию конца 18 века³, когда «... террор применялся к врагам Республики где бы они ни были, был социально неразборчив и направлен политически. Его жертвы принадлежали ко всем классам, которые ненавидели

¹ См.: Владимир Путин подписал «антиспайсовый закон» // Московский комсомолец [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.mk.ru/politics/2015/02/04/vladimir-putin-podpisal-antispaivovyy-zakon.html> (дата обращения 23.02.2015).

² Жорж Клемансо (Georges Clemenceau) - премьер-министр Франции с 1906 по 1909 и с 1917 по 1920 годы; de-facto руководитель страны на последнем году Первой мировой войны, один из авторов Версальского договора. Фр.: *Ainsi la justice militaire n'est pas la justice, la musique militaire n'est pas la musique.*

³ См.: Авербух Р. Террористический режим во Франции в 1793-94 году. По протоколам заседаний Конвента и протоколам Революционного Трибунала. Вестник Коммунистической академии, 1925. Кн. 11., С. 187-203 // См. на сайте Istmat.info [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://istmat.info/files/uploads/30219/fr_regime-terreur_r-a-averbukh_comacademia_1925.pdf (дата обращения 25.11.2015).

революцию или жили в тех регионах, где угроза восстания была наиболее серьёзной. «Тяжесть репрессивных мер в провинциях ... находилась в прямой зависимости от опасности мятежа»¹.

Узаконенный террор обеспечивал возможность претворения в жизнь знаменитого изречения Робеспьера о том, что Республика ничего не должна своим врагам, кроме смерти. Высшая мера наказания была предписана за большое количество действий, а ещё более широкое определение «врага Республики» позволяло его применять по делам с практически любыми обвинениями. ... Наиболее часто по делам о внутренних врагах Республики применялись законы, связанные с призывами к бунту [франц.: *sédition*] в любых формах, причём одинаково карались как действия, так и высказывания. В самом начале Террора, за призывы к бунту была установлена смертная казнь. Однако, гораздо более значимым среди всех законодательных актов был декрет от 19 марта 1793 года в отношении восстаний; результаты применения его одного повлекли больше казней, чем всё остальное законодательство о Терроре. За участие в вооружённом восстании он предусматривал осуждение военной комиссией и казнь в течение 24 часов, а за невооружённое восстание предусматривалось рассмотрение дела уголовным судом и, в случае признания виновным, казнь в тот же срок. Эро де Сешел лаконично высказался по этому поводу: «Мы можем быть гуманными, когда мы уверены в своей победе». Тысячи повстанцев всех рангов и степеней были расстреляны или гильотинированы в силу этого Декрета. Позже, когда «врагов Революции» практически не осталось, Террор добрался и до «врагов народа». Закон «22 Прериала» должен был раздавить последнюю оппозицию и открыли время «Великого террора», когда в день казнили около 20 приговорённых. Этот закон дал определение всем контрреволюционным преступлениям, для искоренения выражения даже малейшего сожаления о старом режиме, а также и враждебности

¹ Greer D. Incidence of the Terror During the French Revolution: A Statistical Interpretation.— Harvard University Press, 1935, P. 14-15.

или даже безразличия к новому. Закон «22 Прериаля» в общем определял, что враги народа – это те, «кто стремятся уничтожить свободу силой или хитростью». Как объяснял далее Сен-Жюст, правосудие в общепринятом понимании этого слова не имело отношения к цели данного закона, т.к. он был призван обеспечить тотальное уничтожение всех, кто противится Республике.¹

Как видим, «правосудие» конца 18 века весьма схоже по подходам и даже по использованным определениям «врагов» с послереволюционной Россией в начале прошлого века². Вспомним хотя бы статью 58 УК РСФСР³, суды-тройки или «особые совещания» НКВД, которым было предоставлено право приговаривать к «высшей мере социальной защиты». Интересно, содержание спецсообщения Л.П. Берии И.В. Сталину № 2805/б, от 15 октября 1941 года. Из него чётко видно, что система правосудия продолжала работать в нормальном режиме, когда «... приговоры военных трибуналов округов, а также верховных судов союзных, автономных республик и краевых, областных судов, входят в законную силу только после утверждения их Военной Коллегией и Уголовно-Судебной Коллегией Верховного Суда Союза ССР – соответственно. Однако и решения Верховного Суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая своё заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б), и только после этого по делу

¹ См.: там же.

² См.: Никулин В.В. Формирование системы Революционных Трибуналов в 1917- 1920 г.г. // См. на сайте Rusnauka.com [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://www.rusnauka.com/12_EN_2008/Pravo/31251.doc.htm (дата обращения 25.11.2015).

³ Статья 58 УК РСФСР (1922 г.):

«Преступления государственные

1. Контрреволюционные преступления

58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.»

выносятся окончательное решение, которое вновь спускается Верховному Суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР».

По мнению Л.П. Берия, этот сложный процесс привёл к «перенаселённости» мест заключения лицами, приговорёнными к высшей мере наказания, ожидающими утверждения приговоров по их делам высшими судебными инстанциями (на тот момент - 10 645 человек). Он предложил решить проблему путём упрощения процедуры, разрешив НКВД СССР привести все приговоры в исполнение, не дожидаясь их утверждения. Там же предлагалось наделить «особые совещания» правом приговаривать к высшей мере по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 58 и 59 УК РСФСР. Очевидно, что эти предложения были приняты.

Радостно, что на Украине такого пока нет, однако информация о возможном существовании таких быстрых процессов, или призывам к ним, к сожалению, имеется. Так, в сентябре 2014 года в средствах массовой информации появились сообщения об обнаружении от «нескольких» до «нескольких десятков» мест массовых захоронений жертв репрессий украинских силовиков и бойцов добровольческих батальонов на территориях вблизи Донецка, которые они оставили. Так, в конце октября 2014 года РИА Новости, со ссылкой на премьер-министра самопровозглашённой ДНР Александра Захарченко, сообщало, что «в городе Красноармейске Донецкой области за время проведения украинскими силовиками спецоперации пропали почти 400 женщин в возрасте от 18 до 25 лет, за последнее время были найдены 286 женских тел». Все 286 жертв были обнаружены «с фактами изнасилования», убитыми выстрелами в голову.

Немногим ранее, 23 сентября 2014 года, наблюдательная миссия ОБСЕ в Донбассе сообщала о том, что её мониторами были показаны три захоронения неопознанных тел вблизи шахты «Коммунар». В трёх могилах они видели разлагающиеся тела четырёх погибших; неподалёку были найдены 9мм гильзы от пистолета Макарова. В месте, которое напоминало третью могилу, была воткнута палка с табличкой, на которой были написаны пять фамилий, и указано, что они

погибли «за ложь Путина». Представители Миссии ОБСЕ не заметили присутствия судебных экспертов; сами они не были в состоянии провести исследование мест захоронений¹.

Следственный комитет РФ также заявил, что «Информация об убийствах граждан, тела которых найдены в массовом захоронении под Донецком, будет проверена Главным следственным управлением СКР в рамках расследования уголовного дела о применении запрещённых средств и методов ведения войны против мирных граждан на юго-востоке Украины»²

В середине декабря то же РИА Новости, со ссылкой на начальника Управления верховного комиссара ООН правам человека, отвечающий за регионы Америки, Европы и Центральной Азии, сообщило, у них «нет данных о местах расположения массовых захоронений, что позволило бы ... сообщить об этом в соответствии с нормами, а также обеспечить сохранность улик для доступа экспертов... Мы спрашивали, где могут быть ещё захоронения, но не получили ответа». По словам того же представителя УВКПЧ ООН, их миссия там «до сих пор не располагает чёткими подтверждениями того, что люди, чьи тела в настоящее время находятся в моргах [как сообщалось – до 400], действительно были обнаружены в массовых захоронениях. Это, а также отсутствие чёткой информации о местах захоронений ... ставит под вопрос факт существования подобных могил, о которых СМИ сообщали в конце сентября».³ Действительно, в восьмом докладе мониторинговой миссии УВКПЧ ООН по ситуации на Украине сообщается, что

¹ См.: Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 23 September 2014 // Официальный сайт ОБСЕ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.osce.org/ukraine-smm/124216> (дата обращения 1.11.2022).

² Следственный комитет России подключится к расследованию массовых захоронений под Донецком // Вечерняя Москва [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://vm.ru/news/2014/09/24/sledstvennij-komitet-rossii-podklyuchitsya-k-rassledovaniyu-massovih-zahoronenij-pod-donetskom-266294.html> (дата обращения 15.11.2016).

³ Миссия ООН усомнилась в существовании захоронений на востоке Украины // РИА Новости [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://ria.ru/world/20141215/1038331965.html> (дата обращения 3.11.2022).

прямых доказательств расстрелов без суда, совершённых вооружёнными силами Украины или ополченцами до сих пор нет¹.

В феврале 2016 года СК РФ сообщает, что в производстве его следователей «находится 57 уголовных дел по фактам бесчинств, учинённых на юго-востоке Украины» и «Проводится активная работа по установлению причастных лиц и сбору объективных доказательств, необходимых для их уголовного преследования, объявления в международный розыск и ареста»². Неизвестно, находятся ли дела по фактам обнаружения 4 (или 400) погибших среди этих 57 дел. Примечательно, что Следственным комитетом РФ «была подготовлена и издана книга «Трагедия юго-востока Украины», в которой приведены свидетельства участников событий, фотодокументы и материалы международных организаций, фиксирующие доказательства военных преступлений на территории Донбасса».³ Непонятно только почему вместо уголовного преследования виновных выбран такой способ предания их «преступлений» гласности, в лучших традициях правозащитных организаций, таких как Международная Амнистия (англ.: *Amnesty International* и Наблюдатели за правами человека (англ.: *Human Rights Watch*), зачастую бросающихся бездоказательными обвинениями для провокации скандалов и «отработки» полученных спонсорских сумм.

Есть сейчас и более радикальные примеры правосудия, вершимого в связи с вооружёнными конфликтами. К сожалению, страшные образцы «правосудия» на территориях, подконтрольных т.н. «государству» ИГИЛ/ДАИШ красочны и сильны

¹ См.: Report on the human rights situation in Ukraine 15 December 2014. - Electronic text // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights : [website]. - URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ОНCHR_eighth_report_on_Ukraine.pdf (дата обращения : 3.11.2022).

² См.: СК рассказал о расследовании 60 военных преступлений в Донбассе (16 февраля 2016) // Сайт Следственного комитета РФ [электронный ресурс] – Режим доступа. <http://sledcom.ru/press/smi/item/1017735/> (дата обращения 3.11.2022).

³ См.: там же.

настолько, что надолго врезаются в память и несомненно выполняют свою пропагандистскую задачу.

Вернёмся к вопросам уголовно-процессуальных норм и «технике» проведения расследований на постконфликтных территориях и иных особых условиях, которые зачастую обеспечивают схожее правовое поле для работы специальных следственных технологий.

В 2008 году, высказывая своё мнение по поводу расследования обвинений в совершении военных преступлений грузинскими войсковыми подразделениями в Южной Осетии, Д.А. Медведев, который тогда был Президентом Российской Федерации, отметил: «Хотел бы, чтобы администрация президента вместе с правоохранительными структурами с привлечением юридической общественности проработала вопрос о дополнительных мерах по обеспечению судебных процессов, включая модель переноса процессов за пределы регионов, где совершено преступление». По мнению главы государства, это позволило бы исключить фактор влияния со стороны преступников на тех, кто осуществляет правосудие, и позволит блокировать попытки новых преступлений. Более того, президент Медведев также заявил: «Я думаю, мы можем себе позволить отойти от канонов уголовно-процессуального законодательства. Хватит смотреть на него как на священную корову»¹. Пресс-секретарь президента мгновенно пояснила, что это была пока только идея, которая ещё должна быть проработана.

Сложно спорить с тем, что уголовное судопроизводство играет и не перестанет играть важную роль в противоборстве терроризму во всех его формах, оставаясь одним из наиболее важных антитеррористических инструментов². Достаточно распространена практика принятия государствами отдельных законов,

¹ См.: Мы можем себе позволить отойти от канонов законодательства // Gazeta.ru [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://www.gazeta.ru/politics/2011/02/22_a_3534393.shtml (дата обращения 17.10.2022).

² См.: Chaudhry I.M. Terrorism and the Criminal Justice System // На сайте Верховного суда США [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.supremecourt.gov.pk/ijc/Articles/4/1.pdf> (дата обращения 17.12.2014 г.).

или внесения поправок к существующим законам, направленных на определение особого порядка расследования (и/или проведения отдельных следственных и процессуальных действий) преступлений против государства, террористических актов, массовых беспорядков, организованной преступности. То есть, налицо случаи «подстраивания» уголовного материального и процессуального права под нужды расследования. Конечно, делается это под благовидными предложениями обеспечения законности и неотвратимости наказания, но тенденция, к сожалению, нарастающая.

Так, например, параграфы «г» и «ж» статьи 12 Закона РФ «О чрезвычайном положении» предусматривает возможность досмотра личных вещей, жилищ и транспортных средств, а также удлинение срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений. Схожие положения имелись и в уголовно-процессуальном законодательстве Союза ССР¹.

В США значительное количество законодательных актов и поправок к действующему законодательству, значительно расширяющих полномочия правоохранительных органов в случаях, угрожающих национальной безопасности, было принято после взрыва зданий Международного торгового центра, произведённого 11 сентября 2001 года². Например, уже 14 сентября Конгресс принял резолюцию³, позволяющую Президенту использовать любые необходимые и достаточные силовые меры против государств, организаций или лиц, которые он

¹ См. напр.: Постановление Центрального исполнительного комитета СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», 1 декабря 1934 г. СЗ СССР, 1934, № 64, ст. 459 // В сб. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 – 1991 гг. / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 1997, С. 221.

² В англоязычных источниках обычно обозначается как теракт “9/11”.

³ См.: Sec. 2(a). Authorization for Use of US Armed Forces, US Congress, Resolution “Authorization for the Use of Military Force” of 14 September 2001 // <http://jurist.law.pitt.edu/terrorism/sjres23.htm>

посчитает ответственными за организацию, совершение или пособничество в террористических атаках 11 сентября 2001 года, или связанными с ними. Такие полномочия предоставлялись с целью предотвращения возможных будущих атак с их стороны в отношении США. Знаменитый термин «война с террором» появился позже.

В законодательстве появились новеллы, делающие законными дополнительные меры воздействия на подозреваемых, не желающих сотрудничать со следствием или оперативными работниками. Даже в случае полного отказа субъекта от дачи показаний должностное лицо может продолжить допрос.

Лицо, допрашиваемое с целью получения сведений, которые могут предотвратить нанесение серьёзного вреда или спасти жизни, может быть подвергнуто методам специального тактического или иного воздействия на сознание, без его согласия. Также разрешено применение методов психологического воздействия, призванных убедить субъект в том, что в его интересах дать правдивые показания, таким образом склонив его к сотрудничеству. В случаях, когда правоохранительные органы пытаются получить жизненно-важную информацию, для побуждения допрашиваемого лица к даче правдивых показаний разрешаются даже такие неприменимые в других обстоятельствах тактические приёмы, как обещания разного рода¹. Полагаем, что под такими обещаниями подразумеваются и заведомо невыполнимые, и противозаконные (например, предоставление наркотических средств).

Достаточно знаменитый и несчётное количество раз критикованный законодательный акт, известный как «Патриотический Акт США»², утверждённый 26 октября 2001 года Президентом Бушем, также предоставил ряд дополнительных

¹ See.: Parry J.W. Interrogating a Suspected Terrorist // University of Pittsburgh School of Law. Jurist. November 6, 2001 // <http://jurist.law.pitt.edu/terrorism/terrorismparry.htm>

² Общеупотребительное название (англ.) “USA PATRIOT Act” является акронимом, взятым из полного названия: “*Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001*”.

полномочий правоохранительным органам, расследующим деятельность террористических организаций, особенно в ситуациях, направленных на предотвращение террористических актов. В частности, им было значительно расширен круг ситуаций, в который вместо ордеров, выданных судом, допускалось использование так называемых «Писем Службы национальной безопасности» (англ.: *National Security Letter*). В частности, такие Письма позволено было использовать для получения и использования данных о телефонных или электронных переговорах, а также сведений о различных финансовых и деловых транзакциях (в т.ч. архивных), без ордера суда.

Противники этого закона также неоднократно критиковали предоставляемые им возможности неограниченного содержания иммигрантов под стражей, обысков, проводимых правоохранительными органами без уведомления и разрешения владельцев жилых или рабочих помещений. Со времени его принятия многие его положения оспаривались в судебном порядке, в результате чего некоторые из них были признаны неконституционными¹.

В Великобритании, например, появление специального законодательства можно увидеть, как минимум, с 1939 года, когда в ответ на серию взрывов и актов саботажа в отношении органов власти, промышленных и военных объектов со стороны Ирландской республиканской армии в процессе реализации так называемого «Плана С»², был принят Акт о предотвращении насилия. Прекратил этот закон своё действие в 1953, и в 1973 году был отменен, чтобы возродиться в виде серии Актов о предотвращении терроризма 1989 года, которые предоставляли особые полномочия полицейским структурам в случаях возникновения террористической деятельности или расследования терактов³.

Действовал данный законодательный акт в семи основных направлениях:

¹ См.: Abramson L. Godoy M. The Patriot Act: Key Controversies // <http://www.npr.org/news/specials/patriotact/patriotactprovisions.html>

² Англ. “S-Plan”, см. подробнее: <http://en.wikipedia.org/wiki/S-Plan>

³ См.: [http://en.wikipedia.org/wiki/Prevention_of_Terrorism_Act_\(Northern_Ireland\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Prevention_of_Terrorism_Act_(Northern_Ireland))

1. Устанавливал список организаций, членство, пропаганда, и любая форма поддержки которых являлось преступлением с максимальным сроком заключения до 10 лет;

2. Определял порядок выдворения и/или недопущения въезда нежелательных элементов, а также уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет за оказание таким лицам содействия в нарушении такого решения;

3. Криминализовал оказание финансовой помощи терроризму, установив тюремное заключение на срок до 14 лет или неограниченный штраф;

4. Установил особую процедуру ареста, содержания под стражей, и контролируемого въезда, в соответствии с которой дозволялся арест без судебного ордера на срок до 48 часов (продляемый до 5 дней), на основании наличия достаточных оснований полагать, что лицо причастно к совершению акта(ов) терроризма. При этом такие лица, в отличие от арестованных в обычном порядке, оказывались ущемлёнными в некоторых личных правах.

Остальные части Акта регулировали в основном технические моменты, но раздел, посвящённый Северной Ирландии расширял права полиции по проведению обысков и некоторые другие.

В свою очередь в 2000 году все они были заменены на более отвечающий современной действительности Акт о предотвращении терроризма (англ.: *Terrorism Act 2000*), подтверждающий многие полномочия полиции¹. Действующий в настоящее время в Объединённом Королевстве Акт по предотвращению терроризма, принятый в 2005 году, среди иных, предусматривает выдачу Министром внутренних дел, или в отдельных случаях – судами, особых ордеров об осуществлении мер особого контроля (англ.: *Control orders*) в отношении отдельных лиц, подозреваемых в связях с террористической деятельностью. Список таких ограничительных мер распространяется на следующее:

¹ См.: Козочкин И.Д. Новый английский закон о борьбе с терроризмом. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. М., 2001, №2. С. 49-56.

- владение отдельными предметами или веществами (напр. мобильными телефонами и др. средствами связи);
- доступ к отдельным видам услуг (напр. интернету);
- трудоустройство и ведение бизнеса;
- контакты с иными лицами;
- место жительства, свобода передвижения, доступ в определённые регионы, нахождение в определённых местах;
- изъятие паспорта и/или других личных документов;
- обязательное фотографирование;
- наблюдение за перемещениями, в т.ч. установка специальных электронных датчиков;
- периодическая регистрация в полиции или других органах.

С другой стороны, отношение к подобным «экстраординарным» мерам далеко неоднозначно, как в мире, так и в нашей стране. Так, например, в 2006 году кабинет Тони Блэра пытался увеличить максимальное время задержания подозреваемых в терроризме до 90 суток, но против выступили не только члены оппозиции, но и 49 представителей его собственной партии. Согласно законопроекту, представленному два года спустя, полиция могла получить право задерживать подозреваемых в террористической деятельности на 42 суток, не предъявляя им никаких обвинений. Представитель МВД, отвечающий за безопасность, предупредил, что если законопроект будет отклонён, то «это будет означать, что опасных террористов могут отпустить, и они совершат злодеяния». Однако и в 2008 году это предложение было отвергнуто¹.

В июне 2006 года судья верховного суда Объединённого Королевства Салливан признал незаконным и отменил данный министром внутренних дел

¹ См.: Британские лорды отвергли задержание на 42 суток // BBC [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/uk/newsid_7668000/7668457.stm (дата обращения 4.11.2016).

Великобритании ордер об осуществлении мер особого контроля в отношении шести человек, подозреваемых в террористической деятельности. В решении судьи Салливана говорилось о том, что Министр внутренних дел переступил свои полномочия, выдав ордера, предусматривающие меры, на которые необходимо было получение судебного ордера. Ранее тот же судья назвал такие ордера “оскорблением правосудия”, поскольку они лишают людей права на справедливое судебное разбирательство, а также нарушают требования ст. 5 ЕКПЧ (право на свободу и личную неприкосновенность)¹.

Таким образом британские судьи не раз давали понять, что не намерены следовать примеру США и приносить в жертву борьбе с терроризмом гражданские свободы. Такая позиция воспринимается многими как победа гражданских свобод над произволом органов власти.

В январе 2011 года Министр внутренних дел Великобритании Тереза Мэй представила на рассмотрение парламента поправки к Акту 2005 года. Среди них содержится предложение по серьёзному изменению практики применения ордеров особого контроля, которые она назвала «драконовскими» и признала, что на практике их использование оказалось не столь эффективным, как ожидалось. В новом пакете предложений срок содержания под стражей до предъявления обвинения сокращается с 28 до 14 дней, с возможностью запроса продления при наличии особых обстоятельств, вводятся ограничения права полиции на остановку и досмотр и т.д.

Даже жёстко придерживающийся принципов уважения прав человека Совет Европы, через рекомендации Комитета экспертов по специальным следственным действиям, связанным с террористическими актами (англ.: *Committee of Experts on Special Investigation Techniques in Relation to Acts of Terrorism [PC-TI]*) и Комитета экспертов по вопросам терроризма (англ.: *Committee of Experts on Terrorism*

¹ См.: Judge quashes anti-terror orders // BBC [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/5125668.stm (дата обращения 4.11.2016).

[CODEXTER]¹) признает, что с целью противостояния наиболее серьёзным преступлениям, судебные и полицейские структуры вынуждены видоизменить имеющийся арсенал следственных действий и разработать так называемые специальные методы расследования, которые в некоторых случаях могут вступать в противоречие с признанными правами человека².

Однако и ещё в 1978 году, в решении по правам человека по делу Класс и др. против ФРГ, Европейский суд по правам человека указал следующее: «Современные демократические общества оказались под угрозой высокоразвитых форм шпионажа и терроризма, в результате чего государства должны иметь возможность негласного наблюдения за “подрывными элементами”, действующими в пределах юрисдикции государств. Таким образом, Суд вынужден признать, что законодательство, разрешающее секретное наблюдение за почтовыми отправлениями и другими средствами связи, в исключительных обстоятельствах является необходимым в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и/или в целях предотвращения беспорядков или преступлений»³.

Конечно, российская правовая система не рассматривает судебный прецедент в качестве источника права, но прислушиваться к уже принятым решениям международных судов, а порой ссылаться и цитировать их в приговорах, практически везде в мире считается как минимум правилом хорошего тона в правосудии.

Естественно заключить, что если применение особых процедур расследования правомерно в отдельных ситуациях и в мирное время, то во время

¹ См. Официальную интернет – страницу CODEXTER [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.coe.int/en/web/counter-terrorism/codexter> (дата обращения 21.11.2016).

² См.: Рекомендация Комитета министров Совета Европы № Rec(2005)10 от 20 апреля 2005 года «О “специальных методах расследования” в связи с тяжкими преступлениями, включая террористические акты», § 12-13 // Документ доступен на сайте Офиса ООН по наркотикам и преступности (UNODC) [электронный ресурс] – Режим доступа. - https://www.unodc.org/tldb/pdf/Council_of_Europe/rec_2005_10E.pdf (дата обращения 22.11.2016).

³ См.: *Klass and others v. Federal Republic of Germany*, ECtHR, no. 5029/71, judgment of 6 September 1978, § 48.

войны или после неё их существование порой оно необходимо для обеспечения нормальных государственных функций. Кажется, что это особенно значимо при расследовании военных и других преступлений, имеющий особый общественный резонанс как внутри отдельно взятых держав, так и за их пределами. Однако, изучение современной практики расследований в подобных условиях не подтверждает данный тезис.

И личная практика автора, и большинство изученных действующих и прекративших своё существование следственных подразделений применяли либо международно-признаваемые, либо местные уголовные и уголовно-процессуальные нормы, существовавшие до конфликта. Конечно, отдельных модификаций и модернизаций избежать невозможно, но большинство положений оставалось без изменений.

В.И. Боевым уже предлагалось введение термина «уголовное законодательство военного времени», и ряд соответствующих дополнений к Уголовному кодексу РФ. По мнению автора оно должно приниматься в случае объявления военного положения на территории Российской Федерации, были сформированы его задачи и принципы¹.

Создание, изменение и последующее применение норм такого уголовного законодательства подчинено автором основному принципу – целесообразности, в соответствии с которым основными целями признается обеспечение безопасности, защита государственного суверенитета и конституционного строя РФ, обеспечение мира и безопасности человечества, охрана прав и свобод граждан. Очевидно, осознавая чрезвычайную эластичность предлагаемого принципа, целей и возможных способов их достижения, уважаемый автор попытался их ограничить формулой: «Целесообразность не должна выходить за рамки законности»².

¹ См.: Боев В.И. Проект федерального закона «Об изменениях и дополнениях в Уголовный кодекс Российской Федерации, действующих в период военного положения». Москва, 2007, с. 3

² См.: Там же, С. 4.

Помимо других дополнений Общей части УК, автор предложил дополнить около 40 составов преступлений частями, ужесточающими наказание до смертной казни или длительного лишения свободы, в случаях совершения этих преступлений в период военного положения¹.

Один из недавних примеров организации экстраординарной судебной и прокурорской системы – это действующая система израильских военных судов на палестинской территории Западного берега (реки Иордан) и Сектора Газа, оккупированных Израилем.

Эти суды имеют территориальную и специальную личную юрисдикцию по делам о преступлениях, совершаемых палестинцами – жителями оккупированных территорий. Материально право, применяемое при рассмотрении этих дел, составлено из израильского военного законодательства, британского законодательства о национальной обороне в случае чрезвычайных обстоятельств (англ.: *British Defence [Emergency] Regulations*) и местных уголовного и уголовно-процессуальных законодательных актов (иорданских на Западном берегу и египетских в Секторе Газа). Судьи и прокуроры являются или действующими офицерами регулярной армии Израиля, или резервистами. Защитниками выступают либо палестинские (тоже с оккупированных территорий) либо израильские адвокаты.

Основная задача этих судов – рассмотрение дел палестинцев, арестованных израильскими армейскими структурами, и обвинённых в преступлениях против безопасности государства и/или других тяжких преступлениях. К настоящему времени число палестинцев, прошедших через эту систему, достигает десятков тысяч². Порядка 90 - 95% обвиняемых признаются виновными, но в большинстве

¹ См.: Там же, С. 6-17.

² См.: Hajjar L., *Courting Conflict: The Israeli Military Court System in the West Bank and Gaza*. Berkeley: University of California Press, 2005, 312 pp.

случаев посредством так называемой «сделки с правосудием» (англ.: *plea bargain*). Законность таких решений также является спорной.

Среди факторов, способствующих стороне обвинения и соответственно такому высокому количеству обвинительных приговоров, присутствуют специальные методы допроса, применяемые для того, чтобы добиться признания, их высокое доказательственное значение, разрешение использования «секретных доказательств» для обоснования содержания под стражей и признания виновным, а также общая тенденция судей принимать доказательства обвинения, предпочитая их доказательствам защиты и невнимание к противоречивым показаниям и доказательствам.¹ В конечном итоге, такая ситуация «особого благоприятствования» фактически привела к подмене одного из основополагающих принципов правосудия, презумпции невиновности, другим – обязанностью защиты доказать невиновность подзащитного².

Можно не без оснований предположить, что такая ситуация во многом обусловлена фактом принадлежности судей и прокуроров к одним и тем же военным структурам. Кроме того, процедура рассмотрения дел изобилует «процессуальными особенностями», ограничивающими возможности защиты работать эффективно.

Вопрос о легитимности и моральности функционирования таких «особых» правоохранительных и судебных структур также остаётся открытым и обсуждаемым юристами многих стран. Отношение к ним порой диаметрально противоположное. Так, Ян МакДональд, Королевский Адвокат (англ.: *Queens Counsel, QC*), ушёл со своего поста Специального Адвоката при Особой комиссии по рассмотрению иммиграционных апелляций в знак протеста против постоянных нарушений гарантий беспристрастного суда этим государственным органом³. Этим

¹ См.: Там же, с. 108.

² См.: Там же, с. 112.

³ См.: Dyer C. Terror QC: more will quit special court // *The Guardian*, 20 December 2004 [электронный ресурс] – Режим доступа. -

он поднял волну обсуждения среди британских юристов в Британии роли и ответственности профессиональных юристов в подобных неоднозначных обстоятельствах. Законность организации подобных структур, нарушающих базовые права человека, поставлена под вопрос.

Как уже отмечалось выше, существует сложившиеся стандарты проведения расследования имеется чётко сложившаяся позиция Европейского суда по части соблюдению основных прав человека в процессе расследования преступлений. Так, ЕСПЧ признаёт, что в ситуациях, связанных с вооружённым конфликтом «на пути следствия могут существовать дополнительные преграды и трудности, которые могут принудить к использовать менее эффективных следственных мероприятий, или привести к задержкам в проведении расследования»¹.

В то же время, Европейский суд настаивает на том, что «даже в трудных и небезопасных условиях все возможные шаги для обеспечения проведения эффективного и беспристрастного расследования обвинений в нарушении права на жизнь должны быть предприняты»². Даже в случаях, когда расследование в своих начальных стадиях встречало определённые объективные трудности, связанные с войной или послевоенной ситуацией, безосновательное длительное бездействие властей по отношению к расследованию преступлений после окончания конфликта уже не может быть оправдано³.

Специальные правовые нормы, регулирующие такие расследования

<http://www.theguardian.com/politics/2004/dec/20/terrorism.humanrights> (дата обращения 22.11.2016).

¹ См. напр.: ECtHR [GC], *Al-Skeini and Others v. the United Kingdom*, ссылка выше, § 164; ECtHR, *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, ссылка выше, § 121.

² См. напр.: ECtHR, *Kaya v. Turkey*, ссылка выше, § 105, Reports of Judgments and Decisions 1998-I, at §§ 86-92; ECtHR [GC], *Tanrikulu v. Turkey*, ссылка выше, §§ 101-110, ECHR 1999-IV; ECtHR, *Isayeva v. Russia*, ссылка выше, §§ 215-224; ECtHR, *Musayev and Others v. Russia*, ссылка выше, §§ 158-165.

³ См.: Келлер Х., Чернышова О. Дела о насильственных исчезновениях в практике Европейского Суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН: Сходства и различия // *Международное правосудие*, No 4(8) 2013, С 75-77. См также: ECtHR, *Jelić v. Croatia*, ссылка выше, § 92; ECtHR, *Association “21 December 1989” and Others v. Romania*, ссылка выше, § 100.

В провинции Косово, находившейся под контролем Миссии ООН, с августа 1999 действовали специальные процедуры по отказу в доступе к отдельным местам и объектам, удалению из них, аресту и содержанию под стражей без судебных санкций для обеспечения общественного правопорядка. Применяться данная специальная процедура могла к любым лицам, которые, в соответствии с информацией правоохранительных органов, могли быть причастными к совершению актов, представляющих угрозу общественному порядку и безопасности и «угрожающих (а) правопорядку; (b) правам человека; (с) частной и общественной собственности; и (d) нормальной деятельности государственных институтов. Кроме того, правоохранительным органам разрешалось задерживать таких лиц на срок, не превышающий 12 часов¹. Применялась эта процедура в крайних случаях, достаточно редко. При необходимости продления содержания под стражей должно было быть сформулировано подозрение в совершении конкретного преступления и лицо доставлено в суд для оформления судебного содержания под стражей. Практика задержаний и содержания под стражей для предотвращения преступлений обсуждалась и раньше².

Однако, позже выяснилось, что кроме этой «публично озвученной» практики, существовала и совместная практика Главы МООНК и командующего КФОР о внесудебном заключении под стражу на основании так называемых «Исполнительных приказов» (англ.: *Executive orders*)³. Заключение под стражу на

¹ UNMIK Regulation 1999/2 of 12 August 1999 // UNMIK Official Gazette [электронный ресурс] - Режим доступа. - http://www.unmikonline.org/regulations/unmikgazette/02english/E1999regs/RE1999_02.htm (дата обращения 15.12.2016).

² См.напр.: Elias S.B. Rethinking “preventive detention” from a comparative perspective: Three frameworks for detaining terrorist suspects // Columbia Cuman Rights Law Review, 41:99 – URL: <https://biblioteca.corteidh.or.cr/tablas/r23766.pdf> (дата обращения 21.10.2022).

³ См.: Ombudsperson Institution in Kosovo, Special Report no. 3, The Conformity of Deprivations of Liberty under ‘Executive Orders’ with Recognised International Standards 8(2001) // Ombudsperson website [электронный ресурс] - Режим доступа. - http://www.ombudspersonkosovo.org/repository/docs/E4010629a_526704.pdf (дата обращения 22.11.2016).

основании таких приказов применялось при наличии оснований полагать, что задержанные «представляют угрозу безопасности территории и общественному правопорядку»¹. В большинстве случаев задержанные содержались в импровизированной тюрьме на территории военной базы США в Косово «Бондстил» (англ.: *Bondsteel*) «без объяснения им правовых оснований задержания ... в отсутствие доступных процессуальных возможностей эффективно оспорить их длительное содержание под стражей и при отсутствии компенсации за противоправное заключение под стражу или содержание под стражей»².

После получения ряда жалоб эта практика была детально изучена и встретила очень жёсткую критику международного Омбудсмана в Косово³ и других правозащитников⁴, после чего была достаточно быстро прекращена.

В этом плане насущным становится вопрос об ответственности ООН и других международных и межправительственных организаций за преступления и нарушения прав человека, допущенные их персоналом в процессе работы, в том числе и по борьбе с преступностью, на постконфликтных территориях.

В последнее время достоянием международной общественности стали многие факты «особых процедур», связанных с содержанием под стражей без соответствующих судебных решений и применения процедуры внесудебной («чрезвычайной») экстрадиции из Европы в юрисдикцию США (англ.: *extraordinary rendition*) лиц, в том числе граждан третьих стран, подозреваемых в терроризме⁵.

¹ См.: там же, § 10.

² См.: там же, § 2; см. также: “Questions arise over US base in Kosovo”, Deutsche Welle, 10 December 2005 [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.dw.com/en/questions-arise-over-us-base-in-kosovo/a-1810615> (дата обращения 22.11.2019).

³ См.: там же, §§ 8-32.

⁴ См.: Abraham E. The Sins of the Savior: Holding the United Nations Accountable to International Human Rights Standards for Executive Order Detentions in its Mission in Kosovo. *American University Law Review*, vol. 52, 2003, p. 1292 - 1337 // *American University Law Review* [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://www.aulawreview.org/pdfs/52/52-5/abraham.pdf> (дата обращения 22.11.2016).

⁵ See: Alleged Secret Detentions in Council of Europe Member States. Report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights, 22 January 2006, документ № AS/Jur (2006) 03 rev // Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE), официальная интернет-страница

Несколько судебных решений на эту тему также было принято в Европейском Суде по правам человека¹. Такие особые, внесудебные, способы содержания под стражей и сбора доказательств использовались на мирных территориях, хотя и «под эгидой» борьбы (войны) с терроризмом, что должно было оправдывать их применение.

Совет по Правам человека ООН также осудил данную практику, отметив: «Чрезвычайные положения, вооруженные конфликты и борьба с терроризмом — часто озвучиваемые расплывчатыми формулировками юридических положений — образуют «благоприятную среду» для тайного содержания под стражей. Как и в прошлом, чрезвычайными полномочиями сегодня наделяются органы власти, включая командование вооруженных сил, правоохранительные органы и/или разведывательные учреждения в условиях чрезвычайного положения или глобальной военной парадигмы без контроля или при весьма ограниченном контроле со стороны парламентов или судебных органов»².

Примеры похожей практики, к сожалению, отмечены и на территории Российской Федерации, в Чеченской республике. Так, в январе 2006 года Дик Марти в своём докладе Совету Европы отметил наличие множества сообщений о

[электронный ресурс] — Режим доступа - http://assembly.coe.int/main.asp?link=/committeedocs/2006/20060124_jdoc032006_e.htm (дата обращения 9.12.2014); Report of the Temporary Committee of the European Parliament On the alleged use of European countries by the CIA for the transportation and illegal detention of prisoners, № 2006/2200(INI) // European Parliament's website [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A6-2007-0020&language=EN> (дата обращения 15.12.2016).

¹ См. напр. решения ECtHR: *El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*, no. 39630/09, judgment of 13 December 2012, *Al Nashiri v. Poland*, no. 28761/11, judgment of 24 July 2014, and *Husayn (Abu Zubaydah) v. Poland*, no. 7511/13, judgment of 24 July 2014.

² См.: Совместное исследование о глобальной практике в связи с тайным содержанием под стражей в условиях борьбы с терроризмом... Доклад Совета по правам человека ООН, Тринадцатая сессия, 12 мая 2010 г. Документ ООН № A/HRC/13/42, с. 5.

случаях насильственных исчезновений людей, пыток и существующих тайных мест содержания задержанных¹.

Известно, что несмотря на признание ЕСПЧ возможности сокращения круга действий по расследованию преступлений на территориях со сложной обстановкой, Суд однозначно не признаёт легитимным использование пыток или другого нечеловечного обращения даже по отношению к подозреваемым в причастности к преступным организациям террористической направленности².

Кроме оперативно-розыскных или уголовно-процессуальных «особых способов», отмечается появление специализированных новелл и в уголовном праве. Пожалуй, наиболее известная и спорная из них — это концепция «совместного преступного предприятия» (англ.: *joint criminal enterprise*, JCE; далее - СПП), разработанная и успешно применяемая МТБЮ.

В классическом уголовном праве объективная сторона преступления (в том числе и военного/преступления против человечности) совершается путём непосредственного участия, планированием, отдаванием приказа, содействием и подстрекательством. В международном уголовном праве эти лица несут индивидуальную уголовную ответственность (англ.: *individual criminal responsibility*). Кроме того, возможна так называемая «командная ответственность» (англ.: *command responsibility*). Выполнение приказа командования не рассматривается основанием для освобождения от уголовной ответственности, но может явиться смягчающим вину обстоятельством.

В случае применения концепции СПП, когда цель преступления достигается через действия многих лиц, находящихся в сговоре, все соучастники несут равную

¹ See: Above referred Report Alleged Secret Detentions in Council of Europe Member States, § 92.

² См. напр.: ECtHR [GC], *EI-Masri v. The Former Yugoslav Republic of Macedonia*, ссылка выше.

ответственность, независимо от их личного вклада и даже от полноты их осведомлённости об умысле других¹.

В российском законодательстве применительно к ВП эта концепция частично охватывается понятием «совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией)», определённым в статье 35 УК. Однако, особенность правил СПП состоит в том, что в случае, например, «эксцесса исполнителя» одного соучастника, все несут равную ответственность. На практика этого подход применяется для привлечения к ответственности лиц, в отношении которых недостаточных доказательств для установления их индивидуальной или командной ответственности. При внимательном наблюдении за судебными процессами, где постоянно используется этот термин, очень тяжело отделаться от мысли о попытках сокрытия нехватки доказательств и недостатков следствия.

Итак, подытожим сказанное и отметим, что, безусловно, определённое «подстраивание» и модификация существующих процессуальных норм под нужды военного времени или сложных постконфликтных ситуаций возможно и необходимо, хотя есть ряд «за» и «против» введения таковых. Однако несомненно, что разработка таких специализированных норм и процедур должна проходить с учётом необходимости обеспечения соблюдения признанных стандартов прав лиц, затронутых этими нормами, а применяться они должны только при наличии чётко обозначенных условий.

§ 5. Особенности юрисдикции местных и международных правоохранительных структур и органов, созданных межгосударственными и международными организациями

¹ См. напр.: Mars ton Donner A. Joint Criminal Enterprise and Contemporary International Criminal Law // [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.slobodan-milosevic.org/news/asal2004.htm> (дата обращения 22.11.2016).

Теперь кратко рассмотрим вопросы о наделяния юрисдикцией, а также о разграничении подследственности и подсудности местных и международных правоохранительных структур на постконфликтной территории. Здесь мы не будем говорить следственной деятельности на территории продолжающегося международного конфликта, поскольку о таковой, как правило, говорить не приходится.

Вспоминая работу Чрезвычайной следственной комиссии в 1915-1916 годах (см. в § 3 главы I выше), вспомним, что круг вопросов, подлежащих рассмотрению ЧСК, был оговорён среди первых, на заседании Особого Совещания 4 марта 1915 года, которое потом было предоставлено Императору на утверждение. Так, обсуждалось и было решено, что преступления турецких войск и рассматриваться не будут, как не будет проводится целенаправленный сбор информации о материальном ущербе, причинённом государству и отдельным гражданам¹. Помимо этого, там была определена и абсолютная обязанность всех гражданских и военных властей сотрудничать с ЧСК и, при установлении каких-то сведений, входящих в её юрисдикцию, сообщать о них или направлять их в Комиссию, не ожидая запроса².

Аналогично была обозначена юрисдикция и Чрезвычайной государственной следственной комиссии 1942 года. В отличие от Комиссии 1916 года, в задачи ЧГК 1942 года, были включены установление размеров ущерба гражданам и организациям, ущерба культурным и историческим ценностям, в т.ч. церковным. Вследствие этого, в составе Комиссии были члены, обладавшие знаниям в различных отраслях, даже, например, в церковных вопросах (Николай, Митрополит Киевский и Галицкий) и в сельском хозяйстве (академик Т.Д. Лысенко)³.

¹ См.: Дело Канцелярии Совета Министров. Об учреждении Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками. 26 февраля - 9 декабря. - 1915. (77 листов) – С. 54-58 (Фонд Совета Министров. Опись № 11. 1915 год) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 110.

² См.: там же, С. 12.

³ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. (см выше), С.97-98.

Естественно, вопрос о юрисдикции создаваемых международных правоохранительных и, в частности, следственных, подразделений, должен обговариваться и согласовываться заранее. При наличии действующих местных правоохранительных органов, также встаёт вопрос о разделении юрисдикции во избежание конфликтов.

В предельно обобщённом виде, своей работой международные правоохранительные органы призваны достигнуть следующих целей или оказать содействие в их достижении имеющимся или будущим местным органам:

- *Содействие реализации права на доступ к правосудию и на действенную защиту от правонарушений нарушений.* Международные структуры играют центральную роль в обеспечении того, что деяния подозреваемых в преступлениях будут должным образом расследованы, ответственные лица будут преследоваться в судебном порядке и понесут адекватное наказание.

- *Содействие искоренению культуры безнаказанности.* Следственные органы призваны содействовать прекращению практики безнаказанности. Это в свою очередь способствует укреплению верховенства права, в особенности, когда безнаказанность являлась одним из катализаторов конфликта. Восстановление уважения к верховенству права и уверенность граждан в том, что преступления не остаются безнаказанными, могут послужить основой демонстрации демократического характера переходного периода и, в конце концов, внести вклад в восстановление мира¹.

- *Содействие примирению.* Наказание преступников в постконфликтном контексте суды также несомненно призвано способствовать примирению. Однако, по этому поводу есть различные мнения. Порой, для достижения примирения, предлагается закрыть глаза на отдельные уголовно-наказуемые деяния, объявляя

¹ См. в этом контексте: Клейменов И.М. Цветные революции в контексте сравнительной криминологии / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 266-274.

амнистию отдельным категориям лиц, в том числе и за отдельные тяжкие преступления.

Достаточно распространено мнение, что «общества способны заживлять глубокие раны, оставленные тяжкими преступлениями прошлого режима, посредством диалога между жертвами и правонарушителями, и особенно через уступки и прощение первыми вторых»¹. Однако, также многие признают, что одно без другого не приведёт к положительным результатам, и «безоглядное» прощение может привести к обратным результатам. Наказание предотвращает появление культуры безнаказанности в постконфликтный период, наглядно показывая, что за преступление неотвратимо последует наказание. Такие примеры необходимы не только по тому, что они повышают общее уважение к правам человека, а также обеспечивают гарантии неповторения происшедшего, что очень важно для переходных периодов.

Так, например, отсутствие такого рода гарантии привело к краху процесса примирения в Сьерра Леоне в 1999 году. Тогда, вследствие согласия правительства на объявление амнистии лидерам повстанческих вооружённых формирований, ответственных за множества тяжких преступлений, период перехода к миру не продлился больше пары месяцев. Он был прерван амнистированными, воспользовавшимися полученной передышкой и бездействием правительства, совершив ещё серию массовых убийств гражданских лиц и захвату пятисот заложников из числа персонала ООН. Эти события в том числе послужили толчком к созданию Специального суда по Сьерра Леоне (англ.: *Special Court for Sierra Leone*, SCSL, далее – СССЛ)².

¹ См.напр.: Uprimny R., Saffon M.P. Transitional Justice, Restorative Justice and Reconciliation. Some Insights from the Colombian Case, p. 4 // Global studies [электронный ресурс] - Режим доступа. - http://www.global.wisc.edu/reconciliation/library/papers_open/saffon.pdf (дата обращения 30.10.2017).

² См. там же, с. 9.

Как мы уже упоминали ранее, в соответствии с Резолюцией 1244, среди задач, поставленных перед подразделениями КФОР в Косово было обеспечение безопасной обстановки, в которой беженцы и перемещённые лица могли бы вернуться в свои дома, а также и временного обеспечения общественной безопасности и правопорядка, пока международное гражданское присутствие МООНК не сможет полностью взять на себя ответственность в этой области деятельности.

Как указывается в отчёте Полиции МООНК за 2000 год, в связи с постепенным развёртыванием сил гражданской полиции ООН, 22 августа 1999 года в регионе Приштины силы КФОР уже смогли передать ей функции расследования преступлений, а также частично функции патрулирования и охраны отдельных объектов. Полностью правоохранительные функции в Приштине были переданы Полиции МООНК 19 сентября 1999 года, в Призрени 27 октября 1999 года, в Гнильяне 12 мая 2000 года и в Печи к концу июня 2000 года. Только на севере Косово, передав следственные функции полиции, КФОР достаточно долго осуществлял патрулирование и другие «технические» функции, как например блокпосты на дорогах.

Мы уже отмечали выше, что как в Косово, так и в Восточном Тиморе, международные правоохранительные структуры имели полноту полномочий, данную им соответствующей Резолюцией Совета безопасности ООН, в данном случае № 1272 (1999) от 25 октября 1999 года. В обоих случаях, это было связано с отсутствием местных нормально функционирующих структур из-за недавно завершившегося вооружённого конфликта. Как правило на последующих этапах, с появлением местного персонала, за международными структурами закрепляются только определённые «сектора» работы. Так, применительно к расследованию преступлений, наиболее целесообразно говорить о выделении определённых составов или «направлений» оперативно-розыскной и следственной деятельности и их передаче или оставлению в ведении международных следственных

подразделений. Среди таких составов как правило находятся военные преступления, серьёзные нарушения требований МГП, геноцид, межэтнические насильственные преступления.

Приняв в начале деятельности МООНК в Косово на себя весь спектр деятельности по охране правопорядка, международный (при помощи КФОР) персонал правоохранительных органов в дальнейшем, по мере развития местных структур, начал передачу им функций. В свою очередь международные структуры «переформатировались», переориентировались на другие задачи и позже сокращались. Так, если в 2000 году международных полицейских было около 4000, то ко времени одностороннего провозглашения независимости Косово их было уже всего около 1500¹.

Проведение расследований преступлений, связанных с организованной преступностью, а также большинству других составов были переданы местной полиции. Однако, расследование военных преступлений не было передано косовской полиции, от ООН эстафету в начале 2009 года приняли подразделения EULEX.

Конечно, кроме международной полиции, временные администрации ООН в Косово и Тиморе имели и штат международных прокуроров и судей, а также необходимое количество вспомогательного персонала. Аналогично полиции, прокуроры и судьи изначально приняли на себя деятельность, связанную со преступлениями всех видов, а позже оставили за собой только дела о наиболее сложных преступлениях, связанных с организованной преступностью, коррупцией, а также военные преступления.

¹ См.: Доклад Консультативного комитета ООН по административным и бюджетным вопросам Финансирование Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, 5 июня 2008 г., документ ООН № A/62/781/Add.18 [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.un.org/ga/acabq/document/a62781add18?language=ru> (дата обращения 27 ноября 2022).

На первом году существования МООНК производство по делам обвиняемых в военных преступлениях в Косово осуществлялось органами местного правосудия. Представители МООНК и ОБСЕ только наблюдали за процессами и сообщали об отдельных недостатках. Естественно, что среди судей, присяжных заседателей, защитников и других участников процесса, сербов или вовсе не было, либо их были единицы¹. В 1999 и начале 2000 годов был проведён ряд «показательных» судебных заседаний над сербами, обвинёнными практически во всех существующих военных преступлениях. Было вынесено несколько полностью или частично необоснованных и порой катастрофически низкокачественных и националистских судебных решений. Обвиняемые и подследственные находились в предварительном заключении без достаточных оснований и необоснованно долго. После ряда акций, проведённых этими лицами в местах заключения (в том числе массовых голодовок), им наконец удалось привлечь внимание международной общественности к нарушениям закона.

В конце концов стало ясно, что во многих случаях решения не только казались, а действительно выносились под сильным влиянием сильного предубеждения, препятствовавшего объективному рассмотрению дел. Независимые наблюдатели сообщали о случаях отказов в возбуждении уголовных дел или освобождении арестованных этнических албанцев, когда напротив этнические сербы задерживались, обвинялись и осуждались за военные преступления на основании явно недостаточных доказательств. Происходило это или по национальным симпатиям, или по причине страха или угроз со стороны остального албанского населения².

¹ См.: Пресс-релиз МООНК от 14 Сентября 1999 года (код документа UNMIK/PR/43) (<http://www.unmikonline.org/press/press/pr43.html>); Оценка ситуации с национальными меньшинствами в Косово (период с ноября 1999 по январь 2000) // Доклад Миссии ОБСЕ в Косово; § 23 (http://www.osce.org/documents/mik/2000/02/1116_en.pdf).

² См.: Рекомендации организации Международная амнистия по судебной системе. Документ Международной амнистии, 4 февраля 2000, код документа EUR 70/006/2000, с. 3 // Сайт

Для решения этой проблемы было принято Распоряжение МООНК № 2000/6 «О назначении и прекращении полномочий международных судей и прокуроров»¹. Статья 1 этого документа установила, что СПГС (глава МООНК) может назначать международных судей и прокуроров в Окружной суд и прокуратуру Митровицы и другие суды региона. Международные судьи и прокуроры наделялись полномочиями самостоятельно принимать к производству любые дела, подпадающие под юрисдикцию суда или прокуратуры, в которую они назначены.

Казалось, что такой институт международных судей и прокуроров как-бы «встроенных» в систему косовского правосудия должен был обеспечить необходимую степень объективности при расследовании и судебном рассмотрении отдельных категорий дел, по которым высока вероятность злоупотреблений должностных лиц при отсутствии достаточного контроля. Однако их функционирование на практике столкнулось с другой проблемой.

Даже когда международный судья председательствовал в судебном заседании, два других профессиональных судьи из числа местных судей были албанцами. В случаях, когда они не соглашались с мнением международного судьи, они просто «заголосовывали» его, таким образом добиваясь принятия желаемого большинством приговора. Такие решения немногим отличались от принятых ранее судами, составленными только из местных судей.

Для предотвращения таких негативных ситуаций было принято Распоряжение МООНК № 2000/64 «О передаче дел международным судьям и прокурорам и изменении места рассмотрения дела»². Этот документ предусмотрел

Международной амнистии [электронный ресурс] – Режим доступа.- <https://www.amnesty.org/en/documents/eur70/006/2000/en/> (дата обращения 10.02.2018).

¹ См.: UNMIK Regulation 2000/6 On the Appointment and Removal of International Judges and International Prosecutors // Сайт МООНК [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://www.unmikonline.org/regulations/2000/re2000_06.htm (дата обращения 1.03.2018).

² См.: UNMIK Regulation 2000/64 On Assignment of International Judges/Prosecutors and/or Change of Venue // Сайт МООНК [электронный ресурс] – Режим доступа.- http://www.unmikonline.org/regulations/2000/re2000_64.htm (дата обращения 10.03.2018).

порядок подачи и рассмотрения заявлений о передаче дела в ведение международных специалистов. С того времени любой участник процесса, как местный так и международный, в любой момент мог подать такую петицию, приведя достаточное обоснование. В случае, если проверка показывала объективность приведённых оснований, Директор Департамента правосудия МОК направлял письмо главе миссии с прошением об удовлетворении ходатайства. При положительном решении, Глава миссии выносил одно из следующих решений:

- передать международному прокурору уголовное дело, находящееся на стадии предварительного расследования;
- передать компетенцию по разрешению всех вопросов, связанных с расследованием на досудебной стадии, международному судье;
- передать дело на рассмотрение суду в составе трёх международных судей.

С декабря 2008 года, полномочия Международного гражданского присутствия по части правоохранительной деятельности в Косово, предусмотренные в Резолюции 1244, были переданы от МООНК к специальной Миссии EULEX. Вновь созданная Миссия сохранила штат прокуроров и полицейского персонала, приступивших к выполнению тех же функций.

Параллельно с международными правоохранительными структурами под эгидой ООН (и позже – ЕС), юрисдикцию по расследованию преступлений на территории всей Югославии, в соответствии со статьями 1 и 8 своего Устава¹ (статута), имел и МТБЮ:

«Статья 1. Международный трибунал полномочен в соответствии с положениями настоящего Устава осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьёзные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года».

¹ Устав (статут) МТБЮ // Официальный сайт МТБЮ [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.icty.org/en/documents/statute-tribunal> (дата обращения 6.11.22).

При этом, в соответствии с ч. 2 ст. 9 Устава, юрисдикция МТБЮ являлась (и является) преимущественной по отношению к национальным правоохранительным органам:

«Юрисдикция Международного трибунала имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов. На любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал может официально просить национальные суды передать производство по делу Международному трибуналу в соответствии с настоящим Уставом и правилами процедуры и доказывания Международного трибунала».

Несмотря на очевидные благие цели формирования МТБЮ, есть и огромное количество критики в его адрес, связанной как с общими вопросами его легитимности, так и с эффективностью его процедур по отношению к их стоимости, и политизированностью выносимых там решений¹. Однако, большинство наблюдателей не видит другой большой проблемы более технического плана – конфликта юрисдикций, порождённого недостаточно детальной проработкой процесса действия органов МТБЮ по сбору доказательств на территории бывшей Югославии. Так, отвечая на запросы ПКК МООНК по отдельным жалобам, СПГС признавал, что Полиция МООНК не производила расследований, потому что они были переданы МТБЮ, хотя в большинстве случаев в материалах дела прямого указания об этом не было². Кратко рассмотрим связанные с этим факты и выводы, представленные ПКК МООНК, где автор проработал долгое время, в решении по делу *Remiřtar v. UNMIK*³.

¹ См. напр.: Локленд Д. Пародия на правосудие. Гаагский трибунал против Слободана Милошевича. Москва : Русская панорама, 2009, 184 с.

² См.: HRAP, Vitořević and Marmarević v. UNMIK, nos. 139/09 et al, opinion of 23 January 2014, §§ 72, 88, 98, 127-132.

³ См. *Remiřtar v. UNMIK*, дело № 245/09, Заключение от 17 октября 2014 г. // Официальная страница ПКК [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://www.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx> (дата обращения 2 марта 2018).

Заявитель в этом деле – жена сербского полицейского Ненада Ремиштара, захваченного и убитого ОАК, как подозревалось – с ведома Рамуша Харадиная. В процессе рассмотрения жалобы, Коллегия запросила копию следственного дела, находившегося в производстве Полиции МООНК, однако получила только ограниченное количество разрозненного материала, где не было даже подтверждение официального возбуждения уголовного дела; семья погибшего также никогда не уведомлялась о прогрессе процесса расследования.

Одновременно, Коллегия установила, что МТБЮ проводило независимое «параллельное» расследование похищения и убийства Н. Ремиштара, как части большого расследования против Рамуша Харадиная и других в деле *Prosecutor v. Haradinaj et al* (IT-04-84)¹. Не было секретом, что МТБЮ имел своё представительство на территории Косово. Вообще, МТБЮ имел ряд отделений на местах в бывшей Югославии, которые «изначально были созданы в качестве форпостов для [службы Прокурора] и были расположены в Белграде, Сараево, Загребе, Приштине, Банья-Луке и Скопье. ... Офис в Приштине был полностью закрыт в 31 декабря 2012 года».² С учётом этой информации, и зная из практики то, какой секретностью была окутана работа следователей МТБЮ «на земле», Коллегия сделала вывод, что нельзя исключать возможность того, что официальные структуры МООНК не были поставлены в известность о деятельности, проводимой МТБЮ.

Такой вывод напрашивался из-за отсутствия информации о работе МТБЮ в материалах Полиции МООНК, предоставленных ПКК. Коллегия высказала по этому поводу озабоченность тем, что следственные материалы Полиции МООНК могли были быть переданы МТБЮ (или даже изъяты им) без надлежащего

¹ ICTY, *Prosecutor v. Ramush Haradinaj, Idriz Balaj and Lahi Brahimaj*, IT-04-84-T, Trial judgement, 3 April 2008 // Официальная страница МТБЮ [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.icty.org/x/cases/haradinaj/tjug/en/080403.pdf> (дата обращения 5.11.2022).

² See: *Tribunal closes field offices in Croatia and Kosovo* // Официальная страница МТБЮ [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://www.icty.org/sid/11180> (дата обращения 5 января 2017).

оформления запроса и каких-либо документальных следов такой передачи. Если это так, то: «такое положение вещей делает практически невозможным отслеживание документов и доказательств по делу, а также удостоверение их подлинности. Ненадлежащая документальная фиксация передачи следственных документов и вещественных доказательств, существенно подрывает судебные перспективы возможных будущих уголовных дел, а соответственно и права заинтересованных сторон»¹.

Как известно, 29 ноября 2012 года, МТБЮ полностью завершил свою деятельность по делу *Haradinaj et al* (IT-04-84bis-T). Ни один из обвиняемых не был признан виновным в причастности к похищению и убийству Н. Ремиштара. Признавая, что не все расследования приводят к установлению и наказанию виновных, тем не менее, по мнению Коллегии, обязательства полностью расследовать обстоятельства похищения и гибели не прекращаются с вынесением оправдательного приговора, и это дальнейшее расследование не должно быть простой формальностью². Такое же мнение высказано Европейским Судом в решении по делу *Брекнелл против Соединённого Королевства*:

«нельзя недооценивать обязательность расследования тех или иных обязательств незаконных убийств, даже через много лет после событий, так как общественная заинтересованность в преследовании и осуждении виновных неоспорима, в особенности в отношении военных преступлений и преступлений против человечности»³.

По мнению ПКК, после окончания Гаагским Трибуналом работы по этому делу, в соответствии с обязанностью продолжать расследование, вытекающей из статьи 2 Европейской конвенции, материалы следствия должны были быть возвращены в Косово и переданы в ведение EULEX, которая приняла на себя от

¹ HRAP, *Remištar v. UNMIK*, № 245/09, решение от 17 октября 2014, § 110.

² См. HRAP, *Remištar v. UNMIK*, § 115; см. ещё напр.: HRAP, *Mladenović*, §§ 192 – 194.

³ См.: ECtHR, *Brecknell v. The United Kingdom*, no. 32457/04, judgment of 27 November 2007, § 69.

ООН все функции в области расследования тяжких преступления в декабре 2008 года. В дальнейшем уже соответствующие органы EULEX должны были бы использовать все имеющиеся в их распоряжении средства либо для продолжения расследования, либо для его прекращения/приостановления до появления новых обстоятельств, а также соответствующего уведомления семье погибшего. Неизвестно, были ли переданы материалы следствия Миссии EULEX и были ли предприняты какие-либо следственные или процессуальные действия, но, к сожалению, заявительница до настоящего времени никакой информации не получила.

Как видим, существующая неразбериха с подследственностью и пониманием длящейся обязанности расследовать незаконные лишения жизни в конце концов приводит к тому, что виновные остаются на свободе и страдают заявители и потерпевшие.

Но это далеко ещё не конец истории о «параллельной юрисдикции» в Косово. В 2011 году для проведения независимого расследования обвинений, содержащийся в докладе сенатора Дик Марти о бесчеловечном обращении и незаконной торговле человеческими органами в Косово¹, Советом Европы была создана Специальная Следственная рабочая группа (англ.: *Special Investigative Task Force*, SITF). Доклад фокусировался на преступлениях, совершённых ОАК в Косово и Албании, а именно – незаконной деятельности по изъятию и продаже человеческих органов пленных. В мандат SITF охватывал расследование обстоятельств преступлений, описанных в вышеупомянутом докладе, и, при

¹ См.: Report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights of the Council of Europe Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo, № AS/Jur (2010) 46, 12 December 2010 // Вебсайт Совета Европы [электронный ресурс] - Режим доступа. - http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2010/20101218_ajdoc462010provamended.pdf (дата обращения 4.01.2017).

необходимости, подготовке материалов для дальнейшего привлечение ответственных за них лиц к уголовной ответственности¹.

Летом 2014 года глава SITF заявил, что выводы группы в большой мере подтверждают обвинения, содержащиеся в докладе Д. Марти 2011 года, и что ими были собраны достаточные доказательства для вынесения обвинительного заключения в отношении бывших командиров УСК. Обвинительное заключение подлежало направлению для рассмотрения в «специальный судебный механизм, который сможет обеспечить полностью независимое, беспристрастное, открытое и безопасное его рассмотрение»².

В 2015 году было принято решение о создании Специализированной судебной палаты (англ.: *Specialist Chambers*) и Службы прокурора (англ.: *Specialist Prosecutor's Office*) под эгидой Евросоюза «для расследования и уголовного преследований лиц за тяжкие преступления межнационального и международного характера, которые были совершены во время вооружённого конфликта в Косово, а также и по его окончании, в 1998, 1999 и 2000 годах»³. Парламент Косово принял соответствующие поправки в Конституцию специальный закон, являющийся *lex specialis* по отношению к местным УК и УПК⁴. Ожидается, что эта новая структура унаследует все незаконченные расследования преступлений, связанных с конфликтом, формально завершившимся в июне 1999 года.

В сентябре 2016 года, функции SITF были переданы косовскому Специальному прокурору, для продолжения начатой следственной работы и их

¹ Более подробно см. на вебсайте SITF [электронный ресурс] - Режим доступа. - www.sitf.eu (дата обращения 4.01.2017).

² Statement by the Chief Prosecutor of the Special Investigative Task Force (SITF) on investigative findings // Вебсайт HLC [электронный ресурс] – Режим доступа. http://www.hlc-rcd.org/wp-content/uploads/2014/07/Press_release_EN.pdf (дата обращения 1.06.2018).

³ См. сайт Специализированной судебной палаты [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.scp-ks.org/en/specialist-prosecutors-office/role-spo> (дата обращения 4.03.2018).

⁴ См. Law on Specialist Chambers and Specialist Prosecutor's Office, Law No.05/L-053 // Сайт косовского Парламента [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://www.kuvendikosoves.org/common/docs/ligjet/05-L-053%20a.pdf> (дата обращения 4.03.2018).

дальнейшей передачи службы Прокурора Косовской Специализированной палаты. Однако, по причине многочисленных задержек политического характера, до середины 2018 года реально работать ни Палаты, ни прокурорская служба так и не начали.

Основная причина задержек кроется в серьёзном противодействии со стороны нынешних кругов власти в Косово, большинство из которых получили доступ к власти так или иначе в связи с их ролью в деятельности ОАК во время конфликта. Соответственно, многие из имеют реальные шансы оказаться в списке обвиняемых, преследуемых новой структурой. Организация ветеранов ОАК не раз открыто выражала своё недовольство согласием косовских властей на создание Специализированной палаты. В декабре 2017 и январе 2018 наблюдалась массированная подготовка общественного мнения через различные СМИ к тому, что закон может быть аннулирован.

Также, как мы видим, юрисдикция Палат тоже претерпела существенное видоизменение, по сравнению с мандатом SITF. Она не ограничена деятельностью УСК и её юрисдикция *ratione temporis* охватывает период с начала 1998 по конец 2000 года. Значит, не исключено, что Палаты могут полностью или частично перефокусироваться на преступления сербов – представителей «кровавого режима Милошевича», по примеру МТБЮ и косовского правосудия.

Вновь политика оказывает очевидное влияние на работу структур международного правосудия, что в очередной раз ставит под сомнение их беспристрастность. Однако, поскольку от Косовского «национального» правосудия ожидать профессионализма и беспристрастности в этом направлении вообще нереалистично, работа Палат всё-таки может пролить хоть какой-то свет на преступления ОАК против сербов и других неалбанцев, о которых много говорили, но в судебных процессах ни в Косово ни в Гааге их наказания не было.

Также, имеются случаи привлечения к проведению расследований специализированных подразделений из других стран или международных

организаций для проведения расследований различных ситуаций, провести которые своими силами, или обеспечить беспристрастность, представляется затруднительным. Например, даже международная администрация ООН в Косово приглашала сотрудников итальянской финансовой полиции (итал.: *Guardia di Finanza*¹).

Кроме расследования преступлений как таковых, большую проблему представляют вопросы установления и восстановления прав собственности на недвижимое имущество, как частной, так и государственной, общественной собственности, а также собственности коммерческих организаций. Уже 15 ноября 1999 года МООНК было принято Распоряжение № 1999/23², объявляющее о создании специального Директората по вопросам жилья и собственности (англ.: *Housing and Property Directorate*; далее - НРД) и Комиссии по рассмотрению жалоб, связанных с жильём и собственностью (англ.: *Housing and Property Claims Commission*; далее - НРСС)³. Этим преследовалась цель создания беспристрастного и независимого механизма урегулирования претензий с использованием местных и международных специалистов, исключительно в части жилой недвижимости. Этой структуре была передана полная юрисдикция по рассмотрению споров граждан по поводу прав собственности на жилые помещения; у судов полностью изъяли подобные дела из производства.

Вопросами управления и реформирования государственной, общественной и коммерческой собственности занималась другая организация – Косовское траст-агентство (англ.: *Kosovo Trust Agency*, КТА), созданное в 2002 году. Судебными исками, связанными с собственностью организаций, находившихся в ведении КТА, занималась Особая палата Верховного суда Косово по вопросам КТА.

¹ См.: Официальный вебсайт Guardia di Finanza [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.gdf.gov.it/> (дата обращения 03.03.2018).

² См.: UNMIK Official Gazette // Сайт МООНК. URL: http://www.unmikonline.org/regulations/unmikgazette/02english/E1999regs/RE1999_23.htm (дата обращения 25.02.2019).

³ См.: КПА // URL: <http://www.kpaonline.org/hpd/aboutus.htm> (дата обращения 25.02.2019).

В задачи НРД входили учёт и временное администрирование оставленного жилого имущества (любых форм собственности), приём жалоб, их обработка, проверка данных и подготовка материалов для рассмотрения жалобы по существу НРСС. Принятые решения также исполнялись служащими НРД, в необходимых случаях при поддержке полиции. Кроме выселения лиц, признанных незаконными захватчиками имущества, и возврата ключей собственникам (англ.: *repossession*) НРД имел право разрешать временное безвозмездное проживание в чужих жилищах лицам, не имеющим другого жилья (т.н. «гуманитарное размещение», англ.: *humanitarian accommodation*).

За всё время своего существования НРД зарегистрировал 29154 жалобы, подавляющее большинство из которых (27177) были внесены лицами, кто был вынужден покинуть своё жильё, которое было впоследствии занято другими лицами. К концу 2005 года, из всех зарегистрированных жалоб 29027 были разрешены НРСС (по другим данным – 29160¹), а по 20901 из них решения, устанавливающие права собственности, полностью исполнены. Лишь 127 жалоб остались нерассмотренными, а 6746 решений НРСС – частично или полностью неисполненными².

Вопросами управления и реформирования государственной, общественной и коммерческой собственности занималась другая организация – Косовское траст-агентство (англ.: *Kosovo Trust Agency*, КТА), созданное в 2002 году. Судебными исками, связанными с собственностью организаций, находившихся в ведении КТА, занималась Особая палата Верховного суда Косово по вопросам КТА. Вопрос борьбы с незаконными захватами недвижимого имущества уголовно-правовыми способами мы рассмотрим ниже.

Наследник НРД и НРСС, Косовское агентство по собственности (англ.:

¹ См.: Final report of the Housing and Property Claims Commission. UNMIK, Pristina, 2007, p. 40 // <https://docs.pca-cpa.org/2016/01/HPCC-Final-Report-2007.pdf> (дата обращения 25.10.2022).

² См.: НРД/НРСС Statistics 2005, с. 1 // На сайте КПА. URL: <http://www.kpaonline.org/hpd/pdf/Statistics%20Annual%20English.pdf> (дата обращения 25.02.2019).

Kosovo Property Agency, далее – КРА) и независимая Комиссия по жалобам, связанным с собственностью (англ.: *Kosovo Property Claims Commission*; далее – КРСС) были созданы администрацией МООНК в 2006 году. Практически это была только смена вывески» и расширение юрисдикции, распространенной тогда и на нежилое недвижимое имущество. Рассмотрение жалоб в КРА, как и в НРД, осуществлялось через массовое (групповое) производства (англ.: *mass claims processing*) в целях скорейшего и наиболее эффективного разрешения.

Крайний срок подачи жалоб в КРА истёк 3 декабря 2007 года. Имущественные иски, поданные после этого времени, перешли судам общей юрисдикции. В июле 2008 года КРА было выведено из-под контроля Главы МООНК и передано в ведение Специального представителя Европейского союза (англ.: *European Union Special Representative*, EUSR) в Косово.

Однако, наряду с несомненным положительным эффектом деятельности этих специализированных структур, занимающихся исключительно вопросами собственности, отмечены и недостатки. Одним из наиболее серьёзных назывался уже упомянутый выше порождаемый ими конфликт юрисдикций с общими судами. Как неоднократно отмечалось ОБСЕ, суды не только не используют решения НРД в обосновании своих решений, но и при возможности сами выносят решения по жалобам, находящимся в юрисдикции НРД, порой с совершенно противоположным результатом¹.

Ещё один вопрос, по поводу которого ломается достаточно много копий – это юрисдикция Международного уголовного суда в отношении государств, не признающих его правомочность. В соответствии со ст. 13 Устава, МУС может осуществлять уголовное преследование граждан государств, не присоединившихся к Римскому статуту, в следующих случаях:

¹ См.: *Conflicting Jurisdiction in Property Disputes*, Monthly Report – April 2006 // Официальный сайт ОБСЕ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://www.osce.org/files/f/documents/3/6/37717.pdf> (дата обращения 2.11.2022).

1) по поручению (англ. здесь: *referral*) Совета Безопасности ООН, оформленному соответствующей резолюцией (ст. 13[b]);

2) когда граждане таких государств совершили преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС, на территории государства, подписавшего Статут, или в другой форме признавшего легитимность этого органа международного правосудия (ст. 12-2.[a]);

3) когда государство, не подписавшее Статут, даёт согласие на такое уголовное преследование в отдельно взятом случае (ст. 12-3).

США подписали Римский статут в 2000 году, однако уже в 2002 отозвали свою подпись. Более того, в 2002 году в США был принят закон «О защите американского военного персонала» (англ. *American Service-members' Protection Act of 2002*)¹. Данный законодательный акт обозначил причины, по которым США не желают присоединиться к Статуту, основные две из которых следующие:

- американские граждане, привлекаемые к ответственности МУС, в соответствии с Римским статутом будут лишены права на рассмотрение их дел судом присяжных, которое даётся им американской конституцией (Sec. 2002. Findings, § 7).

- Римский статут создаёт риск того, что Президент и другие высшие руководители США могут быть привлечены к ответственности МУС. В частности, они могут быть судимы за совершение преступления «Агрессия», в случаях, когда эти самые акты агрессии были продиктованы необходимостью обеспечения национальной безопасности (Sec. 2002. Findings, § 9).

Те же самые соображения по поводу потенциальной угрозы в отношении их военных были высказаны Постпредом США в ООН 30 июня 2002 года, когда США

¹ См. текст (англ.) в Интернет-архиве WaybackMachine [электронный ресурс] – Режим доступа.
<http://web.archive.org/web/20080306080603/http://www.state.gov/t/pm/rls/othr/misc/23425.htm> (дата обращения 01.06.2018).

наложили вето на проект резолюции СБ ООН по ситуации в Боснии и Герцеговине, дающей задание МУС начать расследование преступлений, там совершённых¹.

Помимо этого, рассматриваемый закон установил следующее:

- запретил любые виды сотрудничества с МУС (SEC. 2004, SEC. 2006);
- разрешил применение военной силы для освобождения любого американского гражданина либо граждан из числа союзников США, задержанных на территории какого-нибудь государства по ордеру МУС (SEC. 2002. Findings, § 7; SEC. 2008);
- запретил участие миротворцев США в любых операциях ООН по поддержанию мира, если правоустанавливающие резолюции не будут содержать прямого указания на обеспечение иммунитета американских миротворцев от юрисдикции МУС (SEC. 2005);
- запретил оказание военной помощи государствам – членам Римского статута, с возможностью отступления от этого правила при наличии национальных интересов США (SEC. 2007).

В последнее время уровень доверия к этому органу международного уголовного права, который должен был стать центром борьбы с тяжкими преступлениями, связанными с вооружёнными конфликтами, значительно упал. В ноябре 2016 года Россия отозвала свою подпись под Римским статутом². Этот документ, вступивший в силу в 2002 году, является правовой основой деятельности МУС. Россия подписала его в 2000 году, однако так и не ратифицировала.

¹ См.: International Criminal Court: The unlawful attempt by the Security Council to give US citizens permanent impunity from international justice. AI Index: IOR 40/006/2003, Amnesty International, May 2003, P. 10-11, 15-16 // Официальный сайт Amnesty International [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://www.amnesty.org/download/Documents/108000/ior400062003en.pdf> (дата обращения 02.06.2018).

² См.: Заявление МИД России от 16 ноября 2016 года // Официальный сайт МИД РФ [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2523566 (дата обращения 13 декабря 2017).

«С МУС – первым постоянно действующим органом международной уголовной юстиции – были тесно связаны ожидания международного сообщества в деле борьбы с безнаказанностью в контексте общих усилий по поддержанию международного мира и безопасности, урегулированию существующих конфликтов и предотвращению новых очагов напряжённости», — говорится в заявлении МИД, – «В принципиальном плане на различных площадках, в том числе в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН, отмечалась неэффективная и однобокая работа суда в рамках расследуемых им дел. Показателен факт – за 14 лет своей работы МУС вынес всего 4 приговора, израсходовав при этом более 1 млрд долларов»¹. Очевидно, что МУС не оправдал ожиданий международного сообщества.

Отдельный вопрос в этой связи – это ситуации, когда преступления или правонарушения совершаются непосредственно работниками международных структур. Когда на местах действуют национальные миротворческие подразделения под эгидой той или иной организации, имеет место особая юрисдикция и порядок расследования правонарушений, совершённых их персоналом, в том числе дисциплинарных проступков и преступлений.

Вообще, вопросы, связанные с компенсацией различных видов ущерба, причинённого в процессе деятельности миротворческих миссий, действующих под эгидой ООН, пока не имеют своего однозначного решения. К сожалению, несмотря на достаточно пристальное внимание, уделяемое проблемам в этой области как зарубежными, так и российскими учёными², универсального правила, применимого

¹ Там же.

² См. напр.: Кривчикова Э.С. Некоторые теоретические аспекты проблемы ответственности международных организаций // Ученые записки МГИМО. Актуальные проблемы современного международного права. М., 1972. Вып. 3; Митрофанов М. В. О международно-правовой ответственности международных организаций // Правовое регулирование общественных отношений, М., 1977. С. 82; Белалова Б.Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций : Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10: Москва, 2002. С. 178; Антонов, А. Н. К вопросу об ответственности Организации

ко всем ситуациям, до сих пор не выработано. А с таких позиций о конкретных механизмах компенсации, особенно в ситуациях, когда причинён нематериальный ущерб, говорить вообще не приходится. Пожалуй, только с одним соглашаются все – ответственность должна существовать, а постоянно прикрываться иммунитетом просто неприлично.

Прежде всего необходимо отметить, что полная дипломатическая неприкосновенность предоставляется только высшему руководству уровня Генерального секретаря ООН, его заместителей и помощников, а также его полномочных представителей – глав Миссий в различных точках планеты¹. У остальных должностных лиц и экспертов в командировках ООН имеется только так называемый «функциональный иммунитет»², означающий, что они неприкосновенны для различных видов ответственности только в отношении действий (бездействий), осуществляемых в рамках своих служебных обязанностей в Организации. В случаях, когда неприкосновенность становится препятствием отправлению правосудия, особенно уголовной ответственности, она может быть снята решением Генерального секретаря³.

В ООН уже давно существует и достаточно эффективно действует механизм компенсаций за прямой материальный ущерб, причинённый в процессе её деятельности. Размеры финансовых компенсаций ограничены резолюцией Генеральной Ассамблеи (*далее* – ГА) ООН № 52/247, призывающей Генерального секретаря придерживаться установленных финансовых и временных ограничений в отношении исков о возмещении ущерба, предъявляемых к Организации третьими

Объединенных наций за нарушения в области прав человека / А. Н. Антонов, В. Н. Григорьев // Вопросы правоведения. - 2012. - №4. - С. 88-94.

¹ См.: Конвенция о привилегиях и иммунитете Организации Объединённых Наций от 13 февраля 1946 года. Раздел 19.

² См.: там же. Разделы 18, 20 и 22–23.

³ См.: Резолюция ГА ООН № A/RES/62/63 от 8 января 2008 года «Уголовная ответственность должностных лиц и экспертов в командировках ООН».

сторонами¹. Так, отдельно взятая компенсация за материальный ущерб (включая травмы, смерть и т. п.) не должна превышать сумму в пятьдесят тысяч долларов США². Размер компенсации в случае утраты или повреждения имущества установлен на «разумном уровне», исходя из реальных расходов на ремонт или замену имущества. Вышеупомянутый предел в пятьдесят тысяч долларов может быть превышен, но только в точно не определённых «исключительных обстоятельствах»³. Из временных ограничений существует шестимесячный срок исковой давности, считаемый с момента нанесения ущерба⁴.

В случае «оперативной необходимости» (понятие, практически аналогичное «военной необходимости»), ООН не несёт деликтной ответственности. Что касается ущерба, причинённого в результате грубой небрежности или умышленных неправомерных действий со стороны своего персонала, ООН обычно берёт на себя полное его возмещение, но, как правило, позднее предъявляет виновным регрессные иски.

Имидж операций ООН по поддержанию мира на постконфликтных территориях вообще (Конго, Босния), и на территориях под администрацией ООН (Камбоджа, Косово и Восточный Тимор), уже значительно пострадал от превышений и злоупотреблений полномочиями, а также других правонарушений со стороны миротворцев, порой приведших к серьёзным нарушениям прав человека. Были подняты вопросы по поводу отсутствия реальных механизмов ответственности персонала ООН, и Организации в целом, за такие нарушения. Отдельные исследователи склоняются к мысли, что реального наказания не

¹ См.: Резолюция ГА ООН № 52/247 от 17 июля 1998 года «Ответственность перед третьими лицами: временные и финансовые ограничения»; см. также доклад Генерального секретаря ООН «Административные и бюджетные аспекты финансирования миротворческих операций ООН» от 21 мая 1997 года, документ ООН № A/51/903 (1997), § 30–36.

² См.: там же, § 9(d).

³ См.: там же, § 9(e).

⁴ См.: там же, § 8.

понесли ни конкретные миротворцы, ни страны, направившие их в миссии, ни ООН как субъект международных правоотношений¹.

Вопросы, связанные с дисциплинарной и иной индивидуальной ответственностью персонала ООН значительно более глубоко проработаны, действуют реальные механизмы, более или менее эффективно позволяющие привлечь виновных к материальной, дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Вопросы личной ответственности персонала ООН из числа гражданских полицейских и национальных военных контингентов за дисциплинарные проступки и более тяжкие правонарушения будут рассмотрены ниже. Однако, как уже упомянуто выше, эти процедуры могут привести только к возмещению материального («измеримого») ущерба. Вопросы же компенсации нематериального ущерба, нанесённого в процессе деятельности миротворческих миссий ООН, и в частности за нарушение международно-признанных норм прав человека пока не имеют своего решения.

Известно, например, что развёртывание любой миссии ООН всегда связано со всплеском активности преступных группировок, занимающихся контрабандой «людским товаром», и зарабатывающих на удовлетворении сексуальных потребностей миротворцев. В 2005 году в центре внимания мировой общественности находился скандал в Конго, где были вскрыты множественные случаи, когда гражданский персонал и «голубые каски» меняли продовольствие на оказание им сексуальных услуг, находящимися в зависимости от них местными жителями, в том числе и малолетними². В Боснии миротворцы обвинялись в связях

¹ См. напр: Nanda V.P. Accountability of international organisations: some observations // Denver Journal of International Law and Policy. Vol. 33. No. 3. June 2005.

² См. напр: Peace at What Price?: U.N. Sex Crimes in Congo // ABC News. URL: <http://abcnews.go.com/Blotter/UnitedNations/story?id=489306&page=1> (дата обращения 02.03.2013); U.N. Faces More Accusations of Sexual Misconduct // Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A30286-2005Mar12.html> (дата обращения 04.03.2013).

и даже оказании содействия и соучастия в деятельности преступных группировок¹. Есть и примеры совершенно иного характера.

Так, Специальный представитель Генерального секретаря в Косово был обвинён в злоупотреблениях своей властью посредством выдачи распоряжений, позволявших содержать подозреваемых под стражей без судебного рассмотрения законности и обоснованности применения этой меры пресечения. Эта жалоба была рассмотрена Уполномоченным по правам человека в Косово (англ.: *Ombudsperson*), который признал такую практику нарушением прав на свободу и личную неприкосновенность (ст.5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, далее – Конвенция), а также на эффективное средство судебной защиты (ст.13 Конвенции). В соответствии с его рекомендациями лица, содержащиеся под стражей по таким особым распоряжениям, были освобождены и такая практика была прекращена².

Схожая жалоба была объектом рассмотрения ЕСПЧ в деле *Saramati*, однако в том случае глава к обвинялся в принятии внесудебных решений о содержании под стражей, нарушающих международные стандарты прав человека. В другой жалобе, *Behrami*, также признанным ЕСПЧ неприемлемой в том же решении, KFOR был обвинён в недостаточно качественной очистке территории от неразорвавшихся кассетных бомб, что в конечном итоге привело к смерти сына заявителя³. Поскольку в обеих жалобах обжаловались решения и действия институтов, источником полномочий которых являлся ООН (МООНК и KFOR), ЕСПЧ счёл данные жалобы

¹ См. напр.: Accountability of UN civilian police involved in Trafficking of Women in Bosnia and Herzegovina // Peace and Conflict Monitor. URL: <http://www.monitor.uceace.org/pdf/bosnia.pdf> (дата обращения 04.03.2013); Mendelson S. Barracks and Brothels. Peacekeepers and Human Trafficking in the Balkans // Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/0502_barracksbrothels.pdf (дата обращения 04.03.2013).

² См.: Kosovo Ombudsman's Special Report No. 3, The Conformity of Deprivations of Liberty under 'Executive Orders' with Recognized International Standards // Официальный сайт Омбудсмана в Косово. URL: <http://www.ombudspersonkosovo.org/repository/docs/E4010629a.pdf> (дата обращения 04.03.2013).

³ См.: ЕСПЧ, *Behrami v. France and Saramati v. France, Germany and Norway*. Nos. 71412/01 and 78166/01. 2 May 2007 (dec.).

несовместимыми со своей юрисдикцией *ratione personae*, «поскольку действия и бездействие Высоких Договаривающихся Сторон не подлежат его контролю»¹.

Для борьбы с нарушениями дисциплины и разрешения многих возникающих вокруг них проблемных ситуаций существует специальный механизм, уже испытанных на практике и доказавший свою действенность. В последние годы в ООН принята целая серия нормативных актов, ужесточающих требования к личной дисциплине своих сотрудников. В структуре Организации действует ряд подразделений, в функции которых входит контроль за дисциплиной, проведение необходимой разъяснительной работы с личным составом, расследование правонарушений, наказание виновных и т. д.

Так, в ведение Следственного департамента (англ.: *Investigations Division*) Управления служб внутреннего надзора ООН (англ.: *Office of Internal Oversight Services*, OIOS) переданы расследования подозрений в совершении наиболее тяжких дисциплинарных проступков. В 2017 году Генеральный секретарь ООН отметил, что Следственный департамент OIOS принял необходимые меры для сокращения времени, затрачиваемого на расследования. Поставлена цель добиться того, чтобы расследования запрещённого поведения и репрессий внутри ООН не занимало более 4 месяцев, сексуального насилия и эксплуатации – 6 месяцев, а остальных обвинений – не более 12 месяцев. Однако, по данным Дисциплинарного отдела ООН, по делам о сексуального насилия и эксплуатации достигнуть 6-месячной цели пока не удалось, хотя по другим делам 12-месячный срок

¹ См. Коста Ж-П. Борьба за защиту прав человека является настолько благородной задачей, что запрещает нам унывать // Речь Председателя Европейского Суда по правам человека Ж-П. Коста, произнесенная на торжественном открытии судебного года в Страсбурге 25 января 2008 года. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2466358/2466358-011.htm> (дата обращения 01.03.2013).

расследования в общем выдерживается. Ниже приводим графики из Доклада ГС ООН по данным вопросам, за 2016-2017 годы¹:

Таблица 1

Расследования по делам о сексуальной эксплуатации и насилии

Sexual exploitation and abuse cases

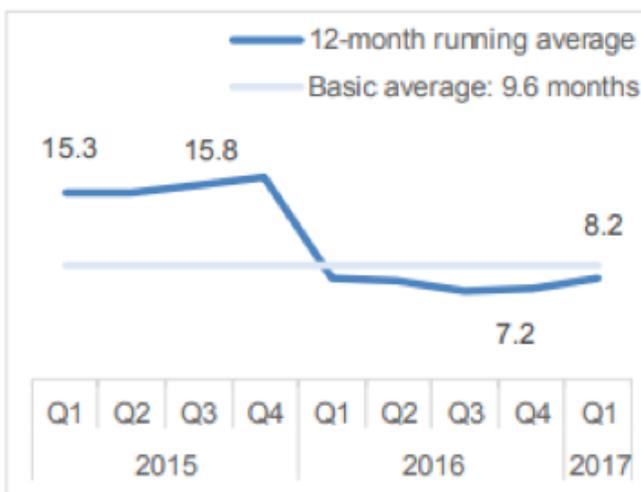
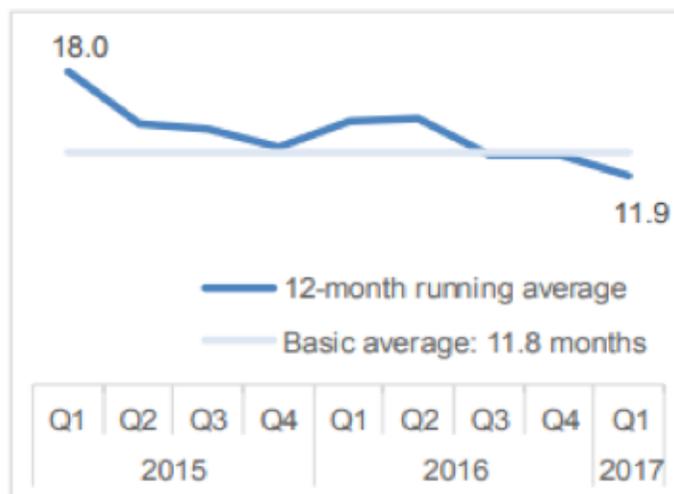

Таблица 2

Расследования по другим дисциплинарным проступкам

Other cases

¹ См.: Доклад ГС ООН Осуществление правосудия в ООН, 24 июля 2017, документ ООН № A/72/204, С. 33-34 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа. – http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/72/204 (дата обращения 8 февраля 2018 г.).

В этом плане, интересен вопрос, связанный с юрисдикцией правительств государств, предоставляющих своих миротворцев в распоряжение ООН для участия в миротворческих операциях, в случае совершения дисциплинарных проступков их миротворцами. Рассмотрим это на примере российских военнослужащих

В каждом случае все вопросы, связанные с предоставлением российских вооружённых сил в распоряжение Департамента ООН по миротворческим операциям, оговариваются в специальном Меморандуме о взаимопонимании (англ.: *Memorandum of Understanding*; далее – Меморандум). Текст типового Меморандума содержится в разделе № 9 «Руководства по вопросам политики и процедур, касающихся возмещения расходов и контроля за имуществом, принадлежащим контингентам стран, предоставляющих войска/полицейские силы для участия в миссиях по поддержанию мира»¹.

Данный документ является примерным образцом для всех последующих двухсторонних соглашений такого рода, который должен модифицироваться в зависимости от требований, предъявляемых конкретными ситуациями, особенностей предоставляемых подразделений, особыми пожеланиями сторон и других обстоятельств. В нем оговариваются вопросы материально-технического снабжения, служебных отношений, подчинения и другие сугубо служебные моменты.

По просьбе Генеральной ассамблеи ООН (далее – ГА) Специальной рабочей группой экспертов открытого состава Специального комитета по операциям по поддержанию мира (англ.: *Ad Hoc Working Group of Experts of the Special Committee on Peacekeeping Operations*) были разработаны ряд дополнения к типовому

¹ См.: Документ ООН A/C.5/60/26, с 149 - 153 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа. – <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/206/85/PDF/N0620685.pdf?OpenElement> (дата обращения 02.06.2018).

Меморандуму. Они были представлены в виде Доклада на 61 сессии Генеральной ассамблеи ООН¹, где его пересмотренный проект и был утверждён.

Основной упор дополнений был сделан на обязательность исполнения стандартов поведения ООН персоналом, предоставляемым правительствами, особенностям юрисдикции и процедур, применимых при расследовании дисциплинарных проступков и преступлений, совершенных членами национальных контингентов. Причина этого кроется в особом правовом положении «голубых касок». Известно, что такие подразделения выполняют задачи, поставленные передними ООН, а не правительства стран, направляющих войсковые формирования (англ.: *Troop Contributing Countries*, ТСС). Однако, направляющие их государства сохраняют общий контроль и ответственность за свои войска, а также за их материально-техническое обеспечение, расходы на что возмещаются ООН.

На практике иногда возникают недопонимания и конфликты, связанные с необходимостью расследования дисциплинарных проступков и преступлений совершенных членами национальных контингентов. Все проблемы вращаются вокруг одного вопроса: «Кто должен расследовать такие проступки: ООН или представители направляющих государств?» Добавленные в Меморандум статьи 7 *bis* – 7 *sexiens* расставляют все точки над «i» путём чёткой регламентации юрисдикции и процедур действий органов ООН и национальных структур в подобных ситуациях. Рассмотрим эти положения более подробно.

В качестве превентивной меры направляющее правительство обязано обеспечить знание всеми членами предоставляемого национального контингента стандартов поведения персонала ООН. С этой целью все российские миротворцы до выезда за рубеж в места дислокации проходят учебный курс подготовки по этим стандартам. ООН в свою очередь предоставляет учебные материалы по каждой

¹ См.: Доклад Специального комитета по операциям по поддержанию мира и его Рабочей группы о работе возобновленной сессии 2007 года A/61/19 (Part III) от 12 июня 2007 г.

конкретной миссии, касающиеся стандартов поведения Организации Объединённых Наций, правил и положений по данной конкретной миссии и соответствующих местных законов и нормативных актов. Кроме того, соответствующие подразделения ООН, в частности Управление служб внутреннего контроля ООН (англ.: *Office of Internal Oversight Services, OIOS*) и Отделы внутренней дисциплины (англ.: *Conduct and Discipline Units, CDU*) проводят надлежащий инструктаж подразделений по прибытии в Миссию.

Меморандумом признается, что ответственность за поддержание дисциплины и порядка среди всех членов его национального контингента в период прохождения службы в миссии лежит на командующем этим контингентом. Для этого правительство наделяет его необходимыми полномочиями для поддержания дисциплины и порядка, обеспечения соблюдения ими стандартов поведения ООН, правил и положений по данной конкретной миссии, а также национальных и местных законов и нормативных актов в соответствии с соглашением о статусе сил (англ.: *Status of Forces Agreement, SOFA*).

В Меморандуме подчёркивается, что «военнослужащие и любые гражданские служащие предоставленного правительством национального контингента, на которых распространяются нормы национального военного законодательства, находятся под исключительной юрисдикцией данного правительства в отношении любых преступлений или правонарушений, которые они могут совершить во время службы в составе военного компонента [миссии ООН по поддержанию мира]»¹.

Статья 7 *quater* Меморандума устанавливает, что обязанность расследования любых случаев нарушения правил поведения или совершения серьёзных проступков членами его национального контингента лежит в первую очередь на направляющем правительстве.

¹ См.: Меморандум, ч.1 ст. 7 *quinqüiens*.

Когда у правительства есть достаточные основания полагать, что кто-то из членов его национального контингента совершил серьёзный проступок, оно незамедлительно информирует об этом ООН и передаёт материалы дела соответствующим национальным органам для проведения расследования. В свою очередь, если у ООН имеется такая информация, она обязана незамедлительно проинформировать об этом правительство.

При необходимости закрепления и сохранения доказательств и в тех случаях, когда правительство не осуществляет неотложные действия по сбору фактов, ООН может начать предварительное расследование в целях установления фактов по данному делу до того, как правительство организует собственное расследование. Однако, речь идёт только об административном расследовании, и только при условии, что Организация надлежащим образом проинформировала соответствующее правительство об имеющихся подозрениях. Любое такое расследование будет проводиться надлежащим следственным органом ООН, включая OIOS; кроме того в следственную группу должен быть включён представитель правительства. По просьбе правительства ООН незамедлительно представляет ему полный отчёт о ходе и итогах расследования.

Правительство обязано как можно быстрее, но не позднее 10 рабочих дней с момента получения от ООН уведомления о происшествии, принять решение о начале собственного расследования и сообщить об этом Организации. В противном случае считается, что правительство не желает или не имеет возможности провести такое расследование, что даёт ООН право незамедлительно начать административное расследование.

В том случае, если правительство принимает решение начать собственное расследование, ООН незамедлительно предоставляет ему **все** имеющиеся к тому моменту материалы, относящиеся к делу. В случаях, когда административное

расследование ООН уже завершено, Организация передаёт правительству информацию о результатах расследования и собранных в ходе его доказательств¹.

Бросается в глаза фраза, что гарантируется передача информации о собранных в ходе его доказательств, а не самих доказательств. Когда мы говорим о протоколах допросов, результатах медицинского освидетельствования, различных документах – то это не принципиально, можно довольствоваться и официально заверенными копиями. Однако, если вместо вещественных доказательств будет передаваться только информация о них (например, не оружие преступления, а его фотография или описание), то возможное судебное разбирательство на территории России может быть поставлено под угрозу.

В данной ситуации налицо ещё один пример того, как «трудности перевода» могут породить достаточно веское разночтение и потенциальные проблемы между сторонами договора. Дело в том, что для облегчения работы мы отталкиваемся от официального русского перевода документа, доступного на официальном сайте ООН. Простая сверка русского текста с оригинальным английским устраняет это опасение, поскольку в последнем говорится о передаче «выводов расследования и собранных доказательств», а никак не только «информации о них»², как в официальном переводе.

Если ООН проводит своё расследования в вышеуказанных случаях, правительство обязует командующего своим контингентом сотрудничать со следственными органами и представлять им документацию и информацию, а также обеспечить сотрудничество своих подчинённых. При этом должно быть обеспечено соблюдение соответствующих национальных законов, включая нормы национального военного права. В то же время, любые следственные действия в отношении миротворца – члена национального контингента, проводятся

¹ См.: Меморандум, ч. 3(a) ст. 7 quarter.

² Англ. текст: “...shall provide the Government with the findings of, and the evidence gathered in the course of, the investigation.”

исключительно с согласия командования. Данное положение также закреплено в Руководстве к проведению расследований подразделениями OIOS¹.

Если правительство принимает решение начать собственное расследование и назначить или направить одно, или более должностных лиц для проведения расследования по данному делу (далее - национальных следователей), оно немедленно информирует об этом ООН. Соответствующие органы ООН обязаны всесторонне сотрудничать и обмениваться документацией и информацией с национальными следователями и другими органами правительства².

Направленные в район миссии национальные следователи принимают на себя руководство следствием. Следователи ООН в свою очередь оказывают им необходимую помощь, например в выявлении и опросе свидетелей, записи свидетельских показаний, сборе вещественных доказательств. Кроме того следователи ООН обязаны предоставить в распоряжение национальных следователей имеющиеся у них материально-технические средства.

Помимо этого, по просьбе правительства ООН может оказывать помощь национальным следователям в следующих областях

- в налаживании взаимодействия с правительствами других стран, направляющих войсковые формирования в Миссию;
- в получении согласия от компетентных органов принимающей страны на работу национальных следователей;
- в организации взаимодействия с компетентными органами в районе миссии в целях содействия проведению этих расследований;
- в предоставлении им правового статуса члена национального контингента в период их пребывания в районе миссии или на территории принимающей страны;

¹ См.: OIOS Investigation Manual, March 2009, Article 2.2.8.

² См. напр.: Гридчин, А.А. Управление международным антитеррористическим сотрудничеством / А.А. Гридчин, А.В. Пашкевич // Москва, 2016. 268 с.

- административная и материально-техническая поддержка;
- финансовая поддержка (с разрешения Генерального секретаря ООН, в случаях, когда национальные следователи участвуют в расследовании по просьбе ООН, и когда правительство просит о предоставлении финансовой поддержки)¹.

Обязанность получения санкции от компетентных органов принимающей страны на доступ к потерпевшим или свидетелям, не являющимся членами национального контингента, а также на сбор доказательств, находящихся вне контроля национального контингента, лежит на правительстве. Это необходимо помнить в случаях, когда совершено преступление, по факту которого местными правоохранительными органами уже возбуждено уголовное дело.

По окончании расследования и с соблюдением возможных ограничений, налагаемых национальным законодательством, правительство обязано представить ООН выводы расследования.

Статья 7 *sexiens* Меморандума посвящена ответственности за совершение правонарушений. Так, если в ходе расследования будет установлено, что подозрения являются обоснованными, то правительство обязано направить дело соответствующим органам для принятия надлежащих мер. Эти органы принимают решение согласно внутреннему законодательству в том же порядке, как и в отношении любого другого преступления или дисциплинарного проступка аналогичного характера. Правительство обязано проинформировать Генерального секретаря ООН о результатах рассмотрения дела.

Меморандумом предусматривается процедура применения дисциплинарных мер к командующему контингентом, если расследованием будет установлено, что он ненадлежащим образом сотрудничал со следственными органами ООН,

¹ П. 4“g” ст. 7 quater: ООН будет обращаться к правительствам с просьбой о направлении национальных следователей для расследования опасных и сложных дел и в случаях серьезных проступков. Этот пункт не ущемляет суверенного права правительства на проведение расследования любых нарушений правил поведения

неэффективно выполнял обязанности, связанные с командованием и контролем, или не выполнил требование о немедленном сообщении соответствующим органам об известных ему правонарушениях или не принял по ним надлежащие меры. В таких случаях правительство обязано передать эти материалы для рассмотрения в соответствующие дисциплинарные органы.

Претензии по установлению отцовства, связанные с проступками и преступлениями и затрагивающие членов национальных контингентов, оговорены в Меморандуме отдельно. Правительство в рамках своих национальных законов обязано содействовать рассмотрению таких претензий в соответствии с национальными законами. Такие претензии могут передаваться правительству как органами ООН, так и напрямую органами власти принимающей страны с соблюдением действующих процедур. ООН обеспечивает сбор необходимых доказательств, таких как образцы ДНК.

Необходимо ещё раз оговориться, что *во-первых*, все вышесказанное применимо только к российским военнослужащим, направленным в миссии ООН в составе российского контингента (административные расследования в отношении российских военных наблюдателей, военных офицеров по связям, а также офицерам гражданской полиции ООН проводятся по правилам Организации); и *во-вторых*, расследования собственно преступлений находятся вне юрисдикции ООН и проводится по иным правилам (рассмотренный выше порядок расследования касается только дисциплинарной части любого правонарушения).

Подытожим все вышесказанное:

- Итак, основным документом, регулирующим деятельность персонала российских военных контингентов, направленных для поддержания миротворческих операций ООН, является Меморандум о взаимопонимании, который подписывается в каждом случае привлечения российских войск, и имеет в своей основе Типовой Меморандум.

- Все военнослужащие российских контингентов в составе Миссий ООН находится под исключительной юрисдикцией России.
- ООН обязана уведомить РФ о любых обвинениях в отношении членов российских контингентов.
- РФ имеет право направить на территорию миссии специальную следственную группу, которая будет проводить расследование. ООН обязано передать такой группе все собранные материалы и оказывать ей всяческое содействие.
- При любом административном расследовании в отношении российского миротворца в следственную группу должен входить представитель правительства.
- Любому члену российского контингента обеспечивается соблюдение его прав, а также применение процедур, в соответствии с национальным законодательством и нормами международного права.
- По окончании расследования РФ обязана ознакомить ООН с его результатами.

Отдельный вопрос, который по нашему мнению также заслуживает должного, пусть и краткого, рассмотрения в связи с развитием темы нашей работы и в связи с вышесказанным в этом разделе – это Ответственность ООН за причинённый ущерб и нарушения прав человека. Вопросы, связанные с компенсацией различных видов ущерба, причинённого в процессе деятельности миротворческих миссий, действующих под эгидой Организации Объединённых Наций (далее – ООН, Организация), пока не имеют своего однозначного решения.

К сожалению, несмотря на достаточно пристальное внимание, уделяемое проблемам в этой области как зарубежными, так и российскими учёными, универсального правила, применимого ко всем ситуациям, до сих пор не выработано. А с таких позиций о конкретных механизмах компенсации, особенно в ситуациях, когда причинён нематериальный ущерб, говорить вообще не

приходится. Пожалуй, только с одним соглашаются все – ответственность должна существовать, а постоянно прикрываться иммунитетом просто неприлично.

Возвращаясь к вышесказанному, вспомним, что по причине полного или частичного отсутствия/паралича местных органов, или их некомпетентности и/или сомнения в их беспристрастности, создание и деятельность специализированных международных (или с международным участием) структур представляется единственно возможным реальным способом относительно быстрого решения проблем правоохранительной деятельности на постконфликтных территориях. Однако, у такого способа есть и положительные и отрицательные стороны. Так, юрисдикции иностранных/смешанных специальных органов, призванных защищать права граждан, порождают конфликты с существующими национальными органами. Конфликты эти разного уровня и степени интенсивности, но их продуктом становится если не «неразбериха», то по крайней мере определённое расшатывание действующих систем.

При принятии решения о выборе способа действий в конкретной ситуации, необходимо принять во внимание ситуацию на отдельно взятой территории и подстраивать под эту ситуацию имеющиеся механизмы, некоторые из которых уже можно назвать «типовыми». Уйти от выбора по принципу «из двух зол – меньшее» скорее всего не удастся и с какими-то недостатками и определённой «потерей качества» мирится всё-таки придётся.

Глава III
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО
ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

**§ 1. Создание международных подразделений, наделяемых
полномочиями по расследованию преступлений в условиях международного
вооружённого конфликта**

Как мы уже отмечали выше, как в время активных боевых действий на определённой территории, так и по их окончании, возникает необходимость восстановления системы нормально функционирующих правоохранительных органов. Оперативное решение этой задачи обеспечит возможность организации сбора заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, минимизации потери доказательственной базы и свидетельских показаний. Этот сложный и многоэлементный процесс также должен быть упорядочен во избежание ошибок, многие из которых могут быть непоправимыми.

Естественно, если основной, нормальный способ организации охраны общественно порядка вообще, и следствия в частности, не работает, необходимо включать альтернативный механизм. Какие же имеются в нашем распоряжении варианты решения этой проблемы?

Говоря о том, как расследовать, то, как нам видится, существуют следующие возможности:

- 1) отказ от проведения следствия вообще;
- 2) ограничение действий консервацией места происшествия до «лучших времён»;

- 3) оперативная фиксация обстановки места происшествия и сбор объектов для исследования, поиск возможных свидетелей, очевидцев, и фиксация их показаний с проведением дальнейшей работы за пределами конфликта;
- 4) организация и проведение возможных следственных действий непосредственно на месте происшествия, обеспечив необходимую охрану следственно-оперативной группы;
- 5) проведение полномасштабного расследования.

У каждого варианта есть свои плюсы и минусы. Как нам представляется, ни один, кроме последнего (полное расследование) не обеспечивает целостного достижения целей расследования по многим причинам различного характера. Отдельно остановимся на этом вопросе ниже в нашей работе (см § 5 данной главы).

При ответе на вопрос «кем?», вариантов также немного: а) местными специалистами, б) приглашёнными работниками (в том числе из-за рубежа), и в) смешанными группами.

Замена местных правоохранителей на приглашённых из других регионов в чрезвычайных ситуациях (вне зависимости от правового статуса особого/чрезвычайного положения) является достаточно распространённой практикой. Мы помним опыт направления специализированных подразделений МВД и армии в Ошскую область, Нагорный Карабах и др. регионы. В сентябре 2017, испанские власти перебросили тысячи полицейских из других регионов страны в Каталонию, для контроля территории и предотвращения беспорядков во время и после проведения запрещённого центральным правительством референдума о независимости¹.

¹ См.: В Каталонию, где пройдёт референдум о независимости, власти Испании перебрасывают дополнительные силы полиции // Официальный сайт Первого канала Электронный ресурс. – Режим доступа. – https://www.1tv.ru/news/2017-09-26/333326-v_kataloniyu_gde_proydet_referendum_o_nezavisimosti_vlasti_ishpanii_perebrasyvayut_dopolnitelnye_sily_politsii (дата обращения: 28.09.2017).

В.Н. Григорьев, говоря о расследованиях в чрезвычайных условиях, выделяет четыре вида групп по признаку их состава и полномочий:

- 1) местными правоохранительными органами в обычном порядке расследования;
- 2) силами центральных аппаратов правоохранительных органов;
- 3) с привлечением сил и средств территориальных подразделений;
- 4) создаваемыми специальными подразделениями оперативного реагирования, имеющих соответствующую оргштатную структуру, целевое материально-техническое обеспечение и т.п.¹

Как видим, в нашем исследовании применительно к международным следственным подразделениям, направляемым в конфликтные/постконфликтные зоны, мы оперируем сходной классификацией и критериями.

Ниже остановимся только на практических моментах **расследования преступлений международными специалистами**, а также отдельных трудностях, поднимающих вопрос о принципиальной возможности проведения ими расследований, отвечающих вышеуказанным требованиям.

Ниже мы приведём несколько основных практических «ориентиров» или правил, которые, как нам представляется, необходимо принимать во внимание при оценке реальной ситуации на постконфликтных территориях и планировании восстановления правоохранительной деятельности. Далее в нашей работе будем именовать их «принципами».

Сформулированы эти принципы на основе личной практики, изучения множества оперативно-следственных и судебных материалов, отдельных научных и публицистических источников, а также из бесед с коллегами – практическими работниками. В связи с этим многие выносимые на обсуждаемые положения и предложения, сформулированные таким образом, сложно, а порой невозможно

¹ См.: Вышеук. учебник Криминалистика под ред. проф. А.Ф. Волынского, С. 343.

подкрепить соответствующими ссылками на работы иных авторов, что, опять же подчёркивает новизну работы. Порядок, в котором они представлены ниже, ни в какой мере не предопределяет их большую или меньшую важность для достижения максимальных положительных результатов.

Итак, мы считаем, что деятельность по созданию специализированных правоохранительных подразделений на территории вооруженного конфликта должно быть подчинено следующим принципам: **необходимость, целесообразность, системность, безопасность, реалистичность, долгосрочность, законность**. Рассмотрим каждый из них отдельно.

В соответствии с принципом **необходимости** специальные правоохранительные подразделения должны создаваться только тогда, когда этого требует ситуация. Так, например, если боевые действия происходят в ненаселенном районе, то потенциал для совершения военных и общеуголовных преступлений, обусловленных конфликтом, сравнительно мал. В таких ситуациях большинство правонарушений совершается военными внутри подразделений. Соответственно, подавляющее их большинство подпадает под юрисдикцию особых отделов и военных прокуратур, и необходимости для создания специальных правоохранительных подразделений не возникает.

В свою очередь малое количество совершаемых преступлений, низкий уровень преступной активности среди населения, также могут указывать на отсутствие необходимости создания каких-либо особых подразделений.

В то же время, достаточно быстрое, а порой стремительное передвижение линии фронта, а также смена личного состава частей, да и самих частей, делает практически невозможным отследить оперативного работника, обладающего достаточным количеством информации, и связаться с ним для её получения.

Таким образом, при оценке необходимости создания специальных следственных подразделений все факторы должны оцениваться с различных

сторон, с учетом как фактического положения вещей, так и с краткосрочным и длительным прогнозом развития событий.

Принцип **целесообразности** диктует обязательность создания специализированных подразделений в случаях, когда возникают особые задачи, с решением которых регулярные правоохранительные подразделения не справляются. В этой связи можно, например, вспомнить опыт создания знаменитых подразделений СМЕРШ, существовавшие после войны.

Так, 21 апреля 1943 года Верховный главнокомандующий И.В. Сталин подписал Постановление Государственного Комитета Обороны № 3222 *сс/ов* «Об утверждении положения о ГУКР “Смерш” НКО СССР»¹. Весь документ состоял из одной фразы: *«Утвердить положение о Главном Управлении контрразведки “Смерш” — [Смерть шпионам] и его органах на местах [см. приложение]»*. Приложение к документу раскрывало цели и задачи новой структуры, а также определяло статус и полномочия её сотрудников.

Среди целей и задач были: борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии; принятие необходимых агентурно-оперативных и иных мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов; борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних); проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника и другие.

Органы «Смерш» имели право вести агентурно-осведомительную работу; производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты

¹ См.: Лубянка: Кокурин А.И., Петров Н.В. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991: Справочник. М., 2003. С. 623 - 626.

военнослужащих Красной Армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности; проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого Совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР; вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии и другие.

Как видно несмотря на то, что данная структура в первую очередь создавалась как контрразведывательная спецслужба, для более действенного осуществления своих функций она была наделена и полномочиями по проведению следственных действий. Неверно бытующее представление о том, что органы СМЕРШ сами судили и приводили приговоры в исполнение. Расследования заканчивались составлением обвинительного заключения, после чего дела для рассмотрения и вынесения приговоров передавались в военные трибуналы или Особое совещание при НКВД.

Под принципом **системности** мы подразумеваем такой подход к организации системы правоохранительных органов, при котором исключается или сводится к минимуму возможность дублирования усилий различными подразделениям, конфликтов юрисдикции, путаницы в вертикальном подчинении и т.п. К сожалению, на практике создание правоохранительных структур как раз не носит системного характера, что приводит к усложнению их работы.

К примеру, в каждом региональном штабе Международной полиции ООН в Косово имелись подразделения по борьбе с тяжкими преступлениями, которые занимались раскрытием и расследованием организованной преступной деятельности, военных преступлений, незаконного оборота оружия и наркотиков, убийств и т.д. Наряду с ними, в 2000 на уровне Главного штаба Полиции ООН был создан Департамент по борьбе с Организованной преступностью (англ.: *Department*

for Organized Crime, DOC) и Отдел по расследованию тяжких преступлений (англ.: *Central Criminal Investigation Unit, CCIU*). Уже с того момента начались трудности в определении подследственности, учете преступлений, передачи материалов и вещественных доказательств.

К 2003 году ситуация ещё усугубилась с выводом Отделения по расследованию военных преступлений (англ.: *War Crimes Investigation Unit, WCIU*) из состава CCIU в отдельное подразделение. Особую трудность представляли идентификация и выделение уголовных дел, связанных с военными преступлениями и находящимися в производстве CCIU, для последующей их передачи в WCIU. При проведении «ревизии» уголовных дел в архиве WCIU в марте-апреле 2008 автором было обнаружено более 100 материалов, которые вообще не должны были быть переданы в это подразделение, поскольку никакого отношения к военным преступлениям они не имели. Логично предположить, что в архивах CCIU также осталось значительное число материалов, которые также ошибочно не были переданы!

Как результат, по многим материалам, зарегистрированным и частично отработанным в 1999 – 2000 годах Отделами по борьбе с тяжкими преступлениями (или иногда даже следственными отделениями обычных полицейских участков) или никаких действий не производилось вообще, или эти действия сводились к допросу заявителя и направлению запросов в информационные отделы полиции и КФОР (и зачастую – неполучении на них ответов).

С другой стороны, по некоторым сообщениям о преступлениях работа проводилась двумя подразделениями одновременно, что также не оказывало положительно влияния на общее качество доказательственного материала. Особенно негативное влияние это оказывает на свидетелей и их показания. Эти особенности будут рассмотрены ниже в соответствующем разделе.

Возвратимся к примеру подразделений СМЕРШ. Так, для автора было полной неожиданностью узнать, что в годы Великой Отечественной войны в Советском

Союзе было три контрразведывательные организации с одинаковым названием. Они не подчинялись друг другу и фактически находились в разных ведомствах: первый – это Главное управление контрразведки СМЕРШ в Наркомате обороны (подчинялся наркому обороны, напрямую, главнокомандующему вооруженными силами Сталину); второй СМЕРШ относился к Управлению контрразведки Наркомата Военно-Морского флота (подчинялся только наркому флота); третий – это отдел контрразведки «Смерш» НКВД (подчинялся непосредственно Наркому внутренних дел)¹.

Таким образом, *de-facto* существовали три независимых контрразведывательных подразделения в трех силовых ведомствах. Нетрудно догадаться, что как и в любой деятельности это не могло не порождать конфликтов при пересечении интересов подразделений этих равнозначных служб.

Обосновывать значимость принципа **безопасности** много и не нужно, поскольку это понятно и без пространных объяснений. Жизнь и здоровье личного состава должны являться такой же ценностью для руководства, как и борьба с преступностью.

Например, личный состав, проходящий службу в органах СМЕРШ, выбывал из строя по причине гибели или ранений с периодичностью не более трех месяцев. Конечно, опасность проведения операций по борьбе с разведкой противника не может стать причиной свертывания этого направления работы, от жертв на войне никогда не удастся уйти. Однако, задача руководства при планировании и проведении операций свести потери к минимуму.

Тот же принцип должен применяться и при планировании и проведении любых следственных действий в процессе расследования.

¹ См. подробнее: Смерш : исторические очерки и архивные документы / Федер. служба безопасности Российской Федерации ; [В. С. Христофоров и др.]. - Москва : Изд-во Главархива Москвы : Моск. учеб. и Картолитография, 2003 (ОАО Моск. учебники и Картолитография). - 337 с.

Перейдем к рассмотрению процесса создания специализированных подразделений. Основные элементы этого процесса в-принципе не отличаются от таковых, существующих при создании практически любой системы. Мы разделяем его на следующие этапы:

- Сбор информации и анализ ситуации на подконтрольной территории;
- Планирование системы подразделений, их структур, и определение целей и задач их деятельности и полномочий;
- Рассмотрение и утверждение плана;
- Исполнение плана.

На первом этапе необходимо организовать сбор информации “с мест” о количестве населения, состоянии преступности, видах и количестве совершаемых преступлений, степени активности и опасности криминальных кругов. Естественно, в условиях вооруженного конфликта или сразу по его окончании обычные информационные базы данных не просто не функционируют. Следовательно, такого рода данные для последующего анализа могут быть собраны только посредством личных встреч с местными жителями или получены из соответствующих подразделений действующих войск (особых отделов, разведки и контрразведки).

К сожалению, на практике обмен такими данными зачастую сопряжен с трудностями, обусловленными особым положением военных подразделений и секретностью информации, находящийся в их распоряжении. Кроме того, как мы уже упоминали ранее, даже быстрое передвижение войск вместе с линией фронта может оказать негативное влияние на обмен такой информацией.

Анализ полученной информации должен предоставить в распоряжение руководства более или менее четкую картину криминальной ситуации и обозначить основные направления действий по организации правоохранительной деятельности в регионе. Должны изучаться количество и виды совершенных преступлений, составляться прогнозы на ближайшее будущее.

На основе данных, полученных в результате анализа собранного массива информации, осуществляется планирование системы правоохранительных подразделений, которые будут создаваться на местах. Подразделения могут создаваться по территориальному принципу или в зависимости от направления работы. Объективные факторы, которые должны учитываться при планировании численности подразделений – это ожидаемая нагрузка, быстрота получения результатов и возможность комплектации квалифицированными кадрами в относительно короткий промежуток времени.

В штабных структурах ООН с 2005 года существует подразделение называемое Постоянное полицейское присутствие¹ (англ.: *Standing Police Capacity*, далее – ППП ООН). Базируется оно на Основными функциями этого подразделения являются:

- Обеспечение возможности создания введения в действие полицейских компонентов новых миротворческих операций ООН;
- Оказание содействия существующим операциям ООН в области мира посредством предоставления консультаций в области полицейских функций и других специальных знаний в области правоохранительной деятельности, в том числе в рамках подготовки к реструктуризации и сокращению Миссий;
- Проведение оперативных оценок необходимости ввода компонентов гражданской полиции ООН в конкретные миротворческие миссии, а также разработка других мандатных функций, направляемых на утверждение заместителем Генерального секретаря по операциям по поддержанию мира.

Другими словами, это как раз то подразделение, работники которого выезжают на места для непосредственной оценки ситуации и разработки конкретных предложений по функциям полицейского персонала, которое необходимо включать в состав Миссии ООН, его количеству и структуре. Однако,

¹ См.: Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/en/peacekeeping/sites/police/capacity.shtml> (дата обращения: 29.09.2017).

освещая результаты проверки работы подразделения, аудиторский отдел Службы внутреннего контроля ООН предложил несколько мер по оптимизации деятельности ППП в соответствии с постоянно изменяющимися условиями, в которых приходится действовать миротворческим Миссиям ООН. Среди них, помимо административных и финансовых моментов, было рекомендовано пересмотреть состав специалистов ППП ООН для обеспечения возможности предоставления тех специалистов, обладающих необходимыми познаниями¹.

Цели, задачи и юрисдикция каждого подразделения должны быть разработаны с учетом указанных выше принципов. Они должны быть четко определены и доведены до всего личного состава. Например, все эти моменты были предельно детально оговорены в приложении к Положению о ГУКР «Смерш», на которое мы уже ссылались ранее.

Документ, содержащий развернутую систему правоохранительных органов, подлежащих созданию на подконтрольной территории, должен рассмотрен и утверждён руководителем, уполномоченным принимать решения в области правоохранительной деятельности.

В Миссии ООН в Косово такое лицо – это Комиссар Международной полиции. Как должностное лицо Миссии ООН он подотчётен напрямую Главе Миссии (Специальному представителю Генерального секретаря ООН). Главой Миссии ему делегированы право от имени гражданского присутствия в ООН в Косово принимать все решения, связанные с организацией работы и повседневным функционированием полиции.

Принятое решение утверждается приказом, в котором обязательно оговариваются конкретные действия по исполнению плана, исполнители и конкретные сроки. В противном случае возможно затягивание процесса приведения

¹ См.: Evaluation Report: Programme Evaluation of the Standing Police Capacity of the Police Division, DPKO. OIOS, Inspection and Evaluation Division, 12 June 2015, p. 3, 32 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://oios.un.org/page/download2/id/15> (дата обращения: 29.09.2017).

правоохранительной деятельности в рабочее состояние, адекватное складывающейся обстановке. Приказ должен быть незамедлительно доведен до исполнителей. В случае, если на территории имеются действующие правоохранительные органы (официальные и неофициальные), то их руководители обязательно должны быть уведомлены о данном приказе во избежание конфликтов юрисдикции.

Исполнение утверждённого плана потребует направления в кратчайшие сроки запросов в комплектующие органы (о предоставлении личного состава для укомплектования создаваемых подразделений) и в службы поддержки (для обеспечения необходимой материально-технической базы).

В ситуации создания международных правоохранительных подразделений, запрос направляется в Департамент Миротворческих Операций ООН (англ.: *Department of Peacekeeping Operations*, ДПКО, далее – ДМО ООН). На основе такого запроса этот департамент рассчитывает квоты для стран, изъявивших желание предоставить кадры для участия в конкретной миротворческой операции.

Так, например, после погромов сербского населения и православных объектов в Косово 16-17 марта 2004 года со стороны албанского населения провинции Комиссаром полиции было принято решение о создании специального следственного подразделения, которое бы расследовало преступления, совершенные в этот период времени. Руководство Миссии поддержало этот проект, который получил название «Команда THOR».

В течение двух месяцев созданное подразделение должно было быть укомплектовано восьмьюдесятью профессиональными следователями, направленными Министерствами внутренних дел России, Украины, Румынии и Филиппин. В каждом из пяти региональных штабов полиции были созданы отделения этой следственной бригады. Однако, сформировать профессиональную международную следственную бригаду не удалось, т.к. многие прибывшие

«следователи», мягко говоря, имели смутное представление о процессе расследования. На этом моменте остановимся ниже (см. §§ 4 и 5 данной главы).

Изначально в исключительную юрисдикцию этой бригады были переданы все преступления, совершенные 16-17 марта 2004 года в связи с погромами. Сербской полицией были предоставлены в распоряжение полиции МООНК все собранные ими материалы о нападениях на сербов, повреждении и уничтожении их имущества, а также нападениях на объекты и служителей православной церкви во время мартовских погромов, по которым сербской полицией было начато дознание. Все материалы занимали 46 томов¹. Однако, среди этих правонарушений были и малозначительные, как малый ущерб заброшенным домам (разбитые камнями окна). В то же время, производство по многим из них логично было проводить после их объединения в одно более крупное дело, так как во многих случаях различный вид и степень ущерба причинялись одними и теми же группами молодёжи.

Поддержание обвинения по всем делам о тяжких преступлениях, связанных с погромами марта 2004 года осуществлялось международными прокурорами. Они же осуществляли надзор за всеми расследованиями, проводимыми группой THOR. Однако, когда встал вопрос о подсчете количества уголовных дел, принятых THOR к производству, прокуратура столкнулась с неожиданными трудностями. Данные были разрозненные, не имели систематизации, и зачастую были явно нереалистичными. Вследствие этого всем региональным отделам THOR было дано указание провести «ревизию» всех материалов и сообщить точное их количество. По окончании такого подсчета руководство следственной бригады THOR сообщило международным прокурорам о том, что всего в производстве находилось 143 уголовных дела.

¹ Рапорт об общем состоянии расследования событий мартовских погромов 2014 года полиции МООНК от 19 марта 2008 года // Архив Полиции МООНК, Штаб МООНК, Приштина, Косово.

К сожалению, по различным причинам, положительного результаты, которые ожидалось от работы этой специальной следственной бригады достигнуты не были. По окончании годичного мандата её работы, большинство дел осталось не раскрыто или не окончено. Все такие дела были переданы обратно в региональные отделы по расследованию тяжких преступлений, что повлекло недовольства и критику в адрес международной полиции вообще и её руководства в частности.

Качество проведённых расследований также оказалось очень низким, некоторые дела и вещественные доказательства были просто утеряны. Содержанием многих томов уголовных дел являлись фотокопии (а зачастую и фотокопии фотокопий) протоколов с записями показаний подозреваемых, потерпевших и свидетелей по другим делам, имеющим хоть какое-то отношение к конкретному расследуемому событию. Такое копирование зачастую производилось вместо объединения уголовных дел в одно производство и порой подменяло собой реальные следственные мероприятия, создавало «иллюзию бурной деятельности» и загруженности следователей. Цели этого были различны, в том числе и обоснование значимости существования этой группы (т.е. удовлетворение рассмотренных выше принципам, оправдывающим существование специальных следственных групп), и как следствие – продление её мандата группы. К сожалению, имелись случаи и умышленного затягивания проведения расследования для достижения тех же целей.

Отдельно отметим, что любое «перекраивание» структуры подразделений в то время, когда они уже приступили к исполнению своих обязанностей (а порой даже незначительные её изменения) в большинстве случаев негативно сказывается на качестве и скорости расследования. Это обусловлено, в частности, простой объективной необходимостью передачи материалов дел из одного подразделения в другое. Кроме того, определённый период времени также необходим на введение нового личного состава в курс дела или «перепрофилирования» уже действующего, ознакомление с обстановкой и материально-техническими возможностями и т.п.

Конечно, постоянно меняющаяся ситуация порой требует перестраивания системы, добавления или удаления отдельных подразделений. Однако представляется, что такие изменения должно производить только в случае необходимости, вызванной диктуемыми реальностью требованиями.

К сожалению, при каждом Комиссаре полиции Миссии ООН в Косово (а их было восемь за все время существования Миссии) такие изменения проводились порой совершенно безосновательно. В практической деятельности это приводит к путанице среди работников, потере времени, потере доверия свидетелей и потерпевших в связи с частой сменой следственных групп и другим негативным моментам.

В то же время, сразу же на этапе исполнения первоначальных указаний могут обнаружиться обстоятельства, которые не были учтены при планировании, и существование которых требует корректировки действий. В таких ситуациях может проявляться конфликт между следованием первоначальному плану и рассмотренным нами выше принципом необходимости.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что план создания правоохранительных подразделений должен предусматривать возможность корректировки в зависимости от условий. Однако любая корректировка в свою очередь должна осуществляться с учётом вышеуказанных четырёх принципов и проходить те же этапы, что и при первоначальном планировании.

Такая позиция, конечно, может показаться слишком бюрократичной и исключаящей быстрое принятие решений. На это необходимо возразить, и сказать, что при грамотном подходе и наличии заинтересованности в скорейшем получении положительных результатов, время прохождения этапов принятия решения может и должно быть сокращено до минимума. Однако на практике именно отсутствие или недостаток и первого и второго обстоятельства мешают осуществлению даже самых лучших планов.

Есть ещё один элемент, или принцип, намеренно не включенный нами в список, приведенный выше, нам необходимо отдельно рассмотреть. Он заключается в том, что при создании международных правоохранительных структур необходимо предвидеть неизбежный момент, когда особые следственные подразделения необходимо будет «сворачивать», а полномочия – передавать местным органам власти. К сожалению, несмотря на накопленный опыт действующих и завершённых миссий ООН, во время всеобщей радости по поводу окончания конфликта, этот элемент не только не учитывается, а даже наоборот.

Изначально центральной долгосрочной целью создания системы специальных следственных подразделений должно быть построение устойчивого потенциала (англ.: *building sustainable capacity*) местных правоохранительных органов, укомплектованных специалистами, адекватно подготовленными к выполнению стоящих перед ними задач на должном уровне.

Для достижения данной цели необходимо выполнение целого ряда подзадач, таких как отбор кандидатов, их подготовка (необходимые теоретические знания и их практическое применение), построение системы контроля за работой местных правоохранительных структур. Передача полномочий также является собой не одномоментным актом, а скорее процессом, проходящим следующие этапы:

- подключение курсантов к практической работе в качестве стажёров;
- совместная работа с международными представителями в качестве равноправных партнёров;
- передача основных исполнительных функций местному персоналу (оставляя наиболее серьёзные функции под контролем международных партнеров)
- полная передача функций, с дальнейшим контролем за качеством работы;
- независимость местных правоохранительных структур (контрольные функции сняты полностью)

§ 2. Виды и правовой статус международных подразделений, наделяемых полномочиями по расследованию преступлений в условиях прямого правления международной администрации в зоне международного вооружённого конфликта

В целях формирования более целостного восприятия системы расследования преступлений на территориях международного вооружённого конфликта с участием следственных подразделений, не являющихся национальными, мы попытались провести их классификацию по различным основаниям, и их последующую систематизацию. После анализа сходств и особенностей различных международных и смешанных правоохранительных структур, занимающихся такого рода расследованиями мы предлагаем нижеследующую классификацию.

Рассматривая систему международного правосудия, профессор В.Г. Волеводз, выделяет следующие институциональные модели органов международного уголовного правосудия¹:

1. создаваемые в качестве вспомогательных органов Совета Безопасности ООН (Международные трибуналы по Югославии и Руанде);
2. смешанные (гибридные), двух типов: а) специальные суды, созданные в соответствии и на основе международных договоров государств с ООН (напр. трибуналы по Сьерра Леоне и Ливану) или б) суды, формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции (Косово, В.Тимор);
3. «интернационализованные» национальные суды, отправляющие правосудие по международным преступлениям с участием международных судей и иных участников уголовного процесса;

¹ См.: Волеводз А.Г. О системе международного уголовного правосудия // Современные тенденции развития международного гуманитарного права: Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. С. 65.

4. Международный уголовный суд (англ.: International Criminal Court (далее – МУС, ICC))¹.

При внимательном рассмотрении, можно выделить целый ряд критериев, на основании которых проводить классификацию и систематизацию органов международного или интернационализованного правосудия.

В зависимости от правовой базы, лежащей в основе формирования подразделений, мы выделили следующие:

- Основанные международными организациями на основе уставов, специальных соглашений между странами - членами этих организаций, и действующими на их территориях.
- Созданные на основе двух- или многосторонних межгосударственных соглашений.
- Созданные на основе иных соглашений.

К первой группе можно отнести МТБЮ, МТР, МУС. Кроме того, сюда же можно отнести специальные следственные группы и подразделения, создаваемые международными организациями внутри своих структур для расследования конкретных событий.

Ко второй группе можно отнести Нюрнбергский трибунал, который был создан по соглашению между странами, победившими во Второй мировой войне.

В третью группу мы включаем те, что были инициированы в одностороннем порядке либо были навязаны принимающей стороне, когда международные соглашения как таковые отсутствуют.

В зависимости от того, кем было инициировано создание международных следственных подразделений:

- По просьбе приглашающего правительства;
- По инициативе правительства (организации) - донора

¹ См.: Блищенко И.П. Международный уголовный суд / И. П. Блищенко, И. В. Фисенко; Предисл. В. П. Лозбякова. - Москва : Закон и право, 1998. - 238 с.

Например, Международная независимая следственная комиссия ООН по расследованию убийства премьер-министра Ливана Рафика Харири была создана ООН по инициативе Ливана (англ.: *United Nations International Independent Investigation Commission*). Правительство Ливана обратилось в СБ ООН с просьбой о направлении специалистов для расследования этого громкого террористического акта с целью убийства Харири, поскольку оно посчитало, что само не сможет справиться с объёмом работы и с вероятным противодействием сирийских спецслужб¹.

К второй группе можно отнести СССЛ. Предложение о его создании было направлено Правительству этой страны Организацией Объединённых Наций и практически без промедления принято².

В зависимости от степени «добровольности» принятия решения или согласия с решением о их создании, международные следственные подразделения можно выделить на созданные:

1. С добровольного согласия правительства государства, на территории которого будет проходить расследование (принимающего государства).
2. С «вынужденным» согласием правительства принимающего государства или «навязанным» ему на последующих стадиях.

Остановимся на видах, выделенных по этому критерию более подробно.

Формальное согласие принимающего правительства после принятия решения другими органами получается различными способами. Среди таковых наиболее распространены открытое политическое и экономическое давление со стороны более сильных государств. Кроме того, существует и ряд менее явных способов, таких как лоббирование, подготовка общественного мнения через средства массовой информации и различные организации, и другие меры.

¹ См.: Резолюция СБ ООН № S/RES/1595 (2005) от 7 Апреля 2005 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1595\(2005\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1595(2005)) (дата обращения: 18.07.2017).

² См.: Резолюция СБ ООН № S/RES/1315 (2000) от 7 Апреля 2005 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rscsl.org/Documents/Establishment/S-Res-1315-2000.pdf> (дата обращения: 18.07.2017).

Такая ситуация, например, сложилась в настоящее время вокруг расследования против президента Судана Омара Аль Башира, проводимого МУС. Как известно, Судан не является одной из сторон, признавшей юрисдикцию ИСС и подписавшего его Статут (как, впрочем, и Россия и США). Следовательно, любые действия и расследования ИСС в отношении действий Судана вообще и любого из его граждан не имеют для этого государства юридической силы и совершенно верно не признаются правомерными Суданом.

После выдачи ордера на арест Президента Аль Башира, Суданское правительство естественно отказалось его выполнить, за что подверглось и критике с многих сторон, и продолжает оставаться мишенью такой критики. Всё это давление имеет целью вынудить Судан признать решение ИСС законным и выдать своего Президента. Как известно, этого пока не случилось. Расследование ИСС продолжается, но о нем практически ничего не слышно, поскольку согласия на проведение следственных действий органами МУС на территории Судана (и Дарфура, как его части) правительство не дало.

Вспомним в этой связи, что 12 октября 2016 году, Парламент Республики Бурунди проголосовал за инициирование процедуры выхода из Римского статута¹, а вскоре после чего соответствующая декларация была внесена Секретариат МУС. Через год, в октябре 2017 года, Бурунди стала первым государством-членом Римского статута, которое официально его покинуло. Конечно, последовала волна международного осуждения. Кроме того, в соответствии со ст. 127 Статута, этот юридический факт не отменяет юрисдикцию МУС по поводу расследуемых предполагаемых преступлений против человечности во время событий 2015 года.

Наиболее известный пример давления, принёсшего положительные результаты – это экстрадиция Сербией бывшего президента Слободана

¹ См.: Официальный сайт МУС [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=pr1244> (дата обращения: 30.10.2017).

Милошевича и передача его ICTY 29 июня 2001 года, в нарушение собственной Конституции, и уголовно-процессуального законодательства¹.

Обвинительное заключение против Слободана Милошевича, тогда действующего Президента Югославии (тогда уже состоящей только из Сербии и Черногории), было составлено Офисом Прокурора МТБЮ и направлено в суд 24 мая 1999 года, в разгар натовских бомбардировок страны. Арестован и заключён под стражу в Белграде он был только 1 Апреля 2001 года, под руководством вновь избранного демократического правительства, тогда возглавляемого Зораном Джинджичем².

25 июня 2001 года Правительство Сербии издало декрет о сотрудничестве с Гаагским трибуналом, позволяющий выдачу своих граждан, в отношении которых ICTY выданы ордера на арест. В этот же день Правительство направило в суд поручение о немедленном начале процедуры экстрадиции Слободана Милошевича. После апелляционного обжалования защиты, Конституционный суд Федеральной республики Югославии принял решение о приостановление действия Декрета до окончания процесса рассмотрения его конституционности.

В ответ на это, Правительство на своём экстренном заседании в соответствии со статьёй 135 Конституции Сербии постановило не признавать решение федерального Конституционного суда как «угрожающего интересам» республики и выдать Милошевича ICTY в рамках сотрудничества. Это решение было осуждено и действующим Президентом Югославии, и большинством парламента, правоохранительными структурами и населением страны. Однако, практически все влиятельные западные державы приветствовали это событие как показывающее движение Сербии по пути демократических реформ и сближению с Евросоюзом.

¹ См. напр.: Устав Републике Србије 1990 г. Текст : электронный : [сайт]. - URL <http://www.hartford-hwp.com/archives/62/334.html> (дата обращения 30.10.2022).

² См.: ICTY Case Information Sheet (IT-02/54) // Официальный сайт ICTY [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.icty.org/x/cases/slobodan_milosevic/cis/en/cis_milosevic_slobodan.pdf (дата обращения 19.07.17).

Также вспомним, что уже в августе 2011 года Советом по правам человека ООН была учреждена «Независимая международная следственная комиссия по ситуации в САР»¹. Цели деятельности для неё были установлены следующие:

- Расследовать все предполагаемые нарушения международного права и прав человека, имевших место в САР с марта 2011 года;
- установить факты и обстоятельства, которые могут представлять собой такие нарушения и совершенные преступления;
- по возможности, выявлять виновных в целях обеспечения возможности привлечения их в дальнейшем к ответственности, в том числе за совершённые преступления против человечности.

В настоящее время обсуждается вопрос о создании международного механизма для расследования военных преступлений и преступлений против человечности, совершённых во время конфликта в Сирийской Арабской Республике (САР). Изначально обсуждалась возможность учреждения трибунала резолюцией Совета Безопасности ООН, используя опыт создания МТБЮ в 1993 году. Несколько раз указанная инициатива ставилась на голосование и все шесть раз как минимум один постоянный член Совета Безопасности (Российская Федерация) голосовал против.

Для того, чтобы обойти «патовую» ситуацию в СБ ООН, и протолкнуть идею трибунала по САР, данный вопрос был вынесен на обсуждение Генеральной Ассамблеи. В Генассамблее ООН Резолюция 71/248 была принята. Новая структура получила название «Международный беспристрастный и независимый механизм для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьёзные преступления против международного права, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года» (англ.:

¹ См.: Резолюция СПЧ ООН № S-17/1 // Официальный сайт Верховного комиссара ООН по правам человека [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/CoISyria/ResS17_1.pdf (дата обращения 19.07.17).

International, Impartial and Independent Mechanism on international crimes committed in the Syrian Arab Republic). Служит этот «механизм», в соответствии с объяснениями Верховного комиссара ООН по правам человека¹, двум целям:

- 1) обеспечение сбора, обобщения, сохранения и анализа доказательств;
- 2) подготовка документов для облегчения и ускорения справедливого и независимого уголовного судопроизводства в национальных, региональных или международных судах в соответствии с международным правом.

Исходя из текста Резолюции 71/248, Генеральный секретарь ООН должен был разработать в течение 20 рабочих дней с даты принятия настоящей резолюции круг ведения будущего механизма и безотлагательно предпринять шаги, меры и действия, необходимые для его скорейшего создания и обеспечения полномасштабного функционирования².

Помимо этого, в апреле 2017 года в верхнюю палату конгресса США поступил законопроект под названием «Акт 2017 года об ответственности за военные преступления, совершенные в Сирии» (англ.: *Syrian War Crimes Accountability Act of 2017*). В соответствии с его нормами предлагается учредить специальный гибридный трибунал для расследования трёх видов преступлений, имевших место на территории САР, начиная с марта 2011 года, а именно: 1) военные преступления; 2) преступления против человечества; 3) геноцид³.

¹ См.: Замечания Верховного комиссара по правам человека ООН на 34 сессии Совета по правам человека 27 февраля 2017 г. // Официальный сайт ВКПЧ ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=21241> (дата обращения 19.07.17).

² См.: Резолюция ГА ООН № A/RES/71/248 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/462/05/PDF/N1646205.pdf?OpenElement> (дата обращения 19.07.17).

³ См.: Документ S.905 // Официальный сайт Конгресса США [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.congress.gov/115/bills/s905/BILLS-115s905is.pdf> (дата обращения 19.07.17).

Судя по всему, будущий трибунал по Сирии будет принадлежать к числу «гибридных». Как отмечается в самом законопроекте, термин «гибридный трибунал» (англ.: *hybrid tribunal*) означает временный уголовный трибунал, который заключается в сочетании национальных и международных адвокатов, судей и других профессионалов с целью осуждения лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против человечества и геноцида. Примечательно, что по мнению американцев, трибунал должен существовать не сам по себе, а будет «вмонтирован» в более широкий контекст «правосудия переходного периода» (англ.: *transitional justice*), включающего в себя, как сказано в том же законопроекте, целый комплекс «юридических, неюридических, формальных, неформальных, карательных и восстановительных мер, используемых в странах при переходе от состояния вооружённого конфликта или репрессивного режима». Традиционно в число таких мер, наряду с органами международного правосудия, входят комиссии по установлению истины, люстрационные процедуры, репарации пострадавшим и т. д.¹

В зависимости от **круга вопросов (преступлений), входящих в юрисдикцию**, можно выделить следственные структуры, расследующие:

- а) преступления определённой направленности (военные, против человечности, финансовые и т.д.)
- б) преступления, совершённые на определённой территории,
- в) преступления, совершённые в определённый промежуток времени,
- г) а также расследующие обстоятельства конкретного отдельно взятого события).

В большинстве случаев критерии, определяющие границы юрисдикции конкретной структуры, смешаны, т.е. в одном учредительном документе оговариваются и территориальные, и временные, и иные границы.

¹ См.: Бобринский Н.А. К вопросу о концепции «правосудия переходного периода» // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 328-337.

Так, например, в сентябре 2011 года Европейским союзом была создана Специальная следственная группа (англ.: *Special Investigative Task Force*) для расследования обвинений в деятельности по незаконной торговле человеческими органами Армии Освобождения Косово, сообщённых специальным докладчиком ЕС по этой теме, Диком Марти, для расследования конкретных фактов, им сообщённых¹. Однако, группа провела более широкое расследование, установив не только факты торговли органами, но и многочисленные другие инциденты, связанные с преследованием неалбанского населения Косово со стороны ОАК, после введения в Косово международного присутствия, в июне 1999 года².

После объявления результатов работы SITF, началась широкомасштабная кампания по оказанию давления на правительство непризнанной Республики Косово в целях его принуждения к принятию соответствующих законов, признающих необходимость уголовного преследования виновных. Результатом такого давления стало появление 3 августа 2016 года статьи 162 в косовской Конституции³, где оговаривалось согласие косовских властей на открытие Специализированной Палаты и Специализированного прокурорского офиса по расследованию обвинений из доклада Д. Марти. Эта статья прямо говорит, что этот шаг предпринимается для того, чтобы соответствовать взятым на себя международным обязательствам, т.е. указывает на международное давление. Мандат им дан сроком на пять лет, а детализирован он в Законе о Специализированной Палате и

¹ См.: Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo. Report to the Committee on Legal Affairs and Human Rights by Mr Dick Marty. Doc. 12462 of 7 January 2011, § 15 // Официальный сайт ПАСЕ [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://pace.coe.int/en/files/12608/html> (дата обращения 6.12.22).

² См.: Заявление Специального прокурора, главы Специальной следственной комиссии ЕС, от 29 июля 2014 // Официальный сайт Специализированной Палаты и Прокурорского офиса по Косово [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.scp-ks.org/en/specialist-chambers/background> (дата обращения 2.10.17).

³ См.: Amendment of the Constitution, Article 162: The Specialist Chambers and the Specialist Prosecutor's Office 03 Aug 2015 // Официальный сайт Специализированной Палаты [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.scp-ks.org/en/documents/constitutional-amendment-article-162-3-aug-2015> (дата обращения 2.10.17).

Специализированном прокурорском офисе, принятом в тот же день¹. И Палата, и Офис формально являются частью косовской системы правосудия, только физически они находятся не в Косово, а в Гааге.

Однако же, все понимают, что никакого контроля со стороны косовских властей над ними нет, т.к. весь их персонал – международные специалисты. С другой стороны, несмотря на то, что новую структуру широко называют KLA Tribunal (Трибунал по ОАК), его юрисдикция обозначена в законе весьма обтекаемо, позволяя в принципе привлекать к ответственности и сербов за военные преступления, преступления против МГП и т.д.² Здесь, косовские власти пытаются незаметно злоупотребить положением ст. 15 доклада г-на Марти, входящей в положения, определяющие в соответствии с косовским Законом о Специализированной палате и прокурорском офисе их юрисдикцию по существу. А статья эта, использованная нами в предисловии к настоящей работе, гласит: «Не может и не должно быть одного правосудия для победителей и другого для проигравших. Везде, где произошёл конфликт, все преступники должны быть привлечены к ответственности за совершённые преступления, независимо от того, к какой стороне они принадлежат и какую политическую роль играют»³.

По способу деятельности могут быть названы следственные подразделения полностью независимые от национальных органов правосудия и смешанные. МТБЮ и МУС, несомненно, полностью процессуально и материально не зависят от местных властей. Только что упомянутые Специализированная Палата и Специализированный прокурорский офис, несмотря на их законодательное оформление и одобрение косовским правительством, *de-facto* им не подконтрольны. Первое отделение (Отделение по военным преступлениям)

¹ См.: Law on the Specialist Chambers and Specialist Prosecutor's Office, № 05/L-053 // Сайт Парламента Косово [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.kuvendikosoves.org/common/docs/ligjet/05-L-053%20a.pdf> (дата обращения 02.03.18).

² См. ст. 6 вышеук. косовского Закона № 05/L-053 и ст.ст. 12-16 вышеук. доклада г-на Марти.

³ См. ст. 15 вышеук. доклада г-на Марти.

Прокуратуры Боснии и Герцеговины является типичным органом правосудия смешанного типа, где наравне работают и международные и местные специалисты¹.

В зависимости от применяемого права могут выделяться группы, применяющие национальное законодательство, международное (или специально созданное) законодательство, и смешанные.

В зависимости от источников материально-технического снабжения, следственные подразделения можно разбить на следующие виды: 1) находящиеся на местном финансировании, 2) на зарубежном финансировании и 3) смешанные. Особенности, отдельные трудности и положительные стороны формирования и деятельности следственных подразделений, снабжаемых из этих трех видов источников, будет детально рассмотрен в следующем параграфе.

В зависимости от **вида персонала**, принимающего участие в проведении расследований и судебных рассмотрений, подразделения могут быть: 1) чисто международные и 2) смешанные.

В зависимости от **сущности выполняемых функций** (юрисдикции) можно выделить следующие подразделения:

- 1) Проводящие самостоятельные расследования и судебные рассмотрения
- 2) Работающие совместно, «на равных», с местными специалистами
- 3) Осуществляющие вспомогательную роль (как правило советники).

Отдельная категория международных специалистов, часто в больших количествах, окружающих (или даже «осаждающих») следственные группы – это наблюдатели. Они могут быть независимыми или представляющими какие-то международные, государственные или негосударственные структуры. Об их деятельности и положительном и отрицательном влиянии, оказываемом на расследовании, нужно писать отдельную книгу; формат нашей работы не позволяет останавливаться на детальном рассмотрении этих вопросов.

¹ См.: Сайт Прокуратуры Боснии и Герцеговины [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.tuzilastvobih.gov.ba/?opcija=sadrzaj&kat=2&id=4&jezik=s> (дата обращения 2.10.17).

Пожалуй, наиболее популярные из них это структуры правосудия смешанного характера, или «гибридные». В соответствии с определением Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека, под смешанными судами понимаются суды смешанного состава и компетенции, которым подведомственны как национальные, так и международные стороны рассматриваемых дел и которые действуют обычно в пределах территориальной юрисдикции по месту совершения преступлений¹.

Некоторые исследователи относят гибридные суды к уголовным трибуналам третьего поколения. При таком подходе, Нюрнбергский и Токийский трибуналы относятся к международным трибуналам первого поколения и называются «судами победителей». В трибуналах второго поколения, к которым относят МТБЮ и Международный трибунал по Руанде, правосудие осуществляли судьи из государств, не принимавших непосредственного участия в конфликте. Наконец, в «гибридных» трибуналах третьего поколения заседали международные судьи совместно с коллегами из государств, на территории которых осуществлялось правосудие². Соответственно, такие же критерии предъявлялись и к отбору персонала, привлекавшегося для работы в следственных и прокурорских подразделениях этих трибуналов.

К гибридным судам традиционно относят: Специальные судебные палаты по серьёзным преступлениям в Восточном Тиморе (2000); смешанные судебные коллегии в Косово (2000); Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002); Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005);

¹ Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств. Максимизация наследия смешанных судов. Издание ООН, Нью Йорк, Женева, 2008 (HR/PUB/08/2), С. 1.

² Евсеев А. Гибридные суды как институт транзитивного правосудия // Международное правосудие, 2017, № 3 (23), С.48-49.

Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006); Специальный трибунал по Ливану (2007)¹.

В начале января 2018 года Генеральный секретарь ООН объявил о создании Группы по специальному расследованию нападений на патрули миротворцев и миротворческие базы в городе Бени в провинции Северная Киву, Демократическая Республика Конго (далее - ДРК)². Нападения, приведшие к гибели 15 танзанийских миротворцев и ранению 43, при одном пропавшем без вести, произошли за месяц до этого, 9 декабря 2017 года. Возглавил группу Дмитрий Анатольевич Титов³, бывший помощник Генерального секретаря по вопросам верховенства права и правосудия в Департаменте операций по поддержанию мира и начальник Офиса ООН по верховенству права⁴.

В составе группы будет большинство международных специалистов, но также будут и несколько представителей силовых структур ДРК. Как было отмечено в заявлении Генсека, в ходе расследования будут изучены обстоятельства, связанные с этими нападениями, и проведена оценка уровня готовности Миссии ООН в ДРК в целом реагировать на подобные события ...». Кроме того, Группа должна будет подготовить рекомендации, направленные на предотвращение подобных нападений в будущем.

Как видно из данного раздела, международные следственные группы/подразделения могут быть разного вида и решать различные задачи.

¹ См.: Егоров С. А. Гибридные (смешанные) суды // Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых. М.: Международные отношения, 2014. С. 445-460, 446.

² См.: Secretary-General announces Special Investigation into attacks on peacekeepers in Democratic Republic of Congo // Официальный Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://peacekeeping.un.org/en/secretary-general-announces-special-investigation-attacks-peacekeepers-democratic-republic-of-congo> (дата обращения 16.01.18).

³ См.: Дмитрий Титов возглавит расследование самого масштабного нападения на миротворцев ООН // Официальный Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=29151#.W13zVa6nHct> (дата обращения 16.01.18).

⁴ См.: Официальный Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.un.org/ruleoflaw/> (дата обращения 16.01.18).

Однако, несомненно, что от них в первую очередь ждут быстрого, полного и независимого расследования, проведённого на высоком качественном уровне, которого не было возможности ожидать от местных следственных структур.

§ 3. Структура и организация деятельности международных подразделений, наделяемых полномочиями по расследованию преступлений в условиях международного вооружённого конфликта

Перейдем к рассмотрению вопросов деятельности собственно международных подразделений, созданных для расследования преступлений в зонах международных конфликтов. Остановимся в первую очередь на деятельности в этом направлении международной полиции ООН в Косово.

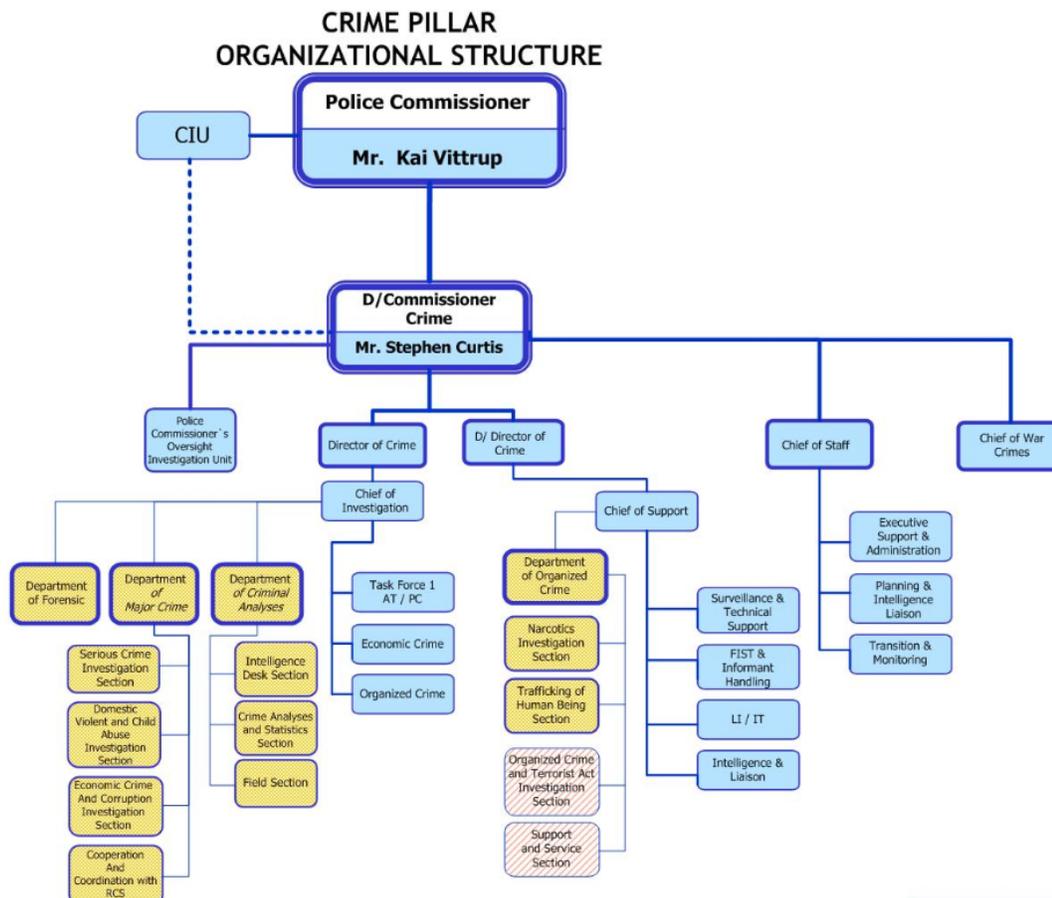
Как мы уже в общем отмечали выше в нашей работе, деятельность по созданию полиции ООН в Косово Миссия ООН начала практически сразу же. Как отмечено в докладе Полиции МООНК за 2000 год, первая группа из 27 гражданских полицейских прибыла в Косово из Боснии уже 27 июня 1999 года; они были распределены в пять регионов Косово. Первый Комиссар полиции МООНК, Свен Фредриксон, прибыл 6 июля 1999. Однако, реальная возможность взять на себя все правоохранительные функции у новой структуры появилась далеко не сразу. На первом этапе развёртывания офицеры Полиции МООНК только консультировали подразделения КФОР, которые осуществляли практически все функции полиции по обеспечению правопорядка в Косово, в т.ч. патрулирование и расследование преступлений на всей территории провинции.¹ Следственные подразделения начали появляться в структуре Международной полиции ООН в Косово в августе 1999 года, т.е. через месяц после начала её развёртывания.

Следственные подразделения в составе Международной полиции в Косово были организованы на всех уровнях, от непосредственно следственных отделений

¹ См.: Ежегодный доклад Международной полиции МООНК за 2000 год, С. 11.

«на земле», при полицейских участках в каждом городе провинции, до Управления расследования тяжких преступлений при Штабе полиции ООН. К 2006 году, система была очень развита. Схема 1 детально иллюстрирует действовавшую систему.

Схема 1

Необходимо отдельно оговориться, что термин «расследование» в зарубежном понимании носит несколько иной смысл. В нашем понимании под «следствием» как таковым мы подразумеваем его уголовно-процессуальную сущность, урегулированную соответствующими положениями УПК Российской Федерации. Зарубежная практика организации правоохранительной работы не разделяет следствие и оперативные службы, а охватывает все одним этим ёмким понятием «*investigation*».

В правовом английском «расследовать» - значит «систематически исследовать какой-либо вопрос»¹. Поэтому следственные подразделения (англ.: *Investigation departments / divisions / units* и т.д.), как правило, в свою структуру включают отдельных сотрудников или группы, занимающиеся оперативно-розыскной деятельностью (англ.: *Crime detection or criminal intelligence*). Такие сотрудники занимаются как сбором информации, так и её анализом и последующей реализацией. В общем в государствах с преобладающей англо-американской правовой системой большая часть правосудия отправляется в зале судебного заседания, поэтому предварительное расследование имеет характер предварительного сбора информации о происшедшем, а документальное оформление зачастую или не регламентировано и не унифицировано вообще, или ограничено указанием общих принципов, которых нужно придерживаться следователю при сборе доказательств.

Кратко рассмотрим организационные моменты, связанные с работой международных следственных подразделений на примере Камбоджи и Восточного Тимора.

Опыт Камбоджи

Как мы помним из истории, в апреле 1975 года после продолжительных боевых действий Коммунистическая партия Кампучии («Красные Кхмеры») захватила власть в столице Камбоджи Пном Пене. После этого на протяжении почти четырех лет Красные Кхмеры под руководством генерала Пол Пота проводили в жизнь политику экономических и политических «чисток», в процессе которых было убито или умерло от голода и болезней по разным оценкам от одного до полутора миллиона граждан этой страны.

¹ См.: Black's Law Dictionary / Abridged Seventh Edition. West Group, St. Paul, Minnesota, 2000, P. 665.

Только более 20 лет спустя, в 1997 году, правительство Камбоджи попросило от ООН помощи в привлечении к ответственности лиц, ответственных за эти преступления. Однако, переговоры в этом направлении прошли не без осложнений.

В своем докладе Экспертная группа ООН единодушно рекомендовала создание специального трибунала по аналогии с уже существующими международными трибуналами¹, то есть без участия местного персонала в отправлении правосудия. Среди причин обусловивших эту рекомендацию было опасение того, что система камбоджийского правосудия коррумпирована и слишком зависит от политических манипуляций. Правительство Камбоджи не согласилось с этим выводом и настаивало на том, что национальный персонал должен участвовать на всех этапах.

В июле 2000 г. длительные переговоры привели к шаткому соглашению между ООН и Правительством о том, что рассмотрение дел о геноциде, преступлениям против человечности и другим тяжким преступлениям, совершенным между 1975 и 1979 гг. будут проходить в «Особых палатах камбоджийских судов» (англ.: *Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia*, ЕССС). Большинство судей в них камбоджийцы, но решения о виновности и невиновности смогут быть приняты только «абсолютным большинством», которое подразумевает согласие хотя бы одного из участвующих в рассмотрении международных судей.

Два со-прокурора и два судьи-следователя (местный и международный) имеют равные права в действиях и решениях по уголовному делу, находящемуся в их совместном производстве. Разногласия между ними будут разрешаться комиссией судей. Особые палаты судов (всего семь судей, три из которых – иностранцы) также будут разделены на три уровня, копируя имеющуюся судебную

¹ См.: Report of the Group of Experts for Cambodia established pursuant to General Assembly resolution 52/135, 15 March 1999 // University of Minnesota Human Rights Library. - URL: <http://hrlibrary.umn.edu/cambodia-1999.html> (дата обращения 22.11.2019).

систему: три судьи в судебном заседании, пять – в апелляционном суде и семь в Верховном. Закон, закрепляющий данные положения, был утвержден Парламентом Камбоджи в январе 2002 года и получил королевское одобрение 10 августа того же года¹.

Существуют серьезные процессуальные различия между ЕССС и другими международными трибуналами, особенно на стадии расследования, поскольку последние, как правило, используют систему общего права. ЕССС же, следуя подходу камбоджийского законодательства, использующего французскую модель правосудия, досудебные расследования проводятся не прокуратурой, а двумя судьями-следователями (фр.: *juge d'instruction*).

Само расследование перед ЕССС состоит из двух этапов:

(i) Предварительное расследование со-прокурорами

Прокуроры по собственной инициативе или по просьбе одной из Сторон проводят предварительное расследование, определяя наличие доказательств совершения преступления, входящего в юрисдикцию ЕССС, и устанавливая подозреваемых и свидетелей. В случае получения достаточной доказательственной базы, обвинители направляют так называемое вводное представление судьям-следователям, где перечисляют факты, предполагаемые преступления, применимое право и - если это уже известно, - имена подозреваемых.

(ii) Расследование Судебными следственными судьями

Судьи-следователи изучают факты, изложенные в материалах, предоставленных прокурорами, сами они не занимаются сбором новых фактов. Судьи-следователи имеют право выдвинуть обвинение(я) против любого лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно может быть

¹ См.: Law on Establishment of Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia for the Prosecution of Crimes Committed During the Period of Democratic Kampuchea // Derechos.org [электронный ресурс] - Режим доступа. - <http://derechos.org/human-rights/seasia/doc/krlaw.html> (дата обращения 02.03.2018).

привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления, упомянутого во вводном представлении.

В ходе дальнейшего судебного расследования прокуроры, обвиняемые, защита, потерпевшие и иные заинтересованные лица могут просить судей-следователей рассмотреть вопрос о принятии конкретных распоряжений или предпринять необходимые с их точки зрения следственные действия.

(iii) Завершение расследования

Когда судьи-следователи посчитают, что расследование завершено, они уведомляют стороны процесса, предоставляя им пятнадцать дней для ходатайств о проведении дополнительных следственных действий. После истечения этого срока, и выполнения дополнительных следственных действий (или отказа в таковых), судьи-следователи направляют дело назад обвинителям для составления финального представления. В нём прокуроры могут потребовать, чтобы Судебные следователи либо предъявили обвинение обвиняемому, либо прекратили дальнейшее судебное преследование по делу.

Судьи-следователи завершают расследование путем составления обвинительного заключения, либо прекращения дела, о чём уведомляются стороны процесса. С момента передачи дела в суд, судьи-следователи не играют никакой роли в дальнейшем рассмотрении дел. Однако, при обнаружении новых доказательств в судебном процессе, судебное расследование может быть вновь открыто.

Опыт Восточного Тимора

Широкомасштабные и грубые нарушения прав человека и МГП были совершены в Восточном Тиморе (или Тимор – Лешти) во время вооруженного конфликта в 1999 году. В резолюции № 1272 Совет безопасности ООН выразил озабоченность сообщениями, указывающими на совершенные преступления, подчеркнув, что лица, совершившие такие нарушения, несут личную

ответственность и должны за них ответить, и призвав все стороны сотрудничать в расследовании указанных в этих сообщениях фактов¹.

С целью выполнения призыва к отправлению правосудия в отношении виновных, Временной администрацией Организации Объединенных Наций в Восточном Тиморе (англ.: *United Nations Transitional Authority in East Timor, UNTAET*) была организована Группа по тяжким преступлениям (англ.: *Serious Crimes Unit*). На основании специальной правовой базы, созданная международная правоохранительная единица была уполномочена расследовать, предъявлять обвинения и проводить судебные разбирательства по делам о военных преступлениях, преступлениях против человечности, а также об отдельных убийствах и изнасилованиях, совершенных в Восточном Тиморе в период вооруженного конфликта с 1 января по 25 октября 1999 года. Все дела, представленные в суд с обвинительными заключениями, должны были рассматриваться специально создаваемыми Особыми заседаниями по тяжким преступлениям (англ.: *Special Panels of Serious Crimes*), состоящими из двух международных и одного местного судей, и также входящих в состав рассматриваемой Группы.

Позже, с момента провозглашения независимости Восточного Тимора (20 мая 2002 г.), Группа по тяжким преступлениям стала действовать под юрисдикцией Генерального прокурора Демократической республики Восточный Тимор, но также имела в своем составе международный персонал, работающий по контрактам с ООН.

¹ См.: Резолюция СБ ООН № 1272(1999), принятая на 4057-м заседании 25 октября 1999 года // Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа - <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1999/res1272.htm> (дата обращения 02.03.2018).

Срок действия мандата этого подразделения истек в мае 2005 года. К тому времени, в соответствии с Резолюциями СБ ООН № 1543¹ и 1573² все следственные действия были окончены и все дела с обвинительными заключениями были переданы в суд.

За время работы с 2000 года Группой было представлено в суд (в вышеуказанные Особые заседания по тяжким преступлениям) 95 обвинительных заключений в общем против 391 лица. К весне 2005 года 339 обвиняемых еще находились на свободе, в большинстве случаев за пределами юрисдикции Восточного Тимора. Вследствие невозможности предъявления им обвинения, дальнейшее производство по делам в их отношении было приостановлено. Среди них были такие известные лица, как бывший Министр обороны и Главнокомандующий национальной армией Виранто (Wiranto), шесть других высокопоставленных армейских офицеров, бывший губернатор Восточного Тимора³.

В к июлю 2005 года, в Особые заседания было передано 95 обвинительных заключений против 391 обвиняемого. Помимо них, обвинения не были предъявлены ещё 339 лицам, поскольку последние находились вне юрисдикции Тимора-Лешти. В связи с этим, теми же Особыми заседаниями по тяжким преступлениям было выдано 284 ордера на арест. По необъяснимой причине ордер на арест Министра Виранто был на длительное время задержан Офисом

¹ См.: Резолюция СБ ООН № 1543 принятая на 4968-м заседании 14 мая 2004 года // Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа - <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2004/res1543.htm> (дата обращения 27.03.2018).

² См.: Резолюция СБ ООН № 1573 (1999), принятая на 5079-м заседании 18 ноября 2004 года // Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа - <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2004/res1573.htm> (дата обращения 27.03.2018).

³ См.: Summary of the report to the Secretary-General of the Commission of Experts to Review the Prosecution of Serious Violations of Human Rights in Timor-Leste (then East Timor) in 1999, §7. Letter dated 24 June 2005 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council (S/2005/458) // Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/B8D23B72D857A7CD8525704B006D3A94-unsc-tls-15jul.pdf> (дата обращения 15.04.2018).

Генерального прокурора, который отказывался направлять его для внесения в базы данных Интерпола¹.

Структурно Офис Генерального прокурора был разделен на две секции, одна из которых занимался обычными преступлениями, а другая – тяжкими. Секцию по тяжким преступлениям, в которую входила и международная, возглавлял Заместитель генерального прокурора по тяжким преступлениям (англ.: *Deputy Prosecutor General for Serious Crimes*). Последний отвечал за организацию и проведение расследований Группой, а также за поддержание обвинений, в том числе по делам, направленным в Особые заседания Группой по тяжким преступлениям; подотчётен он был напрямую Генеральному прокурору.

В 2005 году в составе Группы находилось 74 работника, включая 34 международных представителя, в т.ч. прокуроры, следователи, специалисты-криминалисты, переводчики и 6 офицеров Международной полиции ООН, а также 34 работника из местного населения, находящихся на вспомогательных должностях: переводчики, персонал морга и т.д. Дополнительно в составе Группы находились 12 стажеров – граждан Восточного Тимора: прокуроры, специалисты по компьютерным технологиям и специалисты по работе с доказательствами (англ.: *ITU and evidence management staff*). Работа стажеров финансировалась из средств, полученных по соглашению с правительством Норвегии. Также при Группе под руководством следователей ООН и офицеров полиции ООН прошли стажировку 19 следователей - офицеров полиции Восточного Тимора. Помимо вышеуказанного персонала, 2 инструктора и 2 офицера местной полиции были приданы для помощи в деятельности Подразделения по работе со свидетелями в составе Группы.

Группа была разделена на 4 региональных отделения: – в столице Дили (Dili), Малиане (Maliana), Мануфахи (Manufahi) и Оекусси (Oecussi). Каждое из них состояло из международных прокуроров ООН, юристов - помощников прокуроров

¹ См.: Там же.

(англ.: *legal officers*), следователей и стажеров, а также необходимых для работы специалистов-криминалистов, специалистов по работе с доказательствами и групп по поддержке свидетелей. Региональные отделения обслуживали территорию всех 13 районов Восточного Тимора. В связи с истечением общего мандата Группы и необходимостью окончания всех следственных действий, Региональные офисы в Малиане, Мануфахи и Оекусси были закрыты. Офис в Дили был оставлен для завершения всех процессуальных и административных действий.

По окончании мандата Группы, в соответствии с параграфом 9 Резолюции СБ ООН 1599 (2005), работниками Офиса ООН в Тиморе-Лешти (Англ.: *United Nations Office in Timor-Leste, UNOTIL*) были сняты копии всех материалов, собранных Группой, включая фотодокументы. Все материалы вместе со снятыми копиями были переданы на хранение в офис Генерального прокурора Тимора Лешти.

Все административные вопросы, связанные с хранением и использованием этих документов были урегулированы отдельным соглашением, подписанным между ООН и Правительством Тимора Лешти. В нём же были оговорены особые условия, в соответствии с которыми копии документов оставались под полным контролем ООН, а также установлен порядок предоставления к ним доступа. После подписания соглашения, оригиналы материалов и полное право на их использование были переданы Генеральному прокурору. В свою очередь все ранее снятые копии были отправлены для дальнейшего хранения в штаб-квартиру ООН в Нью Йорке¹.

Однако, как показала практика, система правосудия Восточного Тимора оказалась не в силах справиться с огромным объемом информации, собранным Группой и количеством уголовных дел, подлежащих рассмотрению². Производство

¹ См.: Progress report of the Secretary-General on the United Nations Office in Timor-Leste (for the period 16 August 2005 to 13 January 2006). UN Document S/2006/24 // (дата обращения 27.03.2018).

² См. вышеук. Summary of the report to the Secretary-General, §§ 21-23.

по этим делам практически остановилось, что вызвало нарекания как местного населения, так и замечания со стороны международных организаций.

Вследствие этого, по просьбе Правительства Тимора-Лешти, и в соответствии с Резолюцией 1704 (2006), было принято решение об оказании помощи Генеральной прокуратуре Тимора-Лешти посредством предоставления группы опытных следователей для возобновления выполнения следственных функций бывшей Группы по тяжким преступлениям в целях завершения расследований незакрытых дел о серьезных нарушениях прав человека, совершенных в 1999 году¹. Так была создана правовая база для формирования Следственной группы по тяжким преступлениям (англ.: *Serious Crimes Investigation Team*, SCIT, далее - СГТП)².

Следственные действия во всех 13 районах Восточного Тимора были *de-facto* возобновлены с 12 февраля 2008 года, когда было подписано новое соглашение между ООН и Правительством Восточного Тимора³. СГТП состояла из 49 человек, среди которых были 10 международных следователей, 5 международных юридических координаторов, 5 местных юристов, которые непосредственно занимались следственной работой. Остальные должности приходились на экспертов (криминалисты, патологоанатомы, антропологи) и различные вспомогательные службы (переводчики, работа с общественностью, секретари и делопроизводители)⁴.

¹ См.: Резолюция 1704 (2006), принятая Советом Безопасности на 5516-м заседании 25 августа 2006 года // Сайт ООН <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1999/res1704.htm>

² См. официальную веб-страницу СГТП // Сайт ООН [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://unmit.unmissions.org/serious-crimes-investigation-team> (дата обращения 27.03.2018).

³ См.: Соглашение между ООН и Демократической республикой Тимор-Лесте о помощи Офису Генерального Прокурора Тимора-Лесте, подписанный 12 февраля 2008 года // Вебсайт Тиморского института развития, наблюдения и анализа исследований [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.laohamutuk.org/reports/UN/UNMIT/08UNMIT-SCIT-RDITL.html> (дата обращения 27.03.2018).

⁴ См.: Информационный бюллетень СГТП // Сайт Legal Tools [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.legal-tools.org/doc/033e08/pdf/> (дата обращения 27.03.2018).

Штаб СГТП находился в Дили, а также имелись 3 региональных офиса: в Баукау (Baucau), Малиане и Суае (Suai). Следственные специалисты работали пятью подгруппами, в каждой из которых были: 1 международный юридический координатор, 1 местный юрист, 2 международных следователя, и 2 переводчика. Помимо непосредственно расследования преступлений, СГТП оказывала помощь в организации подготовки личного состава различных международных и местных организаций, в частности национальной полиции, путем проведения семинаров и краткосрочных курсов по отдельным вопросам уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Мандат СГТП отличался от мандата своей предшественницы – в её компетенцию входило только расследование тяжких преступлений, совершенных в 1999 году. Поддержание обвинения в суде находится в исключительной компетенции Офиса Генерального прокурора Демократической республики Тимор-Лешти. Несмотря на то, что международный персонал Следственной группы находились на контрактах с ООН, все её сотрудники работали под непосредственным руководством и контролем Офиса Генерального прокурора.

В соответствии с соглашением¹, все следственные действия проводились в соответствии с УПК Восточного Тимора. Специалисты СГТП проводили в основном действия, направленные на установление подозреваемых и свидетелей, организовывали их допросы и оказывали помощь в поиске массовых захоронений и их эксгумации. За время работы СГТП и специального суда, с февраля 2008 по июнь 2013 года, была проделана огромная работа, были опрошены тысячи свидетелей, допрошены сотни подозреваемых и обвиняемых, было произведено множество эксгумаций и экспертиз.

С первых же дней следователям СГТП пришлось столкнуться с множеством проблем, начиная с логистики, обеспечения автотранспортом, необходимым

¹ См. Вышеук. Соглашение между ООН и Правительством там же, секция 4.2.3.

оборудованием для проведения следственных действий, обеспечением безопасности следственных групп, а также укомплектованием следственных групп профессиональными кадрами. Исследователи Международного центра правосудия переходного периода (англ.: *International Centre for Transitional Justice*) отмечали, что многие проблемы решались посредством личной инициативы и находчивости работников СГТП¹. Работавшие в Группе коллеги вспоминают добрым словом и признают заслуги в обеспечении «боеготовности СГТП» её руководителю, ныне покойному, и в полном смысле слова своему старшему, господину Мареку Михону. Он, несмотря на все трудности, буквально с боем выбивал для своих подчинённых авто- и авиатранспорт, оргтехнику и другое оборудование, необходимое для офисов и выездной работы, а также помогал решать многие другие, большие и малые, бытовые проблемы. Из-за многих разного рода трудностей, по единому мнению участников Группы, «на раскачку», пока СГТП начало работать на полную мощность, было потрачено слишком много времени.

Несмотря на то, что как таковых, законодательно-установленных сроков расследования в применяемом законе не существовало. Поэтому, сроки проведения отдельных действий и подготовки материалов для передачи прокурору устанавливались индивидуально по отношению к каждому действию или комплексу действий. В следственных группах были также «приданные силы» из местных следователей, однако, по впечатлениям работников СГТП, реальной помощи от них как правило не было, а, скорее, наоборот.

Как мы видим, кратко выше рассмотренные особенности работы международной следственной группы в Тиморе Лешти полностью «встраивается» в кратко охарактеризованную автором в ряде прошлых работ общую теорию

¹ Impunity in Timor-Leste: Can the Serious Crimes Investigation Team Make a Difference? Report, 2010, p. 30 // Вебсайт Международного Центра Правосудия Переходного периода (International Centre for Transitional Justice) [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.ictj.org/publication/impunity-timor-leste-can-serious-crimes-investigation-team-make-difference> (дата обращения 15.04.2018).

расследования преступлений на постконфликтных территориях, правовые и практические предпосылки приглашения иностранных специалистов, а также отражает практические особенности деятельности¹. Поэтому, можно заключить, что закономерности в такого рода расследованиях, осуществляемых международными специалистами, несомненно имеют место. Кроме того, в данном примере просматриваются и положительный эффект проведения таких расследований на фоне практически дисфункциональной системы местного правосудия, которая не могла сама справиться с большим объёмом работы и со сложным процессом доказывания военных преступлений.

Следственная группа ООН по ИГИЛ (ДАИШ)

С июня 2014 года по декабрь 2017 года так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), известное также как «ДАИШ» (далее - ИГИЛ (ДАИШ)), контролировало значительные участки иракской территории. После их освобождения появилось множество сведений о совершенных ИГИЛ (ДАИШ) преступлениях в отношении местного населения, в том числе казней, пыток, нападений на этнической и религиозной почве, изнасилований. Тогда же были обнаружены более двухсот мест массовых захоронений.

Международным сообществом была подчеркнута исключительная важность привлечения руководителей ИГИЛ (ДАИШ) к ответственности за совершенные преступления. Подробное и основанное на фактах описание этих преступных деяний в ходе судебных процессов может сыграть важную роль в дискредитации

¹ См. напр.: Антонов А.Н. Григорьев В.Н. К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооружённого конфликта // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. № 1. 2008 г. С. 329-332; Антонов А.Н. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами // Международное правосудие № 2(14) - 2015, С. 99 – 113 (ISSN: 2226-2059); Антонов А.Н. Некоторые особенности организации работы международных следственных подразделений на постконфликтных территориях // Теоретико-прикладные направления развития правовой системы общества. Сборник научных статей в 3 ч., Ч. 2. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь, 2016, С. 3-13.

идеологии ИГИЛ, позволив сдержать дальнейшее распространение воинствующего экстремизма.

В августе 2017 года правительство Ирака обратилось к международному сообществу с просьбой содействовать в привлечении членов ИГИЛ (ДАИШ) к уголовной ответственности. В частности, правительство просило об оказании практической и методической помощи в расследовании преступлений на иракской территории.

После серьёзной подготовительной работы, летом 2018 года, Специальная Следственная группа по содействию привлечения ИГИЛ (ДАИШ) к ответственности, созданная Советом безопасности (далее – СБ) ООН (Резолюция СБ ООН № 2379(2017)) начала работать в Ираке¹. Из официального полного её названия (англ.: *United Nations Investigative Team to support domestic efforts to hold Islamic State in Iraq and the Levant ISIL/Da'esh; UNITAD*) прямо следует, что следственная группа (далее – ССГ) призвана в первую очередь поддержать усилия национальных усилий, направленных на привлечение к ответственности членов этой террористической группировки. В её состав входят международные и иракские следователи, иракские следственные судьи, аналитики, специалисты по защите свидетелей, которые работают на равноправной основе под руководством Специального советника – руководителя ССГ.

Группа уполномочена собирать доказательства, касающиеся совершенных действий ИГИЛ (ДАИШ) в Ираке, которые могут быть квалифицированы как военные преступления, преступления против человечности и геноцид. Для этого она может проводить опросы, собирать показания очевидцев, получать информацию и документы и собирать материалы для криминалистических

¹ См.: Первый доклад Специального советника и главы Следственной группы Организации Объединённых Наций по содействию привлечению ИГИЛ (ДАИШ) к ответственности Документ ООН S/2018/1031 // Сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/11/N1837466_RU.pdf (дата обращения 05.09.2019).

экспертиз. Следственная группа также уполномочена оценивать собранную информацию, исходя из её надёжности и доказательной ценности, выявлять пробелы в доказательственной базе и принимать возможные и целесообразные меры для устранения таких пробелов. Вся её деятельность должна производиться «с соблюдением высочайших стандартов»¹ и следующих обозначенных для неё принципов деятельности:

1. беспристрастность и независимость;
2. обеспечение поддержки её деятельности в Ираке;
3. соблюдение международных стандартов и применение передовых методов расследования;
4. сосредоточение внимания на лицах, вероятно несущих наибольшую ответственность.

Вопрос о том, где и в какой форме будут проходить в будущем суды над военными преступниками пока не разрешён. Основная решаемая задача в настоящее время – это оперативное получение и должная фиксация на необходимом качественном уровне как можно большего массива информации, которая в дальнейшем может быть использована в качестве доказательств в различных процессах против ИГИЛ (ДАИШ), как уголовных, так и иных.

Как уточнено в её мандате, ССГ может: 1) собирать доказательства самостоятельно или 2) осуществлять действия в дополнение к расследованиям, проводимым иракскими властями или расследованиям, проводимым по просьбе этих властей иными иным субъектами. Представляется, что своей деятельностью Группа сможет поднять проводимые расследования до уровня, как минимум

¹ См.: Компетенция Следственной группы... §§ 2 и далее. Документ ООН S/2018/118 // Сайт ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2018/118> (дата обращения 10.09.2019).

удовлетворяющего требования международных стандартов прав человека в части расследования незаконного причинения смерти¹.

Деятельность эта может осуществляться как в Ираке, так и за его пределами. Собранные доказательства и иные материалы в первую очередь должны максимально широко применяться в национальных судах. Однако, не исключено их использование и в иных процессах а рамках правосудия переходного периода, как иракских национальных (например, комиссии по установлению фактов и/или по примирению), так и в судебных процессах в третьих странах, а также и международным органам правосудия (как, например, Международный уголовный суд).

Помимо общего документа, разграничивающего полномочия ССГ (англ.: *Terms of Reference, ToR*), следственная группа должна разработать и утвердить для своих нужд процессуальные нормы по сбору, сохранению и обеспечению безопасности доказательств и иных собранных материалов и сведений. Эти нормы должны основываться на максимально высоких стандартах, согласующихся с Уставом ООН, передовом опыте, нормах международного права, включая международное право в области прав человека, а также соответствующей судебной практике в целях обеспечения возможности максимально широкого использования и допустимости таких доказательств и материалов в национальных следственных органах и национальных судах. При утверждении этих норм Следственная группа должна принимать во внимание иракское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, поскольку собранные доказательства предназначены прежде всего для их дальнейшего использования компетентными иракскими властями. По истечении срока действия мандата, ООН и правительство Ирака должны будут согласовать меры обеспечения сохранности оригиналов доказательств и иных

¹ См. напр.: Антонов А.Н. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами // Международное правосудие № 2(14) - 2015, С. 99 – 113.

материалов, собранных ССГ, а также иных материалов и аналитических выкладок, ею подготовленных¹.

Есть в положении о ССГ и отдельные моменты, никак не помогающие прояснить вопросы её компетенции и связанные с ней процессуальные моменты.

Так, ст. 20 говорит о том, что следственная группа будет прилагать усилия к получению у свидетелей и любых других информаторов осознанного согласия, позволяющего предоставлять имеющиеся доказательства в распоряжение иракских и других внутренних следственных, прокурорских и судебных органов, а также любых других компетентных органов, как это определено в соглашении с правительством Ирака. Однако, ст. 27 говорит о том, что ССГ будет обмениваться доказательствами с компетентными иракскими властями, руководствуясь своими процессуальными правилами. Статья же 45 опять говорит о необходимости координации с иракскими властями вопросов, связанных с порядком дальнейшего использования собранных ССГ и находящихся у неё на хранении в Ираке доказательств совершения преступлений при проведении справедливых и независимых уголовных процессов² в соответствии с положениями настоящего круга ведения.

Далее, в соответствии со ст. 26, собранные Группой доказательства, иные материалы и аналитические выкладки, предназначены «исключительно для использования в рамках справедливых и независимых уголовных процессов, проводимых компетентными национальными судами в Ираке и в третьих государствах». Однако уже ст. 27 подчёркивает, что оные «предназначаются прежде всего для компетентных иракских властей» (подчёркивание добавлено автором) и что действует ССГ «на основе полного уважения Конституции Ирака и соответствующих иракских законов и права Ирака на осуществление юрисдикции

¹ См.: Там же, § 10.

² Неясно, кто и по каким критериям будет определять степень независимости и беспристрастности процессов. Можно ли назвать таковым иракский процесс на Саддамом Хусейном, закончившийся смертным приговором?

в отношении преступлений, совершенных на его территории». Более того, ст. 32 говорит о том, что ССГ «имеет право заключать соглашения с любым государством или субъектом в интересах осуществления ее мандата».

Несмотря на определённые правовые неясности и практические трудности начального этапа работы, ССГ практически вышла на «проектную мощность». Как сказано в докладе Совету Безопасности ООН в июле 2019 года, группа уже массово собирает документы на бумажных и цифровых носителях, свидетельские показания и материалы криминалистических экспертиз. Начальные следственные действия концентрируются на трёх основных эпизодах: нападения ИГИЛ (ДАИШ) на население национальности язиди в регионе Синжар в августе 2014 года, преступления террористов в Мосуле с 2014 по 2016 годы, а также массовое убийство безоружных иракских кадетов академии ВВС Ирака в Тикрите, совершённое в июне 2014 года¹.

Там же руководитель ССГ заявил, что «за последние две недели ССГ получила доступ к более чем 600000 видеозаписей, касающихся преступлений ИГИЛ (ДАИШ), имеющих прямое отношение к расследуемым преступлениям, а также к более чем 15000 страниц внутренних документов ИГИЛ, собранных в местах боевых столкновений в процессе журналистских расследований». Он также весьма положительно отозвался об уровне взаимодействия с властями Ирака и с Региональным правительством Курдистана, результатом чего явились успешные криминалистические исследования и сбор необходимых материалов в нескольких местах массовых захоронений. Он подчеркнул важность того, что работа ССГ должна дополнять расследования, проводимые иракскими властями².

В заключение скажем, что создание ССГ произошло на фоне проходящей значительной реформы ООН, как по форме, так и по существу, а также достаточно

¹ См.: Investigative Team Making ‘Significant Progress’... Доклад Председателя ССГ Совбезу ООН на его 8573 заседании 15 июля 2019 г. // Сайт ООН [электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2019/sc13882.doc.htm> (дата обращения 12.09.2019).

² Там же.

серьёзного финансового кризиса самой Организации. Ещё в 2000 году группа специалистов, разработавших под руководством г-на Лахдара Брахими, представила ряд рекомендаций по повышению эффективности деятельности Организации¹. Среди прочего, было рекомендовано воздерживаться от создания мандатов структурных подразделений Департамента миротворческих операций ООН – Миротворческих миссий ООН, которые возлагали бы на них властные функции каких либо ветвей государственной власти или управления (англ.: *executive mandates*).

Международные следственные подразделения, несомненно, оставили много положительного «наследия» в регионах, где они работали, как например в Восточном Тиморе, Камбодже и Сьерра Леоне, Косово и других. Однако, реализация этого материала местными структурами, к сожалению, зачастую затруднено впоследствии различия процессуальных стандартов. В той же Боснии специальному Офису прокурора по военным преступлениям приходилось заново передопрашивать свидетелей и проводить другие следственные действия, чтобы реализовать информацию и облечь в надлежащую форму полученные из Гаагского трибунала материалы, которые там считались доказательствами.

Розыск и задержание подозреваемых

Международные следственные подразделения как правило имеют в своей структуре специальные подразделения, занимающиеся розыском и арестом подозреваемых и обвиняемых. В начале своей деятельности, полиция МООНК занималась розыском самостоятельно, без содействия отсутствующих структур местной полиции и без какого-либо содействия со стороны сербской полиции². Как

¹ См.: Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (известен как «Доклад Брахими»), 21 августа 2000 г. Документ ООН № A/55/305-S/2000/809, §§ 19-20 // Сайт ООН [электронный ресурс] – режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/55/305> (дата обращения 08.09.2022).

² См. напр.: Замылин, Е.И., Закатов А.А. Отдельные следственные действия и их роль в розыске скрывшихся преступников и иных объектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 8-17.

мы уже упоминали выше, при полном отсутствии баз данных «криминальной» направленности, также как и баз данных регистрации граждан, работа эта была далеко не из лёгких. Возникали большие проблемы, связанные как с поиском и задержанием субъектов вообще, так и с установлением их личности. Однако и на более поздних стадиях работы полиции и прокуроров МООНК, ошибки случались. Так, в одном из уголовных дел о военных преступлениях, расследование по которому автор координировал как помощник международного прокурора, подозреваемый, экстрадированный из Швейцарии, при совпадении имени, фамилии, даты и места рождения, на деле оказался не тем, кого пыталась «достать» международная следственная бригада. ООН пришлось оплачивать не только билет Женева – Приштина, но и оплатить обратный полёт.

Особую сложность для полицейских-европейцев представляет необходимость различения интересующих их лиц по внешнему виду или фотографиям африканских и азиатских странах (т.е. представителей негроидной и монголоидной рас). В этом нет ни дискриминации, ни какого-либо неуважения к ним, просто сначала, без привычки, многие из них просто кажутся на одно лицо. Наши коллеги, работающие с китайскими «гастарбайтерами» это охотно подтвердят. Также известно, что такое «слабое место» следователя может и будет использовано настоящими преступниками для ухода от ответственности и для направления следствия по ложному пути.

Поэтому, при планируемом выезде в такие регионы, необходимо отдельно подготовиться к работе с лицами непривычной внешности. Особое внимание необходимо уделять как можно более точному описанию искомого субъекта как посредством словесного портрета, так и по антропометрическим данным, фотографии и, желательно, особым приметам, и как можно более полной и точной фиксации полученных данных в соответствующих протоколах и других документах.

При наличии информации о том, что кто-то из них находится за пределами государства, где производится следствие, то включается механизм взаимодействия с правоохранительными органами других стран. Когда имеется информация о конкретном местонахождении искомого лица, то подготавливается ордер на арест, который направляется по дипломатическим каналам в соответствующее государство с запросом на оказание правовой помощи, его аресте, заключении под стражу и выдаче запрашивающей стороне. Если же информации о точном местонахождении лица за границей нет, также готовится международный ордер на арест, для реализации которого обычно используется международная полицейская организация Интерпол. Она уже доказала свою действенность и на сегодняшний день является наиболее эффективной для решения таких задач международного характера¹.

Ордер на международный арест передается в региональное отделение Интерпола, где на его основании готовится так называемая «Красная карта» (англ.: *Red notice*)². Она выставляется в поисковой базе этой организации, к которой имеют равный доступ все страны – участники³. С момента выставления карты данные по субъекту ордера проверяются по всему массиву данных о лицах, представляющих интерес для правосудия, имеющихся в поисковой базе. В случае ареста субъекта ордера органами какой-либо из этих стран через систему региональных представительств Интерпола в суд, выдавший ордер, направляется уведомление об произведенном аресте. Как правило такое уведомление содержит предложение предоставить документы, достаточные для решения вопроса о последующей

¹ См. подробнее: Илларионов В.П. Путова И.В. Правовые и организационно-методические аспекты международного розыска преступников. Учебное пособие. – М.: Книжный мир, 1999. - 94 с.; также: Григорьев, В.Н. О новой концепции в исследовании международного розыска [Текст] / В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, М.Ю. Тарасов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39 (21). С. 15-25.

² См. на официальном сайте Интерпола [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.interpol.int/Public/ICPO/FactSheets/GI02.pdf> (дата обращения 27.03.2018).

³ См. на официальном сайте Интерпола [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.interpol.int/Public/ICPO/Members/default.asp> (дата обращения 27.03.2018).

экстрадиции субъекта или его судебного преследования в стране, где был произведен арест. Передача документов, подтверждающих законность и обоснованность задержания и необходимых для экстрадиции, происходит по дипломатическим каналам, как правило на основании двусторонних договоров о правовой помощи и сотрудничестве.

Необходимо также отметить положительный опыт сотрудничества международных следственных подразделений с Международной организацией уголовной полиции – Интерпол. Россия, как правопреемница СССР, является её членом с 1990 года. Официально взаимодействие ООН Интерпол началось в 1997 году, когда было подписано двустороннее соглашение. С тех пор полицейское подразделение ДМО ООН тесно сотрудничало с миротворческими миссиями ООН по вопросу укрепления потенциала Национальных центральных бюро Интерпола принимающих государств с целью оптимизации доступа последних к базам данных Интерпола и других международных универсальных и региональных полицейских организаций¹.

Как мы уже неоднократно отмечали ранее, из-за своих уникальных статуса и функций Миссия ООН в Косово показала необходимость изменения многих протоколов, планов и механизмов действий. Поскольку Полиция МООНК выполняла занималась обычной полицейской работой, а направлять и получать запросы через НЦБ Интерпола Сербии не позволяли политические интересы, возникла необходимость прямого обмена информацией с Интерпол. Поэтому, на рассмотрении 70 сессии Генеральной Ассамблеи Интерпол был вынесен вопрос о разрешении обмена информацией с межгосударственными организациями. После обсуждения, ГА Интерпол приняла соответствующую резолюцию, разрешающую

¹ См.: Зверев П.Г. Сотрудничество Организации объединённых наций и Международной организации уголовной полиции (Интерпол) по вопросам международного миротворчества // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. Навстречу 300-летию российской полиции. Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 года, под ред. д. ю. н., проф. Н. С. Нижник, том II, С. 300.

такое прямое сотрудничество и обмен информацией, без участия национальных бюро.¹

В результате этого, в декабре 2002 года между Интерпол и МООНК был подписан Меморандум о взаимопонимании «О сотрудничестве в областях предотвращения преступности и уголовного правосудия»². В приложении к нему оговаривались условия, на которых МООНК получал доступ к коммуникационной сети и базам данных Интерпол и правила работы с информацией, в соответствии с нормами Интерпол. Уже с января 2003 года и до настоящего времени в структуре Полиции МООНК существует Отдел по взаимодействию с Интерпол (англ.: *Interpol Liaison Office*). Фактически этот офис получил такие же полномочия и статус, как и НЦБ Интерпола. Сейчас это единственная исполнительная функция, до сих пор выполняемая международной гражданской полицией ООН в Косово.

Специально создаваемые под конкретную задачу международные следственные подразделения редко имеют свой специальный доступ в эту систему, поскольку они не представляют какое-то конкретное государство – член Интерпола. На практике эта проблема решается следующими способами:

- В формате общего договора о сотрудничестве между Интерполом и организацией, формирующей следственную группу (как, например, между ООН и Интерпол³);
- заключением отдельных Протоколов о сотрудничестве (Меморандумов о взаимопонимании) между международным правоохранительным

¹ См.: Резолюция ГА Интерпол «Сотрудничество с гражданской полицией ООН и правила, регулирующие доступ межгосударственных организаций к коммуникационной сети и базам данных Интерпол, № AG-2001-RES-08

² Memorandum of Understanding between the International Criminal Police Organization – Interpol and the United Nations Interim Organization Mission in Kosovo on Cooperation in Crime Prevention and Criminal Justice, December 2002, 4 p.; with an annex: Agreement concerning Access by UNMIK to Interpol's Telecommunication System and Databases, 3 p.

³ См. на сайте Интерпола [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/International-Cooperation-Agreements> (дата обращения 28.03.2018).

подразделением и Интерполом (например, с Офисом прокурора Международного уголовного суда¹);

- с использованием НЦБ Интерпола принимающего государства;
- посредством личных связей работников следственных подразделений с национальными бюро Интерпола своих государств (не совсем легитимный).

Последний способ, конечно, нелегитимен с точки зрения обязательств стран – участников Интерпола и иных официально сотрудничающих с ним организаций по отношению к сохранности конфиденциальной информации. В случае, если информация о таком «неофициальном» сотрудничестве станет известна Интерполу, то последуют как личные дисциплинарные санкции против непосредственных исполнителей, так ужесточение, до разрыва, отношений с вовлечённым государством или организацией. Кроме того, нет возможности использования таких данных в официальных процедурах, а относиться к ней только как к оперативной информации.

В практике автора был случай, когда проверкой было установлено, что прикомандированный сотрудник полицейского компонента Миссии ООН в Косово на протяжении более двух лет передавал копии своему бывшему руководителю, покинувшему МООНК задолго до этого. Получив информацию о нарушении положений соглашения между МООНК и Интерпол, последний приостановил доступ Миссии к базе данных Интерпола до выяснения обстоятельств и потребовал проведения полного расследования. После административного расследования, проведённого Управлением служб внутреннего надзора ООН (OIOS), Организация потребовала от государства, направившего этого офицера, применения к нему жёстких дисциплинарных санкций, в результате чего он был уволен из органов. Руководителю, получавшему информацию, была запрещена дальнейшая работа в ООН. Кроме того, отдел по сотрудничеству с Интерпол МООНК был подвергнут

¹ См. там же.

полному аудиту со стороны Интерпола, в процессе которого был выявлен целый ряд недостатков.

Задержание подозреваемых по делам, находящимся в ведении международных следственных подразделений, как правило проводится международными специалистами либо специальными приданными силами. Так, в работе Специальных палат по военным преступлениям в Боснии, аресты подозреваемых проводились специальным Государственным следственным и защитным агентством (англ.: *State Investigation and Protection Agency, SIPA*)¹. В Косово в 1999 – 2008 годах арестами занимались полицейские из подразделения Полиции МООНК по расследованию военных преступлений.

В случае, если задержание произведено внутри страны местными полицейскими подразделениями, передача искомого лица международным специалистам должно производиться как можно раньше. Для этого необходимо иметь подготовленными черновой комплект документов, необходимых для такой передаче, в котором нужно только проставить даты и места, чтобы не терять времени на бюрократические моменты.

Когда задержания подозреваемых происходят на основе ордеров, переданных в Интерпол, в действие включаются дипломатические каналы международного правового сотрудничества. В этих случаях также необходимо действовать как можно быстрее, т.к. арестованный подозреваемый может быть просто отпущен в стране, его задержавшей, если вовремя не будут предоставлены документы, обосновывающие легитимность ордера на арест и дающие возможность суду того государства принять положительное решение о передаче арестованного в вашу юрисдикцию.

К сожалению, зачастую в этот процесс вмешиваются политические силы. Опять же, одним из ярких примеров этого является длящийся конфликт по поводу

¹ См. SIPA официальный сайт [электронный ресурс] - режим доступа - <http://www.sipa.gov.ba/en> (дата обращения 22.04.2018).

международных ордеров на арест косовских и боснийских лидеров вооружённых формирований, которые по мнению Сербии причастны к совершению военных преступлений. В частности, ордера против косовских лидеров Хашима Тачи и Рамуша Харадиная уже несколько раз активировались и деактивировались в системе Интерпола. В последний раз их опять восстановили в апреле 2018, после протеста сербской делегации¹. Примерно такой же конфликт существуют по поводу боснийско-мусульманского лидера, связанного с преступлениями против сербского населения в округе Сребреницы Насера Орича (отпущенного МТБЮ)². В этой связи опять оговоримся, что несомненно расследования международными специалистами на постконфликтных территориях вообще, а военных преступлений в частности, практически невозможно без политической воли. Заблокировать или «свести на нет» можно любые усилия международного сообщества.

Конвоирование и содержание под стражей

Как правило, действия по содержанию под стражей и конвоированию подозреваемых/обвиняемых проводятся исключительно международными сотрудниками. В Косово на начальных этапах это были военные подразделения КФОР, далее – подразделение специального сопровождения (англ.: *High Risk Escort*) Полиции МООНК. В отдельных случаях, даже на более поздних стадиях работы Миссии, конвоирование производилось совместными усилиями международных военных и полицейских. В любом случае, по каждому подозреваемому рекомендуется проводить оценку риска (англ.: *Risk Assessment*), на

¹ См. напр.: Arrest Warrant for Ramush Haradinaj Revoked by Interpol? // Telegraph.Rs [электронный ресурс] - Режим доступа - <http://www.telegraf.rs/english/2916766-arrest-warrant-for-ramush-haradinaj-revoked-by-interpol-18-people-from-kosovo-wanted-by-serbia-removed-from-the-list> (дата обращения 22.04.2018); Arrest warrants for Thaci, others back in Interpol system // B92.net [электронный ресурс] - Режим доступа - https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2018&mm=04&dd=12&nav_id=103922 (дата обращения 22.04.2018).

² См. напр.: Interpol Serbia Issues International Warrant for Naser Oric's Arrest // Inserbia.Info [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://inserbia.info/today/2014/02/interpol-serbia-issues-international-warrant-for-orics-arrest/> (дата обращения 22.04.2018).

основании чего будет решён вопрос об условиях содержания и режиме транспортировки.

Для правильной оценки риска при организации содержания задержанных под стражей на постконфликтных территориях также на первый план выходит вопрос национальной принадлежности задержанных и необходимость отдельного содержания представителей конфликтующих сторон, во избежание насилия в местах временного содержания.

Как мы уже упоминали выше, в Косово существовала совместная практика Главы МООНК и командующего КФОР о внесудебном заключении под стражу на основании так называемых «Исполнительных приказов» на территории военной базы США в Косово «Бондстил» (англ.: *Bondsteel*). ПКК в Косово даже вскрыла несколько случаев пропажи людей после из содержания под стражей на базе КФОР «Бондстил» и установила нарушения МООНК требований статьей 2 и 3 Европейской конвенции¹. После получения ряда жалоб эта практика была детально изучена и встретила очень жёсткую критику международного Омбудсмана в Косово². Вследствие этого она была упразднена, как противоречащая международным нормам прав человека.

Однако, в данном случае критика Омбудсмана была направлена не на условия в месте содержания задержанных (территория военной базы), а на правовой режим их задержания и временного лишения свободы, когда они были лишены какой-либо защиты и содержались порой вообще без каких-либо сведений о причинах своего задержания. Такое содержание под стражей сродни печально известной тюрьме на базе Гуантанамо на Кубе.

Содержать заключённых, представляющих реальную опасность, на военных базах можно и нужно, если есть такая возможность. Однако, это должно находиться

¹ См.: HRAP, *Z.B. v UNMIK*, no. 229/09 et al, opinion of 14 December 2014, §§ 92-94, 103 and 134.

² См.: там же, §§ 8-32.

в пределах публичного правового поля, в рамках уголовного процесса с обеспечением всех прав, а не осуществляться на основании неких секретных распоряжений. Против последних и направлена критика и правомерность последних однозначно не признаётся правозащитниками не в России, не в мире.

В заключение этого раздела, особо отметим, что имеющийся опыт работы международных следственных подразделений на постконфликтных территориях однозначно говорит о том, что для достижения ими своих целей (эффективного проведения расследований, чего, собственно, от них и ждут) отдельные функции правоохранительной деятельности просто необходимо «резервировать» для выполнения исключительно международными специалистами. Причин для этого много, но это требует от «международников» особого планирования и напряжения сил, как умственных, так и физических.

§ 4. Особенности кадрового и материально-технического обеспечения правоохранительных структур и органов, созданных межгосударственными и международными организациями для расследования преступлений, связанных с конфликтом

Среди основных вопросов административного плана, подлежащих разрешению безотлагательно, можно назвать два: кадровое и материально-техническое обеспечение. Возвращаясь к деятельности Чрезвычайной следственной комиссии в 1915-1916 годах (см. в § 3 главы I выше), вспомним, что вопросы общего штатного количества были уже оговорены ранее, в предложении, наряду с общей юрисдикцией Комиссии, применяемом праве и т.д. предоставленном Императору на утверждение. Она должна была действовать «под председательствомъ одного из Сенаторовъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената» и состоять из семи членов, «в том числе Члена Государственнаго Совѣта по выборамъ и одного Члена

Государственной Думы. ... В распоряжение [ЧСК] командировается необходимое число чинов для дѣлопроизводства по канцеляріи и исполненія порученій...»¹.

Чуть более месяца спустя после получения, Высочайшего Императорского согласия, 16 мая 2015 года, Министерство юстиции направило запрос на выделение средств в размере 75.600 рублей на расходы Комиссии, «за счет наличныхъ средствъ государственнаго казначейства», как «чрезвычайный сверхсмѣтный кредитъ»². Там же был определён состав Канцелярии, призванной обеспечить работу Комиссии – семь чиновников по особым поручениям и шесть делопроизводителей.

В зависимости от источника поступления финансовых средств для материально-технического обеспечения, а также подбора кадровых ресурсов, можно выделить три вида международных следственных групп:

- 1) находящиеся на полном **международном** обеспечении;
- 2) **смешанного** обеспечения;
- 3) **местного** обеспечения.

Одно из основных особенностей обеспечения следственных подразделений первого вида в том, что их деятельность как правило рассматривается в рамках определённого «проекта», направленного на достижение конкретных целей четко установленными средствами в обозначенные временные рамки (англ.: *ad hoc*). Соответственно, имеется четкая программа реализации такого проекта, выделенный под неё бюджет и план работы.

В соответствии со сложившейся практикой, перед созданием международного подразделения под эгидой ООН, на территорию будущей дислокации направляется оперативная мобильная группа, формируемая из числа

¹ См.: Дело Канцелярии Совета Министров. Об учреждении Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками. 26 февраля - 9 декабря. - 1915. (77 листов) – С. 48 (Фонд Совета Министров. Опись № 11. 1915 год) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 110.

² См.: там же – С. 52-58.

сотрудников вышеупомянутого Постоянного полицейского присутствия. После изучения обстановки группа ППП составляет доклад, в котором проводит обзор реальных потребностей будущей миссии ООН в полицейском компоненте. На его основе предлагается количество подлежащего привлечению полицейского персонала, обозначаются основные направления деятельности (например, наблюдатели, инструктора, либо исполнители различных полицейских функций), общая структура, штатное расписание конкретных подразделений и т.п.

Также, в данном докладе как правило содержатся практические рекомендации, связанные с географическим, национальным или профессиональным составом полицейских, направляемых в миротворческую миссию. Необходимо отметить, что существуют определённые ограничения, связанные с привлечением миротворцев из стран, соседствующих с зоной конфликта. Например, в составе международной гражданской полиции МООНК в первые 3 года существования Миссии не было полицейских из Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении (бывших республик СФРЮ). До настоящего времени в полиции EULEX в Косово до сих пор нет представителей Македонии и Албании.

В 1999 году в бюджете МООНК предусматривалось финансирование 4718 позиций международных полицейских, что составляло чуть меньше половины всего персонала Миссии, при её общем бюджете более 456 миллионов долларов США¹. Естественно, данная цифра корректируется в зависимости от потребностей. Уже в 2008 году количество международных полицейских в Косово уже было

¹ Документ ООН A/54/622 от 19 ноября 1999 г. Financing of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. Report of the Advisory Committee on Administrative and Budgetary Questions, § 2 // Электронный ресурс. – Режим доступа. – <http://repository.un.org/handle/11176/227760> (дата обращения 17.01.2018).

сокращено до 1565 человек¹, а уже к 2011/12 бюджетному году вся полиция МООНК насчитывала всего 8 человек².

В бюджете предусмотрено всё, от количества следователей и прокуроров и уровнях оплаты их труда, до сумм на возмещение расходов свидетелей или на содержание заключённых. Понятно, что такие комплексные документы разрабатываются специальными подразделениями бюджетного планирования с учетом огромного множества факторов. В результате, при безусловно положительном факторе – отсутствии дефицита средств, оперативность реагирования бюджета на изменяющуюся обстановку оставляет желать лучшего.

Кроме того, отдельные административные подразделения могут быть настолько массивными, что затраты на их содержание будут занимать треть бюджета или больше. С другой стороны, организация нормального функционирования правоохранительных органов требует огромных усилий. Это и аренда помещений, организация связи, закупка и обслуживание оборудования и транспорта, контракты на оказание услуг и выполнение работ, заключение двух- и многосторонних договоров о статусе персонала и т.д. Решать эти вопросы проще, когда бюджеты правоохранительных органов, «встроенных» в структуры действующих Миссий, такие как бывший Департамент правосудия и Международная полиция МООНК, Следственная группа по расследованию тяжких преступлений при Миссии ООН в Тиморе-Лешти³, являются частями общего

¹ Доклад Консультативного комитета ООН по административным и бюджетным вопросам Финансирование Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, 5 июня 2008 г., документ ООН № A/62/781/Add.18 [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.un.org/ga/acabq/document/a62781add18?language=ru> (дата обращения 27 ноября 2022).

² Документ ООН A/66/718/Add.7 от 5 апреля 2012 г. Budget performance for the period from 1 July 2010 to 30 June 2011 and proposed budget for the period from 1 July 2012 to 30 June 2013 of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. Report of the Advisory Committee on Administrative and Budgetary Questions, §13 // Электронный ресурс.– Режим доступа. – <http://digitallibrary.un.org/record/724977> (дата обращения 17.01.2018).

³ См.: Официальная страница Следственной группы по расследованию тяжких преступлений при Миссии ООН в Тиморе-Лешти // Электронный ресурс. – Режим доступа. – <http://unmit.unmissions.org/Default.aspx?tabid=12067&language=en-US> (дата обращения 1.11.2012).

бюджета. Основные задачи по обеспечению всем необходимым, вместо создания «своих» административных структур, решают соответствующие службы Миссии. Однако, при всей выгодности такой организации на первый взгляд, имеется и ряд очень серьёзных недостатков. Наиболее существенным является «обезличенность» подхода к обеспечению следственных подразделений всем необходимым.

Дело в том, что административные службы руководствуются общими документами ООН, применяют существующие базовые стандарты, которые рассчитаны на штатную единицу персонала любой миротворческой Миссии, с небольшими поправками и изменениями в зависимости от места её развертывания. Так, помимо заработной платы и командировочных, каждому работнику ООН положен бронежилет и голубая каска, а также дополнительные предметы в зависимости от места нахождения (плащ-палатки, репелленты, резиновые сапоги и т.д.). «Снабженцы» ООН далеки от особенностей следственной деятельности, и соответственно особые «запросы» по части их материально-технического снабжения и условий работы зачастую просто не понимаются.

Например, когда при организации допросов в Косово возникла необходимость в приобретении устройств изменения голоса свидетеля для сокрытия его личности, администрация эту покупку не одобрила, т.к. она не подпадала ни под одну из позиций электронного оборудования, обычного для миротворческих миссий ООН. Решить эту проблему удалось только с привлечением средств из Консолидированного бюджета Косова (англ.: *Kosovo Consolidated Budget*), который до июня 2008 года полностью контролировался МООНК. Приходим к естественному выводу о том, что при всей привлекательности исключительно международного финансирования следственных подразделений, из-за большого количества административных правил и препонов, у служб поддержки порой нет возможности для быстрой реакции на изменяющиеся потребности.

Из иных норм обеспечения персонала ООН упомянем, что транспорт положен из расчёта 2 автомобиля общего назначения на 5 человек международного персонала. Обычно это полноприводные автомобили белого цвета с обязательной маркировкой знаками организации, чёрными обозначениями «UN», размещаемыми в соответствии с Конвенцией о безопасности персонала ООН¹ на бортах и крыше. Схожие «нормы положенности» существуют при обеспечении компьютерной техникой, средствами связи (радио, телефонами, сотовой и спутниковая связь), средствами навигации и т.д.

Однако, как уже отмечено выше, все нормы берутся из общих стандартов ООН, не учитывающих особенностей в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Например, рядовые следственные чемоданчики в Косово закупались также не из бюджета ООН, где опять же не было соответствующего пункта, а проплачивались из средств, выделенных для создания Полицейской службы Косова, или из вышеупомянутого Консолидированного бюджета.

Другой интересный пример связан с подбором транспорта для проведения международными полицейскими негласных мероприятий. Как описано выше, весь транспорт ООН маркирован и окрашен очень броско, что делает невозможным «слиться с массой». Можно легко представить степень [не]эффективности наружного наблюдения, проводимого с использованием такого автомобиля. Чтобы не выделяться, необходимо было использовать обычные автомобили, но бюджет Миссии для этого использовать было нельзя по вышеуказанным причинам. Решено было использовать для этих целей изъятые автомобили, оставленные их «владельцами», не имеющими документов (как правило – угнанные в европейских

¹ См.: Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала; принята резолюцией № 49/59 Генеральной ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г., ст.3 // Электронный ресурс. – Режим доступа. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/un_personnel_safety.shtml (дата обращения 1.11.2012).

странах). Благо, их «владельцы» обычно прав на них не заявляли. На такие машины были установлены местные номера, и они начали успешно использоваться.

Расходы по их содержанию покрывались опять же из сумм, выделяемых на развитие полиции Косова. Но и тут не обошлось без проблем, а основная – правовая – была связана со страхованием гражданской ответственности за ущерб, причинённый полицейским ООН, управляющим таким автомобилем в служебных целях. Поскольку страховать машины в местных фирмах, оплачивая полисы из бюджета полиции, было нельзя по понятным причинам, приходилось расплачиваться наличными, полученными из того же бюджета. Однако, впоследствии такой способ оплаты был запрещён аудиторами.

Как видим, проблемные ситуации порой возникают там, где их совершенно не ожидаешь, и связаны они бывают с обычными бытовыми вопросами. В случаях смешанного финансирования порой возникает необходимость поиска «доноров», желающих оказать финансовую помощь. Однако, к таким вливаниям необходимо относиться с большой осторожностью, т.к. можно поставить под угрозу непредвзятость следственной работы и настроить против себя общественность.

Среди особенностей и недостатков финансирования следственных групп исключительно из местного бюджета, можно отметить частый недостаток финансирования, низкую заработную плату, ограниченность выбора технических средств, и, пожалуй, как наиболее значимую - их значительную подконтрольность правительственным структурам. Совершенно понятно, что этот фактор может оказаться решающим в случаях, когда в число подозреваемых/обвиняемых попадают лица, каким-либо образом близкие правящим кругам.

При подборе международного персонала для следственных групп также существует ряд более или менее серьёзных проблем. Одна из них – это оперативность. После утверждения количества персонала начинается стадия распределения национального состава следственных групп, создание «национальных квот». К сожалению, порой на этом этапе порой начинается борьба

заинтересованных государств за получение большего количества мест, что может существенно затянуть процесс. Другой, не менее накалённый и не связанный дипломатическим этикетом, этап борьбы за ключевые места в структуре гражданской полиции миротворческих миссий начинается «на земле», по прибытии персонала к месту прохождения службы¹.

Другая проблема - это отсутствие реальной возможности контроля «качества» получаемого «человеческого материала». Дело в том, что массовым отбором полицейских для миссий ООН занимаются кадровые аппараты национальных МВД, а эксперты ООН привлекаются только для тестирования знания необходимого иностранного языка, умения водить автомобиль и при необходимости - владения личным оружием. Здесь нередки фальсификации и злоупотребления на национальном уровне. Иногда даже при выставлении конкретных требований по профессиональной подготовке или опыту работы запрашиваемого персонала, вместо обещанных профессиональных следователей прибывают сотрудники центрального аппарата, желающие заработать и получить международный опыт². Так, среди восьмидесяти полицейских, прибывших для работы в вышеупомянутой команде THOR, следователей оказалось меньше половины. И это несмотря на то, что чёткие критерии отбора были «выставлены» МООНК полицейскому департаменту Штаба ООН заранее.

Эта проблема в меньшей мере относится к следственным группам, действующим при *ad hoc* трибуналах, поскольку они комплектуются из числа кандидатов, проходящих через стандартный личный отбор персонала на работу в ООН по контракту.

¹ См. напр.: Катков, С.В. Проблемы кадрового обеспечения подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции и допустимые варианты их разрешения // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сост.: М.Л. Родичев. Санкт-Петербург, 2021. С. 171-177

² См.: Зверев П.Г. Полицейское миротворчество и международное гуманитарное право. Уфа, 2014, С. 116 – 124.

Среди особенностей набора местного персонала в смешанные и/или национальные следственные группы для работы на постконфликтной территории отметим необходимость принимать к сведению национальность кандидатов и умение общаться на местных языках на территории ответственности. В Косово, например, большое количество полицейских – албанцев говорят по-сербски (пусть и не очень хорошо), но только единицы сербов владеют албанским. Кроме того, важна информация о личном участии кандидата в прошедшем конфликте, порой и о его политических взглядах. Отдельное внимание необходимо уделять проверке принимаемых на работу переводчиков (применимо и к группам первого вида). Невнимание к этим кажущимся незначительным факторам может подорвать доверие населения к следственному подразделению и в итоге свести на «нет» все усилия.

Так, В деле МТБЮ против генерала Готовины, например, были показания сербского офицера контрразведки и одновременно офицера по связи, работавшего в Республике Сербская Краина, который сообщал, что: «до и во время операции «Буря», сообщил, что с начала 1992 года местные сербы, работавшие в международных организациях, периодически ему докладывали, находясь в составе его агентурной сети»¹.

Поэтому, представляется архиважным тщательная проверка местного персонала, нанимаемого на работу, уделяя отдельное внимание их этнической принадлежности, родственным связям, политическим приверженностям, т.е. всем моментам, которые могут поставить под вопрос его/её непредвзятость, а также сохранность секретной информации. Здесь опять подчеркнём, что при отсутствии местной полиции вообще, или отсутствии помощи с её стороны, говорить о более или менее серьёзной проверке невозможно.

¹ См.: МТБЮ приговор в деле Prosecution v. Gotovina, Cermak and Markač, IT-06-90 (15 апреля 2011), § 1686.

Порой приходится отказывать в приёме на работу совершенно блестящим молодым людям, не столько по причине недоверия их личной лояльности, а для того, чтобы не ставить их самих под угрозу. Помимо того, что к ним могут наведываться простые бандиты с просьбами поделиться зарплатой, получаемой от иностранцев (которая обычно в разы больше средней местной, а порой и выше, чем у местных высоких чиновников), к ним нередко заходят и представители «соответствующих органов», заинтересованных в получении «инсайдерской» информации о ходе работы их «иностранных коллег». Такие визиты обычно сопровождаются ультиматумами, когда в случае отказа сотрудничать личная безопасность семьи не гарантируется.

Отмечается, что среди наиболее популярных предложений по реформированию и оптимизации деятельности Департамента миротворческих операций ООН имеются следующие: 1) формирование резерва сил международной гражданской полиции; 2) диверсификация международных полицейских сил, включая создание подразделений полиции, обладающих военными навыками, для действий во враждебных ситуациях, например, для обеспечения безопасности массовых скоплений людей (англ.: *crowd control*); 3) формирование более надёжных механизмов «гражданского» реагирования, в том числе наличие юристов, судей, прокуроров и экспертов пенитенциарной системы, которые помогли бы гражданской полиции создать жизнеспособную правоохранительную структуру¹. Наличие определённого количества подготовленных и прошедших специализированный отбор специалистов, изъявивших готовность быть быстро направленными в различные точки планеты, конечно, оказывает положительный результат².

¹ См.: Зверев П.Г. Обеспечение прав человека во время международных полицейских операций. Калининград, 2016, С. 12.

² Гридчин, А. А. Повышение готовности персонала миротворческих организаций к регулированию региональных конфликтов : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.08 / А.А. Гридчин. - Орел, 2010. - 461 с.

Все три рассмотренные вида следственных групп имеют свои плюсы и минусы. Не может быть универсального ответа на вопрос, какой следственной группой будут достигнуты лучшие результаты. С другой стороны, количественный показатель как правило неприменим к оценке эффективности работы правоохранительных органов на постконфликтной территории. Иногда успешно проведённое расследование одного громкого преступления может «перевесить» сотни малозаметных уголовных дел. С другой стороны, для восстановления нормальной жизни обычных граждан порой более важна возможность правоохранительных структур быстро реагировать на ежедневные (бытовые) правонарушения, поскольку большинство граждан как правило интересуется судьбой «высоких» лидеров только постольку, поскольку это касается их личных интересов.

Порой из-за жёсткости бюджета совершенно невозможно использовать даже имеющиеся деньги на покупку каких-либо предметов, необходимых следователям, но не предусмотренным для миротворческих операций. В Косово до 2008 года эту проблему можно было частично решать за счёт использования средств Косовского бюджета, который также контролировала Миссия ООН. Но и в Косово порой приходилось искать «доноров» для решения отдельных вопросов.

Так, Секретариат ПКК МООНК, которую возглавлял автор данной работы, имел в штате только две штатные позиции юристов. На начальных стадиях организации работы ПКК планировалось, что ПКК не будет получать больше 50 жалоб в год. Однако, в 2008 году было получено 69 жалоб, в 2009 – 353 (!!!), и в 2010 – 90. Учитывая то, что все материалы необходимо было сначала перевести с сербского на английский, отставание от планируемого графика работы начало увеличиваться с ужасающей скоростью. Поскольку увеличения штата юристов ожидать было нереально, пришлось обратиться к ряду посольств с просьбой о спонсорской помощи для оплаты работы дополнительного специалиста. Правительство Норвегии выделило средства, позволившие нанять прекрасного

специалиста сроком на два года. Пока разрешались административные вопросы с этой финансовой помощью, Финляндия временно прикомандировала специалиста по правам человека сроком на шесть месяцев. Благодаря этим усилиям, количество рассмотренных жалоб с 2011 года выросло почти втрое.¹

Как видим, порой приходится искать нестандартные и «сравнительно законные» способы преодоления трудностей и формальностей для достижения цели даже в деятельности международных следственных органов.

Не устранённые или неустраняемые недостатки материально-технического обеспечения могут нанести серьёзный удар по деятельности международных следственных подразделений. Несмотря на то, что ООН, как и другие «приглашающие» организации, гарантируют обеспечение прибывающего персонала в соответствии со своими нормами, направляющие стороны также несут ответственность за определённые стороны их обеспечения.

Другим огромным фактором, оказывающим свое негативное влияние на процесс расследования преступлений, является **периодическая ротация личного состава**. Срок нахождения в миссии для представителей различных национальных контингентов варьируется между 9 и 24 месяцами. Это установлено министерствами внутренних дел стран, направляющих личный состав в миссии, и правилами Департамента по миротворческим операциям ООН.

Конечно, в следственные подразделения набираются офицеры, имеющие соответствующий опыт. Однако адаптация приступающих к работе следователей к новым условиям и правилам работы занимает месяцы. Очень часто возможность нормально работать появляется только к полугоду нахождения в миссии. Последний месяц отдается на передачу дел и подготовку к репатриации. По результатам личных подсчетов и наблюдений автора, в среднем следователи работают в подразделениях только по 8 - 9 месяцев.

¹ См.: HRAP, Final Report, June 2016, P. 129

Также отметим, что при отборе персонала необходимо также учитывать и их происхождение, т.е. гражданство, этническую принадлежность, национальность. Конечно, с точки зрения знания территории, языка и обычаев, приглашать международный персонал лучше всего было бы из прилегающих стран. Зная язык и будучи почти «местным», конечно легче начинать работать, легче получать информацию, работать с ней и так далее. Однако, граничащие государства зачастую оказываются в той или иной мере замешаны в конфликт.

Выше, говоря о необходимости скорейшего формирования международных СОГ и их «доставки» на места, мы упоминали уже работающую инициативу организации «Правосудие быстрого реагирования» Женщин ООН (англ.: *UN Women*). Уже были проведены более десяти краткосрочных курсов, успешно прошедшие которые обучающиеся были внесены в реестр специалистов, имеющих специальные познания и опыт работы в определённых областях и могущих быть направленными для краткосрочных миссий. Уже сейчас в этом реестре имеется более 600 специалистов из 106 стран, «перекрывающих» потребности в 95 языках¹. Автор данной работы сам прошёл такой курс в октябре 2016 года и с января 2017 включён в него.

Конечно, к попытке таким образом обеспечить скорейшее прибытие международных независимых СОГ к местам предполагаемых случаев совершения военных преступлений и серьёзных нарушений норм МГП, особенно в постконфликтных зонах, нужно относиться с должным уважением. Тем не менее, налицо и определённое число более или менее очевидных недостатков такого способа действия, ставящих под сомнение его практическую эффективность. Обсудим это отдельно.

¹ Англ.: Sexual and Gender-based Violence (SGBV) Justice Experts Roster // JRR [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.justicerapidresponse.org/what-we-do/jrr-roster> (дата обращения: 20.01.2018).

Во-первых, встаёт вопрос о реальной независимости специалистов, направляемых для работы на места. С одной стороны, в-принципе никто не сможет помешать «внедрить» в реестр заинтересованными структурами «нужных» людей. Однако, поскольку реестр формируется посредством достаточно длительного с сложного процесса, то быстро, в обход процедуры отбора, кого-то туда включить скорее всего не получится. С другой стороны, никакой «прозрачности» в выборе кандидатов для включения в Реестр среди тех, кто успешно прошёл курс обучения, нет. «Правосудие быстрого реагирования» принимает решение на основе результатов курса обучения. Однако, каких-либо тестов или экзаменов по его окончании нет. Мнение формируется на основании наблюдений преподавателей и представителей «Правосудия» в процессе обучения, и их субъективных заключений и рекомендаций о «профпригодности».

В то же время, сомнения вызывают как «оперативность» их прибытия на место и начала работы, так и реалистичность «чистой» выгоды от такой деятельности. Невозможно в течение нескольких часов подобрать необходимых специалистов, проинструктировать их, обеспечить всем необходимым и организовать их проезд к месту работы - зоне военных действий, или постконфликтную территорию, где, как мы уже отметили, законность и правопорядок могут отсутствовать совсем.

Формирование группы происходит в несколько этапов. Начинается процесс с получения «заявки» от «заказчика» - стороны, которой необходимы какие-то специальные познания для выполнения какой-либо функции (так называемые *terms of reference*). В соответствии с предоставленными критериями, из общего количества специалистов выбираются те, кто подходит по объективным критериям. Далее, «обезличенный» список кандидатов (без имён, национальностей и, в соответствии с нынешними требованиями, половой принадлежности) представляется «заказчику», который выбирает оттуда необходимое количество специалистов. Критерии выбора при этом могут быть совершенно различными,

порой сугубо политическими, и поэтому никогда не разглашаются. При необходимости, проводятся дополнительные собеседования.

Организаторы миссии должны получить наиболее чёткое представление о требованиях, в соответствии с конкретной ситуацией, которым в принципе должны удовлетворять выбранные специалисты. После, с теми кто подходит под описание и обладает «желаемыми качествами», необходимо связаться, и убедиться что они имеют возможность и хотят участвовать в конкретной «операции». Таким образом, быстрого формирования СОГ, включающей работников, обладающих объективно наилучшими знаниями и опытом, ожидать вряд ли стоит.

После утверждения списка подходящих кандидатов, организаторам работы необходимо позаботиться о требованиях множества протоколов, связанных с въездом персонала, ввозом необходимых средств, обеспечением безопасности СОГ, в том числе места их размещения, линиями связи, транспортом и других мероприятиях. В зависимости от такой конъюнктуры, некоторые, даже уже согласованные, кандидаты могут быть исключены. Например, нет смысла включать в следственную группу для работы в Судане или Дарфуре граждан Израиля, т.к. они просто не получают въездную визу. Для ускорения же въезда имеет смысл выбирать граждан тех стран, у которых безвизовое обращение со страной, где придётся работать.

Всё это необходимо сделать до отправки группы, протолкнув все вопросы через государственные бюрократические машины, работающие в разных местах с разной скоростью. В противном случае, жизнь участников может быть подвергнута опасности, и конечно цель всей работы окажется под угрозой. Несмотря на то, что организация «Правосудие быстрого реагирования» имеет своих специалистов по безопасности, без сотрудничества местных органов власти действовать не приходится.

Все приготовления могут занять несколько недель. В конце концов, когда международная СОГ прибудет на месте, драгоценное время первоначального этапа

расследования скорее всего будет невозвратно потеряно и работы «по горячим следам» уже не получится, а утерянную возможность сбора доказательств на первоначальном этапе следствия восполнить вряд ли удастся.

При принятии решения о формах и способах организации расследования преступлений, совершенных на территории вооружённого конфликта, необходимо учитывать множество индивидуальных факторов, связанных с конкретным конфликтом. Недостаточное внимание к отдельным, порой незаметным, обстоятельствам может поставить под угрозу всю создаваемую правоохранительную систему, а порой и привести к трагическим последствиям.

Большинство связанных с этим проблемы совершенно «не просматриваются» и не проявляют себя до момента прибытия персонала к месту выполнения своих функций. Однако незнание и неподготовленность к некоторым моментам работы в условиях постконфликтной зоны в лучшем случае будет затруднять работу и замедлять получение положительных результатов, а в худшем – поставить под угрозу всю деятельность подразделения, а порой и жизнь, и здоровье сотрудников.

Определённая стандартизация при подходе к вопросам обеспечения и подготовки, конечно, должна быть. Несмотря на это, стандартные решения должны базироваться на тщательном изучении условий, в которых придется работать сотрудникам, и на опыте сотрудников, возвращающихся с мест несения службы. Практика уже доказала, что каждая отдельная миссия обладает уникальными характеристиками, что, несомненно, должно отражаться на подготовке групп.

§ 5. Особенности организации расследования преступлений в условиях прямого правления международной администрации в зоне международного вооруженного конфликта

Очевидно, что, если обычный способ организации охраны общественного порядка вообще и следствия в частности не работает, необходимо включать

альтернативный механизм. Выше мы уже рассматривали, что для ответа на вопрос «кем», варианта три: местными или приглашёнными специалистами (в том числе зарубежными), а также смешанными группами.

Выше уже отмечалось, что процессуальные требования также применимы, но отступления от них возможны при определённых обстоятельствах, связанных в первую очередь с безопасностью вовлечённых в процесс лиц (как полицейского персонала, так и свидетелей и т.д.). Ясно, что последние тоже имеют право на жизнь, также подлежащее государственной защите. Очевидна необходимость нахождения некоего баланса между правами и законными интересами граждан с одной стороны и правами работников государственных органов - с другой. Нельзя забывать, что у полицейских тоже есть права, защищать которые также обязано государство. Кроме того, конечно, должны учитываться и интересы государства.

Определяя, какие следственные действия проводить, а какие отложить, необходимо, видимо, применять простой критерий, состоящий из двух тестов «должен» и «может». В соответствии с таким подходом, в первую очередь сконцентрировать усилия необходимо на тех действиях, которые «должны» быть произведены. Основной упор должен быть сделан на как можно более полную фиксацию обстановки места происшествия и материальных следов с целью обеспечения принципиальной возможности использования этих сведений в дальнейшем, в более спокойное время¹. Однако, даже то, что представляется необходимым, требуется делать с оглядкой на реальную ситуацию, т.е. с учётом того, «может» ли конкретное действие быть выполнено без серьёзного риска или какое-то отдельно взятое действие либо комплекс мероприятий может подождать своего часа.

¹ См. напр.: Григорьев, В.Н. Об «усеченной» методике осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях / В.Н. Григорьев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (91). – С. 100-112.

Одновременно возможна расстановка и некоторых «параллельных» приоритетов, например, связанных с тяжестью преступлений, когда внимание уделяется только наиболее тяжким преступлениям, когда заявления и сообщения об иных преступлениях только регистрируются. Мы не говорим об «экстремальных случаях», когда органы охраны правопорядка не работают вообще и подать заявление или даже просто сообщить о происшествии некуда. В таких ситуациях, как правило, вопрос стоит в первую очередь о сохранении жизни граждан, то есть о соблюдении материального требования статьи 2 ЕКПЧ (*право на жизнь*), а заботиться о процедурной её части нет смысла.

Высказываясь по данному вопросу, ЕСПЧ признаёт, что применительно к сложным послевоенным ситуациям совокупность всех вышеуказанных обязательств по расследованию преступлений «не должна возлагать невозможную или несоразмерную нагрузку» на государственные органы, а при рассмотрении жалоб оценка должна даваться только после анализа всех особенностей конкретной обстановки и контекста¹. Однако даже в непростых условиях от государственных органов, ответственных за проведение расследования, требуется соблюдение «минимальных гарантий оперативности, эффективности и беспристрастности»².

В более далёком прошлом, в июне 1999 года, для восстановления правопорядка в Косово ООН приняла решение ввести туда более 4000 международных гражданских полицейских, как части международного гражданского присутствия в Косово, или Миссии ООН в Косово. Впервые в истории Организации, гражданская полиция ООН получила исполнительные функции. Формирование Полиции МООНК было завершено к декабрю 2000. Однако даже развёртывание международной полиции не стало решением

¹ См.: ECtHR, *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, § 70; ECtHR, *Brecknell v. The United Kingdom*, no. 32457/04, judgment of 27 November 2007, § 62.

² См.: Чернышова О. Защита права на жизнь: обзор практики Европейского Суда по правам человека по жалобам против Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия, 2013, № 5(35), С. 10.

проблемы. Как отметила в связи с этим Правозащитная консультативная коллегия МООНК, процедурные обязательства, связанные, в частности, с организацией расследования «нельзя считать исполненными с созданием надлежащей структуры, а только тогда, когда она становится скоординированной и функционирующей системой, способной проводить адекватное и эффективное расследование»¹.

Действительно, прибывшим иностранным следователям необходимо изучить нормы действующего права на уровне, достаточном для обеспечения сбора доказательства в соответствии с процессуальными требованиями. Кроме других, в том числе и материальных, трудностей огромную проблему представляет языковой барьер. «Роскоши» изучать язык долгие месяцы нет из-за временного характера международных следственных подразделений, персонал которых регулярно заменяется (так называемые «ротации персонала»), особенно при работе в трудных условиях. Существуют различные способы решения подобных проблемных вопросов. Ниже остановимся на отдельных аспекты деятельности по преодолению «языкового барьера».

Один из важных вопросов, подлежащих первичному разрешению – это определение языка делопроизводства. В Косово например, международная администрация ООН, в том числе и правоохранительные структуры, использовала английский; в Восточном Тиморе наравне использовались английский и португальский, на Гаити - французский. Если язык делопроизводства не совпадает с местным, то властям необходимо обеспечить участникам процесса возможность говорить на своём языке, чем одновременно выполняются и процессуальные требования, и требования, предъявляемые ст. 6 ЕКПЧ (*Право на справедливое судебное разбирательство*). Оптимальным вариантом, конечно, представляется привлечение к работе специалистов, свободно владеющих местными языком.

¹ HRAP, *Stojković*, no. 87/09, opinion of 14 December 2013, § 164.

Мы уже упоминали, что в последнее время пользуются популярностью группы быстрого развёртывания (англ.: *Rapid Reaction Teams/Units*, далее – ГБР), оперативно направляемые для проведения предварительного расследования сообщений о военных преступлениях и серьёзных нарушениях прав человека на территориях вооружённых конфликтов или на постконфликтных территориях. Комплекуются такие международные ГБР с помощью предварительно сформированных списков специалистов, имеющих необходимый опыт и прошедших соответствующую подготовку.

Вышеупомянутый совместный реестр специалистов Правосудия быстрого реагирования и Женщин ООН включает 50 профессиональных категорий, включая следователей по уголовным делам и нарушениям прав человека, адвокатов и прокуроров, широкий круг судебных экспертов, аналитиков, экспертов по сексуальному и гендерному насилию (англ.: *sexual and gender-based violence, SGBV*), экспертов по правам детей и специалистов по защите свидетелей. Такой широкий спектр знаний и опыта позволяет предоставлять специалистов, которые отвечают специализированным потребностям в конкретных ситуациях, а также обладают опытом, языковыми и межкультурными навыками, необходимыми для установления укрепления доверия с жертвами и свидетелями, существенно повышая тем самым потенциал ГБР.

При таком подходе в принципе возможно формирование следственной группы, владеющей необходимыми местными языками для полноценной работы «напрямую», без переводчиков. Однако, на практике такие случаи очень редки, например, из-за того, что многие кандидаты в анкетах указывают «слегка» завышенный уровень владения языком, просто чтобы повысить свои шансы пройти отбор. Когда дело доходит до работы, то зачастую необходимого свободного владения и тем более знания специальной правовой лексики не оказывается. Поэтому в большинстве случаев для обеспечения нормальной работы приходится набирать штат переводчиков.

К сведению: с момента начала работы в штате МООНК было предусмотрено 5567 позиций для международного персонала (военных, полиции и гражданских) и 3282 позиции для местного персонала¹, то есть на трёх международных специалистов приходилось двое местных. В 2000 году на контракте с МООНК уже в общем состояло 4,111 работников из числа местного населения, в 2001 – 5,242, в 2002 – 4,777²; как минимум трети из них приходилось регулярно помогать в общении международных специалистов с местным населением. Однако, в связи необходимостью постоянного использования правоохранительными органами переводчиков возникает ряд серьёзных проблем, детальнее рассмотрим которые в завершающей главе нашей работы.

Кроме того, рассматривая процесс направления международных ГБР к местам работы под практическим углом, невозможно отделаться от достаточно серьёзного скептицизма по поводу эффективности такой деятельности.

Во-первых, никто не сможет помешать заинтересованным структурам внедрить в Реестр «нужных» людей, то есть о реальной «независимости» специалистов говорить сложно. Конечно, можно возразить, что поскольку реестр формируется заранее, то в обход процедуры отбора, кого-то туда «внедрить» вряд ли получится, но исключить такой возможности нельзя.

Также сомнения вызывают как оперативность их прибытия на место для работы, так и «чистая» выгода от такой деятельности. Невозможно в течение нескольких часов подобрать необходимых специалистов, проинструктировать их, обеспечить всем необходимым и организовать их проезд к месту работы - зону военных действий, или постконфликтную территорию, которая по определению не отличается высоким уровнем законности и правопорядка. Организаторы должны

¹ См.: Financial performance report of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. Report of the UN Secretary-General. UN Document no. A/55/724 of 2 January 2001, § 10, Table 2.

² См.: Report submitted by the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo to the Committee on Economic, Social and Cultural Rights on the Human Rights Situation in Kosovo since June 1999 [September 2007], UN Document no. E/C.12/UNK/1, с. 125.

иметь чёткое представление о требованиях, в соответствии с конкретной ситуацией, которым должны удовлетворять отобранные специалисты.

Далее, с теми, кто подходит под описание и обладает «желаемыми качествами», необходимо связаться, и убедиться, что они имеют возможность и хотят участвовать в конкретной «операции» в потенциально опасной зоне. Организаторам необходимо позаботиться о множестве «протокольных вопросов», связанных с въездом персонала, ввозом необходимых средств, обеспечением безопасности СОГ, в том числе и в месте жилого размещения, а также линиям связи, транспорте и многих других моментах. Это необходимо сделать до отправки группы, «протолкнув» через бюрократические машины, работающие в разных местах с разной скоростью. В противном случае, жизнь участников может быть подвергнута опасности и конечная цель опять же окажется под угрозой.

Приготовления такого комплексного характера могут занять от недель до месяцев. С другой стороны, значение первоначального этапа для сбора вещественных доказательств, как известно, огромно. Когда международная СОГ прибудет на месте, драгоценное время первоначального этапа расследования и многие связанные с этим уникальные возможности скорее всего будут безвозвратно потеряны и работы «по горячим следам» уже не получится. Помимо всего вышеуказанного, остаётся очень важный вопрос – это форма фиксации доказательств прибывшими иностранными специалистами. Естественно, что должны использоваться уголовно-процессуальные нормы того суда, в котором планируется рассмотрение конкретного дела. На их изучение тоже требуется время. С другой стороны, доказательства, собранные с нарушениями требований, вряд ли будут признаны допустимыми. Выше мы уже рассматривали проблемные моменты, связанные с неясностью законодательства, подлежащего применению.

Даже вышеупомянутое Постоянное полицейское присутствие ДМО ООН, несмотря на достаточно долгое функционирование, устоявшуюся структуру и всестороннюю поддержку, не лишено очень похожих проблем, серьёзно

снижающих эффективность работы подразделения. Среди них отмечены финансирование поездок «на места», ограничения нахождения представителей ППП в конкретных миссиях, необходимость покупки авиабилетов минимум за 21 день до вылета (требование администрации ООН), чрезвычайно быстрая ротация прикомандированного персонала ППП и проблемы привлечения к работе офицеров полиции, обладающих необходимыми познаниями и опытом работы. Их руководитель прямо отметила, что больше половины деятельности ППП связано с поиском и наймом персонала, где опять же приходится полагаться на рекомендации направляющих государств¹.

Естественно, что для того, чтобы, например, показания свидетеля были признаны допустимыми, их необходимо изначально фиксировать с учётом процессуальных требований того судебного органа, который будет рассматривать дело, либо их придётся передопрашивать. Однако и в нормальных условиях свидетели и потерпевшие по различным причинам зачастую меняют показания, отказываются от повторной их дачи, а порой и просто пропадают из поля зрения. Проблема фиксации свидетельских показаний, а особенно появления свидетелей в судебном заседании, особенно актуальна в постконфликтном «напряжённом» обществе². Ситуация с вещественными доказательствами ещё сложнее, т.к. если их сразу не оформить как полагается, то второй раз их уже не собрать; в результате они скорее всего будут признаны недопустимыми, т.к. очевидно были собраны с нарушениями.

Выше мы уже упоминали возможность использования стандартных форм УВКПЧ ООН. Однако, несмотря на то, что собранные таким образом сведения имеют большую ценность, возникает вопрос о возможности их использования в

¹ См.: Appleblom M. End-of-Assignment Report, от 3 августа 2017, §§ 17, 38.

² См.: Kosovo War Crimes Trials: An Assessment Ten Years On 1999 – 2009, a report by the OSCE Mission in Kosovo, May 2010, p. 5 // OSCE official website [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.osce.org/kosovo/68569> (дата обращения 17.10.2022); см. также: HRAP, Nikolić et al, nos 72/09 et al, opinion of 14 December 2014, § 201.

уголовном процессе, признания их доказательствами. В случае отсутствия особых процедур признания их таковыми, использовать их в обвинительном заключении и суде скорее всего не получится.

Также отметим, что только *ad-hoc* трибуналы, как МТБЮ, могут похвастать возможностью частого дополнения и изменения своих уголовно-процессуальных правил, при необходимости легко «подстраивая» их под свои нужды¹, поскольку сами они их и пишут. У «нормальных» судов такой роскоши нет.

Даже если вопрос о выборе применимого законодательства может быть решён достаточно оперативно, остаётся другая огромная проблема – это ознакомление с этим массивом информации работников на местах, а также и потребителей «услуг» правоохранительных органов, т.е. гражданского населения. Инфраструктура может быть разрушена, соответственно системы оповещения и распространения официальной информации также могут функционировать в весьма ограниченной форме.

Что касается прибывающих специалистов, то их обучение местным нормам процессуального права также занимает достаточно долгое время. К сожалению, курс «переподготовки» полицейских, прибывающих в Косово был рассчитан на три дня и включал в себя всего лишь один академический час на изучение уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Можно представить уровень его понимания прибывшими офицерами, которые должны были его применять.

Например, в июне 2007 года начальник Отдела по расследованию военных преступлений направил рапорт директору Департамента правосудия МООНК, в котором просил разъяснить, какие же преступления подлежат квалификации как «военные», а какие – как «обычные», необходимо ли направлять прокурору уведомление при получении заявления или сообщения о таком преступлении и др.

¹ Например, «Процедурное уложение» (Rules of Procedures and Evidence) Международного уголовного Трибунала по бывшей Югославии, за 20 лет своего существования (с 1994 года) дополнялось и изменялось 49 раз!!! См.: На официальной интернет-странице Трибунала [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.icty.org/sid/136> (дата обращения 19.02.2015).

Это говорит о том, что спустя восемь лет после начала деятельности Полиции МООНК, даже в подразделении, позиционированном как «элитное», не было чёткого понимания отдельных важных положений материального и процессуального права¹.

Ещё один элемент, который, как нам представляется, необходим для организации эффективного расследования на постконфликтных территориях особыми группами международных специалистов – это сроки проведения расследования. Отсутствие жёстких процессуально-установленных сроков совершенно непривычно для российского следователя, но абсолютно нормально, например, для американца. Когда в одном месте работают следователи из разных стран и правовых систем, совершенно необходимо единообразное понимание процессуальных требований в части времени, отводимого на сбор доказательств.

В описанных нами выше ситуациях, когда специально собранная группа направляется для выполнения конкретного задания в связи с каким-либо событием или происшествием, проблем в этом плане обычно не возникает, т.к. время их нахождения «в миссии» обычно строго регламентировано изначально. Это позволяет планировать проведение следственных действий заранее, ещё до прибытия в место дислокации, тем самым экономя время.

Гораздо больше серьёзные проблемы в этом плане связаны со сроками проведения расследования в длительных миротворческих миссиях, а также в *ad-hoc* трибуналах. В следственных подразделениях Миссии ООН в Косово, например, о сроках расследования практически никто не слышал. По старому югославскому УПК, после получения заявления или сообщения о преступлении, в двухнедельных срок полиция обязана была провести предварительную проверку фактов и направить уведомление прокурору, для принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом. Однако, полицией этот двухнедельный срок

¹ Interoffice Memorandum by Head of War Crime Unit, UNMIK Police, to Chief International Prosecutor, 24 June 2007.

повсеместно не соблюдался, вследствие чего много материалов оставались надолго в производстве полицейских следователей, что порой приводило к тому, что они оставались вообще без производства.

ПКК миссии ООН в Косово не раз отмечала, недостатки, связанные с отсутствием сроков и должного прокурорского контроля над таковыми. Так, Коллегия с большой озабоченностью отметила, что в большом количестве изученных уголовных дел в материалах не было никаких признаков на какой-либо контроль со стороны прокурорами, либо на какое-либо вообще взаимодействие с ними. Даже в тех случаях, когда заявители направляли сообщения о совершённых против их родственников преступлениях напрямую международным прокурора, эти сообщения были только лишь переведены на английский, без проведения надлежащих действий¹.

ПКК также отметила, что в редких случаях, когда проверки хода полицейского расследования и материалов дел международными прокурорами всё же проводились, качество этих проверок не соответствует ожидаемому от таких экспертов². В вышеупомянутом деле Николича и других, решение международного прокурора EULEX о закрытии расследования исказило факты, имеющиеся в файле и применимых правовых положениях. Тот же прокурор, не предпринимая никаких действий, пришел к выводу о том, что из уголовного сообщения «очевидно, что нет разумных подозрений в том, что подозреваемые совершили указанное преступление» и что «не было разумно вероятным, что дальнейшее расследование со стороны полиции может обеспечить достаточную информацию». Полностью опозорившись, в конце того же документа прокурор предписал уведомить похищенных отца и мать заявителя о прекращении следствия, основной целью

¹ См. напр.: HRAP; Folić, Kostić and others.

² См.: HRAP, Pejčinović, ссылка выше, § 88.

которого было выяснить, что же с ними произошло. Все это ясно показывает, что прокурор даже не читал файл¹.

Понятно, что контролировать сроки прокуроры могут только в том случае, если им известно о действиях полиции. Если сообщения нет, то и контроля никакого нет. В то же время, никто не отменял обязанности прокуратуры по установлению должного контроля над поднадзорной ей системы полицейского следствия. Необходимо учитывать то, что персонал международной прокуратуры МООНК, в отличие от полиции, был контрактный и обязательно имел юридическое образование и соответствующий опыт работы. Полицейские же, как мы тоже отмечали выше, сменялись через один или максимум два года работы. Следовательно, по нашему мнению, вина за отсутствие должного уважения процессуальных норм со стороны полиции лежит прежде всего на Департаменте правосудия МООНК.

В международных трибуналах же, кажется, каких-либо сроков вообще нет, кроме сроков содержания обвиняемых под стражей, регулярно, годами, продляемых. В МУС и МТБЮ временные рамки расследований поражают масштабами. Так, дело против Радована Караджича (IT-95-5/18) было формально открыто 25 июля 1995 года, суд начался в 2009 году, а приговор вынесен 24 марта 2016 года; дело против генерала Младича (IT-09-92) открыто в тот же день, суд начался в 2012 году, а приговор вынесен в декабре 2016. Конечно, значителен и объём информации, который прошёл через судебные заседания²:

	<i>IT-95-5/18</i>	<i>IT-09-92</i>
Судебных дней	499	530

¹ См.: HRAP, Nikolić and others, ссылка выше, § 214.

² См.: Радован Караджич, Краткая информация о деле IT-95-5/18; Ратко Младич, Краткая информация о деле IT-09-92 // На сайте МТБЮ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.icty.org/en/action/cases/4> (дата обращения 17.02.2015).

Заслушано в суде свидетелей обвинения	337	169
Заслушано в суде свидетелей защиты	248	208
Общее количество свидетелей в деле	586	591
Количество вещественных доказательств	11481	9914

В деле Милошевича (IT-02-54) процедура была немного короче: первое обвинительное заключение внесено в судебную палату в мае 1999 года, начало судебного рассмотрения в феврале 2002 года, закрытие дела в связи со смертью подсудимого – март 2006 года. Ситуация в МУС, а впрочем и в других Трибуналах, ненамного лучше, с процессами длящимися 5-10 лет.

В Нюрнбергском трибунале вся работа была закончена примерно за год и в октябре 1946 года приговоры уже были приведены в исполнение. Вспомним первые дискуссии Большой Тройки, предшествующие к его созданию:

«Как же быть с главными преступниками? По мнению Черчилля, прежде всего следует составить список таких лиц с правом пополнения их в дальнейшем. Черчилль считает, что лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы.

Сталин спрашивает: а как быть с теми преступниками, которые уже пойманы, например с Гессом? Будет ли он включён в список, который предлагает составить Черчилль? Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных нельзя судить.

Черчилль отвечает, что военнопленных, нарушивших законы, конечно, можно привлекать к суду. Иначе преступники войны начнут сдаваться в плен для того, чтобы избежать наказания. Однако, Черчилль понял маршала Сталина так, что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль спрашивает, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая?

Рузвельт заявляет, что процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Черчилль говорит, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом. Черчилль хотел бы, чтобы между тремя державами была ясность во взглядах по этому вопросу. Однако ничего на данную тему не должно публиковаться, чтобы главные преступники не стали заранее мстить союзным военнопленным.

Рузвельт предлагает передать вопрос о преступниках войны на изучение министрам иностранных дел трёх держав»¹.

Даже при поверхностном исследовании процесса создания Трибунала ясно, что он выполнял политический заказ для большей публичности казни нацистских преступников. Правовая и процессуальная базы строились и подгонялись под конечную цель – расстрел главных преступников, но по приговору суда, а не проще, дешевле и быстрее, «как только они будут пойманы», по первоначальной задумке Черчилля. Однако, рассуждая об этом вопросе, мы непременно придём к переосмыслению международного права, которое, по большому счёту должно относиться к политическим, а не правовым наукам.

Также кратко рассмотрим ещё один организационный момент, связанный с необходимостью проведения расследования большого количества заявлений и сообщений о преступлениях. Здесь имеется в виду расстановка приоритетов, т.е. категоризация заявлений и сообщений на более или менее перспективные,

¹ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февр. 1945 г.). С. 169-170.

проводимая на первоначальном этапе для более эффективного использования людских и материальных ресурсов. В частности, ПКК установила, что Полиция МООНК широко использовала такую категоризацию в 2002-2003 годах. Однако, результаты этой деятельности вряд ли можно назвать положительными. Приведём несколько примеров.

Так, Коллегией была рассмотрена жалоба *В.А.* по поводу отсутствия какой-либо информации по поводу расследования похищения и убийства его отца, произошедшего в селе Матичане недалеко от Приштины, в июне 1999 года¹. Как сообщил заявитель, после ухода сербских войск и полиции, он переехал в один из близлежащих сербских анклавов, но его родители остались в своём доме. 26 июня 1999 года его отец пропал, а некоторое время спустя некие «албанцы» сообщили заявителю, что его отец был убит во дворе дома и что можно приехать забрать тело. Заявитель обратился в КФОР с просьбой обеспечить его безопасность, но эскорт предоставлен не был. Позднее ему сообщили, что тело его отца было похоронено в одной из необозначенных могил на кладбище Драгодан в Приштине.

Отвечая Коллегии, представители МООНК указали, что в распоряжении полиции было недостаточное количество информации для квалификации этого происшествия как возможного тяжкого преступления, поскольку отец заявителя был уже в преклонном возрасте и что обширная травма головы, ставшая причиной смерти, могла получена потерпевшим, «после случайного падения вниз головой», то есть не быть «криминальной». По мнению МООНК, в ситуации, когда очевидных доказательств факта убийства в наличии не было, как не было и информации о том, что он был действительно похищен, а также и официального заявления об убийстве, полиции МООНК было не с чем работать. Глава МООНК также пояснил, что случаи, подобные произошедшему с отцом *М.А.*, не рассматривались как «приоритетные».

¹ См.: HRAP, *В.А.*, no. 52/09, decision of 21 October 2010 and opinion of 1 February 2013.

Рассматривая позиции сторон, Коллегия не приняла аргументацию МООНК, отметив, что теоретическая возможность того, что травма, приведшая к смерти отца М.А. не была преступной, не освобождала следственные органы МООНК от обязательства провести необходимое расследование¹.

Что касается приоритетов расследования, ПКК в-принципе не возражала против такого подхода, отметив, что «в ситуации массового приёма сообщений о совершённых преступлениях, когда возможности полиции по их расследованию ограничены, приоритизация является одним из способов обеспечения определённого уровня работы полиции, когда расследуются только сообщения о наиболее тяжких преступлениях, где обнаружены явные их следы. В данном контексте ПКК приняла во внимание, что право на жизнь является одним из основополагающих в международно-правовых документах, и пришла к заключению, что подобная приоритизация дел должна производиться только после выполнения необходимых следственных действий, а также сбора возможных доказательств и их анализа. В данном случае, нельзя было отказывать в проведении расследования без проверки информации приведённой в заявлении, особенно с учётом того, что М.А. пропал в подозрительных обстоятельствах, когда существовала реальная угроза его жизни.»²

Кроме того, СПГС отметил, что при определении применимости процедурной части обязательств по защите права на жизнь (ст. 2 ЕКПЧ) к ситуации, в которой пришлось оказаться МООНК, не должно возлагать на её органы диспропорциональное бремя. Подтверждая свою позицию, Глава МООНК ссылается на уже упомянутое выше решение Европейского суда в деле Палич против Боснии и Герцеговины, а именно на следующее утверждение судей:

«Суд учитывает сложную ситуацию в Боснии и Герцеговине, особенно в первые десять лет после войны. В такой постконфликтной

¹ См.: HRAP, В.А., no. 52/09, decision of 21 October 2010, §§ 18-19.

² См.: HRAP, В.А., no. 52/09, opinion of 1 February 2013, § 82.

ситуации то, что составляет невозможное и/или несоразмерное бремя, должно определяться на основе конкретных фактов и контекста. В связи с этим Суд отмечает, что более 100000 человек были убиты, почти 30000 человек пропали без вести и более двух миллионов человек были перемещены во время войны ... Распределяя [ограниченные] послевоенные ресурсы, выбор в плане приоритетов был необходим»¹.

В другой жалобе, заявитель сообщила, что 19 августа 1999 года её сын был похищен неизвестными лицами во время поездки из автомобиля, и с тех пор его местонахождение неизвестно, а МООНК не расследовало его похищение. При рассмотрении материалов, касающихся этого дела, Коллегия обратила особое внимание на документ, отражающий результаты совещания, состоявшегося в ноябре 2003 года, с участием Директора департамента правосудия МООНК, начальника следствия Полиции МООНК и представителя КФОР. На этом совещании было принято решение о том, что: «из-за времени, ограниченных ресурсов и личного состава, могут быть в полной мере расследованы только те заявления, в которых имеется высокая вероятность обнаружения подозреваемых», а остальные дела должны были быть приостановлены.

В данном деле заявление оказалось несоответствующим «уровню доказательств, доказательств, или идентификации подозреваемых» чтобы следствие по нему оставалось открытым» и в соответствии с вышеуказанным решением Директора МООНК ДОК был закрыт. Хотя это совещание произошло за пределами временной юрисдикции Коллегии, его конкретные негативные последствия очевидно оказали ощутимое воздействие на весь процесс расследования преступлений в Косово надолго после него.

Признавая существование проблемы, решение которой было предложено на том совещании, ПКК высказала серьёзную обеспокоенность таким упрощенным

¹ См.: ECtHR, Palić v. Bosnia and Herzegovina, no. 4704/04, judgment of 15 February 2011, §70.

подходом к её решению, которое фактически прервало расследование данного тяжкого преступления. Коллегия уже раньше выражала свою позицию в отношении адекватности расследование похищений, исчезновений, убийств и подозрительных смертей о том, что решения о приоритизации дел не следует предпринимать на ранних этапах, прежде чем будут предприняты какие-либо основные следственные шаги по сбору дополнительной информации и будут получены все доступные доказательства¹.

То есть, проблема загруженности следственных подразделений «глухарями» была фактически решена путём перекалывания ответственности по подаче «хороших» заявлений на потерпевших. Те же заявления, в которых изначально представленная информация не соответствовала непонятным и странным критериям «раскрываемости», т.е. не гарантировала лёгкости раскрытия этих преступлений, просто откладывались в сторону и впоследствии оставалось без каких-либо действий на предстоящие годы.

Конечно, общую политику сохранения ограниченных ресурсов можно понять. Однако, есть и другие способы решения проблемы недостатка сил и средств – экстенсивный, т.е. запрос увеличения штатного расписания, или интенсивный – внедрение новых методов работы, повышение уровня профессионального мастерства. Однако, вышеуказанный способ, применённый МООНК, скорее можно отнести к «методам не-работы».

Но больше всего поражает то, что за 10 месяцев до принятия того совместного решения, определившего стиль и приоритеты работы следственных органов МООНК на последующие годы, Генеральный секретарь ООН доложил Совету Безопасности ООН о том, что система полиции и правосудия в Косово, созданная МООНК, уже была «хорошо функционирующей» и «устойчивой». ПКК посчитала, что это явное расхождение между ситуацией на земле и тем, как она была

¹ См.: HRAP, Stevanović, case no. 289/09, opinion of 14 December 2014, §§ 112-114.

представлена руководству и членам ООН является «показателем серьезного системного провала в функционировании системы полиции и правосудия, созданной МООНК» и явно свидетельствует о нежелании руководства ООН озвучивать имеющиеся трудности и запрашивать больше ресурсов, тем самым подтверждая недостатки в своей работе¹.

Мы можем только догадываться, было ли это намеренны подрыв деятельности правоохранительной системы МООНК, глупость и непрофессионализм, боязнь ответственности, а может и всё вместе. Однако, всё это очень похоже на саботаж, приведший к тяжким последствиям.

В этой связи, остановимся ещё на одном очень важном моменте, который необходимо принимать во внимание при организации расследования на постконфликтной территории. Здесь мы имеем в виду вероятность вмешательства отдельных заинтересованных кругов в его процесс с целью повлиять на результаты расследования. Такое вмешательство возможно на высоком уровне, исходящим из местных и/или международных руководящих кругов – так называемое политическое вмешательство. В таких случаях, давление оказывается на руководство следственного подразделения, прокурора или судью-следователя, т.е. лиц, которые имеют отношение к формированию стратегических задач, направления, следствия. Естественно, что воздействие возможно и на местном уровне, в виде давления на следователей или саботажа их деятельности путём усложнения доступа к доказательствам (материальным или идеальным следам).

В Косово в некоторые периоды времени такое давление ощущалось очень явно. Особенно «засветился» в качестве друга местного руководства Косово и бывших боевиков ОАК первый заместитель Главы МООНК, американец, бригадный генерал в отставке г-н Стивен Шук². Бывший американский бригадный

¹ См.: там же, § 116.

² См.: Secretary-General Appoints Steven Schook of United States Principal Deputy Special Representative in Kosovo // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2006/sga994.doc.htm> (дата обращения 24.05.18).

генерал сказал, что подал в отставку, потому что слишком любил свою работу, но это не была настоящая причина. Это было также не из-за его предполагаемой слабости к косовским женщинам, или потому, что он считал полезным «раз в неделю напиваться с Рамушем Харадинаем».

Его контракт с ООН официально не был продлён после того, как Управления служб внутреннего надзора ООН (OIOS) провело расследование обвинений в том, что г-н Шук разгласил местонахождение свидетеля в деле МТБЮ против Харадиная, который находился в программе защиты свидетелей ООН. Также, г-н Шук направил письмо в Гаагский трибунал от имени руководства МООНК, где просил предоставить возможность одному из обвиняемых бывших лидеров ОАК, Харадину Бала, посетить Косово для участия в похоронах родственника и гарантировал возвращение в Гаагу¹

До отбытия в Гаагу, Харадинай удостоился частной аудиенции у Главы МООНК, который позже настаивал на том, что это было «совершенно нормально для бывшего премьер-министра и председателя партии, посетил его, прежде чем приступить к отправиться в долгий путь». Однако, т.к. приговор в отношении Харадинай был условный, этот «долгий путь» оказался короче, чем ожидалось. В ходе судебного процесса в МТБЮ ему даже разрешили баллотироваться на выборах в парламент Косово, опять же с благословения МООНК².

Автор не раз обсуждал с прокурорами трудности, связанные с получением ордеров на прослушивание переговоров и проведение иных оперативных технических мероприятий в отношении руководства Косово и других бывших командиров ОАК. Имя г-на Шука часто «всплывало» в этой связи. Кроме того, его нередко видели в ресторанах с Харадинаем и Тачи. Однако, в мае 2008 года OIOS

¹ См.: Решение апелляционной палаты МТБЮ от 1 сентября 2006 года // Официальный сайт МТБЮ [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.icty.org/x/cases/limaj/acdec/en/060901.htm> (дата обращения 24.05.18).

² См.: Confusion and Corruption in Kosovo. The Slow Birth of a Nation // журнал Spiegel [электронный ресурс] – режим доступа: - <http://www.spiegel.de/international/world/confusion-and-corruption-in-kosovo-the-slow-birth-of-a-nation-a-549441.html> (дата обращения 29.05.18).

сняло с него все обвинения в дисциплинарных правонарушениях. С декабря 2008 года Стивен Шук работает личным советником Рамуша Харадиная по вопросам политики и безопасности.

Один из следователей, с которым автор работал, рассказал, что в 2000 году он встречался со следственной группой из МТБЮ, которая приехала собирать доказательства. Когда только этот коллега пытался рассказать следователям МТБЮ о насильственных преступлениях ОАК против сербского гражданского населения, то его просто не слушали, говоря, что их интересуют только информация о преступлениях сербских властей против косовских албанцев. Собирать информацию о преступлениях против сербов должна была приехать другая группа, позже, однако больше никто не появился.

ПКК, проанализировав огромный массив информации, пришла к выводу, что следственные органы МООНК не предпринимали существенных усилий для систематического и скоординированного расследования случаев исчезновения и убийства большого числа косовских сербов. Особо вопиющим такое бездействие и, порой, полное пренебрежением к имеющимся доказательствам, когда очевидные версии вели к подозреваемым в совершении преступлений в ОАК¹.

В заключение скажем, что трудные моменты и проблемы, рассмотренные в данной главе не новы. Поскольку наша тема является частной по отношению к более общей теории расследования преступлений в особых условиях, то и проблемы являются во многом общими, перекликаются между собой. Так, профессор В.Н. Григорьев, аналогично выделяет недостатки «авральной формы организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях», связанные с формированием «сборной команды», финансированием, материально-техническим обеспечением, квалификацией кадров, степень их готовности к работе в трудных

¹ См. напр.: HRAP, Nikolić and Others, nos. 72/09 et al, opinion of 14 December 2014, § 203; Kostić and Others, nos. 111/09 et al, opinion of 23 October 2015, § 261.

условиях. Он же отмечает, что, несмотря на все трудности, от такой формы работы отказаться не удаётся¹.

¹ См.: Вышеук. учебник Криминалистика под ред. проф. А.Ф. Волынского, С. 344. Бастрыкин дал указания следователям за два дня завершить работы на месте крушения А-321. - Текст : электронный// РИА Новости : [сайт]. – URL: <https://ria.ru/world/20151103/1313311179.html> (дата обращения : 11.05.2018).

Глава IV

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗОНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

§ 1. Основные направления и типовые задачи расследования преступлений в зоне международного вооружённого конфликта

По определению Р.С. Белкина, «конечным “продуктом” криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики, являются частные криминалистические методики, в содержании которых на основе положений и выводов общей и частных криминалистических теорий комплексуются криминалистические рекомендации...»¹ По его же определению, «криминалистическая методика (или методика расследования и предотвращения отдельных видов преступлений) – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений»². Формирование перечня обстоятельств, подлежащих установлению по делам различной категории – одна из задач методики, решаемая основе познания закономерностей и повторяемости процессов возникновения фактических данных при исследовании определенного способа совершения преступлений в типичной обстановке. Эти типичные фактические данные находят отражение в криминалистической характеристике преступления и в содержании типичных следственных ситуаций. Однако, необходимо помнить о том, что в каждом

¹ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики в 3 т. Т. III: Криминалистические средства, приёмы и рекомендации. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 176.; Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 298.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 298.

конкретном случае процесс возникновения «отражений, следов преступления» носит исключительно ситуационный характер¹.

В нашей работе основным специфическим моментом, оказывающим влияние как на процесс возникновения следов, так и на процесс расследования, является не отдельный вид или способ совершения преступления, а обстановка его совершения (вооружённый конфликт / постконфликтная территория) и субъект, осуществляющий расследование (международные специалисты). Первое оказывает влияние на ситуационность возникновения следов преступления, а второе – на ситуационность выбора средств и методов расследования.

Как мы уже отмечали выше, объективная реальность ситуаций, когда следственные группы оказались в незнакомой обстановке, в чрезвычайных условиях постконфликтной территории, показала, что многие рекомендации, разработанные криминалистической наукой для применения в условиях нормально функционирующей государственной машины, невозможно было применить или они не работали. То есть, необходима их определённая корректировка, «подстраивание» под реальную обстановку зоны вооружённого конфликта, цели и задачи конкретного расследования.

Выше мы уже упоминали, что круг преступлений, составляющих предмет расследования международных следственных групп на конфликтных/постконфликтных территориях достаточно широк и весьма разнообразен. Опять возвращаясь к наработкам профессора В.Н. Григорьева², отметим, что особенности криминалистической характеристики этих преступлений, по аналогии с преступлениями, совершаемыми в чрезвычайных условиях, в силу их связи со специфическими обстоятельствами, складывающимися на конкретной территории, можно определить таким образом:

¹ См.: там же, С. 122-123.

² См.: Вышеук. учебник Криминалистика под ред. проф. А.Ф. Волынского (см. сноску № 95 выше), С. 339.

- общие для всех преступлений, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены;
- присущие только той или иной группе преступлений;
- присущие отдельным видам преступлений (убийства, похищения, пытки и бесчеловечное обращение, сексуальное насилие и т.д.).

Актуальность общетактических типовых задач расследования при расследовании преступлений на постконфликтных территориях.

Выше мы также упоминали более ранние работы автора данного исследования, связанные с типовыми задачами расследования преступлений, а также с алгоритмами их решения. Подобные алгоритмы встречаются и в зарубежных учебных и пособиях, а особенно часто они используются в практических руководствах (англ.: *manuals*) по расследованию отдельных видов преступлений или выполнению следственных действий¹.

Так, процесс расследования преступления, как и практически любую другую деятельность человека, можно рассматривать как процесс последовательного или параллельного решения ряда задач. Задача расследования – это возникшая в ходе следствия по конкретному уголовному делу необходимость получения той или иной информации, проверки каких-либо фактов (или обеспечения осуществления этой деятельности в будущем), обусловленная предметом доказывания и решаемая уполномоченными лицами в ходе процессуальной деятельности².

¹ См. напр.: Proposed model skeletal analysis protocol // United Nations Manual on the Effective Prevention and Investigation of Extra-Legal, Arbitrary and Summary Executions, U.N. DOC. E/ST/CSDHA/12 (1991), pp. 40-45; Generic Reactive Investigation // Policing. Crime Investigation. Criminal Justice Assessment Toolkit, UNODC, 2006, p. 29; Murder Investigations Manual. National Centre for Policing Excellence, Centrex, Bedfordshire, UK, 2006, P. 136-140.

² Антонов А.Н. Решение типовых задач расследования преступлений. – Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2000; С. 13. См. также: Князьков, А. С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 12-31.

Несмотря на индивидуальный характер каждого расследования, существует возможность выделения ряда общих задач, которые могут возникать перед следователем в процессе расследования каждого преступления либо отдельной их категории. Это свидетельствует о существовании задач частного и типового характера.

Среди типовых криминалистических задач можно выделить задачи разного уровня общности. Если задача расследования является типичной для определённой категории преступлений, то можно говорить о том, что проблема её решения должна рассматриваться в рамках частных методик расследования отдельных видов преступлений. Подобного рода задачи имеют наибольшее значение при расследовании одних видов преступлений и второстепенное - при расследовании других.

Помимо них, можно выделить ряд типичных задач, возникающих при расследовании любого преступления независимо от его особенностей. В данном случае уместно говорить о тактическом уровне типовых задач.

Типовые тактические задачи можно далее разделить на два блока: 1) возникающие при проведении отдельных следственных действий и 2) типовые общетактические задачи. Для решения первых, как правило, достаточно применения одного или нескольких тактических приёмов в рамках следственного действия. В свою очередь, вторые могут относиться ко всему расследованию в целом или к отдельному его этапу, а для их решения, как правило, необходимо осуществление комплекса следственных, оперативных и иных действий.

По мнению автора, типовые общетактические задачи существуют независимо от вида расследуемого преступления, обстановки расследования, доступных материально-технических средств, подготовленности расследования, т.е. от всех «внешних» по отношению к расследованию обстоятельств. Эти типовые задачи являются по сути «хордой» всего процесса расследования, а успешное их решение (последовательное или иное), обеспечит возможность достижения искомого

результата – сбора всех доступных доказательств, необходимых для доказательства виновности обвиняемого в суде.

В свою очередь, типовые общетактические задачи расследования преступлений есть разновидность типовых тактических задач, возникающих в процессе следствия по уголовным делам, независимо от их вида, степени сложности, уровня подготовленности следователя и других факторов и относятся к одному или нескольким этапам расследования.

Рассмотрение процесса расследования как системы типовых задач позволяет успешно разрабатывать и использовать типовые схемы действий следователя, в том числе и алгоритмы решения типовых задач расследования. Постановка следственной задачи является, с одной стороны, результатом анализа существующей следственной ситуации, а с другой - фактором, предопределяющим её дальнейшее развитие.

Ранее автором данной работы, на основе анализа теории и практики решения типовых задач расследования в деятельности отечественных и зарубежных правоохранительных органов, предлагались алгоритмы решения следующих наиболее часто встречающихся типовых общетактических задач расследования преступлений:

- установления факта пребывания подозреваемого на месте совершения преступления;
- установления соучастников;
- установления свидетелей;
- проверки алиби;
- проверки версии о самооговоре;
- проверки версии об оговоре;
- изучения личности подозреваемого (обвиняемого).

Несмотря на то, что работа в постконфликтной ситуации налагает ряд особенностей, которые мы уже рассматривали выше, типовые общетактические

задачи также остаются актуальными и их решение необходимо для успешного завершения расследования. Аналогично, алгоритмы решения перечисленных задач, ранее разработанные автором, также могут быть использованы¹.

Работа по заявлениям о похищенных и пропавших без вести лицах

По окончании конфликта розыск пропавших без вести лиц является одной из важнейших задач, решение которой однозначно окажет положительное влияние на послевоенное мирное сосуществование недавних враждующих групп. В первом же докладе по ситуации в Косово Генеральный Секретарь ООН сообщал: «Особенно острой проблемой в области прав человека в Косово является отсутствие точной информации о местонахождении членов семей, пропавших без вести в ходе конфликта. Похищения имели место и после прекращения конфликта. ... Специальный представитель будет использовать все имеющиеся у него административные возможности для непосредственного вмешательства при необходимости в решении вопроса о пропавших без вести»². С самого начала работы Миссии, этому вопросу было уделено особое внимание.

Так, уже в ноябре 1999 года, в составе Полиции МООНК был создан Отдел по пропавшим лицам, который должен был принимать все необходимые меры к розыску пропавших и/или их останков и мест захоронений. При установлении признаков преступлений в пропаже какого-либо лица (например, наличие признаков насильственной смерти на обнаруженных останках) дальнейшим расследованием в уголовно-процессуальном смысле этого слова занимался Центральный отдел уголовных расследований (англ.: *Central Criminal Investigation Unit*, CCIU), а позднее специально созданный Отдел по расследованию военных

¹ См. Антонов А.Н. Решение типовых задач расследования преступлений (тактико-криминалистический аспект). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Волгоград, 1999, приложения 1-7; С. 185-205.

² См.: Доклад ГС ООН о Миссии ООН в Косово, 12 июля 1999, № документа ООН S/1999/779, § 88 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/1999/779&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/sgreports/1999.shtml&Lang=R (дата обращения 06.02.18).

преступлений (англ.: *War Crimes Investigation Unit, WCIU*). В мае 2000 года, в МООНК была создана специальная Комиссия по Сбору и Идентификации Жертв (англ.: *Victim Recovery and Identification Commission, VRIC*), призванная централизовать усилия по сбору, идентификации и передачи семьям обнаруженных посмертных останков. В дальнейшем, с июня 2002 года, все усилия по розыску, сбору идентификации и возвращению семьям посмертных останков были переданы созданному Офису по пропавшим лицам и экспертизе (англ.: *Office on Missing Persons and Forensics, OMPF*, далее - ОПЛЭ) в составе Департамента правосудия МООНК (англ.: *Department of Justice, DOJ*).

Поскольку в Косово не существовало возможности проводить идентификацию по образцам ДНК, в 2001 году МООНК подписала соглашение с Международной Комиссией по пропавшим без вести (англ.: *International Commission of Missing Persons, ICMP*¹), в соответствии с которым в дальнейшем эта часть работы по идентификации останков была передана Комиссии.

Обязанность по расследованию ситуаций, связанных с похищениями и иными исчезновениями людей, установлена международным правом прав человека. Эта обязанность включает в себя два основных «пласта» работы:

- 1) обязанность установления путём расследования судьбы и/или местонахождения пропавшего лица; и
- 2) обязанность проведения расследования, достаточного для определения преступного характера причинения смерти и установления лиц, виновных в исчезновении и/или смерти пропавшего лица.

С приходом в Косово ООН и НАТО в 1999 году сбор доказательств по военным преступлениям начал проводится независимыми группами из нескольких стран, действовавших под общим, номинальным, руководством МТБЮ. Отсутствие стандартных процедур действий и центрального управления породило проблемы с

¹ Подробнее о деятельности ICMP см. на официальном сайте Комиссии [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icmp.int/> (дата обращения 6 февраля 2018 г.).

использованием собранных в это время доказательств. Так, «в 2000 году [в Косово] ... независимо друг от друга действовало несколько групп судебных медиков. ... Для того, чтобы доказать системность и широкое распространение преступлений [элементы *corpus delicti* серьёзных нарушений международного гуманитарного права] экспертно-следственные группы МТБЮ группы старались провести судебно-медицинские экспертизы как можно большего количества эксгумированных человеческих останков, при недостатке или полном отсутствии действий, направленных на их идентификацию. Более того, эксгумированные тела погибших, личности которых не были установлены, в 1999 году были перезахоронены, а информация о местах захоронения зачастую недоступна. После прекращения массовой работы МТБЮ в Косово в 2000 году, полиция МООНК продолжила расследование сообщений о пропавших без вести, но “без какой-либо стратегии”. Как следствие, было собрано большое количество несистематизированной информации»¹.

Несомненно, обнаружение и идентификация посмертных останков в постконфликтный период – это работа сложная и долгая. На этапе планирования необходимо представлять будущий объём работы и планировать её соответственно. Когда имеются основания предполагать большой объём однотипной работы, а не отдельные, редко обнаруживаемые останки, то необходимо, чтобы незамедлительно была начата создание системы, которая могла бы эффективно работать по делам о пропавших без вести, т.е. собирать информацию, ведущую к установлению их местонахождения или мест захоронения, сбор информации о пропавших, в том числе и образцов ДНК родственников, идентификации останков, их передаче родственникам или их временного хранения (захоронения).

В начале нашей работы мы говорили, что полиции МООНК в 1999 году пришлось «иметь дело с последствиями войны, телами погибших, разграбленными

¹ См.: HRAP, Čelić and Fazlija v. UNMIK, nos 51/09 and 53/09, opinion of 14 February 2014, § 54.

и сожжёнными домами» и поднимающейся волной «этнического насилия в виде незаконных выселений, насильственных захватов собственности, поджогов домов и физического насилия ... по всему Косово»¹, что определённо не облегчало задачу розыска пропавших без вести. Однако, как было выявлено ПКК в процессе своей работы, недостатки системы работы полиции, в частности – координации деятельности смежных подразделений, ощущались до конца активного присутствия полиции и правосудия МООНК в Косово.

Внимание вопросу о сексуальном и гендерном насилии

Широко признается, что во время вооружённых конфликтов сексуальное насилие может быть широко распространено. Целенаправленное сексуальное насилие, в частности – изнасилования – могут при определённых обстоятельствах рассматриваться и как преступления против человечности² (когда они сознательно совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц) и если такое нападение совершается), и как военные преступления³.

Практика работы международных следственных подразделений идёт в настоящее время по пути признания необходимости учёта того, что такая проблема существует, преступления достаточно широко распространены. В настоящее время отдельное внимание уделяется тому, чтобы при построении системы и процесса расследования предусматривалась возможность учёта особенности участников процесса, обусловленные их полом (англ.: *gender perspective*). Следовательно,

¹ См.: Отчет о работе Международной полиции Миссии ООН в Косово за 2000 год. Департамент прессы и общественной информации Полиции МООНК, 2000 г., С. 12.

² См.: Нелаева, Г.А. Изнасилования и насильственные действия сексуального характера как преступления против человечности в практике международного трибунала по бывшей югославии (МБТЮ) Г.А. Нелаева // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 1. С. 10-12.

³ См.: Статут МУС, ст.ст. 7-g), 9-b)-xxii 9-e)-vi. См. также.: Катков, С.В., Колосович М.С. Совершенствование механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Сборник трудов конференции Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе. Волгоград, 20 мая 2022 года. Волгоград, 2022. С. 131-137.

необходимо привлекать специалистов с соответствующей подготовкой и опытом работы. Альтернативно – предоставление дополнительного обучения действующим работникам.

Однако, в этой связи необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, иногда проблема гендерного насилия может быть и искусственно преувеличена, в угоду современным тенденциям. Во-вторых, вышеприведённое понятие «gender perspective» на практике практически подменяется понятием «women perspective», когда всё внимание уделяется только особым проблемам, нуждам и трудностям женщин – потерпевших и других участников процесса. В-третьих, в любой приличной национальной системе обучения следователей, в разделе методики расследований, всегда расследование изнасилований всегда изучается. В курсе криминалистики в российских вузах также есть эта тема, в которой имеются практически все необходимые рекомендации для осуществления такого рода расследований. Среди них, конечно, присутствуют и рекомендации психологического характера, направленные на избежание повторного травмирования психики потерпевшей/потерпевшего. Что нужно для расследований в орбите нашего исследования – это включение в предмет доказывания элементов, необходимых для доказывания состава военных преступлений или преступлений против человечности. Более подробно на них мы останавливаемся в следующем параграфе работы.

Также, мы уже отмечали ранее нередкое «подстраивание» уголовно-процессуальных правил, используемых в системе международного правосудия, под нужды конкретного учреждения. В этом плане интересно положение Правила № 96 Уложения МТБЮ, в соответствии с которым нет необходимости подтверждать другими доказательствами показания потерпевших по делам об изнасилованиях и иных насильственных действиях сексуального характера в контексте военных преступлений или нарушений МГП. Наши коллеги – следователи и прокуроры, конечно, позавидовали бы такой гибкости процессуальных требований Трибунала

по Югославии, где «царицей доказательств» является даже не чистосердечное признание, а показания потерпевшей.

Совершенно понятны причины введения этого положения – это длительный срок, прошедший с момента предполагаемого преступления, порой – десятки лет. Естественно, что о возможности получения вещественных доказательств сексуального насилия по истечении такого времени говорить весьма сложно. Однако, в доказывании существует множество способов перекрёстной проверки правдивости полученных показаний по отношению к другим имеющимся в деле сведениям (проверка даты, места совершения преступления, присутствие определённых лиц, опознание лиц, мест и т.д.). А это положение буквально даёт возможность прокурору и суду вообще отказываться от таких проверок и принимать порой откровенный бред и допускать его в качестве доказательств.

Возвращаясь к опыту ПКК, скажем, что в деле *Костич и другие*, Коллегия установила, что МООНК не проявляла должной осмотрительности в расследовании случаев насилия в отношении женщин и указала, что такая неспособность провести расследование с учетом гендерных факторов могла способствовать общему недостатку информации о сексуальном насилии в связи с конфликтом в Косово и создать препятствия в доступе к правосудию и репарациям для жертв такого насилия. ПКК сослалась на судебную практику Комитета ООН по правам человека (КПЧ) и международные документы, такие как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (англ.: *The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women*, CEDAW)¹ и Декларация ГА Ассамблеи ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин» (англ.: *Declaration on the Elimination of Violence against Women*)², квалифицируют произвольное задержание

¹ См. на официальном сайте Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icmp.int/http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/cedaw/Pages/cedawindex.aspx> (дата обращения 25.04.2018).

² См. на официальном сайте Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения 25.05.2018).

женщин в качестве формы насилия в отношении женщин, которые государства обязаны предотвращать, расследовать и наказывать, независимо от того, совершены они должностными частными лицами.

В деле С.М., аналогично практике Европейского суда, Коллегия установила, что изнасилование и убийство молодой сербской женщины-инвалида в июне 1999, совершённое бойцами ОАК в присутствии её матери, должно было рассматриваться как пытки и бесчеловечное обращение, а также как акт сексуального и гендерного насилия и что должностные лица МООНК нарушили обусловленную международным правом прав человека обязанность по расследованию и судебному преследованию таковых¹.

Кроме того, в процессе работы ПКК были отмечены ещё несколько случаев, когда из материалов дела усматривались признаки преступлений, имевших также и гендерную составляющую. Однако, поскольку заявлений в отношении этих конкретных фактов от потерпевших в Коллегию не поступало, было принято решение не рассматривать эти аспекты в решениях, в целях защиты интересов женщин, которые итак уже пострадали непосредственно от совершённого преступления.

Незаконный захват недвижимого имущества

После вывода в июне 1999 года югославской армии и сербских сил безопасности и входа в провинцию международных гражданских и военных структур, вопрос о правах собственности и имущественных конфликтах получил особенное значение, предопределяющее дальнейшее развитие провинции. В течение раннего постконфликтного периода косовские сербы и другие неалбанцы покидали свои дома из-за реальной опасности убийств и похищений со стороны косовских албанцев, которые происходили «среди бела дня» прямо из квартир многоквартирных домов, порой на глазах патрулей КФОР, которые ничего не

¹ См.: Заключительный доклад (Final Report) ПКК МООНК, 2016, §§ 49-50, 203-207

предпринимали¹. Большинство беженцев в Косово больше не вернулось. Целые города потеряли сербское население в результате последующей кампании запугивания и террора².

Группировки, связанные с ОАК, действовали в качестве «агентов по недвижимости», распределяющих оставленное сербами жильё среди других членов клана или иных заинтересованных лиц. Практика узурпации собственности варьировалась по всему Косово в зависимости от демографической специфики региона. В целом, организованные захваты имущества лицами, связанными с ОАК, часто рассматривались как законное вознаграждение за вклад, внесённый ими в военный борьбе против Сербии. Националистическая мотивация прекрасно сочеталась с возможностью существенно заработать и необходимостью обеспечения жильём возвращающихся албанских беженцев³.

Многие члены ОАК брали на себя контроль над несколькими квартирами и домами, которые они в итоге продавали на основании сфальсифицированных документов, в большинстве случаев при содействии администрации судов, регистрировавших сделки. Неоднократно даже покупатели из числа этнических албанцев, пытавшиеся разыскать владельца из числа этнических сербов, становились жертвами мошенничеств. Были и случаи, когда в суде появлялись «воскресшие» давно умершие сербы – владельцы домов и земель для того, чтобы подписать доверенность на оформление сделок со своей собственностью. Кроме того, покупатели порой должны были заплатить и дополнительные суммы

¹ См.: HRAP, Tomanović et al., case no. 248/09 and others, opinion of 25 April 2013, §§ 22-25 // HRAP вебсайт [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://media.unmikonline.org/hrap/> (дата обращения 21.10.2022).

² См.: Бальшевић Д. Страдање Срба у Ораховцу након потписивања Кумановског споразума. 7 јуна 2019 // Stanje Stvari [электронный ресурс] – Режим доступа: https://stanjestvari.com/2019/06/07/stradanje-srba-u-orahovcu/?fbclid=IwAR14PRA8b8tjg_5RugQyUIUSkpT1EZ3MFIV6Y8CZuq4aMр7M8UWhrBPMхус (дата обращения 21.07.2022).

³ Смагоринский, Б.П., Сычева А.В. Некоторые проблемные вопросы расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. No 2 (57). С. 8-15.

криминальным структурам, чтобы получить разрешение на покупку или обеспечить передачу собственности в их владение. Дома и квартиры переходили из рук в руки несколько раз без каких-либо действительных документов; этот процесс продолжался в постконфликтный период под руководством ОАК¹.

Ряд бывших лидеров ОАК, перейдя в политику, бизнес или административные структуры, продолжали незаконно занимать собственность. Наряду с квартирами в городах и посёлках, таким образом были захвачены множество предприятий, магазинов и сельскохозяйственных объектов. Незаконные конфискации жилой, коммерческой и сельскохозяйственной недвижимости было частью системы «теневого власти», созданной различными кланами и лидерами кланов, подключёнными к структурам ОАК.

Нередки были и криминальные «разборки» вокруг сербской собственности, сопровождавшиеся насилием и смертями заинтересованных сторон. Так, 22 апреля 2006 года в г. Штимле в Косово были убиты двое, включая заместителя мэра города, и ещё восемь получили различные огнестрельные ранения. Конфликт произошёл между конкурирующими криминальными структурами, когда лица, купившие сербскую землю, решили начать строиться на ней, и попытались удалить оттуда «товарища», который её нелегально занимал с 1999 года и, соответственно, считал её уже совсем своей².

Существует одна «широко известная в узких кругах» проблема. В июне 1999 года, когда из Косово были выведены все государственные органы Сербии, также были вывезены и оригинальные документы более чем половины кадастровых записей. Разрозненные данные остались только на севере Косово, подконтрольном сербскому большинству и *de-facto* Белграду. В большинстве случаев, в

¹ Beardsley E. Who Owns What? UN Tackles Kosovo Housing Tangle. Christian Science Monitor, January 10, 2002.

² См.: Gashi K. Real Estate Rows Cause Carnage in Kosovo. Balkan Insight, April 26, 2006 // Сайт Freerepublic [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://freerepublic.com/focus/f-news/1626569/posts> (дата обращения 22.10.2022).

распоряжении международных властей остались только старая информация – до 1985 года. Эта бюрократическая неразбериха создала дополнительные благоприятные условия для нелегальных захватов и массовых мошенничеств с сербской собственностью. Например, одна и та же квартира могла быть проданы два раза через внешне вполне законную регистрацию контрактов в судах и кадастровых палатах в Косово и в других частях Сербии.

С самого начала деятельности МООНК проблема массовых незаконных захватов недвижимого имущества была признана одной из самых значительных и сложных. Выше мы уже говорили о созданном в Косово в ноябре 1999 года Директорате по вопросам жилья и собственности (HPD) и Комиссии по рассмотрению жалоб, связанных с жильём и собственностью (НРСС), которые должны были беспристрастно и независимо урегулировать конфликты в части жилой недвижимости квази-судебным путем.

Кроме того, были попытки борьбы с незаконными продажами собственности, принадлежащей временно перемещённым лицам (далее – ВПЛ) покинувшим Косово, и уголовно-правовыми способами. Однако, в отсутствие системного подхода к этой проблеме, и разъяснений от руководства, во многих случаях сотрудникам международной полиции МООНК приходилось импровизировать. Некоторые офицеры просто физически изгоняли «скваттеров» по собственной инициативе, проведя минимальную проверку фактов, фактически злоупотребляя своими полномочиями. Другие отказывались вмешиваться в сложные перипетии имущественных отношений и рекомендовали обращаться в суды. После начала деятельности НРД, гражданская полиция МООНК прекратила заниматься вопросами собственности, за исключением расследования насильственных преступлений, мотивы которых были связаны с собственностью.

В 2004-2005 годах автор данной работы координировал работу (а также и сам проводил расследования) специальной совместной группы, созданной в Департаменте правосудия МООНК в попытке систематизации такой борьбы. Во

главе группы был поставлен один из международных прокуроров, а участвовали в ней, кроме международной полиции и прокуратуры, и представители гражданской администрации. Группой были собраны материалы и проведены предварительные проверки по более чем 40 случаям.

Схема действий преступников во всех из них была одинаковой. В суде одного из городов Сербии (в большинстве случаев г. Кралево) или Черногории (обычно г. Беране) появлялся «собственник» земельного участка с поддельными документами, которые давал доверенность адвокату или другому лицу на продажу его собственности в Косово. Выбор города и суда для фальсификации доверенности в первую очередь был обусловлен минимизацией возможности того, что кто-то знает лично настоящего владельца, от имени которого проводилось действие, и сообщит об этом.

По каждому подозрению о фальсифицированной доверенности или уже совершенной с ее использованием незаконной сделке следственная группа проводила следующие действия:

- изучение имеющейся информации, включая изъятие оригинала;
- получение и изучение документов о смерти или местонахождении настоящего продавца, его фотографии и копий его личных документов;
- выемка документов, связанных с куплей-продажей, из архива соответствующего суда и муниципалитета;
- допрос судебных служащих, принимавших участие в регистрации сделки, при котором обращалось особое внимание на создание словесного портрета продавца или его представителя;
- отбор образцов для сравнительного исследования и назначение почерковедческой экспертизы подписи на документах;
- при задержании подозреваемого «продавца» или его представителя – предъявление для опознания и/или проведение очной ставки.

Доказать факт фальсифицирования доверенности, как правило, не

представляло труда. Однако, в большинстве случаев уличить представителя, действовавшего от лица продавца, в соучастии в преступлении не удавалось. Они оправдывались тем, что не знали, что «продавец» на самом деле не продавец, а мошенник. Более чем в половине случаев даже косовские албанцы – покупатели считали, что совершают законную сделку с настоящим правообладателем. В результате они также становились потерпевшими, поскольку, заплатив за покупаемый объект, оставались без денег и покупки. Однако, несмотря на невозможность привлечения к уголовной ответственности, по окончании расследования прокурор выносил муниципальным отделам кадастра предписание о возврате собственности на имя изначального собственника, после чего дальнейшая тяжба переносилась в гражданско-правовую плоскость.

В одном из дел преступники совершили серьёзную ошибку и сфальсифицировали доверенность от имени В.С., который числился пропавшим без вести после его похищения бойцами ОАК в октябре 1999 года. Напрашивалось логичное заключение о том, что адвокат, пытавшийся провернуть эту сделку и получавший доверенность в суде за пределами Косово, либо видел настоящего В.С., когда тот давал ему доверенность, либо знал, что В.С. мёртв и, соответственно, не сможет оспорить сделку. После предъявления этой информации адвокату во время допроса ему пришлось дать признательные показания об участии в фальсифицировании документов и попытке мошенничества для того, чтобы не быть обвинённым в пособничестве в нарушении норм гуманитарного права – похищении гражданских лиц¹.

Несмотря на успешное начало деятельности, после полугода группа была расформирована без видимых причин, а международному прокурору, пытавшемуся возражать, просто не продлили контракт². Все же, по окончании ее работы остался

¹ Материалы дела № P-38/2005, Архив Окружной прокуратуры г. Приштина, Косово.

² Tawil E. Property Rights in Kosovo: A Haunting Legacy of a Society in Transition // International Center for Transitional Justice, 2009. P. 57 // URL:

действовать механизм верификации доверенностей на действия с недвижимостью, оформленных за пределами Косово, который несомненно позволил предотвратить большое количество незаконных сделок.

В 2015 году Миссия ОБСЕ в Косово (*далее – МОК*) опубликовала результаты изучения ситуации с повторным самозахватом недвижимого имущества в Косово. Давая общую характеристику ситуации, доклад отмечает, что «ни в одном случае КРА не направила в полицию сообщения о совершенном правонарушении и не ходатайствовала о повторном исполнении решения о выселении»¹. По мнению МОК, наиболее действенным способом для освобождения нелегально оккупированной недвижимости от «захватчика» является, несомненно, направление в полицию официального сообщения о правонарушении, на основании которого полиция могла бы исполнить решение о выселении. Поскольку этого не происходит, «захватчик» продолжает незаконно использовать недвижимое имущество до разрешения дела прокуратурой и судами, а такая процедура может тянуться годами.

Эта проблема частично решается в вышеупомянутом законе о КРСВА, ст. 19 п. 7 которого предусматривает, что: «в случае любых последующих повторных самозахватов того же имущества, правила общего исполнительного производства применяются на основании первоначального заключения или решения суда и первоначального ордера об освобождении недвижимого имущества». Следовательно, не будет необходимости возбуждать отдельные полицейские или прокурорские производства о ре-оккупации имущества, а проводить выселение (англ.: *eviction*) «оккупантов» можно будет на основании первоначальных ордеров КРСВА/КРА/HPD.

<https://www.ictj.org/publication/property-rights-kosovo-haunting-legacy-society-transition> (дата обращения 25.07.2022).

¹ См.: Review of illegal re-occupation cases in Kosovo, Report, 19 February 2015, P. 12-13 // OSCE Mission in Kosovo, URL: <https://www.osce.org/kosovo/141131> (дата обращения 20.10.2022).

Со времени начала деятельности КРСВА¹, ситуация с повторными самозахватами недвижимости статистически выглядит следующим образом:

С другой стороны, в отсутствие системного привлечения к уголовной ответственности за такие преступления, то же положение может приводить к возникновению бесконечного «порочного круга»: *ордер на выселение* → *выселение* → *повторный захват* → *повторное выселение* и т.д. Без жёстких мер по пресечению повторного заселения, разорвать такие порочные круги весьма затруднительно. Имеется немало случаев, когда повторный незаконный захват конкретной недвижимости одними и теми же лицами происходил более десяти раз².

Имеющееся в Косово уголовное законодательство располагает адекватными инструментами для достаточно наказания самозахватчиков, вплоть до тюремного заключения. Нынешний УК Косово³ (как ранее и Временный УК) криминализирует три вида деяний в рассматриваемой области: Нарушение неприкосновенности жилища и объектов (ст. 200) Повторное незаконное занятие недвижимого имущества (ст. 332.2) и Удаление или повреждение официальных печатей или знаков (ст. 414)

¹ См.: КРСВА Annual Report 2017, Р. 134 // Сайт КРСВА. URL: http://krcva.org/pdf/Raporti_2017.pdf (дата обращения 25.02.2022).

² См.: Там же, С. 134.

³ Criminal Code of Kosovo, Code №. 04/L-082 // URL: <http://www.assembly-kosova.org/common/docs/ligjet/Criminal%20Code.pdf> (дата обращения 22.02.2019).

Всего за 2014 – 2017 годы по инициативе КРСВА было возбуждено 418 уголовных дел по фактам повторных захватов. Из них до конца 2017 года по 264 делам были вынесены приговоры судами первой инстанции, а 154 дел ещё находились на разных стадиях производства в соответствующих региональных прокуратурах¹. Однако информация о том, почему не по всем выявленным случаям повторных захватов были возбуждены уголовные дела (всего таких захватов за тот же период времени было выявлено 542 – см статистику в вышеприведённом графике), а также о сущности приговоров (обвинительные/оправдательные) не публикуется. По мнению автора, реального, а не статистического, изменения ситуации в лучшую сторону нет.

Наблюдатели также отмечают серьёзные и необоснованные задержки в производстве по уголовным делам о незаконном повторном занятии недвижимости после осуществлённого КРА выселения, несмотря на их относительную ясность и доступность документальной доказательственной базы. Специалисты МОК также установили, что имеющиеся значительные задержки рассмотрения таких дел в судах не могут быть объяснены перегруженностью этих судов и накопившим из-за этого большим количеством нерассмотренных дел².

МОК, указывает на то, что в большинстве случаев прокуроры неадекватно отражали межэтнический характер дел о незаконном повторном занятии недвижимого имущества. В 80% случаев, изученных МОК, правонарушителям были предъявлены обвинения только по ст. 414 косовского УК (удаление или повреждение официальных печатей или знаков)³. Поскольку обвинений в незаконном захвате недвижимости не предъявлялось, то и выносимые приговоры не содержали указаний о выселении незаконных «оккупантов». Это подтверждает предположение о том, что прокуратура уклоняется от осуществления активных

¹ См. вышеук. КРСВА Annual Report, С. 134

² См.: вышеук доклад МОК, С. 12-13.

³ См.: там же, С. 11.

действий, направленных на реальный возврат имущества законным правообладателям. Кроме того, в обращениях к судам обвинители просят наказать виновных в «соответствии с законом», а не требуют назначения конкретного наказания, что является нормальной практикой в уголовном судопроизводстве в Косово.

Ни в одном уголовном деле, изученном МОК, реального лишения свободы назначено не было. Наибольший наложенный штраф был в размере около 600 евро, причём 40% штрафов вообще не были выплачены. В судебных решениях не оговаривалась обязанность «оккупантов» освободить незаконно занятое имущество. Также отмечается, что ни один суд ни разу не назначил компенсации понесённых заявителями убытков, что идёт вразрез с европейской правозащитной практикой¹.

ЕСПЧ неоднократно отмечал, что «когда вмешательство в право на мирное пользование имуществом совершается частным лицом, возникает позитивное обязательство государства обеспечить в своей внутренней правовой системе достаточную степень защиты права собственности и предоставить адекватные средства правовой защиты, пользуясь которыми истец может пытаться восстановить свои права, в том числе ... путём требования возмещения любых видов ущерба»². Однако, в косовской правоприменительной практике вместо этого, суды обычно рекомендуют КРА или собственникам обращаться в суд с отдельными исками о возмещении ущерба.

При оценке всего вышеизложенного необходимо помнить, что незаконно занятая собственность может порой сама оцениваться в миллионы евро и приносить приличную прибыль во время незаконного использования. В то же время, настоящие владельцы зачастую вынуждены жить на пособия, в арендованных помещениях, мягко говоря, в не очень хороших условиях, не будучи в состоянии

¹ См. там же, С. 13.

² ECtHR, *Blumberga v. Latvia*, no. 70930/01, judgement of 14 October 2008, § 67.

получить даже минимальной пользы от своей собственности.

Правда, что некоторые имущественные споры сложны для разрешения. Однако представляется, что основные препятствия лежат на этапе исполнения решений уполномоченных органов, отсутствие чего, мягко говоря, не помогает предупреждать подобные правонарушения. Неисполнение решений судов нарушает одну из неотъемлемых ключевых элементов права на доступ к справедливому суду (ст. 6-1 ЕКПЧ)¹. Кроме того, дела, связанные с имуществом ВПЛ, имеют серьёзный общественный резонанс, происходящий из воспринимаемого многими в Косово буквально абсолютного «права победителей», когда проигравшая сторона должна просто исчезнуть. Всё это несомненно имеет очень большое значение для постконфликтного примирения сторон. Этот затянувшийся процесс также нужно рассматривать с учётом непрекращающихся попыток последних лет по созданию «косовского культурного наследия» и «косовской истории», что в свою очередь помогло бы при разрешении вопроса о принятии Косово в ЮНЕСКО.

Косовская национальная стратегия по правам собственности, разработанная и представленная под патронажем Агентства по международному развитию США (англ.: *United States Agency for International Development, USAID*) в 2016 году также признаёт необходимость продолжения работы по разрешению вопроса о возвращении недвижимости ВПЛ и обеспечения их соответствующими гарантиями того, что они своими правами смогут беспрепятственно воспользоваться². Как мы помним, концепция возвращения понимается международным сообществом не просто как возвращение в свою страну для беженцев, или в свой город или регион для ВПЛ, но возвращение и восстановление

¹ См. напр.: ECtHR, *Hornsby v. Greece*, no. 18357/91, judgement of 19 March 1997, § 40.

² См.: *Kosovo National Strategy on Property Rights*, December 2016 // URL: http://kryeministri-ks.net/repository/docs/National_Strategy_and_Annexes_ENG.pdf (дата обращения 25.02.2019).

контроля над своим исходным жилищем, землёй или собственностью¹.

Ожидается, что возвращение и унификация кадастровых данных помогут в этом направлении. Однако, закон о КРСВА не вносит ясности по поводу адекватного его финансирования. Поэтому нельзя избавиться от опасения, что это новая структура, как и КРА, останется без должного финансирования, что не позволит в полной мере обеспечить защиту имущественных прав заявителей.

Без этого универсальные Принципы Пинеиро² (англ.: *Pinheiro Principles*), как минимум в связи с правами на добровольное мирное возвращение, на адекватные консультации и участие в принятии решений, а также исполнением решений судебных и квази-судебных органов, так и останутся на бумаге, по крайней мере по отношению к бывшему неалбанскому населению нынешней «Республики Косово». Критика в отношении действий международного сообщества вообще, и ООН в частности, по реституции прав на недвижимое имущество критиковалась уже на многих площадках³, и эта критика вполне применима и к ситуации в Косово.

К сожалению, с 2008 года МООНК оказалась лишена реальных рычагов власти с фактической потерей контроля над Косово после провозглашения там независимости. EULEX в свою очередь изначально оставила этот вопрос без должного контроля, а теперь совершенно устранилась от какого бы то ни было участия в гражданском судопроизводстве. В свою очередь мандат Миссии ОБСЕ в Косово позволяет только наблюдать и писать доклады, порой очень гневные, но не подвигающие местные власти к реальным действиям по исправлению ситуации. То есть, Пинеиро принцип № 22 по отношению к обязанностям международного

¹ См.: Housing and Property Restitution for Refugees and Displaced Persons: Implementing the 'Pinheiro Principles'. P. 10. UNHCR, OCHA, UNFAO et al, 2007 // URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/pinheiro_principles.pdf (дата обращения 25.10.2022).

² Решение Комиссии ООН по правам человека № E/CN.4/Sub.2/2005/17 от 28 June 2005 // На сайте UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/protection/idps/50f94d849/principles-housing-property-restitution-refugees-displaced-persons-pinheiro.html> (дата обращения 3.11.2022).

³ См.: Ballard Megan J. Post-Conflict Property Restitution: Flawed Legal and Theoretical Foundations // Berkeley Journal of International Law Volume 28 | Issue 2 Article 4, 2010.

сообщества по забывчивости или умышленно также остаётся невыполненным.

В некоторые части и населённые пункты Косово возвращение сербов в ближайшее время невозможно представить из-за открытой ненависти к ним местного албанского населения. Однако, на деле эта «ненависть» нередко подпитывается тем, что возвращающиеся сербы потребуют вернуть им собственность, которой уже почти два десятка лет бесплатно пользуются её узурпаторы. А делать этого последним, естественно, не очень хочется. В такой ситуации всё больше и больше склоняешься к тому, что правы были эксперты, доказывавшие, что денежная компенсация за потерянное имущество была бы¹

Если этот вопрос не был разрешён за два десятилетия после конфликта и одиннадцать лет независимости «Республики Косово», то вряд ли стоит ожидать, что с принятием её в Евросоюз, куда стремятся все бывшие Югославские республики, ситуация изменится в лучшую сторону. Этот вопрос регулярно присутствует в повестке многих встреч Белграда и Приштины², где его разрешение пытаются пролоббировать различные международные посредники.

Вопрос не в наличии адекватной правовой базы. Проблема в том, что соответствующие правовые нормы не применяются к правонарушителям. Возможно, что имеются негласные указания не использовать эти меры воздействия, поскольку имеющееся положение *status quo*, вероятно, устраивает Косовское руководство. Даже не очень глубокий анализ ситуации на этом «рынке недвижимости» приводит к выводу о том, что пока у руководства Косово не появится политической воли решить проблему возврата собственности, никакой надзор или управление со стороны международных структур к положительным

¹ Arraiza J.-M., Moratti M. Getting the Property Question Right: Legal Policy Dilemmas in Post-Conflict Property Restitution in Kosovo (1999-2009). *International Journal of Refugee Studies* vol. 21, iss.3 (2009), P. 421, 426.

² Phillips D.L. Implementation Review of the Kosovo-Serbia dialogue. P.16, 18, 19 // Institute for the Study of Human Rights, Columbia University, 5 September 2017, URL: https://www.humanrightscolumbia.org/sites/default/files/2017_09_05_kosovo-serbia_report.pdf (дата обращения 25.02.2019).

результатам не приведут.

В то же время, неудовлетворительное состояние с правом собственности в Косово, нерешённые и нерешаемые проблемы, как и раньше, могут привести к конфликту не только между доминирующим большинством косовских албанцев и другими общинами, но и между членами самой общины большинства, поскольку классовые и клановые различия усиливаются, а постконфликтная элита усиливает свою власть. Любая попытка введения или осуществления мер правосудия переходного периода в Косово должна учитывать вопросы прав собственности. Они затрагивают некоторые из общепризнанных традиционных подходов к правосудию переходного периода в отношении возмещения ущерба жертвам, реституции, права на возвращение к своему месту жительства, а также других аспектов межобщинных отношений.

§ 2. Особенности квалификации и доказывания преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта

В последнее время отдельные вопросы, связанные с военными преступлениями, получили новое достаточно полное освещение в российской научной юридической литературе¹, хотя и не такое всестороннее, как в зарубежной². Однако много практических вопросов, чаще всего связанных с квалификацией и особенностями доказывания, по-прежнему остались без должного рассмотрения. Такая ситуация на практике может привести к ненужным трудностям

¹ См. напр.: Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. – М., 2006. С. 173.

² См. напр.: Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Editors: Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmerman. – International Committee of Red Cross, Martinus Nijhoff Publishers, Geneva, 1987, 1625 pp.; Green L.C. The Contemporary Law of Armed Conflict / Manchester University Press, Manchester, UK, 2000, 393 pp.; Moir L. The Law on Internal Armed Conflict (Cambridge studies in international and comparative law) / Cambridge University Press, Cambridge, England, 2002, 306 pp.

при расследовании и как результат – к недостаткам, которые могут оказаться неустранимыми и поставить под угрозу всю систему обвинения при судебном рассмотрении дела.

К сожалению, конфликт в Южной Осетии, да и события на Востоке Украины, породили необходимость более полного анализа многих задач, возникающих при расследовании военных преступлений. Актуальность и значимость работ в этом направлении больше не может вызывать сомнений. Особенно важным представляется разработка конкретных рекомендаций и доведение их до участников следственных групп, работающих на территории конфликта и в приграничных зонах.

Как известно, не все преступные деяния, даже тяжкие, совершённые на территории вооружённого конфликта, должны автоматически квалифицироваться как военные преступления. Иногда автору приходилось выносить постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, несмотря на то, что объективно признаки преступления присутствовали и даже имелись конкретные подозреваемые. Причиной являлось то, что одно и то же деяние можно в одной обстановке рассматривать как преступление, а в другой – как один из эпизодов военных действий.

Если следователь принимает решение о квалификации события как военного преступления, то для правильного направления усилий, а также во избежание неожиданных препятствий и проблем на стадии судебного рассмотрения, ему необходимо в первую очередь чётко представлять перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. Представленные ниже элементы сформулированы после тщательного анализа и обобщения содержания международных конвенций и комментариев к ним, статутах МТБЮ¹ и МУС, практики МТБЮ и департамента

¹ Полное название - International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991, краткое – International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia;

юстиции Миссии ООН в Косово, а также личной практики автора. Например, убийства, включено в Статуте в списки преступлений, которые могут быть квалифицированы и как геноцид, и как преступления против человечности, и как военные преступления¹.

Военные преступления различаются по целям, объектам, способам совершения, степени тяжести и т.д. Однако, независимо от вида конкретных противоправных действий, помимо объективных обстоятельств конкретного события (размер ущерба, тяжесть вреда здоровью, умысел т.д.), подлежат обязательному доказыванию как минимум следующие элементы:

1. Наличие вооружённого конфликта на конкретной территории во время совершения преступления.
2. Обязательность применения сторонами норм международного права, регулирующего ведение боевых действий.
3. Участие обвиняемого в вооружённом конфликте.
4. Связь между конфликтом и преступлением (так называемый *nexus*).
5. Наличие статуса гражданского лица у потерпевшего.
6. Нарушение деянием действующего в момент его совершения международного права и одновременно внутреннего законодательства страны (англ. *duality test*).
7. Участие обвиняемого в совершении конкретного преступления.
8. Наличие тяжких последствий².

международно-признанная аббревиатура ICTY. Все публичные документы на официальном вебсайте <http://www.un.org/icty/>

¹ См. напр.: Москалёв Г.Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): Проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации. Проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации. Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2015, 221 с.

² См.: Заключительная речь обвинителя по делу *Krasniqi et al* (HeP No. 26/2004) от 7 августа 2006, С. 6 (архив Департамента юстиции МООНК, Приштина, Косово). См. также: Григорян Г.М. Организация расследования и сбора доказательственной информации о военных преступлениях, как часть содержания концепции расследования военных преступлений, совершаемых противоборствующими сторонами вооруженного конфликта / Г.М. Григорян // *Sciences of Europe*. № 6-3(6) - 2016. - С. 83-88.

Повторимся, что это только минимальный список, в зависимости от конкретных обстоятельств он может дополняться другими необходимыми деталями и фактами. Кратко рассмотрим перечисленные элементы, используя события в Южной Осетии в августе 2008 года в качестве примера.

1. Можно ли признать боевые действия в Южной Осетии вооружённым конфликтом?

Ответ на первую часть вопроса достаточно прост. По определению МТБЮ, «вооружённый конфликт имеет место всегда, когда присутствует любое вооружённое насилие между государствами, а также длительное вооружённое насилие между властью и организованными вооружёнными формированиями, или между такими формированиями в границах одного государства»¹.

Если с идентификацией войны между суверенными государствами (собственно международного конфликта) обычно проблем не возникает, то для придания событиям в границах одной страны статуса внутреннего (немеждународного) вооружённого конфликта необходимо установление несколько обязательных элементов:

а) масштабы, интенсивность и продолжительность боевых действий выходят за рамки, характерные для отдельных беспорядков;

б) конфликтующие стороны можно чётко определить и обозначить, они обладают известной степенью организованности;

в) конфликт происходит в определённых территориальных границах;

г) есть возможность более или менее чётко определить время начала и окончания конфликта.

Это основные отличия от массовых беспорядков, единичных, стихийных восстаний и террористических или бандитских проявлений. Если эти условия

¹ См.: Решение апелляционной инстанции МТБЮ в деле Tadić, IT-94-1 (октябрь 1995), §70.

удовлетворены, то ситуация “на земле” должна выглядеть как “война” в широком понимании этого слова.

Масштабы и интенсивность вооружённого конфликта в Грузии должны оцениваться с учётом объективных данных о количестве столкновений, участников, потерь среди участников конфликта, жертв среди местного населения и материального ущерба.

Поскольку с грузинской, осетинской и позже с российской стороны в конфликте принимали участие подразделения регулярных армий, то второй критерий может быть констатирован без особых затруднений для следственных органов. Территориальные и временные границы конфликта применительно к событиям в Грузии также могут быть установлены без особых проблем.

Из вышеизложенного следует вывод, что вооружённые столкновения в Грузии подпадают под признаки «вооружённого конфликта» в международно-правовом понимании этого термина.

Что касается его характера – МТБЮ уже подтвердил, что конфликт является международным, если он происходит между двумя или более государствами. Кроме того, конфликт на территории одного государства может перерасти в международный, если 1) другое государство вмешивается в его течение посредством своих вооружённых сил или если 2) отдельные участники внутреннего конфликта действуют от имени другого государства. В зависимости от конкретных обстоятельств, конфликт также может являться одновременно и внутренним, и международным¹.

Например, конфликт между силами Федеративной Республики Югославии и Республики Сербии, с одной стороны, и подразделениями Армии освобождения Косова, с другой, носил исключительно внутренний характер с его начала в 1998 году до марта 1999. С момента начала бомбардировок Косова и Сербии авиацией

¹ См.: Там же, §84.

НАТО в марте 1999 года конфликт приобрёл международный характер, при этом также оставаясь и внутренним.

Изначально конфликт в Южной Осетии носил исключительно внутренний характер. Тот факт, что от военных действий пострадали граждане Российской Федерации, проживающие в Южной Осетии, сам по себе не является достаточным основанием для изменения его статуса.

С момента нападения на подразделения смешанных сил по установлению мира и поддержанию правопорядка, размещённых в соответствии с Дагомыским **соглашением** 24 июня 1992 года¹, статус конфликта изменился. Он приобрёл международный оттенок, поскольку в составе этих сил находились представителями третьей, не участвующей в конфликте стороны – Российской Федерации.

В то же время, нападение на части ВС РФ, находящиеся в составе «смешанных сил», с правовой точки зрения не должно рассматриваться как нападение на части регулярной армии России. Дело в том, что они должны были находиться под командованием смешанной Контрольной комиссии, а не Министерства обороны РФ или Южной Осетии, поскольку Дагомыское соглашение является единственным правовым основанием их нахождения на территории Грузии. По мнению авторов, недостаточное реализация отдельных положений Соглашения, должно было давно подвигнуть стороны на его своевременную модификацию, отражающую действительное положение вещей.

¹ Ст. 3 Соглашения содержит следующие предписания:

1. В целях обеспечения контроля за прекращением огня, выводом вооружённых формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности в указанной зоне учреждается смешанная Контрольная комиссия в составе сторон, вовлеченных в конфликт, которая осуществляет свои функции во взаимодействии с группой военных наблюдателей, созданной в соответствии с договоренностями в Казбеги.

...

3. Для выполнения указанных задач по согласованию сторон при Контрольной комиссии создаются **смешанные силы по установлению мира и поддержанию правопорядка**. При Комиссии также будут созданы **смешанные группы наблюдателей, размещающиеся по периметру зоны безопасности** (выделено автором – АА.).

Таким образом, конфликт в Южной Осетии до момента вступления в него регулярных частей МО РФ, должен считаться вооружённым конфликтом немеждународного характера, как определено ст. 1 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года¹, а после – международным конфликтом.

Правила ведения войны применяются на всей территории воюющих государств, а в случае внутренних вооружённых конфликтов – всей территории, подконтрольной одной из сторон конфликта, независимо от того, происходят ли там в отдельный момент активные боевые действия².

Также необходимо отметить, что термин «боевые действия» (англ. *hostilities*) не является синонимом термина «вооружённый конфликт» (англ. *armed conflict*). Вооружённый конфликт может продолжаться и после прекращения боевых действий. Война прекращается с момента подписания мирного договора; в случае внутреннего вооружённого конфликта – соглашения о мирном урегулировании³.

Таким образом, нарушение правил и обычаев ведения войны может произойти во то время и в том месте, в которые не наблюдается реальных боевых действий.

¹ Статья 1. Основная сфера применения

1. Настоящий Протокол ... применяется ко всем вооруженным конфликтам, не подпадающим под действие статьи 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокола I), и происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между вооружёнными силами и антиправительственными вооружёнными силами или другими организованными вооружёнными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью её территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол.

2. Настоящий Протокол не применяется в случаях нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряжённости, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооружёнными конфликтами.

² См.: Решение апелляционной инстанции о юрисдикции МТБЮ в деле Tadić, IT-94-1 (октябрь 1995), §§ 67 и 70.

³ См.: там же §70.

2. *Обязательность применения сторонами норм международного права, регулирующего ведение боевых действий.*

Грузия присоединилась к I – IV Женевским конвенциям 1949 года, а также I и II Дополнительным протоколам к ним 14 сентября 1993 года¹. Российская Федерация, как правопреемник СССР, считается присоединившейся к Конвенциям с 10 мая 1954 года, а к Дополнительным протоколам с 29 сентября 1989 года. Южноосетинская сторона также должна рассматриваться присоединившейся к этим международным соглашениям, как и Грузия.

Очевидно, что все стороны конфликта в Грузии являются участниками этих международных соглашений, и поэтому были обязаны соблюдать ограничения при ведении боевых действий, которые ими установлены.

3. *Участие обвиняемого в вооружённом конфликте.*

Обвиняемый должен находиться в составе регулярной армии, ополчения, милиции, партизанских отрядов и т.п., действующих с одной из сторон вооружённого конфликта. Шпионы противоборствующей стороны, захваченные *in actus*, а также наёмники, не должны признаваться комбатантами (от англ. *combatant* - участник конфликта с какой-либо стороны), что лишает их права на получение статуса и защиты как военнопленного, однако этот статус может быть предоставлен по решению властей².

Для отдельных составов необходимо доказать непосредственное участие обвиняемого в боевых действиях. По определению Международного комитета красного креста (МККК, англ. *International Committee of Red Cross, ICRC*), прямое участие в военных действиях означает осуществление “актов войны, которые по

¹ Список стран, ратифицировавших указанные Конвенции и Протоколы можно найти по следующей ссылке: http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/html/party_main_treaties.

² См.: Официальный комментарий МККК к I и II Дополнительным протоколам: *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*. Editors: Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmerman. – International Committee of Red Cross, Martinus Nijhoff Publishers, Geneva, 1987, §§1784 - 1788, P. 570.

своей природе или цели могут причинить реальный вред персоналу и имуществу вооружённых сил противника”¹.

4. *Конфликт как обстоятельство, способствующее совершению преступления (пехис между войной и преступлением).*

Чтобы доказать правильность квалификации деяния как военного преступления, обвинение должно установить не только существование вооружённого конфликта, но и существенную связь между конфликтом и вменяемыми преступными деяниями². Война не обязательно должна быть непосредственной причиной совершения деяния и наступления последствия, но она должна была способствовать обвиняемому совершить преступление, повлиять на его решение о совершении преступления, определение цели или выбор способа. Конфликт должен был сыграть значительную роль в обеспечении правонарушителю возможности его совершения³. Отсюда можно сделать вывод, что вооружённый конфликт является скорее *условием*, нежели *причиной* (одной из причин).

В большинстве случаев война создаёт объективную возможность (англ. *objective possibility*) для отдельных подразделений или личностей в составе вооружённых сил, ополчения или партизанских соединений получить полномочия государственных органов на осуществления арестов, обысков, содержания под стражей, проведения расследования и вынесения приговоров. Особенно часто эти меры применяются в отношении лиц, подозреваемых в сотрудничестве с противником. В большинстве случаев руководство этими действиями и методы, используемые при этом, являются преступными и могут являться военными преступлениями. То есть, объективная возможность совершения таких

¹ См.: там же, §1944, Р. 619.

² См.: Решение суда первой инстанции МТБЮ в деле Tadić, IT-94-1 (май 1997), §§572-575.

³ См.: Решение апелляционной инстанции МТБЮ в деле Kunarac, IT-96-23&IT-96-23/1-A (июнь 2002), §58.

преступлений во многом связана с получением фактического контроля над захваченной территорией и населением, там проживающим.

Практика МТБЮ определяет индикаторы, позволяющие установить *nexus* между вооружённым конфликтом и вменяемым преступным деянием. Так, в своём решении по делу *Kunarac* апелляционная инстанция определила: «Для установления наличия причинно-следственной связи ... суд может принять во внимание следующее: (1) участвовал ли правонарушитель в вооружённом конфликте; (2) являлся ли потерпевший гражданским лицом; (3) принадлежал ли потерпевший к противной стороне конфликта; (4) приносило ли вменяемое действие что-либо для достижения главной цели военных действий, или (5) охватывалось ли вменяемое деяние служебными обязанностями обвиняемого или было как-либо связано с ними»¹.

Также, в международной юридической практике отмечается, что не может быть квалифицировано как военное преступление деяние, совершенное по исключительно личным мотивам², то есть никак не связанным с происходящим конфликтом (личная неприязнь, месть и т.п.). Однако возможность совершения преступником таких деяний зачастую обеспечена его статусом, приобретённым вследствие военных действий. Это означает, что деяние опять же было обеспечено вышеупомянутой «объективной возможностью» совершения преступления. Таким образом, даже преступления подобного рода могут быть квалифицированы как военные.

5. Наличие статуса гражданского лица у потерпевшего.

Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года определяет гражданским «любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 (а.1, а.2, а.3 и а.6) Третьей конвенции, и в статье 43 настоящего

¹ См: там же, §59.

² См.: Решение Международного Уголовного Трибунала по Руанде (ICTR), в деле Akayesu, ICTR -96-4, §636.

Протокола»¹. Это означает, что гражданским является любое лицо, которое не является:

- а. военнослужащим регулярных вооружённых формирований;
- б. членом отрядов добровольческих подразделений или милиции, входящих в состав регулярных вооружённых сил;
- в. участником отрядов самообороны, имеющих организованную командную структуру, имеющих распознаваемые знаки различия, открыто носящих оружие и проводящих военные действия и акции в соответствии с правилами и обычаями ведения войны².

Лицо, являющееся действующим участником вооружённых формирований (не демобилизованное), однако не имеющее при себе оружия и/или не участвующее в боевых действиях, не приобретает статуса гражданского лица³.

Военнослужащие регулярной армии и члены иных вооружённых формирований, расквартированные на отдых вблизи конфликта, независимо от того, участвуют ли они в военных действиях в конкретный момент и имеют ли при себе оружие, сохраняют статус участника конфликта и вследствие этого остаются легитимной целью военных действий⁴.

Присутствие участников вооружённых формирований среди представителей гражданского населения не снимает гражданского статуса со всего населения. Так, в деле *Kordić & Čerkez* апелляционная инстанция постановила, что удары артиллерийских и пехотных частей Хорватской армии по местечку Бусовача (Busovača) в январе 1993 года представляли собой не только атаки на вооружённые

¹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года (1977), статья 50(1). Данное определение является одним из положений обычного международного права. См. также: Приговор по делу *Prosecution v Tihomir Blaškić*, IT-95-14, 3 марта 2000, §464.

² См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Blaškić* IT-95-14-A(29 июля 2004), §113; решение суда по делу *Galić* (декабрь 2003), §47.

³ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Blaškić* (29 июля 2004), §114.

⁴ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Dario Kordić & Mario Čerkez*, IT-95-14/2-A (декабрь 2004), §51.

формирования противоборствующей стороны, но и незаконные атаки на всё мусульманское население, проживающее в этом городе мирных жителей¹. В основу выводов суда легли два объективных обстоятельства: во-первых, практически все коммерческие объекты, принадлежащие мусульманам, были уничтожены (при том, что не найдено доказательств их использования в военных целях)², а во-вторых, было большое количество жертв среди гражданского населения³. Эти элементы должны учитываться при расследовании и судебном рассмотрении схожих дел о военных преступлениях во время конфликта в Грузии.

При рассмотрении апелляций по делам *Blaškić* и *Galić* МТБЮ уточнил, что для объективной оценки статуса гражданского населения также необходимо принимать во внимание количество военнослужащих, размещённых среди гражданских лиц, а также их непосредственное присутствие среди них в критический момент⁴.

6. Нарушение деянием действующего в момент его совершения международного права и одновременно внутреннего законодательства страны (англ. duality test).

В российском уголовном законодательстве ответственность за военные преступления предусматривается статьями главы 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Представляется, что отдельные деяния, совершенные во время конфликта в Грузии, можно квалифицировать по следующим статьям российского УК: 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», 357 «Геноцид», 359 «Наёмничество» и 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой»⁵.

¹ См.: Там же, §409.

² См.: Там же, §§408 и 419.

³ См.: Там же, §§410, 411 и 415.

⁴ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Blaškić* (июль 2004), §115.

⁵ Кибальник А.Г., Применение запрещенных средств и методов ведения войны / А.Г. Кибальник А.В. Берко // Ставрополь, Сер. Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра, ООО Ставропольсервисшкола, 2002, 104 с.

В отличие от многих зарубежных аналогов (например, ст. 142 УК СФРЮ), для квалификации деяния как военного преступления по УК Российской Федерации не обязательно одновременное нарушение этим деянием действующего международного права. Только в статье 360 имеется указание на «лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой». В этом случае обвинению необходимо отдельно доказывать существование международного договора, конвенции и т.п., обеспечивающих эту защиту, и распространение этих правовых актов на конкретных лиц, подвергшихся нападению.

Применение российского уголовного законодательства к преступным деяниям, совершенным на территории Южной Осетии, можно обосновать в соответствии со статьей 12 (Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации).

Части 1 и 2 этой статьи применимы к гражданским лицам и военнослужащим РФ, участвовавшим в событиях. Часть 3 может быть применена к иностранным гражданам, однако только в случае установления следующих дополнительных обстоятельств: 1) преступление было направлено против интересов Российской Федерации, или 2) это предусмотрено международным договором Российской Федерации, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

7. Непосредственное участие обвиняемого в совершении конкретного преступления.

С объективной стороны, совершить военное преступление можно как путем непосредственного участия, так и планированием, отдаванием приказа, содействием и подстрекательством. В международном уголовном праве такие обвиняемые несут индивидуальную уголовную ответственность (англ. *individual criminal responsibility*). При этом нахождение обвиняемого на какой-либо высокой должности, даже главы государства или правительства, не должно являться

основанием для освобождения от уголовной ответственности или смягчения наказания.

Кроме того, возможна так называемая «командная уголовная ответственность» (англ. *command responsibility*) в случаях, когда преступление было совершено подчиненными, а командир не предпринял должных мер по предотвращению преступной деятельности или не наказал виновных, когда он знал или имел достаточные основания полагать, что подчиненный готовился совершить преступление или уже его совершил.

Доказательство того, что обвиняемый выполнял приказ командования, не рассматривается основанием для освобождения от уголовной ответственности, но может явиться смягчающим вину обстоятельством.

Кроме того, в международном уголовном праве сложилась доктрина «совместного преступного предприятия» (англ. *joint criminal enterprise*) или «деятельности с общей целью» (англ. *common purpose or design*). В соответствии с этой доктриной, когда цель преступления достигается через действия многих лиц, находящихся в сговоре, все соучастники несут равную ответственность, независимо от того, участвовали ли они непосредственно в совершении преступления или привнесли свой вклад каким-либо иным образом (независимо от объема этого вклада).

В российском законодательстве применительно к военным преступлениям эта концепция охватывается понятием «совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией)», которое содержится в статье 35 УК. Основное отличие состоит в том, что в российской интерпретации только организатор организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несет полную ответственность за все преступления, совершенные группой, в дополнение к ответственности за организацию и руководство ею. Другие участники несут уголовную ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они непосредственно участвовали.

8. Наличие тяжких последствий.

Состав военного преступления может быть только оконченным, т.е. тяжкие последствия должны наступить.

Апелляционная инстанция МТБЮ в решении по делу *Kordić & Čerkez* подтвердила позицию, занятую трибуналом ранее в приговорах по делам *Blaškić* и *Kordić & Čerkez*. В этом решении было указано на статью 85(3) Дополнительного протокола I, в соответствии с которой нападение на гражданское население и отдельных гражданских лиц рассматривается как серьёзное нарушение данного Протокола (т.е. становится военным преступлением) только в случае, если была причинена смерть и/или тяжкие телесные повреждения¹. Там же суд отдельно оговорился, что даже в обычном международном праве, действовавшем во время вооружённых столкновений в Боснии и Герцеговине, не было положения о том, что нападение, не повлекшее жертв или телесных повреждений, может рассматриваться как военное преступление².

Международный уголовный суд имеет другой подход к разрешению этой проблемы. При анализе Статута этого Суда можно сделать вывод о том, что он не рассматривает результат (наступление желаемых тяжких последствий) уголовно-наказуемого деяния «нападение на гражданское население» как обязательный элемент состава преступления³. Следовательно, лицо, обвиненное в организации атаки на мирное население перед этим судом, должно быть признано виновным независимо от того, какие последствия повлекли его действия.

Еще раз отметим, что приведенный перечень наиболее общих обстоятельств, подлежащих доказыванию, не является исчерпывающим и может быть дополнен или изменен. Кроме того, в зависимости от квалификации конкретного

¹ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Kordić & Čerkez* (декабрь 2004), §§58, 63 и 67.

² См.: там же, § 66.

³ См.: Статут Международного уголовного суда (подписан 17 июля 1998, вступил в силу в 1 июля 2002, UN Doc. A/CONF.183/9), статья 7 § 2(a), статья 8 §§2(b)-(i) 2(e)-(i).

преступления эти обстоятельства должны корректироваться в соответствии с элементами состава этого преступления.

Выше мы уже упоминали дело об убийстве 14 гражданских сербов в деревне Старо Грацко в Косово (см. выше, в §2 первой главы). В том случае есть все основания подозревать в его совершении бойцов ОАК, о его совершении в террористических целях, в целях «зачистки» территории от остававшихся там гражданских сербов. Однако, даже несмотря на политическое давление и большое внимание международной общественности к этому делу, возбуждено оно было статье «Убийство двух и более лиц», а не как военное или гуманитарное преступление. Как следствие, часы ограничения действия уголовного закона во времени, начали свой отсчёт с 1999 года, а 10-летний запрет уголовного преследования виновных, предусмотренный по этой статье (англ.: *statutory limitation*), который не действует применительно к военным преступлениям, истёк в 2009 году.

Коротко остановимся на квалификации событий, связанных с нападениями на гражданское население. К настоящему времени в практика МТБЮ сложилась таким образом, что нападения на гражданское население в процессе боевых действий могут быть признаны незаконными и, следовательно, квалифицированы как военные преступления только при наличии следующих элементов:

- нападение осуществлено во время вооруженного конфликта¹,
- нападение являлось преднамеренным (*deliberate*) деянием²,
- нападение повлекло за собой гибель гражданского населения или причинение тяжких телесных повреждений³.

¹ См.: Приговор по делу Blaškić, IT-95-14 "Lašva Valley" (март 2000), § 180; приговор по делу Kordić & Čerkez, IT-95-14/2 (февраль 2001), § 328; приговор по делу Galić, IT-98-29 "Sarajevo" (декабрь 2003), § 56.

² См.: там же.

³ См.: Приговор по делу Blaškić (март 2000), § 180; приговор по делу Kordić & Čerkez (февраль 2001), § 328.

Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года определяет как гражданское «любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 (а.1, а.2, а.3 и а.6) Третьей конвенции, и в статье 43 настоящего Протокола»¹. Это означает, что гражданским является любое лицо, которое **не является:**

1. военным служащим регулярных вооружённых формирований;
2. членом отрядов добровольческих подразделений или милиции, входящих в состав регулярных вооружённых сил;
3. участником отрядов самообороны имеющих организованную командную структуру, имеющих распознаваемые знаки различия, открыто носящих оружие и проводящие военные действия и акции в соответствии с правилами и обычаями ведения войны².

Возникает вопрос о том, как расценивать ситуации, когда лицо в момент совершения над ним преступного деяния являлось действующим участником вооружённых формирований (не было демобилизовано), однако не имело при себе оружия или не участвовало в боевых действиях. Анализ судебной практики МТБЮ по этому вопросу показывает, что для приобретения статуса гражданского лица наличия только вышеуказанных обстоятельств недостаточно³.

Военнослужащие регулярной армии и члены иных вооружённых формирований, расквартированные на отдых вблизи конфликта, независимо от того, участвуют ли они в военных действиях в конкретный момент, и имеют ли при себе оружие, сохраняют статус участника конфликта и вследствие этого остаются легитимной целью военных действий⁴.

¹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года (1977), статья 50(1). Данное определение является одним из положений обычного международного права. См. также.: Приговор по делу Blaškić (июль 2004), § 464.

² См.: Решение апелляционной инстанции по делу Blaškić (июль 2004), § 113; решение суда по делу Galić (декабрь 2003), § 47.

³ См.: Решение апелляционной инстанции по делу Blaškić (июль 2004), § 114.

⁴ См.: Решение апелляционной инстанции по делу Kordić & Čerkez (декабрь 2004), § 51.

Присутствие участников вооружённых формирований среди представителей гражданского населения не отнимает гражданского статуса у всего населения. Для подтверждения этого тезиса также обратимся к практике МТБЮ.

В деле *Kordić & Čerkez* апелляционная инстанция постановила, что удары артиллерийских и пехотных частей Хорватской армии по местечку Бусовача (Busovača) в январе 1993 года представляли собой не только атаки на вооруженные формирования противоположной стороны, но и незаконные атаки на всё мусульманское население, проживающее в этом городе, в том числе и на мирных жителей¹. В основу выводов суда легли два обстоятельства: во-первых, практически все коммерческие объекты, принадлежащие мусульманам, были уничтожены (при том, что не найдено доказательств из использования в военных целях)², а во-вторых, было большое количество жертв среди гражданского населения, не принимавшего участия в конфликте³.

Суд при рассмотрении апелляций по делам *Blaškić* и *Galić* уточнил, что при оценке наличия статуса гражданского населения также необходимо принимать во внимание количество военнослужащих, размещенных среди гражданских лиц, а также их непосредственное присутствие среди них в критический момент⁴.

Что же понимается под «нападением»? Дополнительный протокол I определяет нападения как «акты насилия в отношении противника, независимо от того, совершаются ли они при наступлении или при обороне»⁵. Во многих решениях МТБЮ нападение определено как способ действия, включающий совершение актов насилия⁶.

¹ См.: Там же, § 409.

² См.: Там же, §§ 408 и 419.

³ См.: Там же, §§ 410, 411 и 415.

⁴ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Blaškić* (июль 2004), параграф 115; решение апелляционной инстанции по делу *Galić* (ноябрь 2006), § 137.

⁵ См.: Протокол I к Женевским конвенциям 1949 года (1977), статья 49(1).

⁶ См.: Приговор по делу *Kunarac et al*, IT-96-23&23/1 "Foča" (февраль 2001), § 415; решение апелляционной инстанции по делу *Krnjelac*, (IT-97-25) "Foča" (март 2002), § 54; приговор по делу *Galić* (декабрь 2003), § 52.

Практика МТБЮ говорит о том, что для квалификации нападения как военного преступления, оно должно повлечь смерть гражданских лиц и/или причинить тяжкие телесные повреждения. Суд занял такую позицию в уже упомянутых приговорах по делам *Blaškić* и *Kordić & Čerkez*¹.

Решение МТБЮ в первой инстанции по делу *Galić* оставило этот вопрос без рассмотрения, поскольку обвинительное заключение включало только эпизоды, связанные с убийствами гражданских лиц, что не делало необходимым обоснование того, причинили ли нападения смерть или телесные повреждения гражданским лицам, и, следовательно, являлись ли уголовно наказуемыми².

Апелляционная инстанция МТБЮ по делу *Kordić & Čerkez* (декабрь 2004) подтвердила позицию, занятую трибуналом ранее в приговорах по делам *Blaškić* и *Kordić & Čerkez*. В этом решении было указано на статью 85(3) Дополнительного протокола I, в соответствии с которой нападение на гражданское население и отдельных гражданских лиц рассматривается как серьёзное нарушение данного Протокола (т.е. становится военным преступлением) только в случае, если была причинена смерть или тяжкие телесные повреждения³. Там же суд отдельно оговорился, что даже в обычном международном праве, действовавшем во время вооружённых столкновений в Боснии и Герцеговине, не было положения о том, что нападение, не повлекшее жертв или телесных повреждений, может рассматриваться как военное преступление⁴.

Необходимо оговориться, что Международный уголовный суд имеет другой подход к разрешению этой проблемы. При анализе Статута этого Суда напрашивается вывод о том, что он не рассматривает результат уголовно-наказуемого деяния “нападение на гражданское население” как обязательный

¹ См.: Приговор по делу *Blaškić* (март 2000), § 180; приговор по делу *Kordić & Čerkez* (февраль 2001), § 328.

² См.: Приговор по делу *Galić* (декабрь 2003), § 43.

³ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Kordić & Čerkez* (декабрь 2004), §§ 58, 63 и 67.

⁴ См.: там же, § 66.

элемент состава преступления¹. Следовательно, лицо, обвиненное в организации атаки на мирное население перед этим судом, должно быть признано виновным независимо от того, какие последствия повлекли его действия.

Также отметим, что на вопрос о том, может ли нападение на гражданское население быть оправдано военной необходимостью, МТБЮ изначально отвечал положительно². В одном из последующих решений это утверждение было пересмотрено и отброшено как неверное. При этом суд сослался на статью 51(2) Дополнительного протокола I, которая однозначно запрещает любые нападения на мирное население, не давая возможности для каких-либо вольных трактовок и исключений³. Апелляционная инстанция МТБЮ в делах *Blaškić, Kordić & Čerkez* и *Galić* устранила все возможные разночтения в решении этой проблемы, установив абсолютное запрещение выбора гражданского населения целью атаки⁴.

Отдельного рассмотрения заслуживает субъективная сторона (*mens rea*) данного преступления. В приговоре по делу *Blaškić* суд указал, что “нападение должно было быть совершено преднамеренно и в ситуации, когда виновный знал или не мог не знать, что мирные жители ... являлись объектом нападения без военной необходимости”⁵. Как мы уже рассмотрели ранее, суд в приговоре по делу *Galić* устранил военную необходимость как элемент, оправдывающий деяние, тем самым удалив его и из *mens rea*⁶.

Ключевым элементом, указывающим на серьезность нарушения Дополнительного протокола, является ответ на вопрос, совершено ли деяние

¹ См.: Статут Международного уголовного суда (подписан 17 июля 1998, вступил в силу в 1 июля 2002, UN Doc. A/CONF.183/9), статья 7 § 2(a), статья 8 §§ 2(b)-(i) 2(e)-(i).

² См.: Приговор по делу *Blaškić* (март 2000), § 180; приговор по делу *Kordić & Čerkez* (февраль 2001), § 328

³ См.: Приговор по делу *Galić* (декабрь 2003), § 44.

⁴ См.: Решение апелляционной инстанции по делу *Blaškić* (июль 2004), § 109; решение апелляционной инстанции по делу *Kordić & Čerkez* (декабрь 2004), § 54; решение апелляционной инстанции по делу *Galić* (ноябрь 2004), § 130.

⁵ См.: Приговор по делу *Blaškić* (март 2000), § 180.

⁶ См.: Приговор по делу *Galić* (декабрь 2003), § 44.

умышленно (*willfully*). В соответствии с мнением суда, умысел имеет место тогда, когда акт насилия сознательно направлен на гражданское население или отдельные гражданские лица, не участвующие в военных действиях. При этом обвинение должно доказать, что любой человек в здравом уме категорически не мог допускать, что лицо, подвергающееся атаке, является военным¹. До устранения сомнений в том, является конкретное лицо военным или гражданским, оно должно рассматриваться как гражданское².

Комментарий Международного красного креста к Дополнительным протоколам в части, относящейся к статье 85, говорит, что “умышленное” (*wilfull*) совершение данного преступления возможно как с прямым (*criminal intent, malice aforethought*), так и с косвенным умыслом (*wrongful intent, recklessness*), тогда как небрежное совершение этого преступления невозможно³. В приговоре по делу *Galić* суд согласился с такой трактовкой⁴.

Нам представляется, что детальный анализ практики МТБЮ как по данному отдельно взятому, так и по другим военным преступлениям, представляет интерес для научных кругов российских юристов, для практиков, сталкивающихся с проблемой квалификации преступных деяний, совершаемых в период вооружённых конфликтов, и для студентов, изучающих международное право. В дальнейших работах авторы продолжают разработку этой тематики.

Кратко остановимся на потенциальной проблеме, вытекающей из различия в подходе к квалификации отдельных преступлений в соответствии с внутренним и международным законодательством. Автору приходилось отказывать в возбуждении уголовных дел, несмотря на то, что объективно признаки преступления присутствовали и даже были основания подозревать конкретных лиц

¹ См.: Там же, § 55.

² См.: Там же; § 1 статьи 50 Дополнительного протокола I.

³ См.: Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / Editors: Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmerman ; International Committee of Red Cross. - Geneva : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. § 3474.

⁴ См.: Приговор по делу *Galić* (декабрь 2003), § 54.

в их совершении. Причина этого в том, что одно и то же деяние можно в одной обстановке рассматривается как преступление, а в другой – как один из эпизодов военных действий.

Так, в сентябре 2005 года в международную прокуратуру в Косово было направлено из Белградской военной прокуратуры заявление гражданина Милорада В. Заявитель сообщал, что его сын Милован В., в то время проходивший военную службу по призыву в частях Войска Югославии, был похищен членами террористической организации «Армия Освобождения Косова»¹ во время столкновения около села Коморане (Косово) в июле 1998 года. На момент подачи заявления информация о дальнейшей судьбе его сына отсутствовала. Он предлагал возбудить уголовное дело по фактам жестокого обращения и казни раненных и военнопленных (статьи 143 и 144 УК СФРЮ)².

Однако в возбуждении уголовного дела было отказано на следующих основаниях:

¹ Английское название "Kosovo Liberation Army" (KLA); албанское "Ushtria Çlirimtare e Kosoves" (УÇК). Далее – УÇК.

² **Статья 143. Военные преступления в отношении раненных и больных**

Кто в нарушение норм международного права во время войны или иного вооружённого конфликта отдаёт приказ об убийствах, пытках, бесчеловечном обращении с ранеными, больными, потерпевшими кораблекрушение, или с медицинским персоналом, в том числе о проведении биологических экспериментов, причиняющих большие страдания или тяжёлые физические и психические травмы; или кто отдаёт приказ о незаконном или произвольном уничтожении или о крупном изъятии материалов и средств из медицинских учреждений или подразделений, не обоснованном военной необходимостью, или кто непосредственно совершает любое из перечисленных деяний, наказывается лишением свободы на срок не менее пяти лет или смертной казнью.

Статья 144. Военные преступления в отношении военнопленных

Кто в нарушение норм международного права, отдаёт приказ об убийствах, пытках, бесчеловечном обращении с военнопленными, в том числе проведение биологических экспериментов, причиняющих большие страдания или тяжёлые физические и психические травмы, насильственном зачислении на военную службу в армию враждебной стороны, или лишении права на беспристрастный суд, или кто непосредственно совершает любое из перечисленных деяний, наказывается лишением свободы на срок не менее пяти лет или смертной казнью.

- имелись достоверные сведения о том, что потерпевший был ранен во время открытого столкновения между двумя противоборствующими сторонами конфликта, при каких-либо нанесение вреда противнику является правомерным;

- потерпевший был захвачен в плен в процессе того же столкновения, что не является преступлением по тем же причинам.

- правоохранные органы не располагали сведениями об обстоятельствах захвата в плен, о месте и условиях содержания пленного, о его дальнейшей судьбе. Это означало отсутствие оснований и для возбуждения уголовного дела по военным преступлениям (убийство военнопленного, нанесение ему телесных повреждений, содержание в бесчеловечных условиях).

Несмотря на то, что в соответствии с действовавшим в то время уголовным кодексом СФРЮ описанное деяние содержало в себе признаки преступления, в соответствии с решениями международных структур, июль 1998 года попадает в период, в который признано наличие вооружённого конфликта в Косово. Легитимное причинение вреда противнику рассматривается как военная необходимость, вследствие чего убийство военнослужащего или захват его в плен является законным в военное время. При отсутствии достоверных данных о возможных иных нарушениях правил ведения войны, квалификация деяния как военного преступления невозможна.

Из доклада Главного прокурора Специальной следственной группы Евросоюза (англ.: *EU Special Investigative Task Force*, SITF), созданной для проведения независимого расследования обвинений в совершении военных преступлений и организованной преступности, содержащихся в докладе Совета Европы, подготовленного сенатором Диком Марти и опубликованном в январе 2011 года, а также иных связанных с ними преступлений: «По некоторым преступлениям, например пыткам, к сожалению, привлечение к ответственности по

местному законодательству уже невозможно вследствие истечения пятнадцатилетнего а давности. В то же время, Специальная следственная группа не имела возможности прервать течение этого срока путём предъявления обвинений, т.к. до сих пор не организован судебный орган, уполномоченный принимать их к рассмотрению. Однако, по моему мнению, негативного эффекта на общий результат расследования удастся избежать, поскольку обвинения по многим преступлениям, признаки которых установлены, могут в равной мере быть предъявлены и в контексте международного гуманитарного права, на нарушения которого, как известно, срок давности не распространяется»¹.

Отдельно хотелось бы остановиться на одной из значимых с нашей точки зрения проблем, характерных как для международного правосудия, так и для многих других отраслей человеческой деятельности – это отделение фактов от оценок и умозаключений. Здесь мы говорим о факте в его естественно-научном понимании, а не о «юридическом факте».

В общем понимании факт (лат. *factum* - свершившееся) – это термин, который в широком смысле может выступать как синоним «истины»; событие или результат; реальное, а не вымышленное; конкретное и единичное в противоположность общему и абстрактному².

Спорным остаётся положение о том, могут ли факты существовать сами по себе, независимо от их восприятия и понимания³. В современной философии науки распространены две основные концепции факта: фактуализм и теоретизм. Первая

¹ Доклад Главного прокурора Специальной следственной группы Евросоюза, созданной по результатам доклада Дика Марти, 29 июля 2014 г., С 2 // Официальный сайт http://www.sitf.eu/images/Statement/Statement_of_the_Chief_Prosecutor_of_the_SITF_EN.pdf

² См.: Факт // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, 2-е изд., - М.: Мысль, 2010 // Цит. по.: Википедия. Свободная энциклопедия [электронный ресурс] – Режим доступа. - https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%BA%D1%82#cite_note-nfe-fact-1 (дата обращения 17.01.2018).

³ См. напр.: Arenft Н. Between the Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. NY, Penguin Books, 1993. P. 227-264.

утверждает автономность фактов по отношению к теории, подчеркивая независимость формулировки фактов от теоретических построений. Согласно второй, факты полностью зависят от теории, в зависимости от выбора теоретической позиции, факты могут изменяться¹. Две точки зрения на это порой воспринимаются как противопоставление практики с теорией, фактов с гипотезами. От абсолютного противопоставления одной точки зрения от другой наука пытается воздержаться. Всё-таки преобладает некое «среднее» мнение о том, что нет самих по себе существующих фактов, которые нужно только открыть. Напротив, любой объективно существующий факт создаётся в процессе познавательной деятельности, то есть отдельный аспект реальности изучается посредством определённых средств и методов и описывается определённым языком. То есть, именно теоретические представления задают концептуальную основу их формирования. В то же время факты, установленные и описанные в результате эксперимента или наблюдения, зависят от изучаемой реальности и от использованных методов изучения, и поэтому они относительно независимы от данной теории. Соответственно, факты могут подтверждать теорию или вступать с ней в противоречие².

К фактам, имеющих значение в процессе работы международных следственных подразделений, относят:

- 1) элементарные данные или основные факты;
- 2) признание существования и взаимосвязей или причинно-следственных связей между несколькими основными фактами или элементарными данными;

¹ См. напр.: Факт // Википедия. Свободная энциклопедия [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%BA%D1%82> (дата обращения 17.01.2018).

² См.: Философия: Энциклопедический словарь. - М.: Гардарики. Под редакцией А.А.Ивина. 2004. // Цит. по: Академик [электронный ресурс] – Режим доступа. - https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1269/%D0%A4%D0%90%D0%9A%D0%A2 (дата обращения 17.10.2022).

3) правовые факты или квалификации¹.

Границы этих категорий «более подвижные, чем при строгой классификации, но всё же их разграничение помогает выстроить хронологию для международных органов по установлению фактов»².

Обвинение – это несомненно теория, а доказательства – это факты. Независимо от того, какой подход к пониманию сущности факта близок тому или иному практическому работнику, главное состоит в том, чтобы факты не смешивались и не подменялись их оценками и объяснениями. Обвинения могут строиться только на фактах. К сожалению, незнание или непонимание «основного принципа кулинарии» работниками на местах только усложняет их работу.

¹ См.: Ван ден Херик Л. Важность установления фактов: возвращаясь к концепции расследования Ф.Ф.Мартенса // Международное правосудие, № 3(23), 2017, С. 25.

² Там же, С. 26.

§ 3. Организация и проведение первоначальных следственных действий на первоначальном этапе

В особых условиях работы объём и характер следственных действий по конкретным происшествиям может значительно сокращаться, а некоторые очевидные и в нормальных условиях просто необходимые действия не производятся и процессуальные решения не выносятся. Например, по разным оценкам, более 15 тысяч человек погибли или пропали без вести во время вооружённого конфликта в Косово и по его окончании (1998–2000)¹. К сожалению, у сербских правоохранительных органов имеется только крайне разрозненная статистика преступности в провинции за период вооружённого конфликта. В соответствии с теми данными, которые удалось собрать, только в косовском регионе Призрень с июня 1998 года по июнь 1999 года было зарегистрировано более 800 тяжких и особо тяжких преступлений против общественной безопасности, жизни и здоровья, а также собственности граждан. Просмотр полицейских материалов показал, что по подавляющему большинству из них были проведены только первоначальные следственные действия (осмотр места происшествия, опрос потерпевших и свидетелей, судебно-медицинское освидетельствование и т.п.).

В некоторых из них участвовали прокуроры и/или судьи-следователи², но большинство действий производилось следственно-оперативными группами, а

¹ См.: Human Rights Advisory Panel (HRAP), Čelić, no. 260/09, opinion of 13 May 2015, § 12.

² В соответствии с Законом об уголовном процессе СФРЮ (серб.: *Zakon o krivičnom postupku SFRJ*, далее – УПК СФРЮ) полиция и прокуратура проводит только первоначальные следственные действия, направленные на установление подозреваемых. С момента установления такового прокурор должен направить в суд ходатайство об открытии уголовного дела, назначении судьи-следователя и проведении ряда следственных действий. После выполнения предложенных следственных действий судья возвращает материалы уголовного дела прокурору для пересмотра и принятия решения о дальнейших действиях (составление обвинительного заключения, проведение дополнительных следственных действий, приостановление производства и т.п.). См.: ч. 1 ст. 155, ст. 157, 158 и 174 УПК СФРЮ, Сборник законодательных актов СФРЮ (*Službeni Glasnik SFRJ*), № 26, Белград, 1986.

порой и просто патрулями, прибывшими на место; дела после шести месяцев помещались в архив, без проведения дальнейших следственных действий. Когда в 2006 году эти материалы были получены Департаментом правосудия Миссии ООН в Косове (далее – МООНК), ни одно из них не было формально приостановлено, что говорит о явном недостатке прокурорского надзора за расследованием в чрезвычайных условиях (войсковая или антитеррористическая операция), то есть после проведения первоначальных следственных действий дела были приостановлены *de facto*, без вынесения официальных решений.

Особые условия, в которых приходится действовать правоохранительным органам, диктуют необходимость выработки и внедрения особых процедур проведения расследований. Различные обстоятельства, такие как наличие персонала, условия безопасности и т.д., обуславливают сокращение следственных действий до минимально необходимого, а порой и только до регистрации сообщений и заявлений. Это вызвано тем, что «обработать» значительно возросшее количество происшествий, полностью выполнив все установленные законом требования, практически невозможно. По крайней мере, правоохранительные органы должны сконцентрироваться на максимально полной фиксации обстановки и имеющихся доказательств с целью обеспечения возможности использования этих материалов в будущем, при появлении возможности проведения полномасштабных расследований.

Мы уже говорили о том, возможны отступления от процессуальных требований при определённых *force majeure* обстоятельствах, в первую очередь при невозможности безопасного проведения следственных действий, когда как полицейского персонала, так и свидетелей и др. лица могут подвергнуться опасности. Мы также уже отмечали, что, определяя, какие следственные действия проводить, а какие отложить, имеет смысл применять принцип «должен» и «может». В этом случае в первую очередь усилия сфокусируются на действиях, которые «должны» быть произведены безотлагательно, для фиксации следов.

Однако даже то, что неотложные, необходимые, действия необходимо выполнять с учётом того, «могут» ли они быть выполнены без серьёзного риска.

Мы также уже упоминали позицию ЕСПЧ, признающую наличие особых условий, налагающих дополнительную, порой «несоразмерную» нагрузку на государственные органы, а также ситуаций временного «паралича» органов власти. В то же время, Европейский суд не перестает требовать от государственных органов, ответственных за проведение расследования, соблюдения «минимальных гарантий оперативности, эффективности и беспристрастности»¹.

Вспомним недавнюю ситуацию, сложившуюся вокруг расследования катастрофы самолёта рейса МН-17 Малазийских авиалиний на востоке Украины, оставив в стороне всю политическую подоплёку и рассматривая его исключительно как серьёзное происшествие, повлёкшее человеческие жертвы и подлежащее расследованию. Во-первых, милиции/полиции, работники которой должны были первыми прибыть на место происшествия как минимум для обеспечения его неприкосновенности, в зоне падения обломков просто не было по причине вооружённого конфликта. Во-вторых, наблюдатели Миссии ОБСЕ (которые не были ни следователями, ни криминалистами) некоторое время не могли прибыть на место, поскольку просто не были уверены в своей безопасности и просто не знали, с кем же надо о ней договариваться. Позже, когда специально направленные специалисты прибыли на Украину, также возник вопрос обеспечения их беспрепятственного доступа на место и их физической безопасности. Несмотря на то что обе конфликтующие стороны гарантировали все «удобства», жалобы на помехи и вмешательство в работу поступали в отношении обеих².

Расследование катастрофы на Синайском полуострове где с 2011 года также имеет место вооружённый конфликт, российского «борта» А-321 компании

¹ Чернышова О. Указ. соч. С. 10.

² См. например: ОБСЕ обвинила ДНР в ограничении доступа к месту крушения "Боинга 777" // Интерфакс [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/386643> (дата обращения: 16.02.2015).

«Когалымавиа», следовавшего из Шарм-эль-Шейха в Санкт-Петербург, также проводилось международной следственной группой. В её состав входили российские и египетские специалисты, а также представители компании «Airbus»¹. Кроме того, интерес к участию в расследовании проявили и некоторые иностранные спецслужбы².

При выборе меры пресечения, возможно использовать рекомендации для действующего режима чрезвычайного положения. Основным отличием данного режима от иных мер государственного принуждения является то, что действует он не только в отношении лиц, совершивших правонарушения, не избирательно, а затрагивает интересы всех граждан, проживающих на конкретной территории. Целями введения чрезвычайного положения являются обеспечение безопасности граждан, охрана конституционного строя государства, скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка, а также устранение угрозы безопасности граждан и оказание им необходимой помощи³.

Несмотря на то, что при нём допускается применение особых мер для поддержания порядка, судопроизводство ведётся в соответствии с действовавшими на момент введения чрезвычайного положения законами. Использование любых видов и форм ускоренного или чрезвычайного судопроизводства запрещается (ст. 34⁴). Соответственно и деятельность правоохранительных органов на таких территориях, осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Очевидно, что чрезвычайное положение с необходимостью оказывает воздействие на процесс расследования. Вносятся коррективы в его

¹ См.: Бастрыкин дал указания следователям за два дня завершить работы на месте крушения А-321 // РИА Новости [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151103/1313311179.html> (дата обращения: 11.05.2018).

² См.: Египет согласен на участие ФБР в расследовании катастрофы А-321 // Вести.Ru [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2685309> (дата обращения: 11.05.2018).

³ См.: Закон РСФСР от 17 мая 1991 г. «О чрезвычайном положении». Ст.ст. 1,2 // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР. 1991. №22. Ст. 773.

⁴ См. там же.

организацию и стратегию в целом, тактику проведения отдельных следственных действий и т. д. Конечно, избрание тех или иных мер пресечения также обуславливается складывающейся на конкретный момент обстановкой.

По каждому уголовному делу, находящемуся в производстве на территории чрезвычайного положения, представляется целесообразным обязательное избрание меры пресечения. Возможно также установление «минимальной» меры пресечения, в зависимости от расследуемого преступления. С точки зрения криминалистики возможность выбора меры пресечения позволяет следователю, в зависимости от обстоятельств дела, поведения подозреваемого (обвиняемого), его желания помочь, ужесточать или, наоборот, облегчать его положение. Например, замена ареста на подписку о невыезде может расположить подозреваемого к следователю, поможет в получении от него правдивых сведений.

При наличии объективной возможности выбора меры пресечения, следователь будет исходить из тактических соображений. Для принятия такого решения необходимо достаточно детальное изучение личности подозреваемого (обвиняемого), что требует определенного количества времени. Необходимо собрать справки, характеристики, различные документы, допросить осведомленных лиц и т. д. В организации систематичной, целенаправленной работы в этом направлении существенную помощь может оказать ранее разработанный автором алгоритм работы по решению данной типовой задачи.

В условиях чрезвычайного положения, в обстановке значительной дезорганизации работы государственных и общественных структур, качественное изучение различных сторон личности подозреваемого затруднено, об этом мы уже говорили выше. При принятии решения о неприменении меры пресечения следователь рискует в гораздо большей степени, поскольку объем этих сведений, скорее всего, будет ограничен только информацией об его поведении в процессе расследования.

При расследовании на постконфликтных территориях скорее всего необходимо будет применять арест в качестве меры пресечения. Делать это мы рекомендуем по двум главным причинам: отсутствие возможности обеспечения иных мер пресечения и как «фактор сдерживания».

Почему мы так ограничили круг рекомендуемых мер пресечения, не рассматривая обязательство о явке по вызовам (ч. 4 ст. 86 УПК) вообще? По нашему мнению, в постконфликтной обстановке, меры пресечения, не подкрепленные какими-то жёсткими требованиями, теряют свой изначальный смысл. В обстановке всеобщего неуважения к закону, требования уголовно-процессуального кодекса так и останутся на бумаге. Вследствие этого цели быстрого и полного расследования преступления и наказания виновных могут и не быть достигнуты. В случае же возникновения у преступников иллюзии безнаказанности говорить об общественной безопасности не имеет смысла вообще.

Организация задержания подозреваемого по делам, расследуемым международными специалистами, также требует особого внимания. Понятно, что сам факт принятия к производству конкретного дела «международниками» говорит о серьёзности преступления, не позволившего доверить его местным органам следствия. Соответственно, подозреваемый, скорее всего, также окажется более или менее весомой в обществе фигурой, задержание и арест которого может быть проблемно – как сам процесс задержания, так и возможная реакция общественности. Выше мы уже говорили, что военные преступники для одних, для других являются героям войны. Эти «другие» могут быть хорошо организованны и опасны.

Поэтому, идеальная рекомендация – это проводить задержания только с участием международных специалистов, чтобы избежать саботажа или утечки информации. Однако, в некоторых международных структурах, например в Особых палатах по военным преступлениям в Боснии, необходимо получение санкции суда, где всегда участвуют местные специалисты, да и сами Особые палаты – это

смешанный орган. Поэтому, когда исключить участие местных специалистов не представляется возможным, то это нужно попытаться свести до минимума.

§ 4. Взаимодействие международных следственных подразделений с международной администрацией, войсковыми подразделениями, местными правоохранительными органами

Сотрудничество друг с другом крайне важно для военного и гражданского компонентов миротворческих операций. Из практики известно, что подразделения гражданской полиции ООН не способны развёртываться так же быстро, как военные миротворческие части, и зачастую возникает необходимость в том, чтобы военная полиция приступала к осуществлению функций правоохранительной деятельности незамедлительно, до прибытия гражданской полиции ООН.

Опыт миссии в Косово показал, что, благодаря возможности оперативного развёртывания, военные подразделения играют очень важную роль в обеспечении общей безопасности населения, а также и гражданского персонала Миссии на стадии её запуска, чем значительно облегчают работу гражданской полиции в этот наиболее тяжёлый и очень ответственный период миротворческой операции. В Миссии ООН в БиГ, где гражданские полицейские не носили оружия, нередки были совместные патрули, где военные непосредственно обеспечивали безопасность полицейского персонала.¹

После изначального постепенного введения Международной полиции МООНК в Косово, только через два месяца у структур новой полиции появилась возможность начать заниматься своими прямыми функциями. Так, 22 августа 1999 от КФОР Полиции МООНК были переданы функции охраны порядка в регионе

¹ См. Зверев П.Г. Сотрудничество гражданской полиции ООН с иными субъектами миротворческой деятельности. // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Роль правовой науки в развитии общества», 30 июня 2014 г. – Уфа: Аэтерна, 2014. – С. 11.

Приштина, но следственные функции – только в зоне ответственности первого полицейского участка в центре Приштины, где был сформирован следственный отдел. Полностью все функции в этом регионе полиция получила только 19 сентября 1999 года. В регионе Призрень все полицейские функции были переданы КФОР-ом Полиции МООНК 27 октября 1999, в регионе Гнильяне – 12 мая 2000, в регионе Печь – в июне 2000. В регионе Митровица, разделённом на сербскую и албанскую части, КФОР сохранял «технический контроль» над территорией до конца 2000 года¹.

В то же время, дистанцию между гражданской полицией и военными необходимо всё-таки сохранять. Особенно это должно быть ясно и понятно местному населению, чтобы в их восприятии не происходило слияния этих структур, что может привести к подрыву доверия, неясности куда направлять сообщения о преступлениях, кто несёт ответственность за полное с своевременное проведение расследований и, соответственно, за их недостатки. С другой стороны, это также может стать причиной существования параллельных расследований, «размывающих» доказательственную базу и малоэффективному использованию как правило ограниченных сил и средств. В этом плане совместное планирование и регулярный обмен информацией просто жизненно необходимы.

Однако, говоря о сотрудничестве с военными, необходимо помнить, что в большинстве случаев сотрудничать они будут только до тех пор, пока им это либо необходимо, либо выгодно. Есть масса случаев, когда, оказавшись первыми на месте происшествия, проведя первичную его фиксацию и сбор вещественных доказательств, военные перестают сотрудничать с полицией, или делятся информацией крайне неохотно.

В основном в структурах КФОР сбором информации о совершенных преступлениях и проведением отдельных действий по их раскрытию занимались

¹ См.: Ежегодный доклад Международной полиции МООНК за 2000 год. С. 11.

подразделения военной полиции в составе КФОР. Из практики автору известно, что такие действия обычно осуществлялись без соблюдения требований действующего уголовно-процессуального закона Югославии. Так как все национальные контингенты имели свою военную полицию, можно предположить, что их действия в части расследования преступлений видимо регулировались национальными внутренними приказами, уставами и другими нормативными документами. Точного утверждения мы не даём, поскольку получить внятного ответа от представителей военной полиции на этот счет ни разу не удалось.

К сожалению, большинство материалов, собранных военной полицией, потеряли доказательственное значение вследствие несоблюдения военными следственными бригадами требований уголовно-процессуального законодательства. Зачастую это происходило не потому, что нормы не хотели применять, а по причине простого их незнания, а также неподготовленности работников военной полиции пользоваться предписаниями уголовно-процессуального законодательства.

Необходимо также отметить, что во многих случаях материалы таких «предварительных расследований» вообще не были обнаружены, поскольку в соответствии с указаниями руководства постоянно «ротировемый» личный состав, периодически вывозил накопленные документы в свои государства.

Прокуратура ООН неоднократно обращалась к командованию КФОР с просьбами о предоставлении доступа к отдельным материалам, собранным военными подразделениями. Однако, положительных ответов было очень мало. Отказы мотивировались невозможностью определить местонахождение запрашиваемых материалов в связи с давностью происшедшего. Все это наводило на мысль об умышленном саботаже деятельности международных следственных

подразделений с целью недопущения получения ими информации, которая могла бы дискредитировать деятельность НАТО на территории Косово¹.

При расследовании вышеупомянутого массового убийства гражданских жителей села Старо Грацко в Косово, прокуратуре МООНК было достоверно известно, что протокол осмотра места происшествия, заключение военного судебного медика, собранные вещественные доказательства, заявления и протоколы допросов, находились в распоряжении военной разведки (англ.: *military intelligence*) финского КФОР. Однако, на неоднократные обращения к командованию с просьбами о предоставлении доступа к этим материалам, ответа получено не было вообще. Такие же или схожие «положительные» результаты были получены при направлении запросов и в подразделения КФОР других национальностей. Единственные ответы, содержащие какую-то информацию по существу запросов (по другим делам), были получены только от подразделений Карабинеров итальянского КФОР, поскольку с июня 1999 года их архив находился в их косовском штабе и некуда не перемещался.

В соответствии с положениями ВУПК Косова, право проводить предварительное расследование имеют прокуроры и судебная полиция, к которой отнесены все следственные подразделения полиции на уровне округа и выше. В то же время на практике часто складываются ситуации, когда войсковые подразделения КФОР сталкиваются с признаками различных преступлений и впоследствии представляют в правоохранительные органы материалы для рассмотрения возможности возбуждения уголовных дел, доказывания вины и привлечения виновных к ответственности.

Действия военных, в результате которых может быть получена информация о преступлении, в зависимости от того, кто являлся их инициатором, можно разделить на две основные группы:

¹ См.: Материалы уголовного дела № РР – КТ No. 657-7/07 // архив Департамента юстиции Миссии ООН в Косово.

- 1) проводимые по запросам судов, прокуратуры и полиции;
- 2) проводимые в процессе войсковых операций.

Особенностью действий первой группы является то, что они как правило проводятся военными (или под руководством следователя), а оформление результатов работы проводит полиция. В таких случаях проблем с признанием доказательственного значения результатов обычно не возникает, поскольку полиция действует в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Предметом рассмотрения в этой работе являются проблемы, связанные с легализацией результатов самостоятельной работы военных, то есть действий, входящих в вторую группу.

Подразделения КФОР действуют в соответствии с полномочиями, предоставленными на основании уже упомянутой выше Резолюции Совета Безопасности ООН № 1244. КФОР не является правоохранительным органом, однако имеет право проводить отдельные действия, направленные на поддержание правопорядка в случаях, когда их проведение необходимо для обеспечения общей безопасности в регионе.

На протяжении двух месяцев начиная с момента ввода международных сил на территорию Косова в июне 1999 года до момента, когда международная гражданская полиция была полностью укомплектована персоналом и оборудованием, то есть получила возможность нормально функционировать, КФОР был единственной силой, обеспечивающей правопорядок. Военные подразделения, в частности военная полиция, выполняла все полицейские функции от патрулирования улиц до расследования преступлений и направления материалов в прокуратуру и суд.

Однако это исключение не изменяет общей цели нахождения КФОР на территории провинции – обеспечения мира и безопасности для всех жителей, это в первую очередь международное **военное** присутствие.

Следовательно, все действия подразделений КФОР должны рассматриваться как часть войсковых операций по обеспечению безопасности. Правомочия войсковых подразделений, их действия и результаты этих действий не вытекают из юрисдикции, предоставленной правоохранительным органам (полиции, прокуратуре и судам) законодательством, регулирующим проведение расследования преступлений. Отсюда можно сделать вывод, что действия КФОР лежат за рамками и порядком расследования преступлений, установленными действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Существуют ситуации, когда военные действуют на основании постановлений суда и прокуратуры, а иногда и запросов полиции. Так, например, могут быть использованы камеры временного содержания арестованных на военных базах из соображений безопасности, могут проводиться совместные аресты и обыски в случаях, требующих привлечения большого количества сил и средств и т.д.

Однако, в таких ситуациях военнослужащие, участвующие в операциях, следуют указаниям представителей правоохранительных органов только в той мере, пока они не противоречат предоставленному мандату¹, а также внутренним уставам и распоряжкам, регулирующим их деятельность. Это положение распространяется и на соблюдение подразделениями КФОР всех остальных законов Косова!

Войсковые подразделения имеют право на доступ в любые помещения во время проведения войсковых операций по обеспечению безопасности региона, в соответствии со статьёй 9 «с» упомянутой выше Резолюции № 1244. Все предметы, обнаруженные и изъятые в процессе такой операции, не являются доказательствами в уголовно-процессуальном смысле – это объекты, которые представляют угрозу

¹ См.: Секция 2.2 Распоряжение МООНК № 2000/47 «О статусе, привилегиях и иммунитете КФОР, МООНК и их персонала в Косово» (On the Status, Privileges and Immunities of KFOR, UNMIK and Their Personnel in Kosovo) // Official Gazette of the United Nations Mission in Kosovo / Volume 3. Pristina, 2000.

общей безопасности, и их нахождение в обыскиваемом помещении непозволительно.

Безусловно, деятельность военных по расследованию преступлений очень похожа на деятельность полиции, однако есть и ряд кардинальных отличий, в частности по правовым основам проведения, направленности действий, способам фиксации результатов и т. д. Ниже кратко их рассмотрим.

Правоохранительные органы Полиции МООНК действовали на основе полномочий, предоставленных Постановлением 1244, ВУПК, и строго в предписанных ими пределах. Военные подразделения до сих пор действуют на основе мандата предоставленного Резолюцией 1244, войсковых уставов и исходя из складывающейся оперативной обстановки.

Действия правоохранительных органов считаются законными только когда для их проведения существовали прямо предписанные законом основания. Законность действий военных обусловлена приказом вышестоящего командования на проведение той или иной операции, либо сложившейся оперативной обстановкой на конкретной территории и необходимостью проведения незамедлительных действий.

Действия полиции имеют своей целью сбор информации, необходимой для раскрытия и расследования совершенных преступлений и предотвращение готовящихся. Военные руководствуются в первую очередь необходимостью устранения возможных угроз безопасности в регионе.

Результаты действий полиции закрепляются соответствующим протоколом (рапортом) и сообщаются прокурору и судье. Военные сообщают о таких результатах рапортом своему руководству.

Все предметы, изъятые полицией, являются приложениями к соответствующим протоколам и хранятся при деле до решения суда. Поскольку целью действий военных, как мы уже отмечали ранее, является устранение угрозы безопасности, то изъятые предметы естественно представляют особую опасность (в

первую очередь оружие). В большинстве случаев они уничтожаются сразу же после их обнаружения.

Для формирования достоверного вывода о том, что представляет собой изъятый предмет, о его годности к использованию, правоохранные органы используют помощь квалифицированных и сертифицированных экспертов, представляющих письменное заключение. Для вывода о том, является ли изъятый объект боевым оружием и годен ли он к применению (использованию), военным, как правило, достаточно лишь внешнего осмотра в целях классификации.

Рассмотрение вопроса об уничтожении изъятого полицией объекта находится в компетенции судьи и закрепляется соответствующим постановлением. Вопрос об уничтожении или дальнейшем использовании оружия и боеприпасов, изъятых в процессе войсковых операций, находится в ведении командования и, как правило, рассматривается на месте его обнаружения. Это далеко не все различия, указывающие на то, что действия, проводимые военными, не имеют уголовно-процессуального характера с присущими ему признаками и условиями.

Как один из результатов рассмотренных различий возникла теоретическая и практическая проблема признания документов и объектов, представляемых военными в правоохранные органы для возбуждения уголовного дела, доказательствами и их последующего использования в расследовании и при рассмотрении дел в судах.

Решение теоретической части данной проблемы представляется в содержании положений главы XXIII ВУПК¹, которыми устанавливается обязательность сообщения преступлениях и регулируется порядок таких сообщений. В частности, в статье 197 ВУПК говорится следующее:

- 1) Сообщение о преступлениях, обвинение по которым носит публичный характер, является обязанностью любого общественного образования,

¹ См.: Временный уголовно-процессуальный кодекс Косова (Provisional Criminal Code of Kosovo) // Official Gazette of the United Nations Mission in Kosovo / Volume 3. Pristina, 2003.

которое было информировано о таком преступлении, или которому стало о нем известно каким-либо иным путем.

- 2) В сообщении о преступлении общественные образования, упомянутые в части 1 данной статьи, должны изложить сведения, которые им стали известны; кроме того, должны быть приняты все необходимые меры для сохранения следов преступления, объектов на которые было совершено посягательство, орудий преступления и других доказательств”.

Определение «общественного образования» дано в пункте 23 статьи 151 ВУПК - ими являются все органы и подразделения Временной администрации ООН в Косово и Временных органов самоуправления.

Однако, КФОР не попадает в круг органов, очерченный рассмотренным понятием и, следовательно, не подпадает под действие данного положения. Это даёт основание утверждать, что обязанность сообщать об обнаруженных признаках преступления в правоохранительные органы не распространяется на подразделения КФОР.

Часть 1 статьи 198 ВУПК содержит следующее положение: «Любое лицо вправе сообщить о преступлении, обвинение по которым носит публичный характер, и обязано так поступить, в тех случаях, когда несообщение о преступлении само по себе является преступлением».

Это положение применимо к КФОР только с учетом специфического иммунитета, предоставленного ему и его личному составу упомянутым выше Распоряжением МООНК № 2000/47. В соответствии с этим документом, КФОР как организация в целом имеет иммунитет от любой правовой процедуры, возбуждаемой против него (секция 2.1), а каждый отдельный член КФОР имеет иммунитет от юрисдикции местных судебных органов (секция 2.4 «а»).

Поскольку КФОР, как уже было упомянуто выше, обязан следовать предписаниям закона только до той поры, пока это не вступает в противоречие с имеющимися полномочиями (мандатом) по обеспечению общей безопасности в

провинции, можно сделать совершенно справедливое заключение о том, что его личный состав имеет право воздержаться от сообщения о преступлении, если такое сообщение может поставить под угрозу выполнение мандата.

Таким образом, мы приходим к логичному выводу о том, что персоналу КФОР предоставлено право решать, сообщать об обнаруженном преступлении в правоохранительные органы или нет.

Несообщение о преступлении обычным гражданином само по себе является преступлением. Данное положение содержится и во Временном Уголовном Кодексе Косова¹ (статьи 303 и 304). Однако положения ВУПК, не дают возможности прокуратуре возбуждать уголовные дела против лиц, пользующихся иммунитетом (п. 5 части 1 статьи 208).

С учётом вышеприведённых положений об имеющемся иммунитете у личного состава КФОР, правоохранительным органам просто некого привлекать к ответственности, поскольку до того момента, как иммунитет снят с подозреваемого в установленном порядке, подозреваемый остаётся «невидимым» для правосудия.

На практике имеется возможность направления предварительно собранных материалов в правоохранительные органы государства, представителем которого является конкретный военнослужащий, совершивший преступлений. В таком случае, с согласия Департамента правосудия, материалы должны направляться по дипломатическим каналам в порядке запроса о международной правовой помощи, урегулированном Главой XLVI ВУПК.

Таким образом, рапорт КФОР об обнаружении признаков преступления в процессе проведения любой операции, целью которой являлось поддержание безопасности региона, направленный в полицию или прокуратуру, должен рассматриваться как сообщение о преступлении в соответствии со статьями 198 и

¹ См.: Временный уголовный кодекс Косова // Official Gazette of the United Nations Mission in Kosovo / Volume 2. Pristina, 2003.

199 ВУПК¹. Конечно, непосредственные исполнители операций не сообщают о преступлениях напрямую в суд, а действуют с соблюдением национальных военных уставов через командование.

С практической точки зрения наибольшую проблему для прокуратуры (и впоследствии для суда) представляет не общее обоснование законности действий, проводимых военными, а именно качество собранных доказательств и процедура, которой они следовали.

Как было рассмотрено выше, деятельность военных по сбору первичной информации подпадает под диспозицию части 2 статьи 197 ВУПК, и должно рассматриваться как принятие необходимых мер для сохранения следов преступления, объектов, на которые было совершено посягательство, орудий преступления и других доказательств.

В качестве основного негативного момента необходимо отметить, что сам порядок сбора доказательств войсковыми подразделениями лежал вне юрисдикции гражданской части МООНК. Ни суды, ни прокуратура не имели и не имеют права давать указания подразделениям КФОР. Основная практическая проблема состоит в том, что в интернациональных подразделениях КФОР нет унифицированного плана действий в той или иной ситуации. Все национальные контингенты привыкли действовать в соответствии с национальным законодательством и уставами, действующие внутри их армий.

Известно, что стандартные процедуры действий (англ.: *Standard Operating Procedure*, SOP) в той или иной ситуации, установленные для армейских подразделений, далеко не всегда отвечают требованиям, которые предъявляются к проведению расследования в рамках уголовно-процессуального закона. Особенно в районах управления временной администрации в этом зачастую кроется одна из

¹ Статья 199 ВУПК устанавливает порядок подачи заявления о преступлении, его форму и органы, которые компетентны принимать такие заявления (полиция, прокуратура и непосредственно суд).

причин низкой эффективности расследования преступлений, первоначальная информация по которым была собрана военными. Вот один характерный пример.

В августе 2004 года международной прокуратурой региона Призрень было получен рапорт о том, что в процессе обыска в домовладении Джемала Х. в поселке Мала Круша были изъяты 36 противопехотных мин. В соответствии со стандартной процедурой военнослужащие сообщили об обнаружении взрывчатки руководству и вызвали саперов, которые немедленно её уничтожили до прибытия полиции. При этом ни четкого описания, ни фотографий мин, ни места и способа сокрытия и обстоятельств их обнаружения в поступившем рапорте не было.

Будучи информированным об этих упущениях от своего адвоката, на первом же допросе в прокуратуре подозреваемый отказался от своего признания, данного военным. На все вызовы немецких военнослужащих, участвовавших в обыске, для дачи свидетельских показаний был получен негативный ответ. Основанием для отказа явилась практика военных Германии не разрешать своему персоналу давать свидетельские показания кому бы то ни было, за исключением национальной военной полиции и военной прокуратуры. Впоследствии расследование было прекращено за недоказанностью вины подозреваемого.

Единственное, что остаётся делать – это отказывать в приёме «доказательств», собранных военными, с последующим отказом в возбуждении уголовного дела, либо прекращать уже начатое расследование вследствие недостатка улик. Кроме сообщения о некачественно проведённом первоначальном сборе доказательств военному руководству, других рычагов воздействия на из подчинённых в подобных ситуациях нет. Конечно, это не может не оказать негативного влияния на общую картину преступности.

Наиболее логичным решением рассмотренной проблемы представляется создание унифицированной процедуры по фиксации и сбору первичных следов преступления, которые впоследствии смогут быть использованы в качестве доказательств в суде. Такая процедура должна иметь в своей основе действующее

законодательство и быть обязательной к применению всеми войсковыми подразделениями, независимо от национальности. Введение её в действие должно производиться приказом военного командующего после согласования основных моментов с полицией и органами правосудия.

В качестве альтернативного и более оперативного решения может рассматриваться либо присутствие представителей гражданской полиции для закрепления возможных признаков преступления при проведении отдельных операций войсковыми подразделениями, либо немедленный вызов полицейского патруля с момента обнаружения таких признаков. Эта процедура обычно работает и приносит свои положительные результаты. Подобная практика участия следователей в войсковых поисковых операциях описывается и в криминалистической литературе, связанной с деятельностью следственных групп в условиях особого положения¹. К сожалению, до конца осуществления правоохранительных функций в Косово полицией ООН, она была принята не всеми национальными контингентами и не была закреплена никакими формальными соглашениями между военным и гражданским компонентами Миссии. За время деятельности Правоохранительной миссии ЕС в Косово, ситуация не изменилась.

Помимо описанных выше видов и вариантов сотрудничества, опыт МООНК показывает, что военные и полиция могут и должны тесно и эффективно сотрудничать при разработке совместных операций. Ещё одна область, в которой военные и полиция должны развивать более тесное сотрудничество – это обмен оперативной информацией.

И военные, и полиция имеют свои собственные, уникальные источники информации и наличие совместных оперативных штабов (центров планирования), или их расположение в непосредственной близости друг от друга несомненно

¹ См. напр.: Григорьев В.Н. Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения. Методическое пособие. МВД УзССР, СУ УВД Ташгорисполкома, Ташкент, 1989 год, С. 101-103.

окажется полезным. Так, в Косово практиковались и совместные штабы, и присутствие связных офицеров (англ.: *liaison officers*).

Не так давно ООН стала официально признавать значимость оперативной/разведывательной информации (англ.: *intelligence information*) для правильной оценки ситуации и адекватного планирования действий по защите населения на территориях ответственности миротворческих миссий давно даже. В 2017 году в ДМО ООН было принято руководство по сбору и использованию разведывательных данных в процессе осуществления миротворческой деятельности (англ.: *peacekeeping intelligence*)¹.

В Косово взаимодействие между оперативными службами полиции МООНК и службами разведки, оперативного анализа и слежения КФОР происходило постоянно. Выше мы уже упоминали использование технических возможностей КФОР по радиоперехвату и наблюдению. Кроме того, очень к месту пришли аналитические документы военных о внутренней организации ОАК в разные периоды времени, а именно: имена командиров, зоны ответственности, количество и названия подразделений, виды подразделений и т.п. (см. изображение 1):

Изображение 1.

¹ См.: Руководство ДМО ООН Peacekeeping Intelligence, документ № Policy Ref. 2017.07 // На сайте ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/400647/2017.07%20Peacekeeping%20Intelligence%20Policy%20%28Final%29.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (дата обращения: 11.05.2018).

KFOR CONFIDENTIAL

KFOR CONFIDENTIAL

A - 12

При расследовании тяжких и организованных преступлений в Косово Полиция МООНК зачастую использовала возможности КФОР для негласного сбора информации¹. В частности, использовались возможности подразделений радиоэлектронной разведки для перехвата переговоров по мобильной связи и по иным телекоммуникационным каналам (напр. Интернет). Особенно часто полиция сотрудничала с КФОР на этапе сбора оперативной информации, при подготовке к проведению обысков и/или задержаний. Особенно в начале деятельности, в 1999 – 2001 годах, пока возможности установления «прослушки» на мобильные телефоны не были развиты, такая помощь военных была просто неоценима.

¹ Колосович М.С. Деятельность следователя негласного характера по уголовному делу / М.С. Колосович // в сборнике: Актуальные проблемы предварительного расследования. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 206-213.

Однако, и на более поздних стадиях, до 2008 года, услуги КФОР в этом плане были востребованы. Дело в том, что в Косово, помимо официально лицензированной МООНК мобильной сети VALA-900, которая являлась (и является) дочерней фирмой Монако Телеком (даже код мобильных телефонов в Косово был до недавнего времени +377, такой же, как в Монако), неофициально работала и сербская компания мобильной телефонии «Мобтел», позже переименованный в МТС. С прослушиванием переговоров с VALA номеров проблем не было, у полиции был «параллельный» сервер, позволявший «слушать» любые номера без знания о том провайдера. А вот для прослушивания Мобтел-овских номеров необходимо было уже направлять судебный ордер в Белград через дипломатические каналы, поскольку структуры гражданской администрации МООНК не контролировали этого провайдера. Уголовники, даже албанцы, быстро смекнули в чём дело и стали пользоваться сербским провайдером при необходимости обсудить что-то, не боясь быть записанным. Часто записи переговоров обрывались на фразе «перезвони мне на Мобтел».

В такой ситуации КФОР был единственной структурой, обладающей возможностью перехвата переговоров этого провайдера. Отметим, что КФОР практически никогда не отказывал на запросы о такого рода помощи. С другой стороны, никакого контроля над тем, как материалы радиоперехвата используются и хранятся в КФОР, полностью или нет они передаются запрашивающим органам МООНК, не было и быть не могло, поскольку военные подчинялись только командующему КФОР, а не главе МООНК. Поскольку военнослужащие - специалисты разведподразделений КФОР в суд как свидетели-эксперты никогда не являлись, стороне защиты в суде было достаточно легко посеять сомнения в отношении процедуры получения звукозаписей, их сохранности, и таким образом снизить их доказательственную значимость.

Кроме возможностей радиоперехвата, у современных военных подразделений есть и множество других возможностей по сбору информации. Среди них назовём

скрытое внешнее наблюдение, спутниковое и авиационное слежение, аэро/спутниковая фотосъёмка, авиа-сканирование территории на предмет отдельных скрытых объектов (таких, как массовые захоронения). Кроме того, в распоряжении военных как правило есть и инженерные подразделения, которые имеют тяжёлую технику порой необходимую для проведения отдельных следственных действий или ОРМ, для доступа к определённым объектам, транспорт, в т.ч. авиационный и т.д. Поэтому, налаживание и поддержание рабочих контактов с военными подразделениями является не просто рекомендацией, а необходимостью для групп, проводящих расследования в постконфликтных зонах.

Нельзя забывать и об использовании возможностей местных правоохранительных органов. В Косово, в первые пару лет работы международной полиции, отсутствие местной полиции ощущалось очень сильно. Как мы отмечали выше, не было никаких баз данных, отсутствовали тексты законов, да и вообще порой понимание того, какой закон подлежит применению. Однако, ПКК позднее вскрыла несколько вопиющих случаев, когда практически никаких действий по реализации информации, переданной сербскими правоохранительными и другими государственными органами, не было проведено¹.

§ 5. Организация и проведение последующих следственных действий

В первую очередь рассмотрим особенности при проведении допросов. Сначала вспомним впечатления Г.А. Александра от допросов, проводившихся в Нюрнберге американскими специалистами:

«... Допросы, проводившиеся американскими следователями ... нередко носили формальный характер. ... Все допросы велись в исключительно быстром темпе, вопрос следовал за вопросом, причём с такой поспешностью, что

¹ HRAP, Kostić and others, §§ 96-98; HRAP, Bucalo and others, cases nos. 148/09 et al, opinion of 4 February 2016, §41.

допрашиваемый не всегда успевал дать полный ответ. Крайне редко задавались дополнительные или уточняющие вопросы. Казалось, следователи во что бы то ни стало стремятся задать как можно больше намеченных вопросов и выполнить график, а содержание ответов – это ... дело второстепенное. ... Такого рода допросы скорее напоминали своеобразный автомат вопросов и ответов. ... “Техника” американских допросов в значительной степени определяла и их тактику. Допросы, проводившиеся американскими следователями, носили ... информационный, зондирующий характер. Ставилась задача выяснить как можно больше. А так как речь шла о преступлениях целого государства и его руководителей, причём за период, исчисляемый полутора десятками лет и затрагивающий многочисленные преступления немецкого фашизма, то, естественно, к каждому подсудимому накапливалось множество самых разнообразных вопросов. От такой техники мы сразу же отказались и действовали в своей работе в соответствии с нашим уголовно-процессуальным законом в той, разумеется, мере, в какой это допускалось Уставом трибунала.»¹

Необходимо отметить, что стратегия, техника и тактика работы следователей того времени не очень отличалась от использовавшихся многими зарубежными следователями и прокурорами, с которыми удалось сотрудничать автору данной работы. То, что так удивило Г.А. Александрова, на самом деле является стандартным способом работы следственных групп и прокуроров большинства международных трибуналов. Дело в том, что в зале суда потом происходит новый допрос подозреваемых/обвиняемых и свидетелей; этот допрос и имеет главное значение при формировании мнения судей по тому или иному вопросу. Поэтому совершенно верно подмечено, что эти допросы просто «зондируют» допрашиваемого, проверяют его реакцию на отдельные «раздражители» и дают возможность лучше подготовиться к допросу в зале суда, максимально избежав

¹ Александров Г. А. Нюрнберг вчера и сегодня. - Москва : Политиздат, 1971. С 26-28.

неожиданностей. Я уверен, что и наши следователи в конце концов вынуждены были использовать тот же метод. В противном случае им пришлось бы выполнять двойную работу.

Опять вспомним, что одной из основных причин ввода международного правления в Косово явились многочисленные сообщения о нарушениях прав человека, имевшие место в процессе проведения антитеррористических операций против Армии освобождения Косова. Объектами террористических актов в то время были органы власти, полиция и армия, а также гражданское население неалбанской национальности и этнические албанцы, лояльные к власти или сотрудничающие с нею.

По прошествии длительного времени с момента окончания конфликта, объектами нападений чаще являются представители органов власти, несогласные с «общепризнанной» линией, которой должно придерживаться все лояльное население, жители неалбанской национальности. Так, в январе 2018 года утром, на улице, недалеко от своего офиса, был застрелен наверное самый известный политик, глава собственной независимой партии косовских сербов «Свобода, демократия, правда», который был уважаем и сербами и албанцами¹. Несмотря на уголовную квалификацию как убийство общественно опасным способом, на деле многие специалисты признают, что оно однозначно имело террористическую подоплёку, посылая сигнал всем не зависимым ни от Белграда, ни от Приштины политикам².

Подавляющее большинство членов организованных преступных группировок в прошлом были членами ОАК. Ещё одна часть бывших «освободителей» служат в рядах современного Корпуса по защите Косово (англ:

¹ В Косове убит сербский политик Оливер Иванович // RT на русском [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://russian.rt.com/world/news/470762-kosovo-ubit-serbskii-politik> (дата обращения 18.04.2018).

² Убийство Оливера Иванoviча: кто разжигает новую волну ненависти на Балканах // Вести.ru [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2977211> (дата обращения 18.04.2018)

Kosovo Protection Corps, алб.: *Trupat e Mbrojtjes së Kosovës*), который был сформирован через компромиссным соглашением МООНК и командования ОАК, которое отказалось разоружать свои подразделения, несмотря на чёткое предписание об этом в Резолюцией СБ ООН 1244. Поэтому, реальное влияние бывших полевых командиров ОАК в Косово очень велико.

Это необходимо учитывать при планировании любого расследования, так или иначе касающегося прошлого или настоящего ОАК.

Одни из наиболее серьёзные проблемы получения свидетельских показаний возникают при расследовании военных преступлений, терроризма и организованной преступности. Среди таковых, независимо от вида расследуемого преступления, можно выделить следующие:

- уклонение от дачи показаний;
- изменение показаний;
- предоставление неполной информации, утаивание важных для следствия сведений;
- дача ложных показаний.

В случаях, когда данные проблемы возникают при расследовании преступлений указанных составов, причинами их возникновения являются факторы, не только являющиеся специфическими только для них, но и применимые к расследованиям других преступлений. Однако и те и другие должны в равной мере учитываться при подготовке к проведению допросов и других следственных действий с участием свидетелей. Вот пример из одного из изученных автором архивных уголовных дел:

19 февраля 2002 года международный прокурор внёс ходатайство о предоставлении анонимности одному из ключевых свидетелей – очевидцев расследуемого похищения, в котором подозревался Г.И., в прошлом – региональный командир ОАК. На следующий день было назначено слушание по этому ходатайству, где должен был присутствовать свидетель.

Однако, когда утром международные полицейские следователи прибыли к его месту жительства, свидетель отказался ехать и вообще далее участвовать в процессе поскольку поздно вечером ему позвонил неизвестный на мобильный телефон и угрожал убить свидетеля и его семью, если тот даст какие-либо показания против Г.И. Вследствие этого, прокурору пришлось отказаться от перекрёстного допроса этого свидетеля в судебном заседании. Как-то компенсировать потерю таких важных доказательств прокурор попытался, допросив двух полицейских следователей об обстоятельствах допроса этого свидетеля. Однако, защита протестовала против использования показаний этого свидетеля и суд удовлетворил этот протест. В конечном итоге, после этого и ряда других эпизодов противодействия правосудию, уголовное дело против Г.И. и его «подельников» было прекращено за недостаточностью доказательств¹.

Из данного примера мы видим, как типичный способ воздействия на свидетеля для побуждения (принуждения) его к отказу от дачи показаний, так и попытку прокурора преодолеть его страх через предоставление анонимности. Когда же свидетель всё-таки отказался от дачи дальнейших показаний, прокурор попытался хоть как-то обеспечить допустимость ранее данных им показаний в качестве доказательств в суде посредством допроса следователей в качестве свидетелей-специалистов об обстоятельствах допроса. В данном деле это не сработало, но в других может сработать, поэтому о таком способе действий необходимо помнить. В практике МТБЮ такая последовательность действий также используется.

Среди причин возникновения проблем в получении свидетельских показаний при расследовании преступлений на постконфликтных территориях можно выделить следующие основные:

¹ См.: HRAP, Mladenović v. UNMIK, no. 99/09, opinion of 26 June 2014, § 99.

1. опасения свидетелей за свою безопасность и безопасность своих семей;
2. угрозы и иное давление;
3. особенности восприятия способов действия террористических организаций и отдельных преступников;
4. особенности общественного уклада;
5. недоверие к представителям местной полиции и правосудия;
6. раздражение многочисленными повторными допросами об одних и тех же обстоятельствах, вызывающее нежелание дальнейшего сотрудничества с правосудием.

Кратко рассмотрим эти причины и возможные способы их преодоления / ослабления их негативных последствий.

1. Большинство потенциальных свидетелей, обладающих значимыми для следствия сведениями, в той или иной степени подвергаются опасности, исходящей со стороны соучастников преступления.

В большинстве УПК содержит положение, согласно которому протоколы показаний, данных свидетелем полиции или прокурору, являются недопустимыми в судебном заседании доказательствами случае, если подозреваемому/обвиняемому/подсудимому или его защитнику на каком-либо этапе следствия не была предоставлена возможность задать вопросы этому свидетелю¹. Соответственно, устранение свидетелей даже после дачи показаний на досудебной стадии или принуждение их к отказу от дачи показаний в суде является действенным способом ухода от наказания.

Для борьбы с прямой угрозой жизни и здоровью свидетелей и членов их семей, глава XXI ВУПК предусматривает развитую систему средств защиты свидетелей и потерпевших. Список этих мер насчитывает 9 позиций, от

¹ См. напр. Ст. 156 ч. 2 ВУПКК.

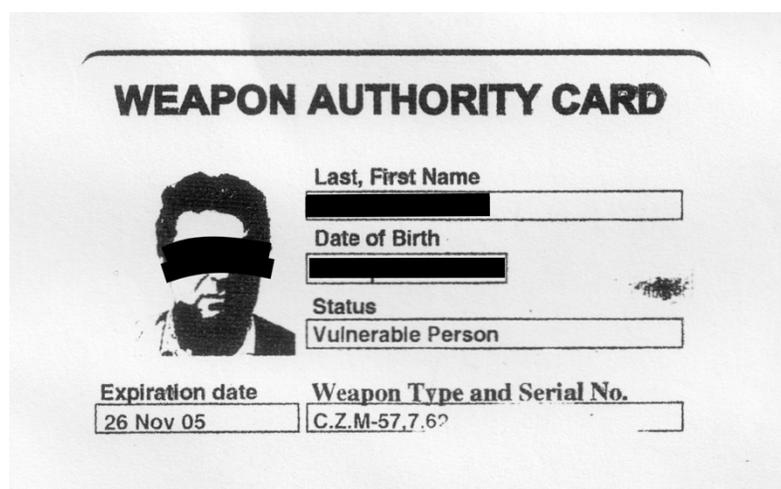
воздержания от указания адреса проживания, места работы и т.п., присвоения псевдонима, до полной анонимности свидетеля.

Одновременно, в случае явной прямой угрозы свидетелю, и уже вне области регулирования уголовно-процессуального закона, по предложению прокурора и с согласия главы Департамента юстиции свидетель может быть помещен в программу защиты свидетелей. В таком случае обеспечение его безопасности поручается специальному подразделению международной полиции, где свидетель находится под круглосуточной охраной.

2. Давление на свидетелей оказывается как прямо, путем непосредственных угроз высказываемых лично, по телефону, по почте и т.д. В нескольких случаях после нападения на свидетелей организаторы нападений публиковали заявления, обычно в виде расклеиваемых листовок, в которых констатировали причины нападений на свидетелей и предупреждали других о том, что сотрудничество с властями будет караться.

Реально противодействовать такому воздействию можно только путем обеспечения постоянной охраны свидетеля. В Косово также практиковалась выдача личного оружия свидетелям, с соответствующими разрешениями на постоянное ношение и хранение (англ.: *Weapon Authority Card* – см. изображение 2):

Изображение 2.

В большинстве случаев возможность обеспечивать постоянную личную охрану существует только по открытым уголовным делам. Как только судебное рассмотрение подходит к концу, охрана снимается. В таких случаях свидетели остаются «брошенными» правосудием и открытыми для любых нападков.

Обеспечение реальной безопасности свидетелей в пост-судебный период возможно только путем их переселения в другое место жительства со сменой персональных данных. Специфика Косова исключает возможность сделать это внутри провинции. Поэтому возникает необходимость такого переселения в другие страны. Однако это процесс длительный, занимающий от 1 до 3 и более лет. Он требует достижения договоренностей на дипломатическом уровне. На этом вопросе остановимся более подробно ниже.

Даже когда времени после окончания конфликта прошло достаточно много, давление на свидетелей продолжает оказываться. Вот что отмечал в вышеупомянутом докладе Главный прокурор SITF, расследовавший преступления ОАК в Косово: «... в процессе расследования SITF столкнулась со значительными трудностями ... Наибольшую озабоченность вызывают многочисленные факты давления на свидетелей. Мы приняли и продолжаем принимать меры для того, чтобы такое незаконное воздействие к минимуму, а также расследуем конкретные факты с целью привлечения конкретных лиц к ответственности. Возможно нет явления более опасного для законности в Косово ... чем распространение такой практики. Пока некоторые люди, наделённые властью, будут срывать расследования в отношении своей криминальной деятельности, это будет оставлять тёмное пятно на репутацию Косово и платить за это будут все его жители»¹.

Вокруг упомянутого убийства Х.Р. и ранения его брата, Н.Р. (свидетеля по делу о военном преступлении, см. выше в данном разделе) было и ещё несколько

¹ Доклад Главного прокурора Специальной следственной группы Евросоюза, созданной по результатам доклада Дика Марти, 29 июля 2014 г., С 5 // Официальный сайт http://www.sitf.eu/images/Statement/Statement_of_the_Chief_Prosecutor_of_the_SITF_EN.pdf

событий, однозначно определивших причины убийства – предотвратить дачу показаний в судебном заседании и достаточно жёсткий сигнал для остальных свидетелей и желающих стать таковыми о «вреде для здоровья».

Во-первых, в ночь после убийства в округе были распространены листовки с сообщением от «Албанской национальной армии» о том, что Х.Р. был казнён как предатель албанского национального дела (см. изображение 3). Установить происхождение листовок и лиц, их изготовивших и распространивших, не удалось.

Изображение 3.

После того, в ночь после похорон Х.Р., гроб с его телом был вырыт из земли на кладбище, перемещён в близлежащее поле, разбит, тело выброшено, облито горючим и подожжено. Так как надругательство над своими мёртвыми не допускается албанцем «Кануном» (исторический свод правил общественной жизни, до сих пор действующий), то сигнал читался однозначно – он чужак. Автору известно точно, что этот «сигнал» был услышан теми, кому он был адресован, и правильно понят, но насколько это усложнило продвижение данного дела и других, связанных с ОАК, судить сложно.

Поэтому, говорить об абсолютной анонимности свидетелей, особенно, если преступление расследуется на небольшой территории с плотным населением и национальным укладом жизни, говорить не приходится.

С другой стороны, анонимность свидетеля настолько усложняет жизнь следователя и прокурора, а с другой стороны – снижает доказательственную значимость его показаний, что порой от показаний свидетеля, настаивающего на анонимности, полезнее отказаться. Не будем говорить здесь детально о технических сложностях (скрытная доставка, охрана, аппаратура сокрытия внешности и изменения голоса и т.д.). Более важно то, что после «вычищения» из показаний всей информации, которая может привести к прямому или косвенному «рассекречиванию» личности свидетеля, его показания в лучшем случае становятся малоинформативными, а чаще – практически бесполезными. Кроме того, возникают сложности с обеспечением права на обвиняемого (защиты) на постановку вопросов свидетелю (перекрёстный допрос) в судебном заседании, т.к. необходимо, во-первых, тщательно следить за вопросами, а во-вторых – «фильтровать» ответы свидетеля, с той же целью не допустить раскрытия его личности. В практике МТБЮ, с его огромным механизмом и финансовыми и людскими ресурсами, анонимных свидетелей использовали очень часто. В практике автора, по менее значимым делам о военных преступлениях и организованной

преступности в Косово, прокуроры всячески избегали предоставления анонимности свидетелям, по вышеприведённым причинам.

3. Как результат постконфликтного общества, большинство участников вооружённых формирований периода открытого противостояния сербским властям однозначно представляются как герои войны, независимо от того, что они делают или к чему призывают. С другой стороны, многочисленные призывы к активным действиям, направленным на получение независимости Косова, порождают у населения чувство солидарности с террористами, которые в случае судебного преследования становятся «борцами за светлое будущее» и «мучениками». Соответственно, дача показаний против таких лиц рассматривается подавляющим большинством как предательство национальной идеи.

Преодоление этого фактора является наиболее трудным на практике, поскольку многие просто не хотят прислушиваться к аргументам, обвиняющим террористов. Длительная работа с лидерами общества и с отдельными гражданами, разъяснение действительных целей преступников и следствия, а также положений внутреннего и международного законодательства может оказать положительное влияние.

4. Разделение общества на семьи, кланы, тейпы, этнические и региональные и другие группы очень сильно в Косово. Соответственно, процветает солидарность по отношению к представителям «своей» группы. Это характерно не только для косовского общества, но и для многих других стран, где проживают этнические группы населения с исторически сложившимися жёсткими устоями и традициями. Если в обществе, наряду с публичным законом, действует и «традиционное право» как, например, Канун Лека Дукаджини среди албанцев, то его изучение – становится не только данью уважения этнической идентичности интересующего следователя населения, но и действенным практическим средством достижения оперативной цели и добывания нужной информации. В личной практике автора был

случай, когда при допросе свидетеля по делу об убийстве удалось «разговорить», затронув тему кровной мести и расплаты за неё по «Кануну»¹.

Полностью преодолеть этот фактор практически невозможно. Для минимизации его отрицательного влияния необходимо также тщательно изучать происхождение и окружение подозреваемых, их возможные связи со свидетелями, и учитывать это при подготовке и проведении следственных действий.

5. Самый простой способ преодолеть недоверие к представителям местной полиции и правосудия, и, следовательно, повысить шансы на получение существенных свидетельских показаний или оперативной информации – это передача дела в подразделение международной полиции или международному прокурору.

6. Практика показывает, что свидетели подвергаются серии допросов с разными промежутками, проводимыми разными подразделениями. Это обусловлено тем, что первоначальные следственные действия проводят полицейские подразделения, первыми прибывшие на место происшествия. Далее дело, как правило, передается в отдел по расследованию тяжких преступлений, которые обязательно передопрашивают всех свидетелей. В большинстве случаев прокурор также вызывает свидетеля, чтобы убедиться в его осведомленности об обстоятельствах дела. И, наконец, свидетель вызывается для дачи показаний в суде. Таким образом, каждый свидетель допрашивается минимум 4 раза! В результате появляются расхождения в показаниях, которые могут быть использованы защитой для дискредитации свидетеля в глазах судей.

Дабы свести к минимуму этот негативный фактор, желательно инструктировать следственные группы отказаться от допросов на месте происшествия, а ограничиться сбором сведений о свидетелях. Допросы должны

¹ См. Канун Лека Дукаджини, §§ 969 – 972 // На сайте Восточная литература [электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Albanien/Zakonnik_Leka/text.phtml?id=2182 (дата обращения: 18.04.2018)

проводиться подразделениями, ведущими расследование до конца. Дополнительно, можно порекомендовать предоставление копий протоколов предыдущих допросов для ознакомления свидетелю, который должен быть допрошен заново. Однако к этому приему необходимо относиться с осторожностью, особенно в случаях, когда свидетель подозревается в даче ложных показаний.

Труднодоступность свидетелей

Во время работы СГТП в Тиморе-Лешти, в связи с удаленностью населённых пунктов и плохой транспортной доступностью, мобильным подгруппам временами приходилось добираться до некоторых подозреваемых и свидетелей не только на автотранспорте, но и на вертолетах, пешком, либо «на перекладных», на любом «доступном транспорте». По словам одного из участников СГТП: «После длительных пеших прогулок по горам, мы завидовали местным аборигенам, которые передвигались на лошадях. Мы в шутку просили нашего шефа запросить руководство миссии разрешения на аренду гужевого транспорта у местного населения».

Отсутствие телефонного, телеграфного сообщений с большинством населённых пунктов, соблюдение требований безопасности персонала ООН, также накладывало ограничения по времени проведения следственных действий и требовало своего учёта при планировании.

Особое внимание и «протокол» отводился подготовке и проведению следственных действий вблизи индонезийской границы. Починяясь требованиям Службы безопасности ООН, при проведении следственных действий, необходимо было согласовывать с сопредельной стороной время и место проведения эксгумацию в приграничной полосе. А поскольку оставаться на ночь «в чистом поле» запрещалось «протоколом безопасности», то мобильным подгруппам приходилось каждый день выезжать рано утром, преодолевать более 100 км по джунглям, а по окончании работы отправляться в обратный путь и только поздно ночью возвращаться на базу ООН. Понятно, что физически работа в таком режиме

очень быстро исчерпывает все физические возможности специалистов, а необходимый доказательственный материал накапливается достаточно медленно.

Все эти уникальные особенности, порой незаметные для стороннего наблюдателя, конечно, увеличивали количество времени, затрачиваемого на проведение отдельных оперативных и следственных мероприятий и, конечно, общего времени на подготовку конкретных уголовных дел, выдвижения обвинений и их передачи в суд.

Из проблем «по существу» работы, одной из основных для следователей СГТП в ходе проведения следственных действий был фактор длительного временного промежутка, прошедшего со времени совершения преступления. На допросах, некоторые свидетели путались в деталях события преступления, путали места совершения и сокрытия преступлений, время совершения преступлений, которые они описывали в ходе предыдущих опросов с теми фактическими данными, которые они представляли следователям во время допроса СГТП.

Кроме того, на территории Восточного Тимора проживают многочисленные племенные группы со своими языковыми и культурными отличиями. Несмотря на то что официальными государственными языками являются тиморский и португальский, многие жители понимают только язык своей народности. Порой СПСГ сталкивалась с трудностями нахождения переводчиков для обеспечения хотя бы минимального адекватного перевода. В некоторых случаях группе приходилось вызывать переводчиков из другого региона со знанием диалекта именно данной местности для проведения следственных действий.

В результате, из-за индивидуальных трудностей (перевод, необходимость детализации отдельных элементов доказательственной базы, факторов, вышеописанные расстояния, которые необходимо было преодолевать мобильным группам и другим) порой на допрос только одного свидетеля приходилось затрачивать три дня и больше.

Детализация

Для восстановления максимально объективной картины расследуемого события необходимо выяснение и разъяснение всех используемых слов и выражений. Это в первую очередь относится к жаргонизмам и специальным терминам, используемым специалистами. Многие профессионалы легко определяют стороны света в связи со своей деятельностью, поэтому при допросе они часто говорят, например что кто-то появился с северо-востока, двигался с севера на юг и т.д. В таких ситуациях, во-первых, необходимо выяснить, как свидетель определял направления и, затем, сопоставить их с картой или планом местности, чтобы убедиться в правильности сведений. Также, военные легко определяют рода войск, типы и виды вооружения, и легко пользуются их точными или сленговыми названиями. Однако, слово «бэтэр» может быть использовано при описании разных видов техники.

Говоря же о гражданских свидетелях, в этих вопросах нужно быть особо осторожными. Нужно постараться опять же отделить, что, и как свидетель воспринял, от того, как он это понял, интерпретировал, классифицировал и изложил следователю. «Танком» может быть назван практически любой блиндированный самоходный транспорт, гусеничный или колёсный, на котором установлено орудие или пулемёт, поскольку многие просто не знают, чем «танк» отличается от «нетанка». Вспоминая сообщения из Сирии, где «свидетели» говорили, что бомбы были сброшены с российских или сирийских самолётов, автору всегда было интересно узнать, задавали ли этим очевидцам вопрос о том, как же с удалённости 5-ти и более километров они определили не только тип, но и принадлежность преступного самолёта.

Поэтому, используя стандартную криминалистическую рекомендацию о детализации, необходимо попросить свидетеля описать как выглядел «танк», описать оружие, форму и знаки различия/нашивки у военных, вспомнить термины и позывные, которые те использовали и так далее. Все эти детали помогут

определить, какое конкретно подразделение и участвовало в конкретной акции, кто отдавала приказы и как они исполнялись.

Эта обычная рекомендация получает особое значение, т.к. работа идёт не на родном языке, через переводчика, с возможными региональными и иными диалектическими и жаргонными особенностями. Вот пример из Нюрнбега, актуальный и по сей день: «В [протоколе] был записан длинный разговор американского следователя с Шахтом о так называемом методе «МЕФО». Понять только из протокола, о чём идёт речь, было нельзя. Предполагая, что такого рода запись протокола могла быть результатом плохой работы переводчика, я решил обратиться к первоисточнику – к американскому следователю, который допрашивал Шахта. Но и он не смог вразумительно объяснить, в чём дело, и отослал меня к консультанту американской делегации по финансовым вопросам. В конечном итоге, чтобы разобраться с методом «МЕФО» – а он имел первостепенное значение для обвинения Шахта, – пришлось обратиться во время допроса непосредственно к автору этого метода – самому Шахту»¹.

В таких случаях удобно использовать различные справочники², особенно такие, которые представляют названия различных предметов и их деталей на нескольких языках, как например в Справочник Гражданского полицейского ООН³ *Формальности при проведении допроса.*

Опять, вспомним некоторые впечатления Г.А. Александрова о работе в Нюрнберге: «... подсудимые вели себя достаточно чинно. Они раскланивались, расшаркивались, ожидали приглашения сесть, встать, вели себя сдержанно и более или менее охотно давали показания. Лишь однажды Ганс Франк после несколько

¹ Александров Г.А. Указ. Работа, С. 28.

² См. напр.: Описание объектов криминалистического исследования. Справочное пособие / Под ред. В.В.-Филиппова. М., ЭКЦ МВД России, 1995, 288 с.

³ United Nations Civilian Police Handbook. UN Department of Peacekeeping Operations, 1995, UN/223/TH/CIPO95, 135 p.

более, чем обычно, энергичного допроса бросил оскорбительное слово в адрес американского следователя, но был тотчас же удалён из кабинета»¹.

Установление контакта с допрашиваемым – это стандартная тактическая рекомендация. Однако, порой непосредственные рекомендации о том, как это делать, рассчитаны на обстановку, характерную для кабинета российского следователя, более, так сказать, мирной или даже «интимной». В международной следственной работе, при проведении допроса через переводчика, в присутствии адвоката (порой не одного) и секретаря-машиниста, поговорить о погоде и спорте, зачастую не получится. Порой и сигарету предложить нельзя, так как, например, в помещениях ООН курить запрещено.

Вспомним, что для всего персонала ООН обязательно уважительное отношение к местным традициям и нормам поведения. Если для следователя или прокурора в некоторых штатах США было бы нормально положить ноги в ковбойских сапогах на стол при разговоре с другим участником процесса, то во многих других странах это есть признак неуважения к собеседнику, а порой и оскорбление. В лучшем случае свидетель просто не станет разговаривать, а порой всё может завершиться и оскорблениями, потасовкой с последующей высылкой (или эвакуацией) иностранца из страны, порой для его (или её) же безопасности. Также, чрезвычайно осторожным необходимо быть при попытках или рассказывать анекдоты шутить (особенно через переводчика) для установления контакта, поскольку эффект также может быть обратным. Изучив традиции, необходимо выбрать для себя набор «нейтральных» тем, о которых можно разговаривать, а изучив конкретную личность – подобрать конкретную тему для него/неё.

Однако, нельзя забывать, с вы кем имеете дело при расследовании военных и других преступлений на постконфликтной территории. Многие подследственные участвовали в военных действиях и пережили достаточно страшные события, в

¹ Там же, С. 28-29.

результате чего нахождение в тюрьме для них может вполне рассматриваться как достаточно вольный отдых на курорте, где по крайней мере не нужно заботиться о «хлебе насущном».

Чёткое соблюдение формальностей, придающее допросу официоза, положительно действует на одних допрашиваемых, а других может подавлять, заставляя нервничать, тем самым снижая плодотворность следственного действия. Пресекать же любые «выходки» и нарушения дисциплины допрашиваемым необходимо жёстко, в противном случае есть риск потерять его уважение, вследствие чего ваша работа будет восприниматься как клоунада.

Особенности работы при помощи переводчика

В первую очередь, налицо трудности с проведением оперативно-розыскных мероприятий с участием переводчика. На постконфликтной территории и так очень высок уровень недоверия и подозрительности по отношению к властям, а особенно когда последние пытаются установить и привлечь к ответственности виновных в совершении военных преступлений. В таких условиях о том, чтобы выйти на «источник информации» с участием местного переводчика, а тем более получить нужную оперативную информацию, можно просто забыть, т.к. разговаривать с вами просто никто не станет. Причина проста – многие переводчики добровольно или вынужденно сотрудничают с «параллельными» разведывательными структурами, состоящими из бывших участников конфликта, одна из задач которых состоит в противодействии правосудию.

Известная немецкая пословица гласит «*Was wissen zwei, wisst Schwein*», что значит «Что знают двое, знает и свинья». Информация, полученная при посредничестве переводчика, во-первых становится известна преступникам. Во-вторых, часто встречались ситуации, когда осуществлялся осознанно неверный перевод, когда часть информации или «терялась» или фиксировалась в искажённом виде; были случаи, когда в процессе следственного действия или оперативного мероприятия свидетель/осведомитель просто запугивался. Помимо этого,

происходили информации о свидетелях, которые впоследствии или запугивались¹ или погибали при подозрительных обстоятельствах². Исследователи не раз отмечали, защита свидетелей в Косово «была и остаётся одной из наиболее значительных проблем органов правосудия»³.

Частично эта проблема решалась с помощью профессиональных переводчиков – иностранцев, не связанных с Косово, как правило выпускников языковых ВУЗов других стран, однако их услуг не хватало. С сербским языком было проще из-за его схожести с другими славянскими языками. Поэтому во многих случаях следователи и оперативные работники из Болгарии, России, Украины общались со свидетелями и информаторами напрямую, что значительно облегчало получение необходимых сведений. С албанским языком, вследствие его уникальности, проблем было гораздо больше. Кроме того, в жёстко поделённом на кланы обществе косовских албанцев скрыть личность анонимного свидетеля крайне тяжело. После удаления из показаний всей информации, которая могла бы прямо или косвенно идентифицировать свидетеля, показания представляли собой практически бесполезную бумагу, на которую было затрачено много времени.

В любом случае, полностью избежать использования услуг местных переводчиков невозможно. Поэтому, особое внимание необходимо уделять не

¹ См.: ПКК, Mladenović, № 99/09, решение от 26 June 2014, § 200; Nikolić et al, № 72/09 и другие, решение 14 декабря 2014, § 201 - 202.

² См.: Death of War Crimes Witness Casts Cloud on Kosovo // NYTimes.com, 6 октября 2011 [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2011/10/07/world/europe/death-of-war-crimes-witness-casts-cloud-on-kosovo.html?_r=0 (дата обращения: 15.01.2015); Daily on Witness Intimidation in Haradinaj Case // B92.net [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.b92.net/eng/news/crimes.php?yyyy=2011&mm=09&dd=15&nav_id=76403 (дата обращения: 15.01.2015).

³ Witness Security and Protection in Kosovo: Assessment and Recommendations, a report by the OSCE Mission in Kosovo and the US State Department, November 2007, p. 5 // EULEX official website [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/7/28552.pdf> (дата обращения: 24.06.2022); см. также: Kosovo War Crimes Trials: An Assessment Ten Years On 1999 – 2009, a report by the OSCE Mission in Kosovo, May 2010, p. 5 // Официальный сайт ОБСЕ [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.osce.org/kosovo/68569> (дата обращения: 17.10.2022).

только их образованию и опыту работы (порой «переводчики» не могли нормально связать двух слов на английском), но и проверке их прошлых и нынешних связей с конфликтующими сторонами и криминальным миром. Однако, для проведения соответствующих проверок опять же необходимо знание языка, наличие баз данных и оперативных контактов – то есть налицо «порочный круг». Поэтому, вопрос языковой поддержки необходимо тщательным образом изучать до направления международных ГБР на места.

Другой очень важный момент при работе «через переводчика», который необходимо иметь в виду – это невозможность использования всего арсенала тактических приёмов, рекомендуемых криминалистикой, то есть «ограниченной тактической свободой» следователя. Дело здесь не столько в непонимании переводчиком таких приёмов, которое может породить обвинения в их неэтичности процесса. Для того, чтобы многие приёмы «сработали», следователю или оперативному работнику необходимо быть уверенным в абсолютно точном переводе, с сохранением нужных смысловых акцентов и оттенков речи, что под силу только очень опытным переводчикам-синхронистам. Кроме того, тон голоса и другие элементы невербальной коммуникации порой также очень важны, а переводчик в принципе не может их передать. Наконец, отдельные тактические приёмы, следственные действия/ОРМ могут быть достаточно длительными, и/или связанными с активными действиями, в том числе на месте происшествия, и принудить участвовать в них переводчиков, являющихся как правило гражданскими вольнонаёмными лицами, порой не получается.

Также упомянем необходимость учёта этнической принадлежности переводчика при подготовке к проведению следственного действия или ОРМ и это не только и не столько из-за возможного незнания отдельных речевых оборотов. В большинстве случаев в напряжённом постконфликтном пространстве переводчик, даже прекрасно знающий язык, но принадлежащий «по крови» к недавней вражеской стороне, вызывает недоверие и может поставить под вопрос достижение

целей мероприятия. Эта проблема была обозначена с самого начала работы Полиции МООНК. При поездках в албанские сёла, переводчики были албанцы, в сербских сёлах – сербы. Делалось это также и из соображений безопасности самих переводчиков, особенно в первые месяцы работы Миссии. Необходимо убедиться, что свидетель чувствует себя комфортно в присутствии переводчика, согласиться на его замену, при необходимости – отложить следственное действие до его прибытия.

Помимо вышеуказанных, имеются и сугубо технические трудности. Так, из-за неизбежного повторения всего сказанного следователем и свидетелем при переводе, на допрос уходит как минимум в два раза больше времени. Возможности использовать оборудования для «синхронного перевода» есть далеко не везде (а в полевых условиях его нет никогда!), а стоят услуги переводчиков-синхронистов на порядок выше. Поэтому необходимо сразу учитывать то, что простое действие может затянуться надолго. Также нельзя забывать, что необходима будет ещё одна встреча с допрашиваемым для подписания переведённого протокола допроса и во избежание осложнений, об этом нужно поставить его в известность заранее. В постконфликтном обществе свидетели всегда находятся в опасности, поэтому лишний раз привлекать к ним внимание их не стоит.

Например, убийство свидетеля, в одном из процессов расследования военных преступлений в Косово, где автор участвовал в качестве помощника прокурора, произошло в 10 октября 2005 года. Тогда Х.Р. был застрелен, а его брат Н.Р., тяжело ранен из огнестрельного оружия в дневное время посреди рынка в селе Зрзе. По несчастливой случайности, 1 октября началось слушание в суде по делу, где убийство отца Х.Р. и Н.Р. было одним из эпизодов обвинительного заключения, а Н.Р. был одним из свидетелей. Несмотря на то, что Х.Р. много знал о деятельности ОАК, он не был свидетелем в деле и приехал из Италии 8 октября только навестить

родных. Однако, преступники посчитали, что он прибыл давать обвинительные показания, и решили на всякий случай устранить обоих братьев¹.

Отдельно отметим, что при использовании переводчиков, необходимо осуществлять контроль качества перевода. Скорее всего, постоянно делать это не получится, т.к. для этого нужен был бы отдельный штат «контролёров», но периодический контроль необходим. Проверка на анонимной основе, когда проверяющий не знает, чью работу он оценивает, повышает её объективность и эффективность. В данной ситуации знание следователем хотя бы минимального набора процессуальных терминов (например, допрос, место происшествия, преступление, суд, прокуратура, свидетель, жертва и т.д.) на местном языке значительно облегчает задачу. Автору данной работы нередко приходилось подсказывать нужный термин, а порой и поправлять, переводчиков, которые не были хорошо знакомы с правовым лексиконом.

С учётом вышеизложенного, можно предложить некоторые рекомендации, которых целесообразно придерживаться при выборе тактических приёмов, проведении следственных действий/ОРМ, в условиях «ограниченной тактической свободы» по причине участия в них переводчика:

- 1) выбирать следственные действия/ОРМ, участие в которых переводчика, а соответствие возможные негативные последствия его недобросовестной работы (неправильного перевода и т.д.) минимальны;
- 2) не использовать сложные многоходовые оперативные комбинации, так как участие в них переводчика значительно повысит шанс неудачи;
- 3) обязательно принимать во внимание национальность свидетеля/осведомителя и переводчика;

¹ См.: Country reports on Human Rights Practices for 2008, Volume I // Издание Госдепартамента США, 111-ое заседание Конгресса, 2 сессия, № S.Prt.111-60, Вашингтон, декабрь 2010, Р. 1424.

- 4) пользоваться переводчиками, прошедшими проверку и доказавшими, что им можно доверять;
- 5) перепроверять качество перевода у «третьих» незаинтересованных специалистов.

Как правило, решение проблемы языкового барьера между правосудием и сторонами оговорено в законодательстве, чем обеспечивается выполнение стандартов прав человека в этой области. Однако, практического опыта работы с использованием переводчика вообще, а тем более на постконфликтной территории, есть далеко не у многих следователей или оперативных работников. Поэтому, представляется необходимым начать уделять больше внимания сбору и обобщению опыта, накопленного за время участия офицеров МВД и МО в различных миротворческих операциях. Подготовленные на основе этого материалы должны в дальнейшем использоваться в специализированной подготовке работников, направляемых для работы в особых условиях постконфликтного времени.

Эксгумации массовых захоронений

Эксгумация при расследовании военных преступлений, а особенно мест массовых захоронений, в большинстве случаев имеет ряд более или менее серьезных отличий от эксгумаций, проводимых в обычных условиях¹. Различия наблюдаются как в общих характеристиках, а особенно – в политической подоплёке выводов, полученных после анализа собранной в процессе эксгумации информации, а также в цели и процессуальный порядок, круг участников, так и на уровне практических элементов: порядок проверки информации о месте захоронения и подготовки документов для получения ордера, порядок проведения, количество участников, процедура и порядок оформления извлеченных останков и т.д. Ниже рассмотрим некоторые из них более детально.

¹ См. напр.: Натура Д.А., Натура А.И. Эксгумация и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом. М.: Юрлитинформ, 2003. – 104 с.

Эксгумация в таких случаях представляется действием, носящим в себе элементы классической эксгумации и осмотра неопознанных трупов и мест их обнаружения. Соответственно и рекомендации по проведению данного следственного действия будут носить смешанный характер.

При обычной эксгумации местонахождение останков и личность умершего в большинстве случаев известны. Необходимо лишь получить согласие родственников (если таковые имеются) или судебный ордер, если родственники высказались против проведения эксгумации.

При расследовании военных преступлений, как правило, личность погибших и точное местонахождение захоронений неизвестны. Установление точного места захоронения является одной из важнейших задач стадии подготовки к проведению эксгумации. Эта информация необходима для получения судебного ордера на проведение эксгумации.

Уже является установленным факт, что в подавляющем большинстве случаев преступники пытаются скрыть место массового захоронения, тем самым укрывая важнейшие следы совершения ВП вообще. Методы для этого используются различные.

Вот, например, что отражено в материалах комиссии расследовавшей обстоятельства массовых убийств боснийцев в городе Сребреница силами Боснийской Сербской Армии в июле 1993 года:

«В течение последних четырех лет [МТБЮ] удалось установить, что тех, кто был убит с 14 по 17 июля, погребли в течение следующих 24 - 48 часов в общих могилах рядом с теми местами, где были проведены казни ... В некоторых случаях жертв заставляли рыть собственные могилы. В других случаях их расстреливали, когда они стояли в могилах. Представляется, что в течение следующих нескольких месяцев трупы извлекли из первоначальных мест массового захоронения [пять таких мест- АА] и перезахоронили в 33

различных «местах перезахоронения». Считается, что в каждом из этих мест перезахоронения покоятся останки порядка 80 – 180 человек»¹.

Не претендуя на полное исчерпание данного вопроса, мы выделили следующие материальные следы и признаки, позволяющие с более или менее высокой степенью достоверности предположить наличие массового захоронения:

- Появление на поверхности вследствие действия природных сил (вешние воды, дожди, ветры, животные и т.д.) или человеческого воздействия (рытье котлованов, поисковые мероприятия, не направленные на обнаружение захоронений и т.д.) большого количества различных костных останков, одежды, личных вещей.
- Обнаружение большого количества стреляных гильз в непосредственной близости.
- Наличие следов сокрытия места захоронения (следы сжигания трупов, забрасывания их бытовыми и иными отходами и мусором и т.д.).
- Удаленность и относительная труднодоступность места массового захоронения.
- Возможность более или менее скрытого подъезда к проверяемому месту с целью подвоза лиц для казни / тел для захоронения.

Кроме того, необходимо изучить имеющийся массив информации с целью выявления следующих «идеальные» следов, повышающих шанс обнаружения массового захоронения в конкретном месте:

- Наличие информации о массовых арестах и исчезновениях в непосредственной близости от места предполагаемого массового захоронения.

¹ Падение Сребреницы. Доклад Генерального Секретаря, представляемый во исполнение Резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи от 1 ноября 1999, код документа в архиве Генеральной Ассамблеи ООН - A/54/549; абзац 370, С. 122 (русская версия).

- Наличие информации о временных концентрационных лагерях или тюрьмах располагавшихся в регионе во время вооруженного конфликта.
- Наличие информации о массовых перемещениях больших количеств заключенных / арестованных вблизи от проверяемого участка.
- Конечно, наиболее вескими идеальными доказательствами будут показания очевидцев и свидетельских показаний (организаторов и/или участников операции по уничтожению и/или захоронению тел, выживших потерпевших и т.д.).

Практические ситуации, приводящие к обнаружению массовых захоронений, разнятся порой диаметрально. Иногда находка одного лишь остатка кости или какого-то предмета приводит к месту захоронения, а порой даже обильная информация о месте, времени, количестве жертв, способе сокрытия оказывается недостаточной для нахождения останков погибших. Конечно, в таком случае объяснения только два: либо информация ошибочна, либо она заведомо ложна и сообщается, как правило, с целью направления следствия по ложному следу либо для оказания давления на каких-либо лиц, обвинённых в причастности к военным преступлениям.

Так, например, по одному из дел, расследованных группой, в работе которой участвовал соавтор данной статьи, появились показания свидетелей, о том, что тела шести жертв, казнённых представителями военной полиции ОАК были сброшены в «большую дыру» на краю села. На уточняющий вопрос следователя свидетель пояснил, что он имеет в виду один из колодцев, принадлежащих к системе водоснабжения, расположенных на холме рядом с селом.

При осмотре места происшествия было обнаружено порядка 40 таких колодцев разного размера, связанных в единую действующую систему. Свидетель не смог указать, в какой конкретно колодец были сброшены тела. На запрос следователя ОПЛЭ ответил, что не располагает возможностью проводить осушение всех колодцев; необходима точная информация. С другой стороны, следователь

установил, что в примерные сроки предполагаемого расстрела не было замечено отравления воды в системе водоснабжения, что было бы неизбежно при наличии в одном из колодцев разлагающихся тел. Так информация данного свидетеля была признана недостоверной и эксгумация не была проведена. Действительно, в следующем году останки одного из шести «сброшенных» в колодец были обнаружены при эксгумации иного массового захоронения¹.

Для точной фиксации на точки местности, где будет проводится эксгумация, можно порекомендовать применение портативных навигаторов, использующих систему GPS координат (англ.: *Global Positioning System*). В зависимости от модели, они позволяют определить любую точку на местности в точностью до полуметра.

При подготовке к проведению эксгумации, помимо точного места предполагаемого захоронения, необходимо также установление следующих обстоятельств: предполагаемое количество тел, источники получения информации, степень их достоверности, значение результатов этого следственного действия для следствия. Все эти обстоятельства должны указываться в ходатайстве о выдаче ордера, в суд, обладающий соответствующей юрисдикцией.

Остановимся на целях проведения эксгумации при расследовании ВП. Одной из них является установление самого факта наличия массового захоронения и механизма совершения преступления (способ казни и сокрытия, наличие следов пыток и/или надругательства над телами жертв). Данная информация необходима следствию и в дальнейшем суду для правильной квалификации деяния. Известно, что пытки, убийства жестокими способами, надругательства над телами убитых являются отдельными видами ВП, квалифицируются отдельно и проходят отдельными эпизодами.

Кроме того, на практике возможны оговоры, неправильное представление обстоятельств происшедшего. Цели этого могут быть различными, зачастую

¹ Уголовное дело № Р. Nr. 85/2005 - НЕР No. 26/2004 (обвиняемые: С. Красничи, Б.-Зуберай и др.) // Архив окружного суда г. Призрень, Косово.

политическими. Особенно это характерно для периодов сразу же или в непосредственной временной близости от окончания военных действий. Это может привести к неверной квалификации, смещению акцентов следствия на иных участников событий, и, как следствие уходу виновных от ответственности или, наоборот, наказанию невиновных.

Необходимо обращать особое внимание на то, что любой отказ в возбуждении уголовного дела по делам о военных преступлениях также может быть использован экстремистски-настроенными кругами для того, чтобы настроить общественное мнение против международных правоохранительных структур. Известны случаи, когда сторонники одной стороны конфликта умышленно представляли прессе слегка искажённую картину о решении, принятом международным прокурором, чего было достаточно, чтобы показать последнего как «сообщника» представителей в прошлом противной стороны. На такие высказывания необходимо реагировать оперативно и жестко, обязывая виновных опровергать некорректную информацию.

Процессуальный порядок проведения эксгумации практически не урегулирован законодательно. Только часть 1 статьи 186 ВУПК упоминает эксгумацию в качестве обязательного следственного действия, в случаях, когда тело, подлежащее патологоанатомическому исследованию, оказывается захороненным.

Как вытекает из текста закона, при наличии согласия родственников на проведение эксгумации, судебного ордера не требуется, так как никакие права человека не затрагиваются. Это положение аналогично диспозиции части 3 статьи 178 УПК Российской Федерации. Такое согласие обычно берется в процессе допроса родственников погибшего в качестве свидетелей и/или потерпевших и фиксируется в протоколе, либо оформляется отдельным заявлением заинтересованной стороны, которое прилагается к делу.

Однако на практике следователи и прокуроры, работающие в Косово, предпочитают получить судебный ордер даже в случае, если согласие потерпевшей

стороны было предварительно получено. Судьи также соглашаются с существованием данной практики.

Это становится ещё более актуальным в случаях эксгумаций мест массового захоронения, в которых практически никогда не удается получить согласие всех родственников тех, чьи останки предположительно покоятся в конкретном массовом захоронении. Следствие попросту не располагает достоверными данными о том, кто там находится. Да и уверенность в том, что место захоронения реально порой вообще отсутствует до начала проведения данного следственного действия.

Кроме того, наличие судебного ордера порой необходимо для облегчения процесса организации эксгумации массового захоронения. Для его осуществления зачастую необходимо большое количество личного состава полицейских подразделений и армии (для оцепления, возможного разминирования, помощи в транспортировке и т.п.). ОПЛЭ Департамента юстиции всегда требовало наличия судебного ордера на проведение идентификационных действий вследствие их высокой стоимости и трудоемкости (как например идентификация по ДНК). Как правило, судебный ордер на эксгумацию и последующее судебно-медицинское исследование издаются одновременно, за исключением случаев, когда эксгумация тела проводится не с целью его судебно-медицинского исследования.

В число участников такого масштабного следственного действия, помимо следователя (или нескольких), входят оперативные работники ОБВП, сотрудники отдела сбора останков ОПЛЭ, специалисты-криминалисты. Кроме того, могут привлекаться дополнительные силы полиции и армии, как указано выше.

Непосредственно в процессе проведения эксгумации лица, осуществляющие поисковую работу, должны обращать особое внимание на следующие обстоятельства / объекты:

- Количество, возраст и половая принадлежность останков (для конфликтов на территории бывшей Югославии особенно характерны массовые расстрелы лиц мужского пола призывного возраста).
- Личные документы и вещи необходимы для облегчения идентификации. Подлежат поиску и изъятию любые части документов, печатные или письменные (известны случаи обнаружения предсмертных записок, спрятанных в одежде, обуви). Личные вещи также могут помочь в идентификации останков.
- Особенности положения тел может прояснить механизм совершения преступления. Например, нередко при расстреле на месте захоронения жертв сначала выстраивали или укладывали ровными рядами для «облегчения работы». В таких случаях положения тел обычно систематизированы, расположение ран также оказывается на одной стороне. В случае, если тела были просто сброшены или перезахоронены в данном месте, то они будут располагаться хаотично, следы ранений также не будут соответствовать положению тел. Если в момент расстрела жертвы лежали лицом вниз, то руки, как правило, располагались за головой; в таких случаях обычно имеется одиночное пулевое отверстие в задней части черепа.
- Наличие следов связывания однозначно свидетельствует о казни жертв. Руки обычно связывались за спиной проволокой или крепкими нейлоновыми шнурами (оба материала достаточно устойчивы к разложению). Необходимо зафиксировать в протоколе положение рук / ног, описать место связывания и использованный материал, который подлежит обязательному изъятию. Также подлежат изъятию любые обнаруженные скрутки проволоки или куски шнуров в форме петель, т.к. они скорее всего тоже использовались для связывания и в дальнейшем могут стать вещественными доказательствами.
- Расположение и количество пулевых отверстий / следов иных травм (таких как удар тупым предметом в голову) при массовых казнях, как правило,

одинаково у всех останков, находящихся в одной могиле. Это наблюдается почти всегда, за исключением случаев обнаружения мест, куда свозились тела казнённых с различных мест, или мест перезахоронения. Поскольку многие подразделения воюющих сторон испытывали недостаток в оружии и боеприпасах, казни зачастую проводились посредством одного выстрела в затылок.

- Наличие «слоёв» тел и мусора, земли, растительности и культурного слоя другого рода является признаком того, что захоронение проводилось в несколько этапов, с определённым временным промежутком.
- Равномерность разложения тел – Так как известно, что тела в центре захоронения разлагаются медленнее, чем по краям, вследствие затруднённого доступа кислорода, то неравномерность степени разложения тел в соответствующих местах массового захоронения будет свидетельствовать в пользу версии¹ о его вскрытии и возможном перезахоронении останков, например, в целях сокрытия преступления.

Сбор останков с места захоронения можно проводить только тогда, когда решены вопросы с их хранением – чтобы не оказаться в ситуации, когда «на руках» десятки мешков с останками погибших, а поместить их некуда. Коллеги автора, с которыми удалось пообщаться, приводили примеры, когда по окончании осмотра места массового захоронения в удалённых районах отдельных африканских стран, вследствие невозможности вывоза и отсутствия условий для хранения тел и останков вблизи, останки возвращались в место захоронения и могила обратно «закрывалась».

Все результаты фиксируются в общем протоколе следственного действия, к которому прилагаются соответствующие фото и видео материалы и изъятые

¹ Князьков, А. С. Следственная версия как элемент информационной модели расследования преступления // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 89-92.

объекты. Исключение представляют непосредственно извлечённые останки тел, личные вещи и документы, которые передаются в ОПЛЭ для экспертизы, идентификации и, с разрешения суда, передачи семьям опознанных жертв. Копии всех материалов должны предоставляться судье, выдавшему ордер на проведение эксгумации.

Судебно-медицинские исследования останков, при котором проводится необходимая опознавательная фотосъёмка и отбираются образцы ДНК для дальнейшего исследования, должны проводиться в как можно более короткие сроки. Необходимо отдельно позаботиться о соответствующих условиях для хранения образцов ДНК.

При осуществлении любых действий, связанных с посмертными останками, необходимо помнить об обязательности учёта интересов семей погибших. В противном случае, организация (через неграмотные действия следователя) может быть признана нарушителем статьи 3 ЕКПЧ – в части запрета бесчеловечного и иного унижающего достоинство обращения. Кроме того, практика органов по защите прав человека говорит, что так же может квалифицироваться и отсутствие надлежащего контакта с лицами, заявившими о пропаже, похищении, а также членами семей лиц, посмертные останки которых обнаружены и идентифицированы. Кратко рассмотрим это положение.

Статья 3 ЕКПЧ гарантирует свободу от пыток или иного бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения. По аналогии со ст. 2 (право на жизнь), у ст. 3 есть и существенные и процессуальные положения. Требования по существу обязуют государство осуществить все необходимые мероприятия для того, чтобы на подконтрольные ему органы не применяли в своей деятельности пытки и иные действия, описанные в ст. 3 (сюда входит и внутригосударственный законодательный запрет, установление уголовной и иной ответственности). Процессуальная часть в свою очередь требует проведения должного расследования случаев, когда пытки применялись, и выполнения всех необходимых действий для

привлечения виновных к ответственности. Невыполнение любого из них приводит к нарушению прав, защищённых ст. 3. Приведём пример из одной из жалоб, рассмотренных ПКК¹:

14 ноября 1999 года, в северной части Косовской Митровицы пропал пожилой мужчина, Райко Миленкович. Родственники сразу же заявили в полицию МООНК об исчезновении и полиция начала расследование. Было получено описание исчезнувшего и допрошены возможные свидетели. 29 декабря того же года, недалеко от населённой албанцами деревни южнее от реки Ибар, был обнаружен труп неизвестного мужчины со следами насильственной смерти. Личность не была установлена и труп был захоронен на Приштинском кладбище, в части отведённой для неопознанных останков. Очевидно, образцов ДНК взято не было.

В июне 2000 года, останки были извлечены из места захоронения и проведено их полное исследование, установившее что смерть наступила из-за повреждения внутренних органов причинённых огнестрельным ранением. В этот раз в протоколе отражено взятие образцов ДНК. Телу было присвоено кодовое значение «JA042/041B» и оно было возвращено в место захоронения.

В ноябре 2000 года, следователи встретились со вдовой пропавшего Р. Миленковича и представили ей для опознания четыре предмета, обнаруженные с неизвестным телом 29 декабря 1999 года. Она опознала три из четырёх. Она добавила, что у её мужа были очень характерные зубы и попросила их фотографии. Однако, оказалось, что фототаблица, созданная после исследования судебными медиками, не содержит фотографии зубов. 15 декабря 2000 останки под кодовым номером «JA042/041B» были снова эксгумированы, для дополнительного осмотра,

¹ См.: HRAP, Milenković, no 255/09, opinion of 26 June 2015, §§ 29-82, 205.

после чего помещены в контейнер для дальнейшего хранения. Из документов, содержащихся в деле, видно, что супруга всё-таки не была уверена в идентификации и попросила провести исследования по ДНК, которое то время было достаточно дорого и требовало длительное время.

1 апреля 2003 года ИСМР выписала сертификат, подтверждающий, что посмертные останки с кодовым номером «JA042/041B» действительно принадлежат пропавшему Р. Миленковичу. Однако, когда офицеры ОПЛЭ начали готовиться к передаче останков семье, оказалось, что их местонахождение неизвестно и найти их не удалось. Поскольку сказать семье было нечего, ответственные лица МООНК прервали контакты с родственниками Миленковича.

Только по запросу ПКК, в 2013 году, служащие ОПЛЭ снова внимательно пересмотрели свои архивы. Тогда удалось установить, что в 2003 году, тело Р. Миленковича («JA042/041B») было по ошибке выдано албанской семье в г. Клина, и захоронено ими, а тело этого погибшего косовского албанца, которое было идентифицировано без ДНК-исследования осталось в морге, как «неопознанное», и так и оставалось там до 2013 года. У обоих тел были отобраны новые образцы, которые подтвердили личности обоих жертв, и, соответственно, ошибку органов МООНК.

В феврале 2014 года останки Р. Миленковича были эксгумированы (в четвёртый раз!!!) с албанского кладбища в Клине и позднее переданы его родственникам, поскольку его супруга так и не узнав о судьбе своего мужа. Соответственно, албанская семья из Клины получила останки «своего» погибшего. Уже миссия EULEX приносила извинения обеим семьям за ошибку и причинённые страдания.

ПКК признала, что своими неграмотными действиями должностные лица МООНК причинили семье Миленковича тяжкие душевные страдания

(англ.: *great distress and mental suffering*) нарушили требования ст. 3 ЕКПЧ

К сожалению, при массовых действиях по поиску, эксгумации и идентификации посмертных останков, особенно когда работа не всегда проводится системно и скоординировано, такие ошибки нередки. В данном примере, к сожалению, вместо того, чтобы объяснить семье погибшего что произошло и попросить набраться терпения, пока ситуация прояснится, «власти» МООНК просто перестали общаться с заявителями, тем самым усилив их душевные страдания. Эти вот действия и привели к нарушению существенных требований ст. 3 ЕКПЧ.

Кроме того, в этом примере мы целый ряд других серьёзных недочётов: недостаточная координация между подразделением, разыскивающим пропавшего без вести с отделом полиции, на территории которого был обнаружен неопознанный труп, вследствие чего труп был захоронен, как неизвестный. Соответственно, была упущена возможность предъявления его родственникам для опознания «в натуре». Кроме того, при первом судебном-медицинском исследовании не были сделаны все необходимые фотоснимки и не были отобраны образцы ДНК. Каждое из этих действий, если бы оно было проведено вовремя, могло бы привести к опознанию, не доводя до нескольких повторных эксгумаций, утери останков, смерти супруги Миленковича, дополнительных страданий ещё и албанской семье. Такая «подмена» останков, пусть и неумышленная, несомненно нанесла сугубую травму последним, которые похоронили по свои традициям представителя «агрессора». Это достаточно легко могло бы быть «обыгранная» заинтересованными лицами как умышленное оскорбление и могла бы вызвать взрыв возмущения, а порой и насилия по отношению к международным следственным органам.

В связи с этим, отметим необходимость уважительного отношения не только к родственникам, но и к местным традициям и обычаям. Коллега, работавший в СГТП в Тиморе – Лешти упоминал, что при проведении эксгумаций необходимо

было особенно внимательно относиться к обычаям и традициям местных жителей, а особенно – родственников погибших, останки которых предположительно или достоверно находились в захоронении. Так, перед эксгумацией необходимо было провести специальный обряд и обязательно принести в жертву духам усопших. Зачастую, удавалось договориться на курицу в качестве жертвенного животного, но иногда приходилось раскошелиться и на кабанчика. Естественно, никакая статья бюджета такие расходы не предусматривала, поэтому о их компенсации ждать не приходилось.

Персоналу ООН такое уважительное отношение при осуществлении какой-либо служебной деятельности (и вне её), являющееся в нашем случае и собственно криминалистической рекомендацией, предписывается дисциплинарным кодексом. Однако, при организации следствия международными специалистами через другие организации, этому необходимо уделять отдельное внимание. Незнание особенностей проведения эксгумаций в местах массовых захоронений жертв ВП приводит к дополнительным трудностям в практической деятельности следственных подразделений.

§ 6. Особенности окончания расследования и направления уголовных дел в суд. Правопреемственность и «наследие» международных следственных структур

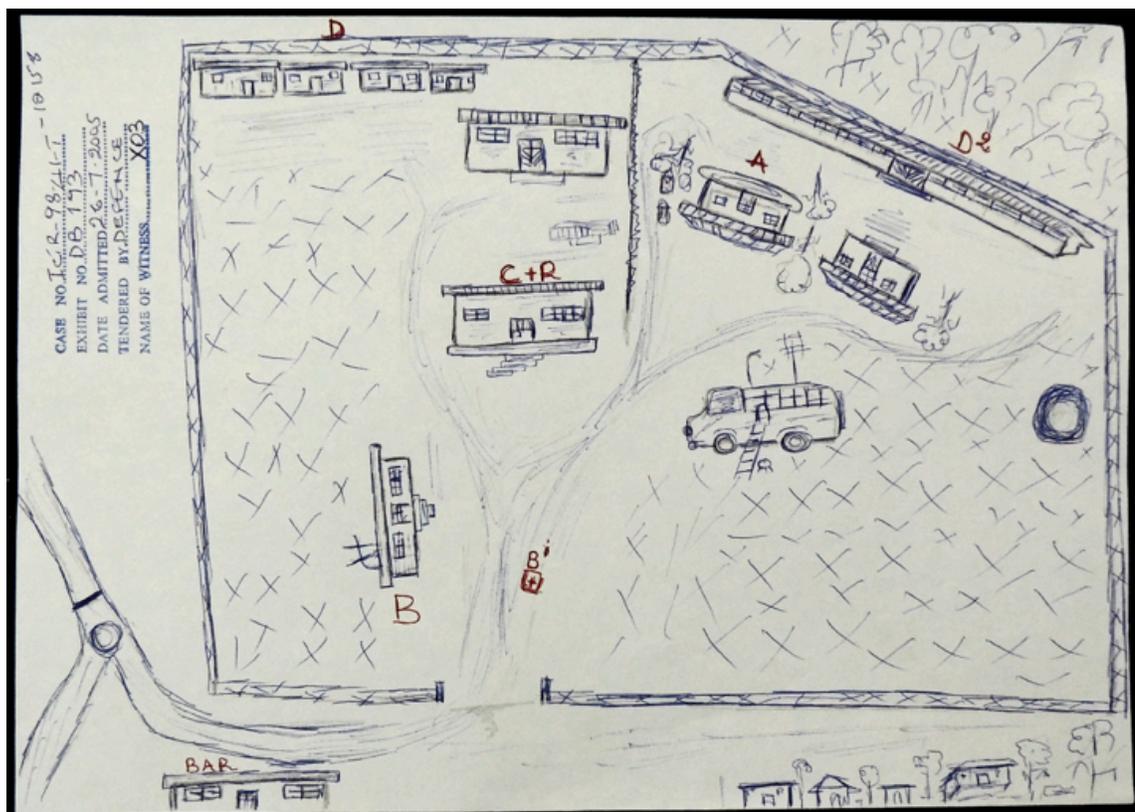
По окончании активной фазы расследования необходимо готовить материалы для их судебного рассмотрения. Для работы на этом этапе также можно выделить ряд рекомендаций, которые могут облегчить и эту деятельность для следственных работников и в дальнейшем – для прокурорских и судебных работников во время судебных заседаний.

По объёмным уголовным делам с большим количеством свидетелей, целесообразно подготовить «краткое содержание» показаний ключевых

Очень полезно как при подготовке материалов к передаче в суд, так и при допросах свидетелей, создание схем и моделей описываемых объектов. Они позволяют наглядно и детально представить события, описываемые свидетелем и представляемые в судебном заседании. Ниже показаны несколько образцов из материалов дел МТБЮ (изображение 5) и МТР (изображение 6)¹:

Изображение 5

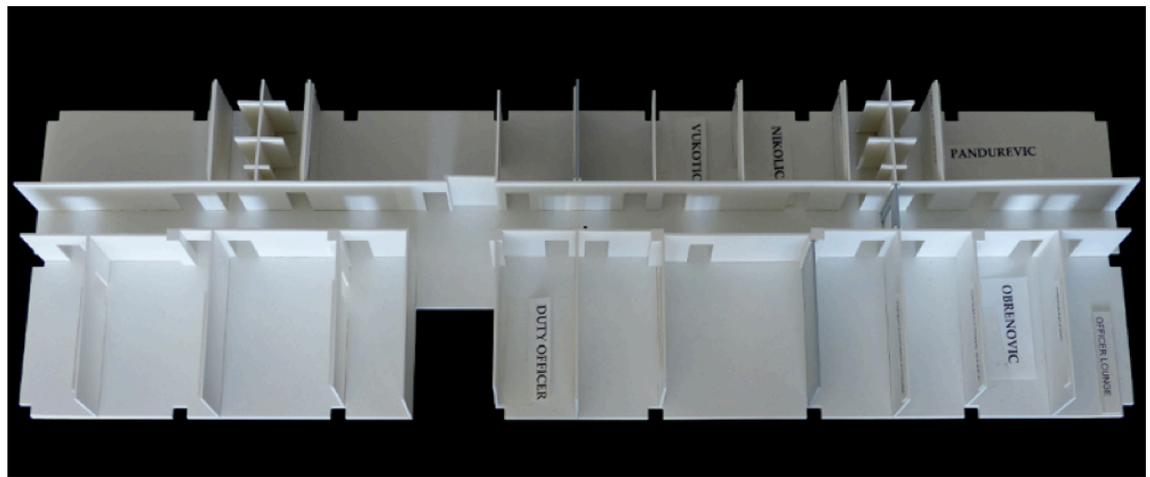
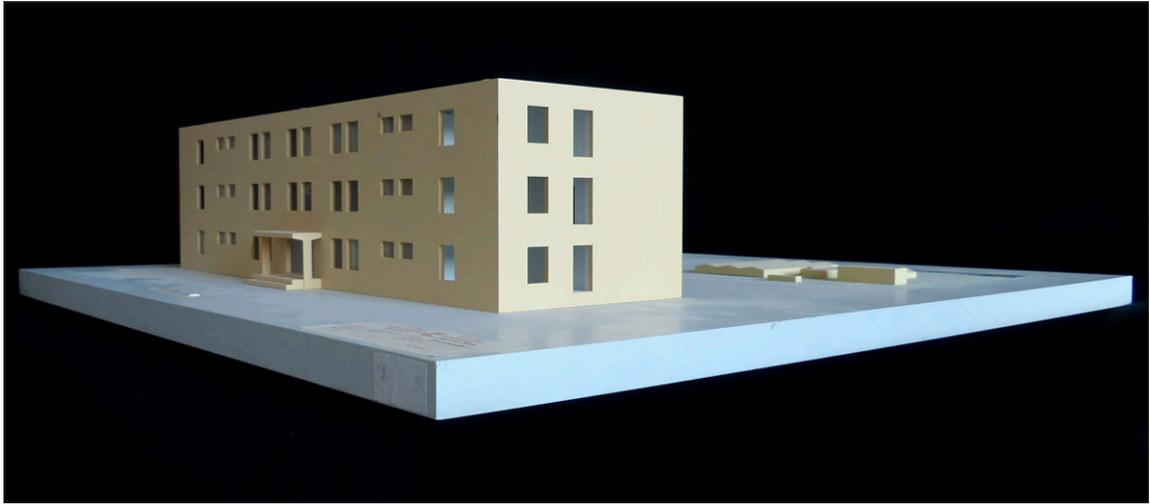
План лагеря Мурамби (Руанда)

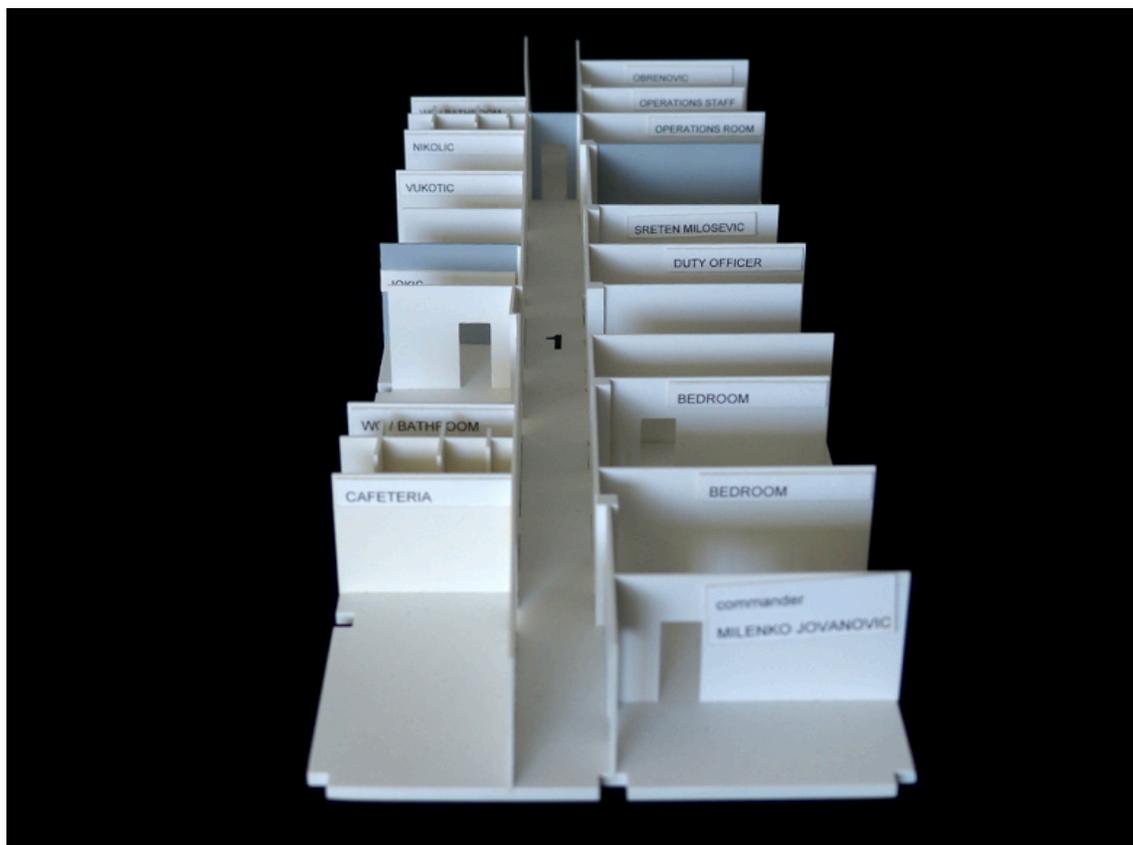

Изображение 6

Компьютерная трёхмерная модель тюрьмы в Зворнике (Босния)

¹ Взятые с официального сайта UNMICT [электронный ресурс]. – Режим доступа - <http://www.unmict.org/specials/glimpse-into-the-archives/index.html> (дата обращения 3.06.2018).

Большим подспорьем в работе на стадии окончания следствия и составления обвинительного заключения оказываются электронные базы данных, позволяющие анализировать и сопоставлять большие массивы информации¹. Особенно полезно это бывает для обнаружения «дырок» в доказательственной базе, оставляющих недостаточно доказанными отдельные элементы состава преступления и/или противоречий, подрывающих логическую картину, представляемую обвинением. В последние годы работы Отдела по расследованию военных преступлений МООНК следователи использовали закупленную платформу «ZyLab»².

Первоначальными клиентами ZyINDEX были такие организации, как ФБР и другие правоохранительные органы США, использовавшие эту программу для исследования электронных данных из захваченных компьютеров, для хранения и

¹ Гаврилин Ю.В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 3-8.

² См. официальный сайт разработчика ZyLab [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://zylab.com> (дата обращения 25.05.2018).

доступа к бортовым учебным пособиям американского военного флота, а юридических фирмы по всему миру – для электронного обнаружения. Электронное обнаружение (англ.: *electronic discovery, e-discovery*) - это деятельность по поиску и нахождению информации, сохранённой в электронном виде (электронно-храняемая информация; англ.: *electronically-information, ESI*), в судебных разбирательствах, в процессе различных расследований, проводимых по заданию государственных органов¹.

Другими известными клиентами ZyLAB были трибуналы ООН по Югославии и Руанде, СССЛ, Камбоджийский трибунал и следственные группы по преступлениям Красных Кхмеров, и трибунал в Руанде. Программное обеспечение ZyLAB использовалось в процессе многих других громких расследований, как например дело О. Джей Симпсона.

В процессе работы данной системы, все следственные материалы сканируются с распознаванием текста, индексируются и соответствующим образом систематизируются. После возможен поиск по многим критериям: периоды времени, лица, места, телефоны, транспорт, предметы и т.п. Система в состоянии составлять различные графики, в том числе и развёрнутую временную линию (англ.: *timeline*) событий. Однако, как и любая машина, эта система зависит от человека, особенно – от качества ввода и индексации вводимых документов, по котором впоследствии проводится поиск. Если качество информации «на входе» низкое, то и «на выходе» вряд ли стоит ожидать серьёзного результата.

Также, для сложных поисков и создания визуальных таблиц с анализом имеющихся доказательств необходимы достаточные знания и опыт работы с системой. Поэтому, при внедрении подобных систем необходимо обеспечить соответствующее обучение персонала работе на них. В противном случае такая дорогостоящая система окажется просто бесполезной компьютерной «игрушкой».

¹ См. напр.: Casey E (ed). Handbook of Digital Forensics and Investigation. Academic Press, 2009. ISBN 0-12-374267-6., P. 567. Retrieved 27 August 2010.

Кратко остановимся на организации материалов уголовного дела при передаче дел в суд. Здесь, во-первых, отметим, что, в зависимости от вида и назначения следственной группы, передача дела в суд может потребоваться, а может и не потребоваться. Всё зависит от того, какой орган организовывал работу международных специалистов и какие цели перед ним ставились. Во многих случаях, потребуется только полный доклад о проделанной работе, с описанием следственных действий/собранных доказательств или без такового.

Однако, в любом случае минимальные стандарты организации материалов, независимо от того, куда они будут представляться, с нашей точки зрения (сложившейся на практике и из бесед с коллегами), следующие:

- организация томов следствия (в тематическом, логическом или хронологическом порядке);
- нумерация страниц томов (здесь огромную помощь оказывают простейшие машинки – автоматические штампы для проставления номеров);
- каталогизация и нумерация вещественных доказательств с указанием из мест хранения и приложением документов, подтверждающих их оригинальность и сохранность (англ.: *chain of custody*).

Возвращаясь к деятельности Чрезвычайной следственной комиссии в 1915-1916 годах (см. в § 3 главы I выше), вспомним, что в Журнале, утверждённом Императором 16 мая 2015 года и давшем начало формированию ЧСК, было специально указано, что «На [ЧСК], по окончании ея разслѣдования, возлагается составление общаго отчета о результатѣ сего разслѣдования»¹.

Однако, не от всех международных следственных формирований требуется составление финального рапорта. Вернее, какие-то периодические отчёты все-таки необходимы, как минимум для доказывания целевого использования выделенных

¹ Дело Канцелярии Совета Министров. Об учреждении Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками. 26 февраля - 9 декабря. - 1915. (77 листов) – С. 12 (Фонд Совета Министров. Опись № 11. 1915 год) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 110.

финансовых ресурсов, но осуществляются они в различных формах. Однако всегда такие доклады доносятся до органа, учредившего конкретное следственное формирование и поставившее ему определённые цели.

Так, ежегодные и регулярные доклады для СБ ООН (собственно, заказчика «услуги») представляли, например, СССЛ¹, МТР², и продолжают представлять МТБЮ³ и МУС⁴. Также, доклады о состоянии дел в правоохранительной области предоставляли и Миссии ООН в Косово и Тиморе. Финальные доклады уже представили СССЛ⁵ и МТР⁶.

Есть и ещё один очень серьёзный момент, возникновение которого всегда необходимо предвидеть в самом начале деятельности международных следственных подразделений. Здесь поговорим о том, что же происходит и/или должно происходить по окончании работы таковых и полной или частичной передаче функций местным органам. Выделим несколько «пластов», во многом взаимосвязанных, но порой подразумевающих ряд особенностей и отдельных необходимых действий:

- дальнейшее отбывание наказания лиц, осуждённых с участием международных специалистов;
- обеспечение сохранности материалов расследований, в т.ч. записями переговоров, слежки;

¹ См. на официальном сайте СССЛ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.rscsl.org/documents.html> (дата обращения 3.06.2018).

² См. на официальном сайте МТР [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.unict.org/en/documents/annual-reports> (дата обращения 3.06.2018).

³ См. на официальном сайте МТР [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.icty.org/en/documents/annual-reports> (дата обращения 3.06.2018).

⁴ См. на официальном сайте МТР [электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://www.icc-spi.int> (дата обращения 3.06.2018).

⁵ См. на официальном сайте СССЛ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.rscsl.org/Documents/AnRpt11.pdf> (дата обращения 3.06.2018).

⁶ См. на официальном сайте МТР [электронный ресурс] – Режим доступа. - http://www.unict.org/sites/unict.org/files/legal-library/151117_ictr_final_report_en.pdf (дата обращения 3.06.2018).

- гарантии конфиденциальности сведений под «грифами» международных организаций;
- сохранность информации о потерпевших, свидетелях, анонимных свидетелях, информаторах (и членах их семей), а в некоторых случаях и их личной безопасности.

Организация исполнения наказаний на постконфликтной территории вообще заслуживает пристального внимания. Так, на первых днях существования МООНК, высказывалось много опасений по поводу безопасности заключённых из числа не-албанского населения в случае их содержания в местах лишения свободы, администрация которых укомплектована исключительно албанским личным составом. Такие же опасения существовали по поводу тюрем, где сербов и других не-албанцев вынуждены были содержать смешанно с албанскими заключёнными. Эта проблема была решена переводом заключённых сербской национальности из тюрем с преимущественно албанскими заключёнными (например, Призрени) в тюрьму в северной части Косовской Митровицы, где служат и содержатся преимущественно сербы. Однако, такое решение может повлечь за собой трудности связанные с посещением заключённых членами их семей и/или их защитниками¹.

На протяжении почти 5 лет с момента начала функционирования МООНК все 5 членов Комиссии по условно-досрочному освобождению (УДО) при Отделе исполнения наказаний Департамента правосудия были международными судьями, т.е. служащими ООН, работающими по контракту. С 2005 года началась постепенная передача полномочий местным представителям. На практике это происходило путём замены сначала одного члена комиссии на местного судью, потом двоих. В дальнейшем количество членов комиссии было сокращено до трёх,

¹ См: Оценка ситуации с национальными меньшинствами в Косово (период с ноября 1999 по январь 2000) // Рапорт Миссии ОБСЕ в Косово (Assessment of the Situation of Ethnic Minorities in Kosovo [Period covering November 1999 through January 2000]); § 23 (http://www.osce.org/documents/mik/2000/02/1116_en.pdf).

два из которых были местными судьями; председательствует как правило один из международных судей.

В свою очередь секретариат Комиссии полностью укомплектован служащими из числа местного населения. Никакого реального контроля за их работой со стороны международных структур (кроме наблюдения ОБСЕ) не было. Вследствие этого, в отношении секретариата появилось большое число нареканий и жалоб на злоупотребления, особенно в части выбора кандидатур заключённых, вопрос об УДО которых должен был рассматриваться Комиссией. В частности, начальник секретариата (из местного персонала) был обвинён во взяточничестве, злоупотреблении должностными полномочиями, подлоге и мошенничестве при осуществлении своих полномочий. Впоследствии он был осуждён за вымогательство взятки и мошенничество; доказан был эпизод когда он пообещал заинтересованному лицу встречу с главным международным судьёй, К.П., председательствовавшим в Комиссии по УДО, для обсуждения условий бесплатного досрочного освобождения. Встреча действительно состоялась, но вместо судьи К.П. на встрече было подставное лицо, выдававшее себя за него.

Однако, более серьёзной проблемой представляется то, что большинство военных преступников в глазах «победившего большинства» являются героями войны. В такой ситуации естественно ожидать, что при малейшей возможности они будут освобождены из заключения местными властями.

Так, в деле трёх обвиняемых из числа членов ОАК, признанных виновными в совершении военных преступлений коллегией судей МООНК (вышеупомянутое дело против С. Красничи и др.) сроки тюремного заключения были сокращены и они выпущены на свободу всего лишь через полгода после передачи Миссией ООН правоохранительных функций миссии ЕС. Несмотря на то, что невиновными их всё-таки не признали, но в глазах непосвящённого местного населения «справедливость» восторжествовала и герои были освобождены. У следователей, прокуроров и судей, почти пять лет работавших по этому делу (в том числе и автор

данной работы), конечно, не возникло сомнений в политическом заказе такого вердикта суда апелляционной инстанции¹.

Одним из способов не допустить такого развития событий является постоянное присутствие международного представителя (или представителей) в Комиссии по УДО, наделённых правом заблокировать любое решение путем наложения вето. Другой, более сложный способ – это оказание политического давления на правительство со стороны отдельных заинтересованных стран и/или международных организаций. За применением этого способа на практике очень легко проследить, наблюдая за давлением, оказываемым ООН, ЕС, МТБЮ и другими субъектами на Сербию, понуждавшими последнюю активизировать действия по поимке Ратко Младича и Радована Караджича и их выдаче международному правосудию.

В то же время, простейшим и наиболее действенным способом избежать такого развития событий, а также необходимости приведения в действие политических рычагов, представляется прямое законодательное запрещение УДО в отношении заключённых за военные преступления. К сожалению, в действующем законодательстве Косово такого положения нет.

Передача дел международными силами представителям местной власти при закрытии миссии – это вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения. Вернёмся к примеру завершения исполнительской функции МООНК в области правоохранительной области в Косово в 2008-2009 годах.

Так, 9 декабря 2008 года МООНК и EULEX подписали соглашение о передаче EULEX материалов всех уголовных дел, находившихся на тот момент в производстве международных прокуроров МООНК. Аналогичные соглашения были подписаны в отношении материалов дел, находившихся в производстве

¹ См. Решение Верховного суда Косово от 10 апреля 2009 года, № Ар.-Kz No. 371/2008 – на сайте ВС Косово [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.gjyqesori-rks.org/en/courts/page/index/55> (дата обращения 23.05.2018).

местных полиции и судов, где участвовали международные судьи. В соответствии с этими соглашениями, EULEX обязывалась при необходимости предоставлять МООНК доступ к документам, связанным с действиями органов ООН в Косово. До середины 2009 года все вышеуказанные материалы расследований и судебных производств должны были быть полностью переданы Миссии ЕС. В процессе были составлены и подписаны акты приёма-передачи с приложенными к ним реестрами переданных дел.

Однако, в процессе работы Правозащитной консультативной коллегии МООНК выяснилось, что полной передачи материалов уголовных дел не было проведено. В марте 2011 года, отвечая на один из запросов ПКК, прокуратура EULEX сообщила, что в июле 2009 года в одном из кабинетов бывшего Департамента Юстиции МООНК было найдено большое количество оригинальных материалов ранее прекращённых уголовных дел, не указанных в реестрах, составленных при передаче полномочий.

Коллегии также было пояснено, что EULEX не имеет полной информации о наличии и/или местонахождении большого количества материалов расследований, среди которых следующие:

- находившиеся в производстве полиции МООНК, о которых не были поставлены в известность международные прокуроры МООНК;
- которые были переданы полицией МООНК напрямую косовской полиции, также без уведомления международных прокуроров;
- расследованные органами МООНК до создания в 2003 году централизованного учёта Департамента юстиции МООНК.

В результате, Миссия EULEX смогла обнаружить и предоставить Коллегии сведения только по двум уголовным делам из сорока одного, в отношении которых запрашивалась информация. В отношении остальных дел сотрудники EULEX не смогли даже подтвердить, что они вообще «когда-либо расследовались полицией

и/или прокурорами МООНК»¹. Выше (Глава III §1) мы уже отмечали, что во многих полученных делах оригиналов практически не было, а были многочисленные фотокопии или «фотокопии фотокопий» протоколов допросов потерпевших и свидетелей.

Продолжая поиски недостающих материалов расследований, Секретариат ПКК связался с центральными архивами ООН в Нью Йорке. На удивление, по официальному запросу ПКК целый ряд документов, в том числе из числа тех, информации о которых в Косово обнаружить не удалось, был обнаружен в архивах ООН. Документы были возвращены в Косово и предоставлены для изучения Коллегии².

Оценивая отсутствие оригинальных материалов уголовных дел, а порой и сведений о их существовании и местонахождении вообще, Коллегия отметила, что эти факты свидетельствуют о возможном ненадлежащем выполнении Миссией ООН в Косово обязанности по полной передаче материалов расследований правопреемнику функций в области правоохранительной деятельности и судов в Косово, EULEX³.

Очевидно, что международным следственным подразделениям необходимо уделять особое внимание обеспечению сохранности оригинальной документации, не допуская, в частности, излишнего копирования и преждевременного помещения оригиналов в архивы, а особенно – без соответствующего отражения в административных документах, базах данных, позволяющих при необходимости их отыскать.

Идеальным представляется организация международного подразделения с исключительной юрисдикцией по расследованию отдельных преступлений, в том

¹ См: HRAP, Đ.L. v UNMIK, no. 88/09, §§ 40 - 42 // Официальная интернет-страница ПКК [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx> (дата обращения 6.07.2014).

² См. там же, §§ 14, 15 и 39.

³ См. там же, § 106.

числе военных, и после прекращения деятельности основной следственной Миссии. Его юрисдикция должна быть законодательно определена, чтобы исключить разночтения и толкование местными органами, могущие породить конфликты при определении подследственности по тому или иному делу. Это положение подтверждается недавним решением ООН о создании Международного Остаточного механизма ООН по уголовным трибуналам (англ.: *International Residual Mechanism for Criminal Tribunals*¹), которые взял на себя ряд функций МТБЮ и МТР, прекративших свою деятельность.

Особое внимание надлежит уделять определению категорий уголовных дел, которые не должны передаваться местным правоохранительным структурам. Мы рекомендуем оставлять в международных следственных подразделениях дела о следующих преступлениях:

1. совершённых лицами, являющимися высокопоставленными политическими или иными лидерами;
2. совершённых наемниками и участниками международных организованных террористических групп;
3. привлекающих большое внимание населения, международного сообщества и СМИ².

Кроме того, дела, подлежащие передаче местным подразделениям, должны внимательно просматриваться перед их передачей на предмет наличия в материалах информации, составляющей служебную тайну. В случае полиции МООНК из них должны удаляться документы с грифами «ООН – Секретно», «КФОР – Секретно», «ООН – ДСП» и «KFOR – ДСП» (англ.: «*UN – Confidential*», «*KFOR – Confidential*», «*UN – Restricted/Internal*» и «*KFOR – Restricted/Internal*»).

¹ См. на официальном сайте МICT [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.unmict.org/en/about/functions> (дата обращения 3.06.2018).

² Очень характерный пример – обвинения о незаконной торговле человеческими донорскими органами, выдвинутые в адрес ОАК Карлой Дель Понте в своей книге «Моя охота за военными преступниками» (2008).

Помимо этого, из материалов дел обязательно должны удаляться персональные данные о представителях международных структур, проводивших расследования (домашний адрес, телефон, электронная почта и т.д.). В случае необходимости местные следственные органы могут связаться с этими лицами через Главное управление кадров Штаб-квартиры ООН. Упомянутое международное подразделение должно осуществлять плотный мониторинг действий, производимых местными органами с полученными делами. В случае полной бесконтрольности могут повторно проявиться негативные моменты, о которых мы уже упоминали выше, в частности явная предвзятость расследования.

Представляется особенно важным уведомление потерпевших и свидетелей, сотрудничавших с международными следственными структурами, о грядущей передаче материалов дел для дальнейшего производства местным специалистам. Если они не дают своего согласия на дальнейшее сотрудничество с местными следственными органами, то «изъятие данных» необходимо проводится и по отношению к их личной информации. Конечно, нам возразят, что это существенно подорвёт возможности дальнейшего расследования и снизит шансы на успех. С этим нельзя не согласиться, но жизнь и безопасность таких лиц должна быть поставлена во главу угла, особенно в ситуациях, когда международные структура далее не будут иметь возможность из обеспечения.

Интересно то, что в июне 2014 года Миссия ЕС EULEX как-бы мимоходом, в конце длинного письма на имя Главы МООНК о состоянии своих дел и планах по сворачиванию деятельности, уведомило Миссию ООН о том, что прокуратура EULEX решила передать все (!!!) находящиеся в их производстве дела местным прокурорам. Это «все» включало и дела о военных, межэтнических тяжких и других серьёзных преступлениях, которые были начаты прокурорами МООНК до конца 2008 года.

По прочтении этого «меморандума», автором данной работы была написана обстоятельная докладная записка Главе МООНК, с изложением надвигающейся

проблемы, описанием ошибочности позиции специалистов EULEX и рекомендацией срочно вмешаться и остановить такую «слепую» передачу материалов, которая не учитывала бы всех описанных выше обстоятельств, подлежащих учёту, и применения специальных процедур. Не преувеличивая роли автора, скажем, что ООН адекватно отреагировала и процесс передачи был остановлен. После длительного обсуждения дальнейших шагов, была создана рабочая группа из юристов МООНК и EULEX, которые одно за другим просматривали каждое дело, предназначенное к передаче местным специалистам. Насколько нам известно, этот процесс не был закончен до момента окончания этой работы.

Всё это однозначно говорит о том, что процесс передачи материалов дел при «свёртывании» деятельности международных следственных структур как минимум не менее важен, чем сама их работа. В такие периоды на первое место должен выходить медицинский принцип «не навреди» и думать необходимо в первую очередь о людях, которые были так или иначе вовлечены в процесс расследования, и которым оставаться со своими семьями на этой территории после отбытия иностранцев. Все обещания по защите свидетелей и подобные им, направленные в первую очередь на получение доказательств, должны быть обеспечены и после окончания работы «международников». Как – это отдельный и очень серьёзный вопрос, на который не так легко ответить, да и единого ответа не существует – всё зависит от конкретной ситуации.

Выше мы уже упоминали ситуацию с ранением свидетеля Н.Р. и убийстве его брата, Х.Р., непричастного к расследованию (см. на с. 428 выше в нашей работе). Возвращаясь к его ситуации, упомянем, что, во-первых, пришлось долго «воевать» с администрацией городского госпиталя Приштины, чтобы добиться выделения отдельного помещения для его содержания. Только когда, после очередного отказа, прокурор приказал выставить вооружённую охрану на этаже, где, кроме нашего

свидетеля, находились ещё пара десятков больных, и досматривать всех входящих, без исключения для медперсонала, руководство клиники пошло на уступки.

Кроме того, пережив покушение, Н.Р., естественно, отказался от дальнейшего сотрудничества. Однако, после некоторого размышления, он упомянул, что может всё-таки дать показания, в том числе и в суде, на условиях анонимности и только если вся его семья и семья его брата будет помещена в программу защиты свидетелей. Радость прокурора омрачило только то, что членов семьи, подлежащих помещению в программу, было тридцать один, в том числе восемь несовершеннолетних разного возраста¹. После разрешения массы административных вопросов, все были перевезены из их деревни в специально отведённое постоянно охраняемое домовладение (англ.: *safe house*). Этот «safe house» стал домом для этой большой семьи более чем на два года - до окончания предварительного расследования и годичного судебного процесса.

Не будем забывать, что в целях безопасности общение защищённых свидетелей с внешним миром очень ограничено. Телефонов и других средств общения у них нет, телефонные звонки и встречи – с разрешения полиции, выход «подзащитных» в свет только под охраной и только в исключительных случаях. Поскольку в семье были дети, то международные полицейские из отдела защиты свидетелей даже преподавали младшим из них основные школьные предметы и иностранные языки.

Фактически нахождение под защитой полиции немногим отличается от отбывания наказания в виде лишения свободы на достаточно строгом режиме содержания. Через какое-то время многие свидетели начинают раскаиваться в своём согласии на сотрудничество, и могут изменить показания или отказаться от их дачи. Полученные ими новости об убийствах/самоубийствах/несчастных случаях с другими свидетелями, угрозах членам семей, усугубляет эту ситуацию.

¹ Копии соответствующих рапортов имеются в личном архиве автора.

Правоохранительным органам необходимо быть готовыми к такому развитию события и иметь ряд «ходов», которые помогут убедить свидетеля не покидать «лагерь» обвинения. Лгать им нельзя, но подавать информацию выборочно возможно. Нельзя гарантировать переселение в другую страну, пока это не подтверждено принимающей стороной официально, но обещать сделать всё от вас зависящее для исполнения этого пожелания свидетеля необходимо. Также, всегда есть возможность пойти на какие-то уступки в плане удовлетворения иных просьб (как, например, организация обучения для детей).

Одновременно с обеспечением их физической безопасности, в нашем случае проводилась масштабная работа по поиску места в Европе для их переселения из Косова, поскольку переселение внутри провинции бессмысленно по причине существующей жёсткой клановой системы среди албанцев, когда выдающий себя за кого-то другого определяется очень быстро. Однако, длительное время ни одна из стран ЕС не изъявляла желания принять семью свидетеля, за которым потенциально потянется криминальный «хвост» албанских преступных группировок. Только страна, представитель которой был руководителем отдела защиты свидетелей в конце концов дала согласие, и только через личные связи этого офицера, глубоко сопереживавшего свидетелю.

Также необходимо знать, что после перемещения в другую страну и получения нового имени и «жизни», защищённый свидетель перестаёт быть таковым и по понятным причинам неразглашения становится для властей страны обычным мигрантом. Естественно, никаких специальных запросов этого свидетеля правоохранительные органы принимающей страны выполнять не будут. Поместившие же его в программу защиты свидетелей правоохранительные органы, как правило, также обрывают с ним контакты. Такая «брошенность», после предыдущего повышенного внимания со стороны полиции и прокурора, конечно, не может нравиться свидетелям. В нашей ситуации, к счастью, начальник отдела продолжал изредка поддерживать с ним контакты. Поэтому, когда возникла

необходимость появления этого свидетеля в апелляционном суде, то он согласился достаточно легко. В другой ситуации, конечно, нужно было бы ожидать отказа. Однако, пользуясь случаем, свидетель всё-таки умело сыграл на своей нужности правосудию и «выторговал» себе и семье некоторые дополнительные льготы и помощь.

На этом примере мы видим, как сложно порой не только организовать защиту свидетеля для получения его показаний, а обеспечить возможность этому человеку и его семье более или менее нормально существовать после его «использования» органами правосудия.

В конце упомянем, что помимо личного расследования преступлений, международные следственные структуры могут похвастать заметными успехами в деле передачи навыков и знаний в работе местных органов дознания и/или полиции. В Сьерра-Леоне следователи из местной системы принимали участие в планировании ряда наиболее значительных операций, проведённых на данный момент, и они выполняют ключевые функции практически во всех местных оперативных группах. Полицейская служба Косово часто приводится в пример в качестве одного из наиболее успешных результатов деятельности МООНК. Служба ведёт отсчёт времени с момента найма шести тысяч новых сотрудников. Хотя служба собрала в своих рядах около 50 процентов Освободительной армии Косово, она сумела существенным образом изменить свою институциональную культуру.

СГТП в Тиморе также оставила очень много положительного «наследия». Однако, реализация этого материала местными структурами (офисом Генерального прокурора), к сожалению, оставляет желать лучшего. В этом плане показателен случай, когда на территории Восточного Тимора в марте 2008 г. был задержан лидер незаконного вооруженного формирования Матернус Бере, которому инкриминировались массовое убийство мирного населения и другие преступления против человечности, совершенные в 1999 г. Матернус Бере был освобожден из заключения и передан властям Индонезии по личному распоряжению

действующего президента Тимор-Леште. Несмотря на массовые протесты и обращения жертв преступлений 1999 г. к ООН и давление международного сообщества, дело М. Бере «спустили на тормозах»¹.

Передача знаний и навыков обычно менее чревата конфликтами, когда речь не идёт об областях права. Другими сферами деятельности, в которых передача знаний и навыков может принести существенные плоды, являются, среди прочего, языковые квалификации и переводческое обслуживание, новые методы администрирования судебной деятельности, защита и поддержка свидетелей, психология, судебно-прикладные науки, способы ведения кадровой работы и организации материально-технического обеспечения, ведение судопроизводства, информационные технологии, работа в области прав человека и другие. Для всех перечисленных областей возможна выработка целевых программ для максимизации положительного наследия по развитию местного потенциала, оставляемого за собой международными специалистами.

Напрашивается вывод о том, что как бы хороши и профессиональны не были иностранцы, если их работа не сопровождается, во-первых, подготовкой местных кадров (их «подтягиванием» до необходимого уровня), а во-вторых, должным контролем за привлечением виновных к ответственности после ухода иностранцев, то всё это красивое мероприятие остаётся только массивной тратой денег без каких-либо серьёзных положительных последствий для государств и граждан на постконфликтных территориях.

Нам представляется, что опыт, накопленный в процессе организации расследования военных преступлений на постконфликтных территориях, может и должен быть использован в России. Такое применение лучших примеров из этого опыта несомненно поможет избежать многих ошибок, как, например, безвозвратно

¹ См.: Maternus Bere indicted for Crimes Against Humanity in Suai Church Massacre and other Laksaur Militia activities (updated May 2010) // Вебсайт Тиморского института развития, наблюдения и анализа исследований [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.laohamutuk.org/Justice/99/bere/09MaternusBere.htm> (дата обращения 17.04.2018).

утраченные доказательства или доверие населения, исправление которых даётся очень нелегко, а порой и просто невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая вышесказанное, отметим что в современных условиях как внутри России, так и за рубежом, к сожалению, нередко вооружённые конфликты, требующие вмешательства России и/или мирового сообщества в соответствии с нормами международного права. В этой связи и Россия и мировое сообщество должны поддерживать оптимальный уровень готовности к реакции на подобные ситуации, содержать для этого действенные и апробированные механизмы и систему мероприятий. Одним из элементов такой системы и является концепция расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта.

Проблемы восстановления нормального функционирования гражданского общества на постконфликтных территориях стали занимать одни из центральных мест как среди проблем международного права, миротворчества и миростроительства, так и в теоретико-правовой среде отраслевых юридических наук (международном, конституционном, уголовном, административном праве и др.), а также и процессуальных отраслях знаний.

Однако, поскольку нормальная деятельность правоохранительных органов по расследованию преступлений является одним из значимых «столпов», основных государственных функций, без его реконструкции невозможно полное восстановление государства. Достижение этого посредством создания специальных следственных подразделений не является чем-то новым в исторической перспективе. В том числе, имеется достаточно обширный опыт организации расследования преступлений на постконфликтных территориях с использованием международных специалистов.

Данное исследование может стать основой дальнейшей комплексной работы в этом направлении, в частности – по формулировке единой концепции организации расследования преступлений на постконфликтных территориях с

использованием международных специалистов. Данная концепция объединяет в себе анализ исторически-перспективных, правовых и фактических предпосылок полной или частичной передачи следственных функций на постконфликтных территориях международным специалистам.

На современном этапе основная задача сводится к тому, чтобы пересмотреть и переработать имеющиеся знания, связанные с организацией расследования преступлений с использованием международных специалистов, свести их в цельную систему, использования объективно лучших примеров, избегания искажений.

Помимо чисто *научной ценности*, представленная концепция имеет и *практическое значение*. Массив практического и научного материала по вопросам расследования преступлений, совершенных на территории вооружённого конфликта, является очень динамичным и постоянно пополняется новой информацией. Представляемая концепция является первой цельной попыткой его систематизации, осмысления, и формулировки на этой основе выводов и предложений. Она объединяет в себе разрозненные научные положения о деятельности правоохранительных органов на территории вооружённого конфликта в единую систему. Это вносит свой вклад в обеспечение возможности выявления ранее неисследованных вопросов в юридической науке, ошибок и недочётов в ранее предложенных подходах к решению тех или иных задач, более точной оценки сложившейся ситуации и её причин, формулирования средств и методов её разрешения. Она предоставляет сотрудникам правоохранительных органов научно-обоснованные рекомендации по организации расследования преступлений на территории вооружённого конфликта и на постконфликтных территориях, методику и особенности их применения.

Концепция направлена в первую очередь на обеспечение эффективного расследования, повышение оперативности, профессионального уровня и эффективности судебно-следственной практики. В конечном итоге, внедрение

комплекса мер, предлагаемых в концепции, поможет обеспечить более решительную защиту прав и законные интересы человека и гражданина в Российской Федерации.

Помимо всего вышесказанного, данная концепция предполагает *перспективный подход* к исследуемой проблеме, который открывает возможность для проведения дальнейших научных исследований функционирования различных институтов общества, координации их деятельности в сфере защиты прав и законных интересов, затрагиваемых вооружённым конфликтом, и формулировки на этой основе дальнейших предложений по совершенствованию изучаемых процессов.

В результате проведенных исследований обоснованы следующие выводы и научные положения.

Современные условия как внутри России, так и за рубежом, обуславливают необходимость разработки концепции расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта, поскольку в мире регулярно вспыхивают различные конфликты, требующие вмешательства мирового сообщества в соответствии с нормами международного права. Поэтому нашему государству необходимо поддерживать оптимальный уровень готовности к реакции на подобные ситуации, содержать в рабочем состоянии действенный и апробированный механизм (специальную систему мероприятий). Одним из центральных элементов этого механизма в части готовности правоохранительных органов к расследованию преступлений является разновидность концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях – концепция расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта.

Основное содержание концепции расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта составляют следующие элементы: ее теоретическое обоснование; предпосылки возникновения; определение понятия концепции, её объекта, содержания, условий применения и других составляющих;

обозначение круга преступлений, связанных с вооружённым конфликтом и представляющих интерес в рамках данной концепции; обзор и оценка значимости существующих внутренних и международных принципов и стандартов в данной сфере; обобщение зарубежного опыта, применённого в этой области; выявление новых, более совершенных и приемлемых в российских условиях средств и способов борьбы с таковыми; особенности расследования связанных с конфликтом преступлений международными следственными группами; разработка системы мер (правовых, управленческих, организационных, материально-технических и др.), направленных на оптимизацию процесса расследования; определение особенностей возбуждения уголовных дел и производства следственных и других процессуальных действий, а также судебного рассмотрения дел о преступлениях на постконфликтной территории.

Вооруженный конфликт, как ситуация, при которой нарушается привычное функционирование всех государственных структур, среди которых и правоохранительная деятельность, является фактическим основанием для введения в действие специальных механизмов расследования преступлений, среди которых – расследования международными специалистами в определенной организационно-правовой форме.

Определяющим обстоятельством для концепции расследования преступлений на территории вооружённых конфликтов является фактическое положение вещей, при котором налицо нарушение нормальной работы правоохранительных органов, независимо от признания наличия или отсутствия вооружённого столкновения обстоятельством, его вида, подвида, и других элементов, связанных с его международно-правовой классификацией.

Восстановление функций правоохранительных органов, среди которых в первую очередь следственная деятельность, может начаться и до окончания «войны» в юридическом понимании этого термина. Однако, на тактику и методику действий полиции/милиции/прокуратуры, а по большому счёту – на механизм

расследования преступлений на территории вооружённых конфликтов это существенного влияния не оказывает.

Концепция расследования преступлений в условиях международного вооружённого конфликта представляет собой совокупность *объединенных одним объектом теоретических положений о принципах и стандартах расследования преступлений на территории вооруженного конфликта, правовом и организационном обеспечении, особенностях предотвращения, расследования и обеспечения судебного рассмотрения дел о совершенных здесь преступлениях, а также систему практических рекомендаций, направленных на оптимизацию этого процесса.*

Предметом расследования на территории вооружённого конфликта являются совершаемые преступления, которые, в зависимости от степени их обусловленности конфликтом, можно разделить на несколько групп: 1) преступления, на совершение которых наличие или отсутствие вооруженного конфликта не влияет или влияет минимально; 2) преступления, непосредственно связанные с вооружённым конфликтом или постконфликтной ситуацией; и 3) преступления, совершение которых возможно исключительно в «военное» время.

Правильная квалификация преступных деяний, совершаемых на территории вооружённого конфликта, дает правильное определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, стратегии, методики и тактики расследования. При одних и тех же внешних обстоятельствах деяния могут быть квалифицированы и как общеуголовное преступление, и как геноцид, и как преступление против человечности, и как военное преступление. В этой связи большое значение имеет как можно более достоверное установление фактов, к которым в работе международных следственных подразделений относят: элементарные данные или основные факты; признание существования и взаимосвязей или причинно-следственных связей между несколькими основными фактами или элементарными данными; правовые факты или квалификации.

Создание специализированных следственных подразделений, укомплектованных международными специалистами, представляется наиболее оптимальным способом действий на территориях, где введено временное управление международных администраций. Вместе с тем, не всегда имеется возможность отказаться от «авральной формы» организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Условия для создания таких подразделений и полная или частичная передача им следственных полномочий могут возникнуть и в отсутствие прямого правления международной администрации.

В случае полного или частичного отсутствия/паралича местных органов, наличии обоснованных сомнений в их беспристрастности или компетентности, создание и деятельность специализированных международных (или с международным участием) структур представляется единственно возможным реальным способом относительно быстрого решения проблем правоохранительной деятельности на постконфликтных территориях при том, что юрисдикции иностранных/смешанных специальных органов, призванных защищать права граждан, могут порождать конфликты с существующими национальными органами.

Требования к обеспечению необходимых минимальных стандартов расследования, в том числе устанавливаемых международным правом прав человека, должны оставаться неизменными независимо от того, работает ли международная следственная группа на территории, подконтрольной международной администрации, либо имеются действующие местные органы власти, сотрудничающие в той или иной форме (степени) с международными специалистами.

Особое значение при расследовании в условиях международного вооруженного конфликта приобретает вопрос возможности и целесообразности применимости старого «довоенного/доконфликтного» законодательства. Его

модификация или полная замена может быть при необходимости проведена с учётом особенностей и потребностей следствия, а также ряда других обстоятельств. Одним из путей выполнения этого требования может быть введение в действие временных уголовного и уголовно-процессуального кодексов. Полная замена всего законодательства требует гораздо большего времени и далеко не всегда будет наилучшим решением проблем, связанных с работой правоохранительных органов на постконфликтных территориях. В Донецкой и Луганской народных республиках пошли по пути разработки и внедрения в практику своих Уголовных и Уголовно-процессуальных кодексов.

Разъяснения со стороны международной администрации и/или компетентных национальных органов в части законодательных актов, подлежащих применению на постконфликтной территории, следует проводить сразу же после стабилизации обстановки. При необходимости отдельные законодательные акты могут быть скорректированы в целях их приведения в соответствие с современными условиями, в частности, с международными требованиями по обеспечению прав человека.

В условиях международного вооруженного конфликта может появиться необходимость определённого подстраивания и модификации существующих процессуальных норм под нужды военного времени или сложных постконфликтных ситуаций. Разработка таких специализированных норм и процедур должна проходить с учётом необходимости обеспечения признанных стандартов прав лиц, затрагиваемых этими нормами, при наличии чётко обозначенных условий, потребности и возможности проведения следственных действий, обеспечения безопасности самих работников правоохранительных органов.

Среди наиболее распространенных и социально значимых направлений расследования преступлений в условиях международного вооруженного конфликта

можно назвать работу по заявлениям о похищениях и пропавших без вести, о гендерном насилии и о незаконных захватах недвижимого имущества.

Для успешного расследования преступлений в условиях вооруженного конфликта и на постконфликтных территориях необходимо тесное взаимодействие с местными администрациями и войсковыми подразделениями, использование физических (охрана лиц и объектов, участие в поисковых мероприятиях и задержаниях и др.) и технических (радиоперехваты, обнаружение, извлечение, транспортировка и утилизация опасных предметов, предоставление транспортных средств и средств связи и т.п.) возможностей последних.

Особенности первоначальных и последующих следственных действий, тактических рекомендаций к ним, а также иных действий, обеспечивающих процесс расследования, определены особыми условиями проведения расследования, доступностью необходимых сил и средств, уровнем опасности при их проведении, возможностью проведения экспертиз, возможностью получения поддержки войсковых подразделений и другими обстоятельствами. В частности, подобные особенности характерны для проведения допросов (использование переводчика, особое внимание к детализации, формальности), поисковых мероприятий (привлечение личного состава вооруженных сил, наличие опасных предметов), эксгумации массовых захоронений, розыска и задержания подозреваемых, перевозки/содержания задержанных и др.

Необходима как можно более быстрая и тщательная документальная фиксация свидетельских показаний, материальных следов и вещественных доказательств, так как данные о местонахождении свидетелей могут оказаться недоступны вследствие массового перемещения и неорганизованной миграции гражданского населения, сами предметы могут представлять опасность для жизни (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества), из-за чего подлежат уничтожению, а условия для должного хранения предметов и вещественных доказательств во

многих случаях могут отсутствовать (например, для эксгумированных посмертных останков).

Профессиональная работа иностранных специалистов в условиях международного вооруженного конфликта неизбежно приходит к завершению. Поэтому она должна сопровождаться, во-первых, подготовкой необходимой смены из числа местных кадров, их подтягиванием до профессионального уровня, во-вторых, контролем за продолжением работы после свертывания международных следственных групп.

Передача полномочий местным правоохранительным органам представляет собой процесс, проходящий как минимум следующие этапы: подключение местных полицейских курсантов к практической работе в качестве стажёров; совместная работа с международными представителями в качестве равноправных партнёров; передача основных исполнительных функций местному персоналу (оставляя наиболее серьёзные функции под контролем международников); полная передача функций, с дальнейшим контролем за качеством работы; конечная полная независимая работа местных правоохранительных структур (контрольные функции сняты полностью).

Наследие международных следственных групп по окончании их работы заключается не только в собранных доказательствах и иных материалах уголовных дел о совершенных преступлениях. Знания и опыт, среди прочего, передаются в сфере языковых квалификаций, новых методов оперативной и следственной работы, организации судебной деятельности, защиты и поддержки свидетелей, судебно-прикладных наук, кадровой работы и материально-технического обеспечения, информационных технологий на службе следствия, стандартов в области прав человека и других. Для всех перечисленных областей возможна выработка целевых программ для максимизации положительного наследия, оставляемого за собой международными специалистами в целях развития потенциала местных правоохранительных органов.

Термины и аббревиатуры, встречающиеся в тексте

На русском языке

ВПЛ – Временно перемещенные лица

ВУК – Временный уголовный кодекс Косово, принятый МООНК

ВУПК – Временный уголовно-процессуальный кодекс Косово, также принятый МООНК

ДМО ООН – Департамент миротворческих операций ООН

ЕКПЧ – Европейская конвенция по правам человека

ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека

МООНК – Миссия ООН в Косово

МТА – Международная территориальная администрация

МТБЮ – Международный трибунал по преступлениям, совершённым на территории бывшей Югославии

МУС – Международный уголовный суд

ОАК – Освободительная армия Косово

ООН – Организация объединённых наций

ОПЛЭ – Офис по пропавшим лицам и экспертизе

ППП – Постоянное полицейское присутствие ООН

СБ – Совет безопасности

СПГС – Специальный представитель Генерального секретаря ООН

УВКПЧ – Управление Верховного комиссара ООН по правам человека

На иностранных языках

ad-hoc – здесь, созданный для специальной цели (лат.)

combattant – в международном гуманитарном праве, участник боевых действий, являющийся

DPKO – Department of Peacekeeping Operations (англ.)

ECHR – European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms (англ.)

ECtHR – European Court of Human Rights (англ.)

EU – European Union (англ.)

EULEX - European Union Rule of Law Mission in Kosovo (англ.) - Миссия
Европейского Союза по соблюдению законности

ICC – International Criminal Court (англ.)

ICTY – International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (англ.)

KLA – Kosovo Liberation Army (англ.)

KFOR – Kosovo Forces – Kosovo Security Presence as per UNSCR
Resolution 1244 (англ.)

OHCHR – Office of the High Commissioner for Human Rights (англ.)

OMPF – Office on Missing Persons and Forensics (англ.)

SGBV – Sexual and gender-based violence (англ.)

SITF – EU Special Investigative Task Force (англ.)

SPC – Standing Police Capacity (англ.)

SRSG – Special Representative of the Secretary-General (англ.)

UÇK – Ushtria Çlirimtare e Kosovës (алб.)

UN – United Nations (англ.)

UNSC – UN Security Council (англ.)

UNMIK – United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (англ.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. - № 23. - Ст. 2277 ; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 03.07.2016.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022 № 365-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25. - Ст. 2954 ; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 3.11.2022.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921 ; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.10.2022.
5. Федеральный закон "О полиции" от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 7. - Ст. 900 ; Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 21.12.2021.
6. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472 ; Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 04.11.2022).

7. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756 “О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей” // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 43. - Ст. 7381

8. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 757 “О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756” //Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 43. - Ст. 7382.

9. Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681, с изменениями) // Система ГАРАНТ [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://base.garant.ru/12112176/#text> (дата обращения 23.02.2022).

10. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 N 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

11. Постановление Государственной Думы РФ от 21 мая 2010 г. № 3694-5 ГД О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “В связи с принятием Большой палатой Европейского суда по правам человека постановления по делу В.М. Кононова” // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 22. - Ст. 2737.

Международные нормативно-правовые акты и документы

12. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций 10.12.1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

13. Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль [рус., англ.] (Принята в г. Санкт-Петербурге 29.11.1868 (11.12.1868)). - Текст : электронный //Минобороны России : [сайт] – URL : https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911283%40egNPA(дата обращения 15.10.2022).

14. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> (дата обращения 08.09.2022).

15. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения : 08.09.2022).

16. Устав ООН. Полный текст. - Текст : электронный // ООН : Конвенции и соглашения : [сайт]. – URL : <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения : 21.10.2022).

17. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. - URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения : 21.10.2022).

18. Конвенция о начале боевых действий (Гаагская конвенция № III), 18 октября 1907 г. Официальный сайт МККК [электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.icrc.org/ihl#view:_id1:_id2:_id250:repeat1:1:labelAnchor (дата обращения 29.05.2022).

19. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1] (Подписан в

г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

20. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН N 39/46 от 10.12.1984. - Текст : электронный // ООН : Конвенции и соглашения : [сайт]. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения : 21.10.2022).

21. Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 12 августа 1949 года. - Текст : электронный // МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm> (дата обращения 08.09.2022).

22. Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. Женева, 12 августа 1949 года. - Текст : электронный // МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm> (дата обращения 08.09.2022).

23. Конвенция (III) об обращении с военнопленными. Женева, 12 августа 1949 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения 08.09.2022).

24. Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 года. - Текст : электронный //МККК : [сайт]. – URL : <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения : 21.10.2022).

25. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. - Текст : электронный // ООН : Конвенции и соглашения : [сайт]. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения : 21.10.2022).

26. Определение агрессии. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН №3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года. - Текст : электронный // ООН : Конвенции и соглашения : [сайт]. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения 19.10.2022).

27. Совместное исследование о глобальной практике в связи с тайным содержанием под стражей в условиях борьбы с терроризмом... Доклад Совета по правам человека ООН, Тринадцатая сессия, 12 мая 2010 г. Документ ООН № A/HRC/13/42. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL : https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/14session/A.HRC.13.42_ru.pdf (дата обращения 08.09.2022).

28. Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (известен как «Доклад Брахими») [Brahimi report], 21 августа 2000 г. Документ ООН № A/55/305-S/2000/809, §§ 19-20. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL : <https://undocs.org/ru/A/55/305> (дата обращения 08.09.2022).

29. Доклад генерального секретаря, представляемый во исполнение резолюции 53/35 Генеральной ассамблеи. Падение Сребреницы от 15 ноября 1999 года № A/54/549. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. - URL : <https://www.un.org/ru/ga/53/docs/53res1.shtml> (дата обращения : 5.11.2022).

30. Доклад Генерального Секретаря ООН № S/2003/113 от 29 января 2003 о деятельности Миссии ООН в Косово. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL : <http://www.securitycouncilreport.org/undocuments/document/ kos%20S2003%20113.php> (дата обращения 30.05.2022).

31. При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех : доклад Генерального секретаря ООН. Документ ООН № A/59/2005, 21 марта 2005 г. - Текст : электронный // Сайт ООН : Конференции, заседания и мероприятия : [сайт] – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (дата обращения 10.05.2019).

32. Inhumane treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo. Motion for a resolution, Doc. 11574, 15 April 2008. - Текст : электронный // ПАСЕ : [сайт]. - URL : <https://pace.coe.int/en/files/11868/html> (дата обращения 8.11.22).

33. Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo. Report to the Committee on Legal Affairs and Human Rights by Mr Dick Marty. Doc. 12462 of 7 January 2011- Текст : электронный // ПАСЕ : [сайт]. - URL : <https://pace.coe.int/en/files/12608/html> (дата обращения 6.11.22).

34. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Республики Югославии. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. - URL : <https://www.icty.org/en/documents/statute-tribunal> (дата обращения 6.11.22).

35. Проблемы использования автономных видов вооружений : доклад вице-президента МККК, 24 июня 2014 года // МККК : [сайт]. - URL: <https://www.icrc.org/en/document/challenges-raised-increasingly-autonomous-weapons> (дата обращения 19.09.2022).

36. Римский статут Уголовного международного суда. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. - URL : <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>(дата обращения 6.11.22).

37. Резолюция СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 г., документ ООН S/RES/1244 (1999). - Текст : электронный // ООН : [сайт]. - URL :

<https://documentsddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения 6.11.22)

38. Резолюция СБ ООН № S/RES/1595 (2005) от 7 Апреля 2005. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1595\(2005\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1595(2005)) (дата обращения: 18.07.2017).

39. Резолюция СБ ООН № S/RES/1315 (2000) от 7 Апреля 2005. - Текст :электронный // ООН : [сайт]. – URL: <http://www.rscsl.org/Documents/Establishment/S-Res-1315-2000.pdf> (дата обращения: 18.07.2017).

40. Распоряжение МООНК № 1999/2 of 12 August 1999. - Текст :электронный // UNMIK Official Gazette : [сайт]. - URL: http://www.unmikonline.org/regulations/unmikgazette/02english/E1999regs/RE1999_02.htm (дата обращения 15.12.2016).

41. Распоряжение МООНК № 1999/23. - Текст : электронный // UNMIK Official Gasette :[сайт]. - URL: http://www.unmikonline.org/regulations/unmikgazette/02english/E1999regs/RE1999_23.htm (дата обращения 25.02.2019).

42. Распоряжение МООНК № 2000/6 On the Appointment and Removal of International Judges and International Proseutors. - Текст : электронный // МООНК [сайт]. – URL: http://www.unmikonline.org/regulations/2000/re2000_06.htm (дата обращения 1.03.2018).

43. Распоряжение МООНК № 2000/64 On Assignment of International Judges/Prosecutors and/or Change of Venue. - Текст : электронный // МООНК [сайт]. – URL: http://www.unmikonline.org/regulations/2000/re2000_64.htm (дата обращения 10.03.2018).

44. Решение Комиссии ООН по правам человека № E/CN.4/Sub.2/2005/17 от 28 June 2005. - Текст : электронный // UNHCR : [сайт]. - URL: <https://www.unhcr.org/protection/idps/50f94d849/principles-housing-property-restitution-refugees-displaced-persons-pinheiro.html> (дата обращения 3.11.2022)

45. Final report of the Housing and Property Claims Commission. - UNMIK, Pristina, 2007. - P. 40. - Текст : электронный //HPCC [сайт]. - URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/01/HPCC-Final-Report-2007.pdf> (дата обращения 25.10.2022).

46. Final Report of the Human Rights Advisory Panel, June 2016. - Текст : электронный // МООНК : [сайт]. - URL : [https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Documents/SRSG's%](https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Documents/SRSG's%20Report%20on%20the%20Final%20Report%20of%20the%20Human%20Rights%20Advisory%20Panel%20June%202016.pdf) (дата обращения 25.10.2022).

47. Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428ter meeting of the Ministers' Deputies). - Текст : электронный // ECtHR : [сайт] - URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a5da51 (дата обращения 3.11.2022).

48. The Russian Federation ceases to be a Party to the European Convention on Human Rights. Press release by the Registrar of the ECtHR. - Текст : электронный // ECHR (ЕСПЧ) : [сайт]. - URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22sort%22:\[%22kprdate%20Descending%22\],\[%22itemid%22:\[%22003-7435446-10180882%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22sort%22:[%22kprdate%20Descending%22],[%22itemid%22:[%22003-7435446-10180882%22]}) (дата обращения :3.11.2022).

49. Ежегодные доклады Специального Суда по Сьерра Леоне. - Текст : электронный // СССЛ : [сайт]. – URL: <http://www.rscsl.org/documents.html> (дата обращения 3.06.2019).

Нормативно-правовые акты локального характера, служебные документы

50. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 N 544 "Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия" // Законность. – 2021. - №12.

51. Председателем СК России подписан приказ о создании следственных управлений на территории новых регионов : публикация от 04.07.2020. Текст:

электронный// Следственный комитет РФ : [сайт]. - URL : <https://sledcom.ru/news/item/1730100/?pdf=1> (дата обращения 3.11.2022).

52. Заявление МИД России от 16 ноября 2016 года. - Текст : электронный // МИД РФ : [сайт] - URL : http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2523566 (дата обращения : 13.12.2017).

Нормативные правовые акты, утратившие силу

53. Закон РСФСР «О Чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г., № 1253-I // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР. -1991. - №22. - Ст. 773.

54. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.05.1938 «Об изменении ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. - 1938. - № 11. - Ст. 141.

55. Постановление Центрального исполнительного комитета СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 г. // СЗ СССР. - 1934. - № 64. - Ст. 459.

56. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. - Москва : Госюриздат, 1956. - 500 с.

57. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") //СУ РСФСР. - 1926. - № 80. - Ст. 600.

Зарубежные и международные нормативно-правовые акты

58. Административные и бюджетные аспекты финансирования миротворческих операций ООН. Доклад Генерального секретаря ООН от 21 мая 1997 года, документ ООН № A/51/903 (1997) - Текст : электронный // Организация Объединённых Наций : [сайт]. - URL : <https://digitallibrary.un.org/record/234323?ln=ru> (дата обращения 30.10.2022).

59. Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала; принята резолюцией № 49/59 Генеральной ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г., ст.3 // Электронный ресурс. – Режим доступа. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/un_personnel_safety.shtml (дата обращения 1.11.2012).

60. Конвенция о привилегиях и иммунитете Организации Объединённых Наций от 13 февраля 1946 года. - Текст : электронный // Организация Объединённых Наций : [сайт]. - URL : <https://yandex.ru/search/?text=Конвенция+о+привилегиях+и+иммунитете+Организации+Объединённых+Наций&lr=1107&clid=2192594> (дата обращения 30.10.2022).

61. Ответственность перед третьими лицами: временные и финансовые ограничения. Резолюция ГА ООН № 52/247 от 17 июля 1998 года. - Текст : электронный // Организация Объединённых Наций : [сайт]. - URL : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/773/35/PDF/N9877335.pdf?OpenElement> (дата обращения 30.10.2022).

62. Резолюция ГА Интерпол, № AG-2001-RES-08 Сотрудничество с гражданской полицией ООН и правила, регулирующие доступ межгосударственных организаций к коммуникационной сети и базам данных Интерпол. - Текст : электронный // ГА ООН. Резолюции 75-й сессии (2020–2021 годы) : [сайт]. - URL : <https://www.un.org/ru/ga/75/docs/75res1.shtml> (дата обращения 30.10.2022).

63. Резолюция СБ ООН № 1272(1999), принятая на 4057-м заседании 25 октября 1999 года // ООН : [сайт]. - URL :

<http://www.un.org/russian/document/scresol/res1999/res1272.htm> (дата обращения 02.03.2018).

64. Распоряжение МООНК № 2000/47 «О статусе, привилегиях и иммунитете КФОР, МООНК и их персонала в Косово» (On the Status, Privileges and Immunities of KFOR, UNMIK and Their Personnel in Kosovo) // Official Gazette of the United Nations Mission in Kosovo. - Pristina, 2000. - Volume 3.

65. Резолюция СБ ООН № 1543 (2004) принятая на 4968-м заседании 14 мая 2004 года. - Текст : электронный // СБ ООН : [сайт]. - URL : <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1543.htm> (дата обращения : 27.03.2018).

66. Резолюция СБ ООН № 1573 (1999), принятая на 5079-м заседании 18 ноября 2004 года. - Текст : электронный // СБ ООН : [сайт]. - URL : <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1573.htm> (дата обращения : 27.03.2018).

67. Резолюция 1704 (2006), принятая Советом Безопасности на 5516-м заседании 25 августа 2006 года. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. - URL : <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1999/res1704.htm> (дата обращения : 27.03.2018).

68. Рекомендация № рес (2005) 10 Комитета министров Совета Европы Об Особых методах расследования тяжких преступлений, в том числе террористических актов (Принята 20.04.2005 на 924-ом заседании представителей министров) § 12-13. - Текст : электронный // UNODC : [сайт]. – Режим доступа. - URL : https://www.unodc.org/tldb/pdf/Council_of_Europe/rec_2005_10E.pdf (дата обращения : 22.11.2016).

69. Руководство по вопросам политики и процедур, касающихся возмещения расходов и контроля за имуществом, принадлежащим контингентам стран, предоставляющих войска/полицейские силы для участия в миссиях по поддержанию мира : Документ ООН А/С.5/60/26, С. 149 - 153. - Текст : электронный

// ООН : [сайт]. – URL : <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/206/85/PDF/N0620685.pdf?OpenElement> (дата обращения : 02.06.2018).

70. Соглашение между ООН и Демократической республикой Тимор-Лесте о помощи Офису Генерального Прокурора Тимора-Лесте, подписанный 12 февраля 2008 года. - Текст : электронный // Тиморский институт развития, наблюдения и анализа исследований : [сайт]. - URL : <https://www.laohamutuk.org/reports/UN/UNMIT/08UNMIT-SCIT-RDTL.html> (дата обращения : 27.03.2018).

71. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН № A/RES/62/63 от 8 января 2008 года : Уголовная ответственность должностных лиц и экспертов в командировках ООН. - Текст : электронный // ГА ООН. 63-я сессия (2008–2009 годы) : [сайт]. - URL : https://www.un.org/ru/ga/first/63/first_res.shtml (дата обращения : 30.10.2022).

72. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики.- Текст : электронный // Народный совет ДНР : [сайт]. - URL : <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protssesualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 30.10.2022).

73. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики. - Текст : электронный // Народный совет ЛНР : [сайт]. - URL : <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/> дата обращения 30.10.2022).

74. Уголовно-процессуальный кодекс СФРЮ (Zakon o krivićnom postupku SFRJ) // Сборник законодательных актов СФРЮ = (Službeni Glasnik SFRJ). - Белград, 1986. - № 26.

75. Уголовный кодекс Республики Сербия : принят в 1977 г. : с изменениями и дополнениями / научное ред. и предисл. Ю. А. Кашубы ; пер. с англ. С. Карибова. - Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2009. - 268 с.

76. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики. - Текст : электронный // Народный совет ДНР : [сайт]. - URL : <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 30.10.2022).

77. Уголовный кодекс Луганской Народной Республики. - Текст : электронный // Народный совет ЛНР : [сайт]. - URL : <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1870/> (дата обращения 30.10.2022).

78. Устав Републике Србије 1990 г. Текст : электронный : [сайт]. - URL : <http://www.hartford-hwp.com/archives/62/334.html> (дата обращения 30.10.2022).

79. American Service-members' Protection Act of 2002. - Текст : электронный // WaybackMachine : [сайт] – URL : <http://web.archive.org/web/20080306080603/http://www.state.gov/t/pm/rls/othr/misc/23425.htm> (дата обращения : 01.06.2018).

80. Criminal Code of the Republic of Kosovo. Code No. 04/L-082. - Текст : электронный // Группа Warnath : [сайт] – URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Kosovo-Criminal-Code.pdf> (дата обращения 22.02.2019).

81. Law on Establishment of Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia for the Prosecution of Crimes Committed During the Period of Democratic Kampuchea. - Electronic text // Derechos.org : [website] - URL: <http://derechos.org/human-rights/seasia/doc/krlaw.html> (дата обращения 02.03.2018).

82. Law on the Specialist Chambers and Specialist Prosecutor's Office, № 05/L-053. - Текст : электронный // Сайт Парламента Косово : [сайт]. - URL: <http://www.kuvendikosoves.org/common/docs/ligjet/05-L-053%20a.pdf> (дата обращения 02.03.18).

83. Memorandum of Understanding between the International Criminal Police Organization – Interpol and the United Nations Interim Organization Mission in Kosovo on Cooperation in Crime Prevention and Criminal Justice, December 2002. - 4 p. : with

an annex: Agreement concerning Access by UNMIK to Interpol's Telecommunication System and Databases. - Electronic text //INTERPOL-UNMIK : [website]. - URL: file:///C:/Users/olgan/Downloads/INTERPOL-UNMIK%20(1).pdf(дата обращения 02.03.18).

84. The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, CEDAW). - Electronic text //ICMP : [website]. – URL: <https://www.icmp.int/http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/cedaw/Pages/cedawindex.aspx> (дата обращения 25.04.2018).

85. Declaration on the Elimination of Violence against Women). - Electronic text //UN. org : [website]. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения 25.05.2018).

86. UN HRC, Abubakar Amirov and Aïzan Amirova v. Russian Federation, communication no. 1447/2006, views of 22 April 2009, § 11.2, CCPR/C/95/D/1447/2006 - Electronic text // UN. org : [website]. – URL : <https://juris.ohchr.org/Search/Details/1503> (дата обращения 10.05.2022).

87. UN HRC, General Comment No. 6. Article 6 (The right to life), 16th Session, adopted 30 April 1982, UN Doc. HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). - Electronic text // UN. org : [website]. – URL : https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/CCPR/GCArticle6/GCArticle6_EN.pdf (дата обращения 10.05.2022).

Источники

88. Краткое изображение процессов или судебных тяжёб. Глава шестая. О Роспросе с пристрастием и пытке. 1715 г., март. //Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Сост. В. А. Томсинов. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2001. - С. 187 - 186.

89. Об учреждении Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны германскими и австро-венгерскими войсками. 26 февраля - 9 декабря. - Дело Канцелярии Совета Министров. 1915. (77 листов) – С. 12 (Фонд Совета Министров. Опись № 11. 1915 год) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 110.

Книги

90. Адельханян, Р. А. Военные преступления в современном праве / Р. А. Адельханян ; Дипломатическая акад. МИД России. - 2-е изд. перераб. и доп. - Москва : Науч. кн., 2006. - 319 с.

91. Авербух, Р.А. Террористический режим во Франции в 1793–94 году (по протоколам заседаний Конвента и Революционного трибунала) / Р. А. Авербух // Вестник Коммунистической Академии. - 1925. - Кн. 11. - С. 184.

92. Александров Г. А. Нюрнберг вчера и сегодня / Г. А. Александров. - Москва : Политиздат, 1971. - 168 с.

93. Алексеев, Н. С. Злодеяния и возмездие : Преступления против человечества / Н. С. Алексеев. - Москва : Юрид. лит., 1986. - 398,[1] с.

94. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия : справочное пособие / Белкин Р. С. - Москва : БЕК, 1997. - 342 с.

95. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики / Р. С. Белкин. - Москва : Юристъ, 1997. - 408 с.

96. Белки, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. - Москва : Юристъ, 1997. - 480 с.

97. Белкин, Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные проблемы российской криминалистики / Р. С. Белкин. - Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – 240 с.

98. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории - к практике / Р. С. Белкин. - Москва : Юрид. лит., 1988. - 302 с.
99. Белый, И. Ю. Международное преследование за военные преступления : монография / И. Ю. Белый. - Москва : Юркнига, 2004. - 256 с.
100. Блищенко, И.П. Международный уголовный суд / И. П. Блищенко, И. В. Фисенко; Предисл. В. П. Лозбякова. - Москва : Закон и право, 1998. - 238 с.
101. Боев, В.И. Проект федерального Закона "Об изменениях и дополнениях в Уголовный кодекс Российской Федерации, действующих в период военного положения" / В. И. Боев. - Москва : Компания Спутник+, 2007. - 17 с.
102. Большая советская энциклопедия : в 30 томах / Гл. ред. А. М. Прохоров. - 3-е изд. - Москва : «Советская энциклопедия», 1971. - Т. 5. - 640 с.
103. Буше-Сольнье, Ф. Практический словарь гуманитарного права / [пер. с фр. Е. Кирпичниковой и В. Садитдиновой]. - [2-е изд., доп., расш.]. - Москва : МИК, 2008. - 639 с.
104. Григорьев, В. Н. Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения : учеб. пособие для вузов МВД СССР / В. Н. Григорьев; М-во внутр. дел СССР, Ташк. высш. шк. - Ташкент : ТВШ МВД СССР, 1991. - 179-с.
105. Григорьев, В. Н. Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения : методическое пособие / В.Н. Григорьев. - Ташкент : Следственное управление УВД Ташгорисполкома, 1989. - 137 с.
106. Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) / В. Н. Григорьев. - Москва : Академия МВД, 1994. - 565 с.
107. Гомиен, Д. Путеводитель по Европейской конвенции о защите прав человека / Д. Гомиен. - Страсбург : Совет Европы, 1994. - 136 с.
108. Еникеев, З. Д. Механизм уголовного преследования : учебное пособие / З. Д. Еникеев. - Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 2002. - 116 с.

109. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений : монография / В. Ф. Ермолович. - Москва : Амалфея, 2001. - 304 с.
110. Зайцев, О. А. Государственная защита участников уголовного процесса / О. А. Зайцев; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ, Моск. акад. экономики и права. - Москва : Экзамен, 2003. - 510 с.
111. Зверев, П. Г. Обеспечение прав человека во время международных полицейских операций : монография / П. Г. Зверев ; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Калининградский фил. - Калининград : Калининградский фил. СПбУ МВД России, 2016. - 310 с.
112. Зверев, П. Г. Полицейское миротворчество и международное гуманитарное право : монография / Зверев П. Г. - Уфа : Аэтерна, 2014. - 368 с.
113. Зеленский, В. Д. Организация расследования преступлений : Криминалист. аспекты / В. Д. Зеленский; отв. ред. Ю. Н. Лукин; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. - Ростов на Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1989. - 148,[2] с.
114. Илларионов, В. П. Правовые и организационно-методические аспекты международного розыска преступников : учебное пособие / В. П. Илларионов, И.В. Путова – Москва : Книжный мир, 1999. - 94 с.
115. Казеев, А. Я. Актуальные правовые аспекты применения дисциплинарных норм ООН к миротворческому персоналу на примере полицейских контингентов : учебное пособие / А. Я. Казеев, Е. В. Трухин, А. Н. Антонов ; МВД России, Федеральное гос. казённое образовательное учреждение доп. проф. образования "Всероссийский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России", Центр подгот. сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России для участия в миротворческих миссиях, Международный учебный центр под эгидой Интерпола. - Домодедово (Московская обл.) : ВИПК МВД России, 2014. - 53 с.

116. Кибальник А.Г., Применение запрещенных средств и методов ведения войны / А.Г. Кибальник А.В. Берко // Ставрополь, Сер. Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра, ООО Ставропольсервисшкола, 2002, 104 с.

117. Кожевников, М. В. История советского суда / проф. М. В. Кожевников ; Под ред. И. Т. Голякова. - Москва : Юрид. изд-во, 1948 (Образцовая тип. им. Жданова). - 376 с. - (История советского государства и права : 1917-1947 / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР).

118. ЛУБЯНКА. ВЧК - ОГПУ - НКВД - НКГБ - МГБ - МВД - КГБ 1917 — 1960 : справочник / составление, введение и примечания А.И. Кокурина, Н.В. Петрова ; Научный редактор Р.Г. Пихоя. - Москва : Издание МФД, 1997. — 352 с. ("Россия. XX век. Документы.").

119. Корноухов, В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы / В. Е. Корноухов. - Москва : Норма, 2008. - 223 с.

120. Косарев, С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития) : монография / С. Ю. Косарев ; МВД России, Санкт-Петербургский ун-т. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. - 306 с.

121. Криминалистика = Criminalistics : учеб. для студентов вузов / [А. Ф. Волынский, Т. В. Аверьянов, И. Л. Александрова и др.]; под ред. А. Ф. Волынского. - Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 1999. - 615 с.

122. Криминалистика : учебник для студентов высших учебных заведений по юридическим специальностям / Н. И. Порубов [и др.]; под ред. Н. И. Порубова, Г. В. Фёдорова. - Минск : Высшэйшая школа, 2011. - 639 с. - (ВУЗ : студентам высших учебных заведений).

123. Криминалистика : [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение" / Ю. П. Голдованский, А. С. Лазари, С. Г. Любичев и др.]; Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. - Москва : Юрид. лит., 1988. - 670 с.

124. Кузьмин, С. Т. Сроку давности не подлежит. : [О фашист. преступниках] / С. Т. Кузьмин; [Предисл. В. Иванова]. - Москва : Политиздат, 1986. - 204 с.
125. Локленд, Д. Пародия на правосудие : Гаагский трибунал против Слободана Милошевича / Джон Локленд ; [пер. с англ. С. А. Минина] ; Ин-т демократии и сотрудничества (Париж). - Москва : Русская панорама, 2009. - 182, [1] с.
126. Лукашук И. И. Право международной ответственности= Law of International Responsibility / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. - Москва : Волтерс Клувер, 2004. - 404 с.
127. Марочкин, С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации / С. Ю. Марочкин; РФ. М-во общ. и проф. образования. Тюм. гос. ун-т. - Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. - 199 с.
128. Международное право : учебник для вузов / Отв.ред. — проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. — Москва : Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М, 1999. — 584 с.
129. Мезяев, А. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале : зап. из зала суда / А. Мезяев ; предисл. А. Зиновьева. - Казань : Титул-Казань, 2006. - Кн. 1: Обвинительная часть. - 2006. - 399 с.
130. Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств. Максимизация наследия смешанных судов. - Нью Йорк ; Женева : Издание ООН, 2008. - 35 с.
131. Натура, Д. А. Эксгумация и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом : учебно-практическое пособие / Д. А. Натура, А. И. Натура. - Москва : Юрлитинформ, 2003. - 104 с.
132. Нешатаева, Т.Н., Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт / Т.Н. Нешатаева // Москва, Городец, 2007, 319 с.

133. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 2-х т. / [под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) и др.]. - Москва : Госюриздат, - Т. 1: Нюрнбергский процесс. - Москва, 1952. - 832 с.
134. Описание объектов криминалистического исследования : справ. пособие / М-во внутрен. дел. Рос. Федерации, Эксперт.-криминалист. центр; [Авт.-сост. А. М. Герасимов и др.]; под ред. В. В. Филиппова. - Москва : ЭКЦ МВД РФ, 1995. - 287 с.
135. Петухов, Н. А. История военных судов России / Н. А. Петухов ; под ред. и с предисл. В. М. Лебедева. - М. : НОРМА, 2003. - 345 с.
136. Полторац, А. И. Нюрнбергский эпилог : [Пер. с рус.] / Аркадий Полторац. - Москва : Прогресс, Б. г. (1987). - 397 с.
137. Преступность и правонарушения (1995 - 1999) : Статистический сборник. - Москва, 2000. - 179 с.
138. Рагинский, М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории : Воспоминания участника Нюрнберг. процесса / М. Ю. Рагинский. - Москва : Политиздат, 1986. - 204 с.
139. Ренц, И. Г. Факты и доказательства в международных спорах: между истиной и справедливостью / И. Г. Ренц. - Москва : Статут, 2018. - 302 с.
140. Розенблит, С. Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе / С. Я. Розенблит ; под ред. проф. И. Т. Голякова ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. - Москва : Юрид. изд-во, 1948. - 96 с.
141. Смерш : исторические очерки и архивные документы / Федер. служба безопасности Российской Федерации ; [В. С. Христофоров и др.]. - Москва : Изд-во Главархива Москвы : Моск. учеб. и Картолитография, 2003 (ОАО Моск. учебники и Картолитография). - 337 с.
142. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. : сборник документов. — Москва :

Политиздат, 1984. - Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февр. 1945 г.). — 302 с.

143. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. - Москва : Сов. энциклопедия, 1983. - 839 с.

144. Философия : энциклопедический словарь / под ред.: А. А. Ивина. - Москва : Гардарики, 2006. - 1072 с.

145. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – Москва : Экзамен, 2003. - 350 с.

146. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками : обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии... - Петроград : Сенат. тип., 1916. - Т. 1 : С 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 года. - 503 с.

147. Ядов, В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. - [Доп. и испр. изд.]. - Самара : Самар. ун-т, 1995. - 328 с.

Статьи из периодической печати и сборников

148. Абакумова, И. В. Интегральный сравнительный анализ подходов к постконфликтному урегулированию вооружённых конфликтов / И. В. Абакумова, И. Н. Рядинская // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. - 2017. - № 3(43). - С.257-264

149. Адельханян Р. А. Категория “военные преступления” в международном уголовном праве / Р. А. Адельханян // Право и политика. - 2002. - № 12(36). - С. 43 – 45.

150. Антонов. А. Н. Решение Трибунала по бывшей Югославии по делу Готовина/Маркач как (очередной) провал международного правосудия / П. Н.

Антонов, В. Н. Григорьев // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2013. - №3. - С. 9-15.

151. Антонов, А. Н. Особенности правового регулирования следственной деятельности военных подразделений международных миротворческих сил (по материалам деятельности Департамента юстиции Миссии ООН в Косово) / А. Н. Антонов // Научный Вестник Омской академии МВД России. - 2006. - № 1 (23). - С. 28 – 31.

152. Антонов, А. Н. О проблемах использования результатов обысков, проводимых войсковыми подразделениями (по материалам деятельности Департамента юстиции Миссии ООН в Косово) / А. Н. Антонов // Право и жизнь. Независимый научно-правовой журнал. - 2006. - Вып. 93(3). - С. 223-233.

153. Антонов, А. Н. Особенности правового регулирования следственной деятельности военных подразделений Международных миротворческих сил ООН / А. Н. Антонова // Общество и право. - 2006. - Вып. 3 (13). - С. 37-41.

154. Антонов, А. Н. Некоторые особенности организации допросов свидетелей при расследовании преступлений в Косово / А. Н. Антонова // Современное право. - 2007. - № 8(1). - С. 94-96.

155. Антонов, А. Н. Особенности организации и проведения эксгумаций массовых захоронений в процессе расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта / А. Н. Антонова // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2007. - № 1. - С. 8-11.

156. Антонов, А. Н. К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта / А. Н. Антонов, В. Н. Григорьев // «Черные дыры» в российском законодательстве. - 2008. - № 1. - С. 328-331.

157. Антонов, А. Н. Некоторые особенности организации допросов свидетелей при расследовании преступлений в Косово /А. Н. Антонов // Современное право. - 2008. - № 2(1). - С. 121-123.

158. Антонов, А. Н. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при расследовании военных преступлений / А. Н. Антонов, В. Н. Григорьев // Вестник Московского университета МВД России. - 2008. - № 8. - С. 103-110.

159. Антонов, А. Н. Некоторые особенности доказывания при расследовании военных преступлений / А. Н. Антонов // «Черные дыры» в российском законодательстве. - 2008. - № 6. - С. 165-166.

160. Антонов, А. Н. К вопросу об ответственности Организации объединенных наций за нарушения в области прав человека / А. Н. Антонов, В. Н. Григорьев // Вопросы правоведения. - 2012. - №4. - С. 88-94.

161. Антонов, А. Н. Правозащитная консультативная коллегия при Миссии ООН в Косово – есть ли защита от «защитников»? / А. Н. Антонов // Международное правосудие. - 2013. - № 2(6). - С. 101-108.

162. Антонов, А. Н. Решение Трибунала по бывшей Югославии в деле Готовина/Маркач как отражение отдельных тенденций развития международного уголовного правосудия / А. Н. Антонов // Международное правосудие. - 2013. - №4(8). - С. 121-128.

163. Антонов, А.Н. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами / А. Н. Антонов // Международное правосудие № 2(14) - 2015, С. 99 – 113.

164. Антонов, А. Н. Амнистии в механизме переходного правосудия / А.-Н.-Антонов, А. Ю. Евсеев // Международное правосудие. – 2019. – Т. 29. – №. 1. – С. 118-133.

165. Беликин, В. В. Правовое регулирование противодействия внутренним вооруженным конфликтам / В. В. Беликин // Вестник московского университета МВД России. - 2006. - №2. - С. 95-99.

166. Бобринский, Н. А. К вопросу о концепции «правосудия переходного периода» / Н.А. Бобринский // Библиотека криминалиста. - 2014. - № 1. - С. 328-337.
167. Братерский, М. В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики / М. В. Братерский // Вестник международных организаций. - 2018. - Т. 13, № 1. - С. 157–170.
168. Ван ден Херик, Л. Важность установления фактов : возвращаясь к концепции расследования Ф. Ф. Мартенса / Л. Ван ден Херик //Международное правосудие. - 2017. - №3(23). - С.24 - 33.
169. Волеводз, А. Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А. Г. Волеводз // Вестник МГИМО. - 2009. - №2. - С.55-68.
170. Волеводз, А. Г. О системе международного уголовного правосудия / А. Г. Волеводз // Современные тенденции развития международного гуманитарного права: Междунар. науч.-практ. конф. – Казань : Центр инновационных технологий, 2011. - С. 63 - 68.
171. Воробьева, Е. А. К вопросу о кодификации права международной ответственности : проект статей об ответственности международных организаций / Е. А. Воробьева // Журнал международного права и международных отношений. - 2006. - № 3. - С.3-8.
172. Гаврилин, Ю.В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности / Ю.В. Гаврилин // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 3-8.
173. Гетьман-Павлова, И. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) / И. Гетьман-Павлова, М. Филатова // Международное правосудие. - 2017. - № 3. - С. 96-109.
174. Григорьев, В. Н. Возникновение и развитие концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях / В. Н. Григорьев // Научные труды Московского гуманитарного университета. - 2007. - Вып. 106. - С. 72-76.

175. Григорьев, В.Н. К вопросу о структуре теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях / В.Н. Григорьев // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников Международной научно-практической конференции, 25 мая 2017 года – Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017. – С. 57-63.

176. Григорьев, В.Н. О новой концепции в исследовании международного розыска / В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, М.Ю. Тарасов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39 (21). С. 15-25.

177. Григорьев, В. Н. Об «усеченной» методике осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях / В.Н. Григорьев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (91). – С. 100-112.

178. Гридчин, А.А. Управление международным антитеррористическим сотрудничеством / А.А. Гридчин, А.В. Пашкевич // Москва, 2016. 268 с.

179. Григорян, Г.М. Организация расследования и сбора доказательственной информации о военных преступлениях, как часть содержания концепции расследования военных преступлений, совершаемых противоборствующими сторонами вооруженного конфликта / Г. М. Григорян // Sciences of Europe. - № 6-3(6) - 2016. - С. 83-88.

180. Грудцына, Л. Современная концепция прав человека (национальный и международный аспект) / Л. Грудцына // Право и жизнь. - 2007. - № 109(4). - С. 47-54.

181. Долгошеин, П.С. Подготовка гражданских полицейских ООН к миротворческой деятельности: Достоинства и недостатки современных программ и методик / П.С. Долгошеин, А.И. Тамбовцев, Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 194-199.

182. Егоров, С. А. Гибридные (смешанные) суды // Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых. - Москва : Международные отношения, 2014. - С. 440-452.

183. Евсеев, А. В. Гибридные суды как институт транзитивного правосудия / А. В. Евсеев // Международное правосудие. - 2017. - №3(23). - С. 47–61.

184. Евсеев, А. П. Особенности доказывания в практике органов международного уголовного правосудия / А. В. Евсеев // Международное правосудие. - 2019. - №3(31). - С.69–83.

185. Замылин, Е.И. Отдельные следственные действия и их роль в розыске скрывшихся преступников и иных объектов / А.А. Закатов, Е.И. Замылин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1 (56). – С. 8-17.

186. Зверев, П. Г. Сотрудничество гражданской полиции ООН с иными субъектами миротворческой деятельности / П. Г. Зверев // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Роль правовой науки в развитии общества», 30 июня 2014 г. – Уфа : Аэтерна, 2014. – С. 10-12.

187. Зверев П.Г. Сотрудничество Организации объединённых наций и Международной организации уголовной полиции (Интерпол) по вопросам международного миротворчества / П.Г. Зверев // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. Навстречу 300-летию российской полиции. Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. /под ред. д. ю. н., проф. Н. С. Нижник. - Т. II. - С. 298-306.

188. Катков, С. В. Проблемы кадрового обеспечения подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции и допустимые варианты их разрешения / С.В. Катков // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сост.: М.Л. Родичев. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 171-177.

189. Катков, С. В. Совершенствование механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних / С.В. Катков, М.С. Колосович // Сборник трудов конференции Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе. Волгоград, 20 мая 2022 года. – Волгоград, 2022. – С. 131-137.

190. Келлер, Х. Дела о насильственных исчезновениях в практике Европейского Суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН: Сходства и различия / Х. Келлер, О. Чернышова // Международное правосудие. - 2013. - №4(8). - С 60–81.

191. Керамова, С. Н. Проблемы правового регулирования режимов чрезвычайного и военного положения в России / С. Н. Керамова, А. Р. Тагирова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. - 2017. - Том. 32, Вып. 1. - С. 43-49.

192. Клейменов И.М. Цветные революции в контексте сравнительной криминологии / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 266-274.

193. Князьков, А. С. Следственная версия как элемент информационной модели расследования преступления / А.С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348. – С. 89-92.

194. Козочкин И.Д. Новый английский закон о борьбе с терроризмом. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. М., 2001, №2. С. 49-56.

195. Колосович, М.С. Деятельность следователя негласного характера по уголовному делу / М.С. Колосович // Актуальные проблемы предварительного расследования. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 206-213.

196. Копылова, Е. А. Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве / Е. А. Копылова // Международное правосудие. - 2016. - №2(18).- С.108–118.

197. Котляров, И. И. Применение норм международного гуманитарного права внутренними войсками МВД России и органами внутренних дел в период вооружённых конфликтов / И. И. Котляров, К. Л.Ходжабегова // Вестник московского университета МВД России. - 2008. - №3. - С. 41-46.

198. Кривчикова, Э. С. Некоторые теоретические аспекты проблемы ответственности международных организаций / Э. С. Кривчикова // Ученые записки МГИМО. Актуальные проблемы современного международного права. - Москва, 1972. - Вып. 3.

199. Медведев, И. Г. Доказательства в международном гражданском процессе / И. Г. Медведев // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002 - 2003. - 2004. - № 2. - С. 228-281.

200. Митрофанов, М. В. О международно-правовой ответственности международных организаций / М. В. Митрофанов // Правовое регулирование общественных отношений : материалы научной конференции аспирантов-юристов. - Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1977. - С. 82-86.

201. Моджорян, Л. А. Субъекты международно-правовой ответственности / Л. А. Моджорян // Советское государство и право. - 1969. - № 12. - С. 124-142.

202. Мозохин, О. Б. Особое Совецание в России и СССР (1881-1953) Правовые полномочия Особого совещания : текст выступления на Пятых ежегодных чтениях на Лубянке 17-18 декабя 2001 г. / О. Б. Мозохин // Обозреватель-Observer. - 2002. - № 3/4. - С. 107-116.

203. Моисев С.В. Особое совещание по Кашгарскому вопросу (19 марта 1876 г.) // В сб. : Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур : вторые науч. чтения памяти Е. М. Залкинда, 20 мая 2005 г. /

[редкол.: О. Ю. Курныкин (сост.), В. А. Моисеев (отв. ред.)]. - Барнаул. : Аз Бука, 2005. - С. 162-166.

204. Нелаева, Г.А. Изнасилования и насильственные действия сексуального характера как преступления против человечности в практике международного трибунала по бывшей югославии (МБТЮ) Г.А. Нелаева // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 1. С. 10-12.

205. Образцов, В. А. О криминалистической характеристике преступлений / В. А. Образцов, В. Г. Танасевич // Вопросы борьбы с преступностью. - 1976. - № 25. - С. 94-104.

206. Овчинников, В. В. Взаимодействие правоохранительных органов в условиях внутренних вооружённых конфликтов / В. В. Овчинников // Вестник московского университета МВД России. - 2006. - №2. - С. 35-39.

207. Рамадан, Л. И. Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству / Л. И. Рамадан, В. А. Шагалов // Вестник МГИМО-Университета. - 2015. - №6(45). - С. 174-181.

208. Саврыга К.П. Война с терроризмом как вооруженный конфликт / К.П. Саврыга // Право и политика. 2016. №4. С. 498-514.

209. Сергеев, А.Б. Производство оперативно-разыскных мероприятий при работе о безвестном исчезновении лица / А.Б. Сергеев А.Б. // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан. Материалы Международной научно-практической конференции. – Москва, 2018. – С. 113-116.

210. Сергеев, А.Б. Права и законные интересы участников уголовного судопроизводства: понятие, соотношение, степень правовой гарантированности. Постановка проблемы / А.Б. Сергеев // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Право. – 2022. – Т. 7. № 2. – С. 53-59.

211. Смагоринский, Б.П. Некоторые проблемные вопросы расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных в отношении социально

незащищенных категорий граждан / Б.П. Смагоринский, А.В. Сычева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 2 (57). – С. 8-15.

212. Степанченко, А. А. Международно-правовые вопросы деятельности региональных международных организаций в сфере установления правопорядка в постконфликтных государствах / А. А. Степанченко // Вестник экономической безопасности. - 2019. - №2. - С. 161 – 170.

213. Тишков, С. А. Формирование экспертно-криминалистических подразделений полицейских компонентов миротворческих миссий ООН: опыт Миссии ООН в Косово / С. А. Тишков // Библиотека криминалиста. - 2015. - № 2(19). - С. 329-337.

214. Тузмухамедов, Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность / Б. Р. Тузмухамедов // Россия в глобальной политике. - 2006. - Т.4, №2. - С. 204-213.

215. Тюлькенс, Ф. Некоторые аспекты философии европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и принцип субсидиарности / Ф. Тюлькенс // Сравнительное конституционное обозрение. - 2010. - № 6. - С. 76-89.

216. Чемакин А. Современное законодательное регулирование института военного положения / А. Чемакин // Право и жизнь. - 2007. - № 109(4). - С. 124-131.

217. Черноудова, М. С. Понятие конфликта в международном праве / М. С. Черноудова // Московский журнал международного права. - 2005. - № 5. - С. 77 – 92.

218. Чернышова, О. С. Защита права на жизнь : обзор практики Европейского Суда по правам человека по жалобам против Российской Федерации / О. С. Чернышова // Журнал Конституционного правосудия. - 2013. - №5. - С.5-14.

Диссертации и авторефераты диссертаций

219. Адельханян, Р. А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества : автореферат диссертации ... доктора юридических наук / Р. А. Адельханян. - Москва, 2003. - 48 с.

220. Антонов, А. Н. Решение типовых задач расследования преступлений (тактико-криминалистический аспект) : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. Н. Антонов. - Волгоград, 1999. - 18 с.

221. Белалова, Б. Ш. Международно-правовая ответственность международных межправительственных организаций : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.10 / Б. Ш. Белалова. - Москва, 2002. - 178 с.

222. Брынкина, Я. А. Участие России в миротворческих операциях ООН (конец XX - начало XXI вв.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Я. А. Брынкина. - Москва, 2007. - 24 с.

223. Григорьев, В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: Правовое обеспечение, организация, методика : диссертация ... доктора юридических наук (12.00.09) / В. Н. Григорьев. - Москва, 1993. - 565 с.

224. Гридчин, А.А. Повышение готовности персонала миротворческих организаций к регулированию региональных конфликтов : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.08 / А. А. Гридчин. - Орел, 2010. - 461 с.

225. Егоров, С. А. Вооружённые конфликты и международное право : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.10 / С. А. Егоров. - Москва, 1999. - 285 с.

226. Замятин, В. Ю. Ответственность международных организаций : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.10 / В. Ю. Замятин. - Москва, 2005. - 212 с.

227. Лобачёв, Д. А. Организация правоохранительной деятельности органов внутренних дел в условиях межэтнических конфликтов : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Д. А. Лобачёв. - Саратов, 2006. - 26 с.

228. Москалёв, Г. Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ) : проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : диссертация ... кандидата юридических наук / Г. Л. Москалёв. - Красноярск, 2015. - 221 с.

229. Овчинников, В. В. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в условиях внутренних вооружённых конфликтов : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / В. В. Овчинников. - Москва, 1997. - 23 с.

230. Рабаданова, А. А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. А. Рабаданова. - Москва, 2006. - 24 с.

231. Тамбовцев, А. И. Организация и тактика розыска лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах (по материалам Сибирского федерального округа) : диссертация ... кандидата юридических наук / А. И. Тамбовцев. - Омск, 2006. - 216 с.

232. Тишков, С. А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН : современная парадигма, императивы совершенствования : автореферат диссертации ... кандидата политических наук / С. А. Тишков. - Орёл, 2011. - 26 с.

Источники на иностранных языках

233. Abraham, E. The Sins of the Savior: Holding the United Nations Accountable to International Human Rights Standards for Executive Order Detentions in its Mission in Kosovo / E. Abraham // *American University Law Review*. - 2003. - Vol. 52. - P. 1292 - 1337. - Electronic text // *American University Law Review*. : [website] - URL : <http://www.aulawreview.org/pdfs/52/52-5/abraham.pdf> (дата обращения 22.11.2016).

234. Abramson L. The Patriot Act : Key Controversies / L. Abramson, M. Godoy. - Electronic text // NPR : [websit] - URL : <http://www.npr.org/news/specials/patriotact/patriotactprovisions.html> (дата обращения 22.11.2020).

235. Accountability of UN civilian police involved in Trafficking of Women in Bosnia and Herzegovina. - Electronic text // Peace and Conflict Monitor : [websit] - URL : <http://www.monitor.ucepeace.org/pdf/bosnia.pdf> (дата обращения 4.03.2020)

236. Amendment of the Constitution, Article 162: The Specialist Chambers and the Specialist Prosecutor's Office 03 Aug 2015. - Electronic text // Специализированной Палаты : [websit]. - URL : <https://www.scp-ks.org/en/documents/constitutional-amendment-article-162-3-aug-2015> (дата обращения 2.10.17).

237. Antonov A. Infocus: Obligation to investigate, minimum investigative standards under article 2 of the ECHR, and their applicability to Post-conflict situations / A. Antonov // Freedom from Fear. – 2020. – Т. 2018. – №. 15. – С. 80-87.

238. Antonov A. Post-Conflict Criminal Investigation By International Specialist. Standard V. Realities (Kosovo Example) / A. Antonov // Palestra. - 2016. - №1-2. - P. 137-145.

239. Alleged Secret Detentions in Council of Europe Member States. Report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights, 22 January 2006, документ № AS/Jur (2006) 03 rev.- Electronic text // Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE) :[websit]. - URL : http://assembly.coe.int/main.asp?link=/committeedocs/2006/20060124_jdoc032006_e.htm (дата обращения 9.12.2014).

240. Arenft, H. Between the Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. / Hanna Arenft // NY, Penguin Books, 1993. - 306 p.

241. Arraiza, J.-M. Getting the Property Question Right: Legal Policy Dilemmas in Post-Conflict Property Restitution in Kosovo (1999-2009) / J.-M. Arraiza, M. Moratti // International Journal of Refugee Studies . – 2009. - Vol. 21. - Iss.3.

242. Authorization for Use of US Armed Forces, US Congress, Resolution “Authorization for the Use of Military Force” of 14 September 2001. - Electronic text // JURIST.LAW : [websites] - URL : <http://jurist.law.pitt.edu/terrorism/sjres23.htm> (дата обращения 4.03.2018)

243. Ballard Megan J. Post-Conflict Property Restitution: Flawed Legal and Theoretical Foundations / J. Ballard Megan // Berkeley Journal of International Law. - 2010. – Vol. 28. - Issue 2.- Article 4.

244. Beardsley E. Who Owns What? UN Tackles Kosovo Housing Tangle /E. Beardsley// Christian Science Monitor.- 2002. - January 10.

245. Ben-Gera, M. Assessment of Administrative Capacity in Kosovo : UNDP Report, 2005 /M. Ben-Gera D. Tommasi, A. Freibert, S. Jean, E. Loeffler, B. Reka.- Electronic text // UNDP KOSOVO : [websites] - URL : http://www.kosovo.undp.org/Projects/KCAP/KCAP_report_final_20050525_english.pdf (дата обращения : 4.03.2018).

246. Benjamin B. Ferencz. A Nuremberg Prosecutor's Response to Henry Kissinger's essay “The Pitfalls of Universal Jurisdiction” / B. Ferencz Benjamin.- URL : <http://lloydthomas.org/5-SpecialStudies/USA-ICC-02Jul2001.pdf>. - Electronic text (дата обращения : 21.10.2022).

247. Bertodano S. De Current Developments in Internationalized Courts / S. De Bertodano // Oxford University Press. Journal of International Criminal Justice. - 2003. - №1. - P. 226-244.

248. Best-Practice Recommendations for the Protection & Support of Witnesses : доклад Специального Суда по Сьерра Леоне // CCCJL : [сайт]. – URL:<http://www.rscsl.org/Documents/WVS%20Best%20Practices.pdf> (дата обращения 1.11.2022).

249. Black’s Law Dictionary. - Abridged Seventh Edition. - St. Paul, Minnesota : West Group, 2000. – URL :

<https://www.karnatakajudiciary.kar.nic.in/hcklibrary/PDF/Blacks%20Law%206th%20Edition%20-%20SecA.pdf>. - Electronic text. (дата обращения : 15.10.2022).

250. Boyle, A. *The Making of International Law* / A. Boyle, C. Chinkin. - Oxford : Oxford University Press, 2007. - 356 p.

251. Budget performance for the period from 1 July 2010 to 30 June 2011 and proposed budget for the period from 1 July 2012 to 30 June 2013 of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. Report of the Advisory Committee on Administrative and Budgetary Questions. Документ ООН A/66/718/Add.7 от 5 апреля 2012 г. - Electronic text // UN.ORG : [website]. - URL : <http://digitallibrary.un.org/record/724977> (дата обращения 17.01.2018).

252. Henckaerts, J-M. *Customary International Humanitarian Law. Rules. Vol. 1* / J-M. Henckaerts, L. Doswald-Beck. - ICRC, 2005. – P. 251-298. - Electronic text // ICRC: [website] - URL : <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf> (дата обращения 15.10.2022).

253. Brasey V. *Dealing with the Past: The forensic-led approach to the missing persons issue in Kosovo* / V. Brasey. // *Politorbis*. – 2010. - № 50 - P. 161 – 169 // MERCURY.ETHZ : [website] - URL : http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/127788/ichaptersection_singledocument/c91c3c3c-9510-4c54-afdf-f51907f0dc3d/en/ch+15.pdf. - Electronic text (дата обращения 15.10.2022).

254. Caruso, F. *Genocide, War Crimes, and Crimes Against Humanity: Topical Digest of the Case Law of the International Criminal Tribunal for Rwanda and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia : Training Material* / F. Caruso. - USA : Human Rights Watch, 2004. - 277 p.

255. Chaudhry, I. M. *Terrorism and the Criminal Justice System* / I. M. Chaudhry. - Electronic text // Supreme Court of the United States : [website] - URL : <http://www.supremecourt.gov.pk/ijc/Articles/4/1.pdf> (дата обращения 17.12.2019).

256. Chesterman S. You, the people: the United Nations, transitional administration and state-building, Oxford: Oxford University Press, 2005, 296 p.

257. Chomsky, N. Simple Truths, Hard Problems: Some thoughts on terror, justice, and self-defence /N. Chomsky ; Talk at Royal Institute of Philosophy. London, May 19, 2004. - Philosophy, The Royal Institute of Philosophy. – 2005. - P. 3.

258. Combating Serious Crimes in Postconflict Societies. A handbook for policymakers / Rausch, C. (editor). - Washington DC : United States Institute of Peace, 2006. - 184 p.

259. Clanton, S. M. International Territorial Administration and the Emerging Obligation to Prosecute / S. M. Clanton // Texas International Law Journal. – 2007. - Vol. 41. - P. 569 – 594. - <http://www.tilj.org/content/journal/41/num3/Clanton569.pdf>. - Electronic text (дата обращения 22 ноября 2021).

260. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / Editors: Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmerman ; International Committee of Red Cross. - Geneva : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. - 1625 p.

261. Conflict Barometer 2013. С. 14 - 15. - Electronic text // Heidelberg Institute for International Conflict Research : [website]. – URL: <https://hiik.de/conflict-barometer/bisherige-ausgaben/?lang=en> (дата обращения 29.05.2018).

262. Conflict Barometer 2021. С. 14. - Electronic text // Официальный сайт Heidelberg Institute for International Conflict Research [website]. – URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2022/03/CoBa_01.pdf (дата обращения 29.09.2022).

263. Conflicting Jurisdiction in Property Disputes : Monthly Report, April 2006. - Electronic text // OSCE : [website] - URL : <https://www.osce.org/files/f/documents/3/6/37717.pdf> (дата обращения 2.11.2022).

264. Court decides Decani monastery has ownership rights to land, 23 мая 2016 г. - Electronic text // B92.net : [website] - URL :

https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2016&mm=05&dd=23&nav_id=9807
5 (дата обращения 24.10.2022).

265. Crime and Punishment: the prosecution of the war crimes committed in Bosnia and Herzegovina before the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. – Sarajevo: Open Society Fund of Bosnia & Herzegovina [etc.], 2006. – 104 p.

266. Customary Justice and the Rule of Law in the War-Torn Societies / Deborah Isser, editor. - Washington : United States Institute of Peace, 2011. – 384 p.

267. David, E. Principes de droit des conflits armés / E. David. - Bruxelles : ULB. Bruylant, 2002. – 1144 p.

268. Death of War Crimes Witness Casts Cloud on Kosovo // NYTimes. – 2011. - 6 октября. - URL : http://www.nytimes.com/2011/10/07/world/europe/death-of-war-crimes-witness-casts-cloud-on-kosovo.html?_r=0/ - Electronic text (дата обращения: 15.01.2022).

269. Decani Abbot Fr. Teodosije asks protection from the institutional repression of an Albanian court in Decani, 23 August 2002. - Electronic text // Kosovo.net. : [websit]. - URL: http://www.kosovo.net/theodos_let.html (дата обращения : 01.11.2022).

270. Donner A. Guilty Associations, Joint Criminal Enterprise, Command Responsibility and the Development of International Criminal Law / A. Donner, J. Martinez // Vanderbilt Public Law Research Paper №. 04-09; Stanford Public Law Working Paper № 87. - Electronic text // Papers. com: [websit]. - URL : http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=526202 (дата обращения 1 марта 2019).

271. Donner, A. M. Joint Criminal Enterprise and Contemporary International Criminal Law / A. M. Donner . - Electronic text // Slobodan-Milosevic.Org : [websit]. - URL : <http://www.slobodan-milosevic.org/news/asal2004.htm> (дата обращения 22 ноября 2019).

272. Dorn A.W. Keeping watch. Monitoring, Technology & Innovation in UN Peace Operations. United Nations University, 2011, 304 p.

273. De Coster. Ph. Terrorism: Special Investigation Techniques / De Coster. Ph. - Council of Europe, 2005. - 499 p.

274. Del Ponte, C., Madame Prosecutor: Confrontations with Humanity – Worst Criminals and the Culture of Impunity / C. Del Ponte, C. Sudetić. - New York : Other Press, 2009. - 448 p.

275. Dorn, A.W. Keeping watch: Monitoring, technology and innovation in UN peace operations / A.W. Dorn. - New York : United Nations University, 2011. - 273 p.

276. Dörmann, K. Elements of war crimes under the Rome statute of the International criminal court : sources a. comment. / Knut Dörmann ; with contributions by Louise Doswald-Beck a. Robert Kolb. - [Repr.]. - Cambridge : Cambridge univ. press, 2004. - 524 p.

277. Dyer, C. Terror QC: more will quit special court / C. Dyer // The Guardian. - 2004. - 20 December. - URL : <http://www.theguardian.com/politics/2004/dec/20/terrorism.humanrights>. - Electronic text (дата обращения : 21.10.2022).

278. Elias, S. B. Rethinking “preventive detention” from a comparative perspective: Three frameworks for detaining terrorist suspects / S. B. Elias // Columbia Human Rights Law Review. - 2009. - Vol. 41. - URL: <https://biblioteca.corteidh.or.cr/tablas/r23766.pdf>. - Electronic text (дата обращения : 21.10.2022).

279. Executive Summary on the work of the European Union Forensic Expert Team in Kosovo, the Federal Republic of Yugoslavia in 1998 – 2000, July 2000 // Balkanwitness [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://balkanwitness.glypx.com/Racak-FET-summary2.htm> (дата обращения 11.04.2021).

280. Financial performance report of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. Report of the UN Secretary-General. UN Document no. A/55/724 of 2 January 2001. // Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/200/98/PDF/N0120098.pdf?OpenElement> (дата обращения 11.04.2021).

281. Financing of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo. Report of the Advisory Committee on Administrative and Budgetary Questions. Документ ООН A/54/622 от 19 ноября 1999 г. // Электронный ресурс. – Режим доступа. – <http://repository.un.org/handle/11176/227760> (дата обращения 17.01.2018).

282. Financial performance report for the period from 1 July 2006 to 30 June 2007, financing arrangements for the period from 1 July 2007 to 30 June 2008 and proposed budget for the period from 1 July 2008 to 30 June 2009 of the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK), 5 июня 2008 г., документ ООН № A/62/781/Add.18 [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.un.org/ga/acabq/document/a62781add18?language=ru> (дата обращения 27 ноября 2022).

283. Firestone, T. Armed injustice: abuse of the law and complex crime in post-Soviet Russia /T. Firestone // Denver Journal of International Law and Policy. - 2009. - September. - P. 555 - 580. - URL : <http://djilp.org/wp-content/uploads/2011/08/Firestone.pdf>. - Electronic text (дата обращения : 21.10.2022).

284. Fleck, D. The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts / D. Fleck , M. Bothe . - Oxford : Oxford University Press, 1995. - 589 p.

285. Fourth Annual report of the President of the Special Court for Sierra Leone. - Freetown, 2007. – 65 pp. - URL : <https://www.justiceinitiative.org/uploads/12d7b8e9-42db-4b47-a2c8-e9d69dfe8829/legacy-scscl-20111101.pdf>. - Electronic text (дата обращения : 21.10.2022).

286. Functional review of the Justice Sector in BiH. - Sarajevo, 2005. - 124 p. - URL : <https://parco.gov.ba/wp-content/uploads/2016/09/functional-review-of-the-justice-sector-in-bh.pdf>. - Electronic text (дата обращения : 21.10.2022).

287. Gashi, K. Real Estate Rows Cause Carnage in Kosovo : Balkan Insight, April 26, 2006. - Electronic text // Сайт Freerepublic : [websit]. - URL : <http://freerepublic.com/focus/f-news/1626569/posts> (дата обращения 22.07.2022).

288. Gasser, H. P. International Humanitarian Law: an Introduction, in: Humanity for All : the International Red Cross and Red Crescent Movement / Hans-Peter Gasser ; H. Haug (ed.). - Berne : Paul Haupt Publishers, 1993. - 92 p.

289. Goldston, J. A. The Rule of Law at Home and Abroad / J. A. Goldston // Hague Journal on the Rule of Law. - 2009. - Issue 1. - P. 38–45.

290. Green, L. C. The Contemporary Law of Armed Conflict / L. C. Green. - Manchester : Manchester University Press, 2000. - 393 pp.

291. Greer, D. The Incidence of the Terror During the French Revolution: A Statistical Interpretation / D. Greer. - Cambridge : Harvard University Press, 1935. - 196 pp.

292. Guardia di Finanza [website] – Режим доступа. - <http://www.gdf.gov.it/> (дата обращения 03.03.2018).

293. Guidelines on human rights and the fight against terrorism. Adopted by the Committee of Ministers at its 804th meeting (11 July 2002). - Electronic text // Council of Europe : [websit]. - URL: https://www.coe.int/t/dlapil/cahdi/Source/Docs2002/H_2002_4E.pdf. (дата обращения : 18.10.2022)

294. Humanitarian intervention. - Electronic text // Wikipedia [website]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Humanitarian_intervention (дата обращения 1.04.2019).

295. European Court of Human Rights recognizes acts committed by Vasiliy Kononov as a war crime : Пресс-релиз МИД Латвии от 17 мая 2010. - URL:

<http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2010/may/17-05/> - Electronic text(дата обращения 12.10.2018).

296. Justice for Chechnya. The European Court of Human Rights against Russia. July 2007. - Electronic text // Официальный Human Rights Watch : [сайт].-URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/related_material/justice_for_chechnya_2_0.pdf (дата обращения 23.07.2019).

297. Hajjar, L. Courting Conflict: The Israeli Military Court System in the West Bank and Gaza / L. Hajjar. - Berkeley : University of California Press, 2005. 312 pp.

298. Handbook of Digital Forensics and Investigation / ed. Casey E. - Academic Press, 2009. – 600p. - ISBN 0-12-374267-6.

299. Hansen, A. S. Supporting the Rule of Law in War-Torn Societies. Tasks and Comparative Advantages of Civilian Police and Military Forces. Report of the Norwegian Defence Research Establishment (FFI) FFI/RAPPORT-2005/02099 /A. S. Hansen. - Electronic text //Forsvarets forskningsinstitutt (**FFI**) : [websit]. - URL: <http://rapporter.ffi.no/rapporter/2005/02099.pdf>. (дата обращения 18.10.2022).

300. Harper, E. Delivering Justice in the Wake of Mass Violence: New Approaches to Transitional Justice / E. Harper // Journal of Conflict & Security Law. - Oxford University Press, 2005. - Vol. 10. - №. 2. - P. 149–185.

301. Housing and Property Restitution for Refugees and Displaced Persons: Implementing the ‘Pinheiro Principles’. P. 10. UNHCR, OCHA, UNFAO et al, 2007. - Electronic text //OHCHR.ORG : [websit]. - URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/pinheiro_principles.pdf (дата обращения 25.02.2019).

302. How is the term “Armed Conflict” Defined in International Humanitarian Law? ICRC Opinion paper, March 2008.- Electronic text // ICRC.ORG. : [websit]. - URL: <https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf> (дата обращения 16.09.2022).

303. HPD/HPCC Statistics. - 2005. - С. 1. - Electronic text // КРА : [websit]. - URL: <http://www.kpaonline.org/hpd/pdf/Statistics%20Annual%20English.pdf> (дата обращения 25.02.2019).

304. Impunity in Timor-Leste : Can the Serious Crimes Investigation Team Make a Difference? International Center for Transitional Justice. Report. June 2010, 35 p. - URL: <https://www.ictj.org/publication/impunity-timor-leste-can-serious-crimes-investigation-team-make-difference> (дата обращения 15.04.2018).

305. International Criminal Court: The unlawful attempt by the Security Council to give US citizens permanent impunity from international justice. AI Index: IOR 40/006/2003, Amnesty International, -2003. - May. - P. 10-11, 15-16. - Electronic text // Amnesty International : [websit]. - URL : <https://www.amnesty.org/download/Documents/108000/ior400062003en.pdf> (дата обращения 02.06.2018).

306. Investigative Team Making ‘Significant Progress’... Доклад Председателя ССГ Совбезу ООН на его 8573 заседании 15 июля 2019 г. - Electronic text // ООН : [websit]. - URL : <https://www.un.org/press/en/2019/sc13882.doc.htm> (дата обращения 12.09.2019).

307. Ivanišević B., Ilić G.P., Višnić T., Višnić V. Vodić kroz Haški tribunal: propisi i praksa. - Beograd: Organizacija za evropsku bezbednost I saradnju, Misija u Srbiji, 2007. - 287 s.

308. Judge quashes anti-terror orders. - Electronic text // BBC : [websit]. - URL : http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/5125668.stm (дата обращения 4.11.2016).

309. Kosovo: Controversy over future of Trepca mining firm. 25 February 2018 // ALJAZEERA.COM : [website]. - URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/02/kosovo-controversy-future-trepca-mining-firm180225093439548.html> (дата обращения 4.11.2022)

310. Kosovo government takes control of Trepca mine, Serbs protest. 8 October 2016. - Electronic text // Reuters.com : [website]. - URL : <https://www.reuters.com/>

article/us-kosovo-mines/kosovo-government-takes-control-of-trepca-mine-serbs-protest-idUSKCN12808T (дата обращения 27.10.2022).

311. Kosovo Ombudsman's Special Report No. 3, The Conformity of Deprivations of Liberty under 'Executive Orders' with Recognized International Standards // Официальный сайт Омбудсмана в Косово. URL: <http://www.ombudspersonkosovo.org/repository/docs/E4010629a.pdf> (дата обращения 04.03.2013).

312. Kosovo Property Agency // [website]. URL: <http://www.kpaonline.org/hpd/aboutus.htm> (дата обращения 25.02.2019).

313. Kosovo, Serbia: Brezovica Case Conundrum, 11 ноября 2016. -Electronic text // BalkanInsight : [website]. – URL: <https://balkaninsight.com/2016/11/11/kosovo-serbia-brezovica-case-conundrum-11-10-2016/>(дата обращения 27.10.2022).

314. Kosovo War Crimes Trials: An Assessment Ten Years On 1999 – 2009, a report by the OSCE Mission in Kosovo, May 2010 // OSCE : [website]. – URL: <http://www.osce.org/kosovo/68569> (дата обращения 17.10.2022).

315. Khouri-Padova, L. Peacekeeping Best Practices Unit Police Reform In Post-Conflict Societies: What We Know And What We Still Need To Know. Haiti. Lessons Learned. (discussion paper). - Electronic text // IPINST.ORG : [website]. –URL: Http://www.ipacademy.org/Programs/Research/ProgReseSecDev_Pub.htm (дата обращения 27.10.2022).

316. Kissinger, H. The Pitfalls of Universal Jurisdiction. Foreign affairs Jul/Aug 2001. P.86. - Electronic text // Global Policy Forum : [website]. – URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/163/28174.html> (дата обращения 27.10.2022).

317. Kolb, R. The Jurisprudence of the Yugoslav and Rwandan Criminal Tribunals on their Jurisdiction and International Crimes / R. Kolb // British Year Book of International law. - 2000. - Vol. 71. - P. 270.

318. Kosovo National Strategy on Property Rights, December 2016. - Electronic text//KRYEMINISTRI-KS.NET : [website]. -URL: http://kryeministri-ks.net/repository/docs/National_trategy_and_Annexes_ENG.pdf(дата обращения 25.02.2019).

319. KPCVA Annual Report 2017, P. 134 // Сайт KPCVA. URL: http://kpcva.org/pdf/Raporti_2017.pdf (дата обращения 25.02.2022).

320. Langley, B., Ariel, B., Tankebe, J. et al. A simple checklist, that is all it takes: A cluster randomized controlled field trial on improving the treatment of suspected terrorists by the police. Journal of Experimental Criminology 17 (2021), 629–655. - Electronic text // Springer : [website]. - URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11292-020-09428-9> (дата обращения 4.03.2022).

321. Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 23 September 2014. -Electronic text // osce.org : [website]. - URL : <http://www.osce.org/ukraine-smm/124216> (дата обращения 15.11.2020).

322. Maternus Bere indicted for Crimes Against Humanity in Suai Church Massacre and other Laksaur Militia activities (updated May 2010). -Electronic text // Тиморский институт развития, наблюдения и анализа исследований : [сайт]. - URL: <https://www.laohamutuk.org/Justice/99/bere/09MaternusBere.htm> (дата обращения 17.04.2018).

323. Mars ton Donner A. Joint Criminal Enterprise and Contemporary International Criminal Law. - Electronic text // [website]. - URL : <http://www.slobodan-milosevic.org/news/asal2004.htm> (дата обращения 22.11.2016).

324. Mendelson S. Barracks and Brothels. Peacekeepers and Human Trafficking in the Balkans / S. Mendelson . – Washington D.C. : Center for Strategic & International Studies, 2005. - 88 p.

325. Model Codes for Post-Conflict Criminal Justice. Vol. I. Model Criminal Code. - Washington D.C., 2007. - 462 p.

326. Momirov A. Accountability of International Territorial Administrations A Public Law Approach, Eleven International Publishing, The Hague, 2011, 315 p.

327. Moir, L. The Law on Internal Armed Conflict (Cambridge studies in international and comparative law) /L. Moir. - Cambridge, England : Cambridge University Press, 2002. - 306 pp.

328. Morina, D. Kosovo Ignores Call to Enforce Monastery's Land Claim /D. Morina // Balkan Transitional Justice. - 2017. - 21 April. - URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/kosovo-govt-stays-silent-over-eu-calls-on-monastery-land-04-21-2017>. - Electronic text (дата обращения 4.11.2022).

329. Murder Investigations Manual. National Centre for Policing Excellence, Centrex, Bedfordshire, UK, 2006. 301 p.

330. Nanda, Ved P. Accountability of international organizations: some observations / Ved P. Nanda // Denver Journal of International Law and Policy. - 2005. - June. - URL : http://findarticles.com/p/articles/mi_hb3262/is_3_33/ai_n29192481/. - Electronic text (дата обращения 4.11.2022).

331. Ohlin, J.D. Why the Gotovina Appeals Judgment Matters /J.D. Ohlin, // EJIL: Talk! : European Journal of International Law : [website]. - URL: <http://www.ejiltalk.org/why-the-gotovina-appeals-judgment-matters/> (дата обращения : 5.11.2022).

332. OIOS Investigation Manual, March 2009 // ООН [website] - Electronic text - URL: https://oios.un.org/sites/oios.un.org/files/general/investigations_manual.pdf

333. Palaret M. Trepča, 1965-2000. - Electronic text // European Stability Initiative : [website]. - URL: https://www.esiweb.org/pdf/esi_document_id_62.pdf (дата обращения : 5.11.2022).

334. Parry, J.W. Interrogating a Suspected Terrorist / J.W. Parry // University of Pittsburgh School of Law. Jurist. - 2001. - November 6. - URL:

<http://jurist.law.pitt.edu/terrorism/terrorismparry.htm>. - Electronic text (дата обращения 25.02.2019).

335. Peace at What Price?: U.N. Sex Crimes in Congo // ABC News. URL: <http://abcnews.go.com/Blotter/UnitedNations/story?id=489306&page=1> (дата обращения 02.03.2013).

336. Peacekeeping Intelligence, документ № Policy Ref. 2017.07 // На сайте ООН [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/400647/2017.07%20Peacekeeping%20Intelligence%20Policy%20%28Final%29.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (дата обращения: 11.05.2018).

337. Perrielo, T. Lessons from the Deployment of International Judges and Prosecutors in Kosovo. March 2006 /T. Perrielo, M. Wierda // International Center for Transitional Justice. - 2006. - March. - 35 pp.

338. Phillips D.L. Implementation Review of the Kosovo-Serbia dialogue. P.16, 18, 19 / D.L. Phillips // Columbia University : Institute for the Study of Human Rights, 2017. - 5 September. - URL: https://www.humanrightscolumbia.org/sites/default/files/2017_09_05_kosovo-serbia_report.pdf. - Electronic text (дата обращения 25.02.2019).

339. Pjanić J. Joint Criminal Enterprise. New form of individual criminal responsibility. - Electronic text // OKO BiH : [website]. - URL: http://www.okobih.ba/files/docs/Jasmina_Pjanic_ENG_i_BHS.pdf (дата обращения : 23.10.2020).

340. Pristina confiscates Serb medieval monastery's land. - Electronic text// B92.net. : [website]. - URL: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2015&mm=07&dd=23&nav_id=94863 (дата обращения 4.11.2022).

341. Priština official declares he'll "demolish church". - Electronic text // B92.net, 22 апреля 2014 г. : [website]. - URL: https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2014&mm=04&dd=22&nav_id=90069 (дата обращения 2.11.2022).

342. Programme Evaluation of the Standing Police Capacity of the Police Division, DPKO. OIOS, Inspection and Evaluation Division, 12 June 2015, p. 3, 32. - Electronic text // UN.ORG : [website]. - URL: <https://oios.un.org/page/download2/id/15> (дата обращения: 29.09.2017).

343. Progress report of the Secretary-General on the United Nations Office in Timor-Leste (for the period 16 August 2005 to 13 January 2006). UN Document S/2006/24 .- Electronic text // UN.ORG : [website]. - URL: https://www.laohamutuk.org/reports/UN/UNDocs/2006/SGRept06_024.pdf (дата обращения 27.03.2018).

344. Proposed model skeletal analysis protocol. United Nations Manual on the Effective Prevention and Investigation of Extra-Legal, Arbitrary and Summary Executions, U.N. DOC. E/ST/CSDHA/.12 (1991). - Electronic text // Hrlibrary.Umn : [website]. - URL : <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/executioninvestigation-91.html> (дата обращения 27.03.2022).

345. Reed T., Robinson James A. The Chiefdom of Sierra Leone. Harvard University, 15 июля 2013 г., 141 с. - Electronic text // Harvard University : [website]. - URL : <https://scholar.harvard.edu/files/jrobinson/files/history.pdf> (дата обращения 31.05.2018)

346. Rakate, P. K. The shelling of Knin by the Croatian Army in August 1995: A police operation or a non-international armed conflict?/P. K. Rakate // International Review of the Red Cross. - 2000. - №. 840. - P. 1037-1052.

347. Report of the Temporary Committee of the European Parliament On the alleged use of European countries by the CIA for the transportation and illegal detention of prisoners, № 2006/2200(INI). - Electronic text // European Parliament's : [website].

- URL : <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A6-2007-0020&language=EN> (дата обращения 15.12.2016).

348. Report on the human rights situation in Ukraine, 15 July 2014. - Electronic text // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights : [website]. - URL:http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine_Report_15July2014.pdf. - Electronic text (дата обращения 31.05.2018).

349. Report on the human rights situation in Ukraine 15 December 2014. - Electronic text // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights : [website]. - URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/OHCHR_eighth_report_on_Ukraine.pdf (дата обращения : 3.11.2022).

350. Roth, K. The Case For Universal Jurisdiction / K. Roth // Foreign affairs, Sep/Oct 2001. - URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/57245/kenneth-roth/the-case-for-universal-jurisdiction>(дата обращения 31.05.2020).

351. Sale of Kosovo Ski Resort to French Group Falls Through, 17 июня 2016. - Electronic text// Reuters.com : [website]. - URL: <https://www.reuters.com/article/kosovo-privatisation/sale-of-kosovo-ski-resort-to-french-group-falls-through-idUSL8N1993TC> (дата обращения : 02.11.2022).

352. Sassoli, M. Transnational Armed Groups and International Humanitarian Law : Program on Humanitarian Policy and Conflict Research // Harvard University, Occasional Paper Series. - 2006. - vol. 6. - Winter.

353. Secretary-General Appoints Steven Schook of United States Principal Deputy Special Representative in Kosovo // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2006/sga994.doc.htm> (дата обращения 24.05.18).

354. Serbian Church's Fate in Kosovo in the Balance // BalkanInsight. - 2015. - 5 февраля - URL: <https://balkaninsight.com/2015/02/05/neizvesna-sudbinata-na-srpska-crkva-vo-pristina/?lang=mk>. -Electronic text (дата обращения: 13.10.2022.)

355. Schabas, W.A. Kononov War Crimes Judgment Issued by European Court of Human Rights Grand Chamber / W.A.Schabas - Electronic text // PhD studies in human rights : [website]. - URL: <https://humanrightsdoctorate.blogspot.com/2010/05/kononov-war-crimes-judgment-issued-by.html>(дата обращения : 13.10.2022.)

356. Schindler, D. The different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols / D. Schindler. - Sijthoff and Noordhoff, 1980. - 48 p.

357. Stahn, C. The Law and Practice of International Territorial Administration. Versailles to Iraq and Beyond / C. Stahn. - Electronic text // Cambridge University Press : [website]. - URL: www.cambridge.org/9780521878005 (дата обращения 8.09.2019).

358. Summary of the report to the Secretary-General of the Commission of Experts to Review the Prosecution of Serious Violations of Human Rights in Timor-Leste (then East Timor) in 1999, §7. Letter dated 24 June 2005 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council (S/2005/458). -Electronic text // UN : [website]. - URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/B8D23B72D857A7CD8525704B006D3A94-unsc-tls-15jul.pdf> (дата обращения 15.04.2018).

359. Syrian War Crimes Accountability Act of 2017; документ № S.905 // CONGRESS.GOV : [website]. - URL: <https://www.congress.gov/115/bills/s905/BILLS-115s905is.pdf> (дата обращения : 19.07.17).

360. Tawil E. Property Rights in Kosovo: A Haunting Legacy of a Society in Transition /E. Tawil // International Center for Transitional Justice, 2009 : [website]. - URL: <https://www.ictj.org/publication/property-rights-kosovo-haunting-legacy-society-transition> (дата обращения 25.02.2019).

361. Теличкін О.О. Правоохоронна діяльність у сфері забезпечення міжнародного миру і безпеки: організаційно-правові засади : автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук / О. О. Телчкін. - Харків, 2004.- 42 с.

362. The Conformity of Deprivations of Liberty under 'Executive Orders' with Recognised International Standards 8(2001). Ombudsperson Institution in Kosovo, Special Report no. 3. - Electronic text // Ombudsperson : [website]. - - URL: http://www.ombudspersonkosovo.org/repository/docs/E4010629a_526704.pdf (дата обращения 22.11.2019).

363. The Right to Life. Tomuschat C. Lagrange E. Oeter S. (editors); Koninlijke Brill, Leiden. - The Netherlands : Martinus Nijhoff Publishers, 2010. - 430 p.

364. Questions arise over US base in Kosovo // Deutsche Welle. - 2005. - 10 December. - URL: <https://www.dw.com/en/questions-arise-over-us-base-in-kosovo/a-1810615> (дата обращения 22.11.2019).

365. Report of the Group of Experts for Cambodia established pursuant to General Assembly resolution 52/135, 15 March 1999 // University of Minnesota Human Rights Library. - URL: <http://hrlibrary.umn.edu/cambodia-1999.html> (дата обращения 22.11.2019).

366. Report submitted by the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo to the Committee on Economic, Social and Cultural Rights on the Human Rights Situation in Kosovo since June 1999 [September 2007], UN Document no. E/C.12/UNK/1 // [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.refworld.org/pdfid/48abd56fd.pdf> (дата обращения 22.10.2019).

367. Review of illegal re-occupation cases in Kosovo, Report, 19 February 2015, P. 12-13 // OSCE Mission in Kosovo, URL: <https://www.osce.org/kosovo/141131> (дата обращения 20.10.2022).

368. Uprimny R., Saffon M.P. Transitional Justice, Restorative Justice and Reconciliation. Some Insights from the Colombian Case, 16 p. -Electronic text // Global studies : [website]. - URL: http://www.global.wisc.edu/reconciliation/library/papers_open/saffon.pdf (дата обращения 30.10.2020).

369. U.N. Faces More Accusations of Sexual Misconduct // Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A30286-2005Mar12.html> (дата обращения 04.03.2013).

370. United Nations Civilian Police Handbook. UN Department of Peacekeeping Operations, 1995, UN/223/TH/CIPO95, 135 p. - Electronic text // OON: [website]. - URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/civil_affairs_handbook.pdf (дата обращения 30.10.2020).

371. UN raps Austria for whisking suspect out of Kosovo. - Electronic text // Freerepublic.com : [website]. - URL : <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/642005/posts> (дата обращения 15.01.2018).

372. Van Heugten G. Post-conflict property restitution in Kosovo: A continuing challenge / G.Van Heugten // TerraNullus, 23 November 2012: [website]. - URL: <https://terra0nullius.wordpress.com/2012/11/23/post-conflict-property-restitution-in-kosovo-a-continuing-challenge/> (дата обращения 25.02.2019).

373. Venice Commission. Opinion on Human Rights in Kosovo: Possible Establishment of Review Mechanisms. - Electronic text // Venice Commission : [website].- URL : [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2004\)033-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2004)033-e) (дата обращения 15.01.2018)

374. Verdirame G. The UN and Human Rights: Who Guards the Guardians? Cambridge University Press, 2011. - 454 p.- Electronic text // books.google.com[website]. - URL: <https://books.google.com/books?id=uid2ps9Uxq8C&lpg=PR29&ots=sfyZxCoaci&dq=shkumbin%20mehmeti%20unmik&hl=ru&pg=PA22#v=onepage&q=shkumbin%20mehmeti%20unmik&f=false> (дата обращения 27.11.2020).

375. Vicovac R.D. Challenges in Providing Legal Aid to Displaced Persons Following Armed Conflict: Lessons Learned from Kosovo // Journal of Human Rights Practice. - 2013. -Vol. 5. March 1.- P. 195 – 206.

376. Wilde R. International Territorial Administration How Trusteeship and the Civilizing Mission Never Went Away, Oxford University Press, 2008, 640 p.

377. Witness Security and Protection in Kosovo: Assessment and Recommendations, a report by the OSCE Mission in Kosovo and the US State Department, November 2007, p. 5 // EULEX official website [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/7/28552.pdf> (дата обращения: 24.06.2022);

378. Zegveld, L. Accountability of Armed Opposition Groups in International Law / L. Zegveld. - Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 292 p.

379. Бальшевић Д. Страдање Срба у Ораховцу након потписивања Кумановског споразума. 7 јуња 2019 // Stanje Stvari [электронный ресурс] – Режим доступа: https://stanjestvari.com/2019/06/07/stradanje-srba-u-orahovcu/?fbclid=IwAR14PRA8b8tjg_5RugQyUIUSkpT1EZ3MFIV6Y8CZuq4aMr7M8UWhrBPMхус (дата обращения 21.07.2022).

380. Верховенство права и правосудие переходного периода в конфликтных и пост-конфликтных обществах. Доклад Генерального секретаря ООН № S/2004/616 от 23 августа 2004 г. - Текст : электронный // ООН : [сайт] – URL : - <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/PCS%20S%202004%20616.pdf> (дата обращения : 21.10.2022).

381. Доклад Генерального Секретаря ООН о Миссии ООН в Косово, 12 июля 1999, № документа ООН S/1999/779, § 88 // Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/1999/779&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/sgreports/1999.shtml&Lang=R (дата обращения 06.02.18).

382. Доклад Главного прокурора Специальной следственной группы Евросоюза, созданной по результатам доклада Дика Марти, 29 июля 2014 г., С 2 // Официальный сайт

http://www.sitf.eu/images/Statement/Statement_of_the_Chief_Prosecutor_of_the_SITF_EN.pdf

383. Доклад Специального комитета по операциям по поддержанию мира и его Рабочей группы о работе возобновленной сессии 2007 года A/61/19 (Part III) от 12 июня 2007 г.

384. Доклады Международного уголовного суда // МУС : [сайт]. – URL : <https://www.icc-cpi.int/resource-library/reports> (дата обращения 1.11.2022).

385. Ежегодные доклады Специального Суда по Сьерра Леоне. - Текст : электронный // CCCЛ : [сайт]. – URL: <http://www.rscsl.org/documents.html> (дата обращения 3.06.2019).

386. Ежегодные доклады Международного трибунала по Руанде // МТР [сайт]. – URL: <http://ww.unict.org/en/documents/annual-reports> (дата обращения 3.06.2018).

387. Ежегодные доклады Международного трибунала по бывшей Югославии // МТБЮ : [сайт] – URL: <http://www.icty.org/en/documents/annual-reports> (дата обращения 1.11.2022).

388. Отчет о работе Международной полиции Миссии ООН в Косово за 2000 год. Департамент прессы и общественной информации Полиции МООНК, 2000 г.

389. Заключительный доклад Международного трибунала по Руанде // МТР : [сайт]. – URL: http://ww.unict.org/sites/unict.org/files/legal-library/151117_ict_r_final_report_en.pdf (дата обращения 3.06.2019).

390. Замечания Верховного комиссара по правам человека ООН на 34 сессии Совета по правам человека 27 февраля 2017 г. - Текст : электронный // ВКПЧ ООН : [сайт]. – URL: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=21241> (дата обращения 19.07.17).

391. Заявление Специального прокурора, главы Специальной следственной комиссии ЕС, от 29 июля 2014 - Текст : электронный // Специализированная Палата

и Прокурорский офис по Косово : [сайт]. - URL: <https://www.scp-ks.org/en/specialist-chambers/background> (дата обращения 2.10.17).

392. Информационный бюллетень СГТП // Сайт Legal Tools [электронный ресурс] - Режим доступа - <https://www.legal-tools.org/doc/033e08/pdf/> (дата обращения 27.03.2018).

393. Коста Ж-П. Борьба за защиту прав человека является настолько благородной задачей, что запрещает нам унывать // Речь Председателя Европейского Суда по правам человека Ж-П. Коста, произнесенная на торжественном открытии судебного года в Страсбурге 25 января 2008 года. - URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2466358/2466358-011.htm> (дата обращения 01.03.2013).

394. Одиннадцатый, Заключительный доклад Специального Суда по Сьерра Леоне. - Текст : электронный // СССЛ : [сайт]. - URL: <http://www.rscsl.org/Documents/AnRpt11.pdf> (дата обращения 1.11.2022).

395. Осуществление правосудия в ООН : доклад Генерального секретаря ООН № A/72/204 от 24 июля 2017. - Текст : электронный // ООН : [сайт]. - URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/72/204 (дата обращения 8 февраля 2018 г.).

396. Оценка ситуации с национальными меньшинствами в Косово (период с ноября 1999 по январь 2000), § 23. - Текст : электронный // Миссия ОБСЕ в Косово : [сайт]. - URL: http://www.osce.org/documents/mik/2000/02/1116_en.pdf (дата обращения 27 ноября 2022).

397. Пресс-релиз МООНК от 14 Сентября 1999 года (код документа UNMIK/PR/43) // Миссия ООН в Косово [website]. - URL: <http://www.unmikonline.org/press/press/pr43.html> (дата обращения 27 ноября 2022).

398. Резолюция СПЧ ООН № S-17/1.- Текст : электронный // Верховный комиссар ООН по правам человека : [сайт]. - URL:

http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/CoISyria/ResS17_1.pdf (дата обращения 19.07.17).

399. Резолюция ГА ООН № A/RES/71/248. - Текст : электронный // ООН: [сайт]. – URL: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/462/05/PDF/N1646205.pdf? OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/462/05/PDF/N1646205.pdf?OpenElement) (дата обращения 19.07.17).

400. Рекомендации организации Международная амнистия по судебной системе. Документ Международной амнистии, 4 февраля 2000, код документа EUR 70/006/2000, С. 3. - Текст : электронный // Международная амнистия : [сайт]. – URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur70/006/2000/en/> (дата обращения 10.02.2018).

401. Стандарты и практика в области прав человека для работников полиции. Расширенное карманное пособие по правам человека для работников полиции. - Текст : электронный // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека : [сайт]. - URL : <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/training5Add3ru.pdf> (дата обращения 21.10.2022).

Информационно-телекоммуникационные ресурсы сети Интернет

402. Бастрыкин дал указания следователям за два дня завершить работы на месте крушения А-321. - Текст : электронный// РИА Новости : [сайт]. – URL: <https://ria.ru/world/20151103/1313311179.html> (дата обращения : 11.05.2018).

403. Бастрыкин провел в Донецке совещание по военным преступлениям Украины. - Текст : электронный // РБК : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2022/624eb58d9a7947b2cbc7fe3a?ysclid=19uaf83dk664191446> (дата обращения: 29.10.2022).

404. Бастрыкин: Следствие располагает явными признаками геноцида в Южной Осетии. - Текст : электронный // Regnum : [сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/1103513.html> (дата обращения 30 мая 2018).

405. Британские лорды отвергли задержание на 42 суток. - Текст : электронный // BBC : [сайт]. – URL : http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_7668000/7668457.stm (дата обращения 4.11.2016).

406. В Каталонию, где пройдёт референдум о независимости, власти Испании перебрасывают дополнительные силы полиции. - Текст : электронный // первый канал ТВ : [сайт]. – URL : https://www.1tv.ru/news/2017-09-26/333326v_kataloniyu_gde_proydet_referendum_o_nezavisimosti_vlasti_ishpanii_perebrasyvayut_dopolnitelnye_sily_politsii (дата обращения: 28.09.2017).

407. В Косове убит сербский политик Оливер Иванович. – Текст : электронный // RT на русском : [сайт]. - URL : <https://russian.rt.com/world/news/470762-kosovo-ubit-serbskii-politik> (дата обращения 18.04.2018).

408. В Москве изъяли более 100 кг сырья для производства спайса. - Текст : электронный // Газета.ru : [сайт]. – URL : http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/12/n_6920221.shtml (дата обращения 23.02.2015)

409. В Северной Осетии начала работу оперативная группа Главной военной прокуратуры Российской Федерации (9 августа 2008 г.). - Текст : электронный // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. – URL: <http://genproc.gov.ru/news/news-62503/> (дата обращения 03.03.2018).

410. Валерий Зорькин поставил наднациональное право под национальным. - Текст : электронный // Коммерсантъ. - 2011. - №86 (4627). - URL : <http://kommersant.ru/doc/1642018>. (дата обращения : 12 октября 2012).

411. Видеозапись 8359 заседания СБ ООН. - Текст : электронный // UN WEB TV : [сайт]. – URL: <http://webtv.un.org/watch/security-council-1-protection-of->

civilians-in-armed-conflict-8359th-meeting.-2-united-nations-peacekeeping-operations-8360th-meeting.-3-the-situation-in-the-middle-east-8361st-meeting/5838372072001/ (дата обращения 9.10.2018).

412. Владимир Путин подписал «антиспайсовый закон» // Московский комсомолец [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.mk.ru/politics/2015/02/04/vladimir-putin-podpisal-antispaysovyu-zakon.html> (дата обращения 23.02.2015).

413. Египет согласен на участие ФБР в расследовании катастрофы А-321. - Текст : электронный // Вести.Ru : [сайт]. – URL : <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2685309> (дата обращения: 11.05.2018).

414. Канун Лека Дукаджини. §§ 969 – 972. - Текст : электронный // Восточная литература : [сайт]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Albanien/Zakonnik_Leka/text.phtml?id=2182 (дата обращения: 18.04.2018).

415. Косово – Край, обречённый на изгнание. Фильм Евгения Баранова, 1 канал (с 19'38" до 22'31"). – Изображение : электронное // Youtube : [интернет-канал]. – URL: https://youtu.be/ibCVZfer_LE?t=19m38s (дата обращения : 11.04.2018).

416. Миссия ООН усомнилась в существовании захоронений на востоке Украины. - Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – URL: <https://ria.ru/world/20141215/1038331965.html> (дата обращения 02.11.2022).

417. Мы можем себе позволить отойти от канонов законодательства Текст : электронный // Gazeta.ru : [сайт]. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/02/22_a_3534393.shtml (дата обращения 17.10.2022).

418. Никулин В.В. Формирование системы Революционных Трибуналов в 1917- 1920 г.г. - Текст : электронный // Rusnauka.com : [сайт]. – URL : http://www.rusnauka.com/12_EN_2008/Pravo/31251.doc.htm (дата обращения 25.11.2021).

419. ОБСЕ обвинила ДНР в ограничении доступа к месту крушения "Боинга 777". – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт]. – URL : <http://www.interfax.ru/world/386643> (дата обращения: 16.02.2015).

420. Открыт интернет-портал с реестром чиновников, подлежащих люстрации. - Текст : электронный //ZN.UA 28 апреля 2015. - [сайт]. – URL: - http://zn.ua/UKRAINE/otkryt-internet-portal-s-reestrom-chinovnikov-podlezhaschih-lyustracii-174540_.html (дата обращения 24.11.2019).

421. Отравления курительными смесями. - Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. – URL: <http://tass.ru/infographics/8062> (дата обращения 23.02.2022).

422. Петрухин, И. Правовая оценка военного конфликта в Чечне / И. Петрухин // Международное общество «Мемориал» : [сайт]. – URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/aspekty1/Chapter3.htm> (дата обращения 20.07.2022)

423. Прокуратура направила в суд дело в отношении 18-ти участников террористического сообщества «Айдар» // Генеральная прокуратура ДНР : [сайт]. – URL: <http://www.gpdnr.su/news/2823-prokuratura-napravila-v-sud-delo-v-otnoshenii-18-ti-uchastnikov-terroristicheskogo-soobshchestva-aydar.html> (дата обращения 23.10.2022).

424. Прокуратура направила в суд уголовное дело в отношении участника вооружённого формирования «КОРД» Национальной полиции Украины. – Текст : электронный // Генеральная прокуратура ДНР : [сайт]. – URL: <http://www.gpdnr.su/news/2830-prokuratura-napravila-v-sud-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-uchastnika-vooruzhennogo-formirovaniya-kord-nacionalnoy-policii-ukrainy.html> (дата обращения 23.10.2022).

425. Рада Украины с третьей попытки приняла закон о люстрации. – Текст : электронный // Русская служба BBC, 16 сентября 2014 : [сайт]. – URL: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/09/140916_rn_ukraine_lustration_approved.shtml (дата обращения 25.11.2019).

426. Расследование преступлений националистов обсудили на оперативном совещании в Луганске - Текст : электронный // РБК : [сайт].—URL: https://www.1tv.ru/news/2022-10-28/440489-rassledovanie_prestupleniy_natsionalistov_obsudili_na_operativnom_soveschanii_v_luganske?ysclid=19uaf9vf4967806578 (дата обращения: 29.10.2022).

427. Россия перестает выполнять решения ЕСПЧ. - Текст : электронный // Российская газета : [сайт]. - 2022. - 8ноября. - URL : <https://rg.ru/2022/06/14/rossiia-perestaet-vypolniat-resheniia-espch.html?ysclid=la8oil9rnq393990748> (дата обращения 8.11.2022)

428. Россия продолжит активно участвовать в миротворческой деятельности ООН.14 ноября 2013 г. - Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. – URL : <https://tass.ru/politika/750107> (дата обращения : 2.11.2022)

429. Россия распространила в Совбезе ООН данные о преступлениях ВСУ в Донбассе Сайт РБК. - Текст : электронный // РБК : [сайт]. - URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/620ea5229a7947355f60ce8c?from=article_body (дата обращения: 29.10.2022).

430. С юга на север. Текст : электронный // Российская газета. – 2008. - №4721. - URL: <http://www.rg.ru/2008/08/05/osetia.html> (дата обращения : 17.02.2018).

431. Сайт Специализированной судебной палаты [электронный ресурс] - Режим доступа. - <https://www.scp-ks.org/en/specialist-prosecutors-office/role-spo> (дата обращения 4.03.2018).

432. СК после обнаружения массовых захоронений жителей Донбасса возбудил дело. - Текст: электронный // РБК : [сайт]. - URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/620d0e049a79471b6d527364?from=article_body (дата обращения: 29.10.2022).

433. СК рассказал о расследовании 60 военных преступлений в Донбассе (16 февраля 2016). - Текст: электронный // Следственный комитет РФ : [сайт]. – URL : <http://sledcom.ru/press/smi/item/1017735/> (дата обращения : 3.11.2022).

434. Следственный комитет проверит все случаи отравления курительной смесью в Кировской области. : Текст : электронный // Новости Следственного комитета РФ. : [сайт] – URL : <http://sledcomrf.ru/news/148151-sledstvennyiy-komitet-proverit-vse.html> (дата обращения 23.02.2022).

435. Следственный комитет России подключится к расследованию массовых захоронений под Донецком. - Текст : электронный // Вечерняя Москва : [сайт]. – URL : <http://vm.ru/news/2014/09/24/sledstvennij-komitet-rossii-podklyuchitsya-k-rassledovaniyu-massovih-zahoronenij-pod-donetskom-266294.html> (дата обращения 15.11.2016).

436. Совет Федерации одобрил запрет оборота и пропаганды спайсов в России. _ Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – URL : <http://ria.ru/incidents/20150128/1044697930.html> (дата обращения 23.02.2015).

437. Справочная информация: Ответственность по защите // Программа просветительской деятельности «Геноцид в Руанде и ООН» [электронный ресурс] – Режим доступа. - <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (дата обращения 30 мая 2018).

438. Убийство Оливера Ивановича: кто разжигает новую волну ненависти на Балкана. –Текст : электронный // Вести.ru : [сайт]. – URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2977211> (дата обращения :18.04.2018).

439. Факт // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. - 2-е изд., перераб и доп. – Москва : Мысль, 2010 // Википедия. Свободная энциклопедия : [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%BA%D1%82#cite_note-nfe-fact-1 (дата обращения 17.01.2018).

440. ФСКН обсудила ситуацию с наркотиком, отравившим более 200 человек. – Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – URL: <http://ria.ru/society/20140925/1025545801.html> (дата обращения : 23.02.2015).

441. African leaders plan mass withdrawal from international criminal court. The Guardian, 31 января 2017 г. - Electronic text // The Guardian : [website] — URL: <https://www.theguardian.com/law/2017/jan/31/african-leaders-plan-mass-withdrawal-from-international-criminal-court> (дата обращения 5.03.2018).

442. Appleblom, M. End-of-Assignment Report, от 3 августа 2017. - Electronic text // The Elephant: [website] - URL : https://www.theelephant.info/?s=1.%09Appleblom+%D0%9C.+End-of-Assignment+Report%2C+%D0%BE%D1%82+3+%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0+2017.&post_type= (дата обращения : 4.03.2020)

443. Confusion and Corruption in Kosovo. The Slow Birth of a Nation. - Electronic text // Spiegel : [website] - URL : <http://www.spiegel.de/international/world/confusion-and-corruption-in-kosovo-the-slow-birth-of-a-nation-a-549441.html> (дата обращения 29.05.18).

444. EULEX : [website] – URL : <http://www.eulex-kosovo.eu> (дата обращения 17.01.2022).

445. Daily on Witness Intimidation in Haradinaj Case. - Electronic text // B92.net : [website] - URL: http://www.b92.net/eng/news/crimes.php?yyyy=2011&mm=09&dd=15&nav_id=76403 (дата обращения: 15.10.2022).

446. ICMP : [website]. - URL : <https://www.icmp.int/> (дата обращения: 15.10.2022).

447. Justice Rapid Response : [website]. - URL: <http://www.justicerapidresponse.org> (дата обращения : 31.05.2022).

448. КРА : [сайт]. – URL : <http://www.kraonline.org/hpd/aboutus.htm> (дата обращения 25.02.2019).

449. Responsibility to protect. - Electronic text // Wikipedia : [website]. – URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Responsibility_to_protect (дата обращения 1.04.2019).

450. Sexual and Gender-based Violence (SGBV) Justice Experts Roster. - Electronic text // JRR : [website]. – URL : <http://www.justicerapidresponse.org/what-we-do/jrr-roster> (дата обращения: 20.01.2018).

451. SITF : [website]. – URL : www.sitf.eu (дата обращения 4.01.2017).

452. Statement by the Chief Prosecutor of the Special Investigative Task Force (SITF) on investigative findings. - Electronic text // HLC : [website]. – URL : http://www.hlc-rdc.org/wp-content/uploads/2014/07/Press_release_EN.pdf (дата обращения 1.06.2018).

453. Strand, H. Armed Conflict Dataset Codebook, 2.0. - 2003. - 17 September. - P. 4 / H. Strand, L. Wilhelmsen , N.P. Gleditsch. - Electronic text // Department of Peace and Conflict Research, Uppsala Universitet : [website] – URL : http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/55/55314_codebook_v2_0.pdf pdf (дата обращения 17.05.2022).

454. Tribunal closes field offices in Croatia and Kosovo. - Electronic text // МТБЮ : [website]. - URL : <http://www.icty.org/sid/11180> (дата обращения : 5 января 2017).

455. UNMIKONLINE.ORG : [website]. – URL: <http://www.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/default.aspx> (дата обращения 19.05.2018).

456. UNWOMEN : [website] – URL : <http://www.unwomen.org> (дата обращения 31.05.2022).

457. World: Europe Massacre victims laid to rest. 28 июля 1999. - Electronic text // BBC News : [website] – URL : <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/405692.stm> (дата обращения : 3.02.2018).

458. ZyLAB Legal Discovery : [website]. – URL: <https://zylab.com> (дата обращения 25.05.2018).

Судебная и иная правоприменительная практика

Постановления, определения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ

459. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2013. - № 8.

460. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 N 22-П "По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова" //СПС КонсультантПлюс, 2022.

Постановления ЕСПЧ¹

461. Постановление Европейского Суда по правам человека «Аль Нашири против Польши».24/07/2014. Номер жалобы: 28761/11. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2014. - №11.

462. Постановление Европейского Суда по правам человека (вынесено i секцией) от 14.10.2008 "Блумберга против Латвии (Blumberga v. Latvia) (n 70930/01)" // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2009. - №2.

463. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 2007 г. [вынесено IV Секцией] «Брекнелл против Соединенного Королевства» [Brecknell v. United Kingdom] (N 32457/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Избранные постановления ЕС : специальный выпуск. - 2012. - №1.

¹ Все официальные тексты решений ЕСПЧ доступны официальном сайте Суда: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22documentcollectionid%22:%5B%22CHAMBER%22%7D>

464. Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 декабря 2012 г. по делу № 39630/09 [вынесено IV Секцией] «Эль-Масри против Македонии» [El-Masri v. “the Former Yugoslav Republic of Macedonia”] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2013. - №5.

465. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 года «Хорнсби против Греции» [Hornsby v. Greece] (жалоба N 18357/91). - Текст : электронный // Гарант. ру : [сайт]. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461496/> (дата обращения : 11.05.2022).

466. Постановление Европейского суда по правам человека, бывшая третья палата, от 24 июля 2008 г «Кононов против Латвии» (заявление №. 36376/04) //Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2010. - №8.

467. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2014г. по делу № 46454/11 «Абу Зубайдах против Польши» [Husayn (Abu Zubaydah) v. Poland] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2014. - № 11.

468. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2014-г. по делу № 28761/11 «Аль Нашири против Польши» [Al Nashiri v. Poland]. Текст : электронный //Европейский Суд по правам человека : [сайт]. – URL : <https://roseurosud.org/r/st-6-1/postanovlenie-espch-al-nashiri-protiv-polshi>(дата обращения : 11.05.2022).

469. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 18 сентября 2009 г. по делу № 16064/90 и др., «Варнава и другие против Турции» [Varnava and Others v. Turkey]. - Текст : электронный //Европейский Суд по правам человека : [сайт]. – URL : [file:///C:/Users/olgan/Downloads/CASE%20OF%20VARNAVA%20AND%20OTHERS%20v.%20TURKEY%20-%20\[Russian%20translation\]%20summary%20by%20Development%20of%20Legal%20Systems%20Publ.%20Co.pdf](file:///C:/Users/olgan/Downloads/CASE%20OF%20VARNAVA%20AND%20OTHERS%20v.%20TURKEY%20-%20[Russian%20translation]%20summary%20by%20Development%20of%20Legal%20Systems%20Publ.%20Co.pdf)(дата обращения : 11.05.2022).

470. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 февраля 2011 г. по делу № 4704/04, «Палич против Боснии и Герцеговины» [Palić v. Bosnia and Herzegovina]. - Текст : электронный // Гарант. ру : [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/12190379/>(дата обращения : 11.05.2022).

471. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 24 марта 2011 г. по делу № 23458/02, «Джулиани и Гаджио против Италии» [Giuliani and Gaggio v. Italy].- Текст : электронный // Гарант. ру : [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/71496156/>(дата обращения : 11.05.2022).

472. Постановление Европейского суда по правам человека от 18 мая 2010-г. по делу № 24034/07, «Ануска против Молдовы» [Anusca v. Moldova]. - Текст : электронный // <https://p.120-bal.ru/istoriya/31054/index.html?page=3> (дата обращения : 11.05.2022).

473. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 апреля 2000-г. по делу № 28883/95, «Маккерр против Великобритании» [McKerr v. the United Kingdom]. //ЕСПЧ-КС : [сайт]. – URL : <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home> (дата обращения : 11.05.2022).

474. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 мая 2001-г. по делу № 30054/96, «Келли и другие против Великобритании» [Kelly and Others v. the United Kingdom]. - Текст : электронный // URL : <https://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/Kelly%20and%20Others%20v%20UK.pdf> (дата обращения : 11.05.2022).

475. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 24 марта 2011 г. по делу № 22277/93, «Ильхан и другие против Турции» [Ilhan and Others v. Turkey]. - Текст : электронный // URL : <https://www.refworld.org.ru/pdfid/555ef2444.pdf> (дата обращения : 11.05.2022).

476. Постановление Европейского суда по правам человека от 5 июля 2005-г. по делу № 49790/99, «Трубников против России» [Trubnikov v. Russia]. - Текст : электронный // Европейский Суд по правам человека : сайт олега анищика о

подаче жалоб в ЕСПЧ : [сайт]. – URL :<https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/trubnikov-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения : 11.05.2022).

477. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 24 марта 2011 г. по делу № 21986/93, «Салман против Турции» [Salman v. Turkey]. - Текст : электронный // Европейская конвенция по правам человека : [сайт]. – URL :<http://www.echr.ru/documents/doc/70073398/70073398-006.htm>(дата обращения : 11.05.2022).

478. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 февраля 2005-г. по делу № 57950/00, «Исаева против России» [Isayeva v. Russia]. - Текст : электронный //Европейская конвенция по правам человека : [сайт]. - URL : <http://www.echr.ru/documents/doc/70073398/70073398-006.htm> (дата обращения : 11.05.2022).

479. Постановление Европейского суда по правам человека от 6 апреля 2004 г. по делу № 21689/93, «Ахмет Озкан против Турции» [Ahmet Özkan and Others v. Turkey] //Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2004. - № 9.

480. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 17 сентября 2014 г. по делам № 10865/09, 45886/07 и 32431/08, «Мокану и другие против Румынии» [Mocanu and Others v. Romania] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека.- 2013. - № 4.

481. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 января 2011 г. по делу № 20106/06, «Юларич против Хорватии» [Jularić v. Croatia]. - Текст : электронный //Studylib:[сайт]. - URL : <https://studylib.net/doc/18281253/right-to-life--european-court-of-human-rights> (дата обращения : 11.05.2022).

482. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 7 июля 2011 г. по делам № 55721/07, «Аль-Скейни и другие против Великобритании» [Al-Skeini and Others v. the United Kingdom]. - Текст :

электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL : <https://base.garant.ru/70157938/> (дата обращения : 11.05.2022).

483. Постановление Европейского суда по правам человека от 6 сентября 1978-г. по делу 5029/71, «Класс и другие против Федеративной республики Германии» [Klass and others v. Federal Republic of Germany]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461406/>(дата обращения : 11.05.2022).

484. Постановление Европейского суда по правам человека от 27 июля 2006-г. по делу № 69481/01, «Базоркина против России» [Bazorkina v. Russia] // Российская хроника Европейского Суда. - 2008. - № 1.

485. Постановление Европейского суда по правам человека (большая палата) от 8 июля 1999 г. по делам № 23763/94, «Танрикулю против Турции» [Tanrikulu v. Turkey]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2464660/> (дата обращения : 11.05.2022).

486. Постановление Европейского суда по правам человека от 26 июля 2007-г. по делам № 57941/00 и другим, «Мусаев и другие против России» [Musayev and Others v. Russia] //Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. - 2018. - № 9.

487. Постановление Европейского суда по правам человека от 14 марта 2002-г. по делу № 46477/99, «Пол и Одри Эдвардс против Великобритании» [Paul and Audrey Edwards v. United Kingdom]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL : <https://base.garant.ru/58160445/>(дата обращения : 11.05.2022).

488. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 октября 2009-г. по делу № 2712/02, «Агаче и другие против Румынии» [Agache and Others v. Romania]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12030012/> (дата обращения : 11.05.2022).

489. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 мая 2011-г. по делам № 33810/07 и 18817/08, «Ассоциация “21 Декабря 1989” и другие против Румынии» [Association “21 December 1989” and Others v. Romania]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL :<https://base.garant.ru/70130820/> (дата обращения : 11.05.2022).

490. Постановление Европейского суда по правам человека от 12 июня 2014-г. по делу № 57856/11, «Елич против Хорватии» [Jelić v. Croatia]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL :<https://base.garant.ru/70857880/> (дата обращения : 11.05.2022).

491. Решение Европейского суда по правам человека от 2 мая 2007 г. по делам № 71412/01 и 78166/01, «Бехрами против Франции и Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» [Behrami v. France and Saramati v. France, Germany and Norway]. - Текст : электронный // СПС Гарант. Ру : [сайт]. - URL :<https://base.garant.ru/5732971/>(дата обращения : 11.05.2022).

Решения Правозащитной консультативной комиссии МООНК¹

492. The Human Rights Advisory Panel. *Čelić and Fazlija v. UNMIK*, nos 51/09 and 53/09, opinion от 14 февраля 2014 г. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.11.2022).

493. The Human Rights Advisory Panel. *Remištar v. UNMIK*, дело № 245/09, opinion of October 17, 2014. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.11.2022).

¹ Все решения ПКК доступны по ссылке: <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html>

494. The Human Rights Advisory Panel. *Ibraj v. UNMIK*, № 14/09 and others ., opinion of August 6, 2014. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

495. The Human Rights Advisory Panel. *Bulatović v UNMIK*, no. 14/09 et al, opinion of November 13, 2014.- Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

496. The Human Rights Advisory Panel. *Mladenović v UNMIK*, no. 99/09, opinion of June 26, 2014. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

497. The Human Rights Advisory Panel. *Đ.L. v UNMIK*, no. 88/09, opinion of January 21, 2013 - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

498. The Human Rights Advisory Panel. *Z.B. v UNMIK*, no. 229/09 et al, opinion of December 14, 2014. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

499. The Human Rights Advisory Panel. *Stojković v. UNMIK*, no. 87/09, opinion of December 14, 2013. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

500. The Human Rights Advisory Panel. *Nikolić et al v. UNMIK*, nos 72/09 et al, opinion of 14 December 2014.- Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

501. The Human Rights Advisory Panel. *Folić, Kostić and others v. UNMIK*. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

502. The Human Rights Advisory Panel. *Pejčinović v. UNMIK*. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

503. The Human Rights Advisory Panel. *Tomanović et al. v. UNMIK*, case no. 248/09 and others, opinion of April 25, 2013. - Electronic text // HRAP : [website]. – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 7.12.2021).

504. The Human Rights Advisory Panel. *Jokić v. UNMIK*, no. 323/09, opinion of 6 June 2013. - Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

505. The Human Rights Advisory Panel, *Milogorić and Others v. UNMIK*, nos 38/08 and others, opinion of 24 March 2011. Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

506. The Human Rights Advisory Panel, *Berisha and Others v. UNMIK*, nos 27/08 and others, opinion of 23 February 2011. Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

507. The Human Rights Advisory Panel, *Lalić and Others v. UNMIK*, nos 09/08 and others, opinion of 9 June 2012. Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

508. The Human Rights Advisory Panel, R.A. v UNMIK, no. 41/09, opinion of 13 December 2013. Electronic text // HRAP : [website] – URL : <https://media.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx.html> (дата обращения : 3.12.2021).

509. The Human Rights Advisory Panel, Vitošević and Marmarević v. UNMIK, nos. 139/09 et al, opinion of 23 January 2014.

Приговоры и решения Международного трибунала по бывшей Югославии

510. Prosecution v Tihomir Blaškić, IT-95-14, Trial judgement, April 3, 2008. - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

511. Prosecution v Tihomir Blaškić, IT-95-14, Trial judgement, 3 March 2000. - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

512. Prosecution v Tihomir Blaškić, IT-95-14-A, Appeals judgement (29 July 2004), Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

513. Prosecution v. Zejnil Delalic et al, IT-96-21. November 16, 1998. - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

514. Prosecution v. Duško Tadić, IT-94-1. October 2, 1995. - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

515. Prosecution v. Dario Kordić & Mario Čerkez, IT-95-14/2-A, Appeals judgement, 17 December 2004). - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL

516. Prosecution v. Slobodan Milosević, IT-02-54. June 16, 2004. -Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

517. Prosecution v. Ante Gotovina and Mladen Markac, IT-06-90-PT. - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

518. Prosecution v. Kunarac Gotovina, IT-96-23&IT-96-23/1-A - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : (дата обращения : 3.12.2021).

519. Prosecutor v. Fatmir Limaj et al, IT-03-66 (30 ноября 2005). - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

520. Prosecutor v. Ramush Haradinaj, Idriz Balaj and Lahi Brahimaj, IT-04-84-T, Trial judgement, April 3, 2008. - Electronic text // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia : [website] – URL : <https://www.icty.org/en/cases> (дата обращения : 3.12.2021).

Материалы дел

521. Материалы уголовного дела № № Р. Nr. 85/2005 НЕР, 26/2004 против С. Краснич, Б. Зуберай и др. // Архив окружного прокурора региона Призрень, провинция Косово.

522. Материалы дела № Р-38/2005 // Архив Окружной прокуратуры г. Приштина, Косово.

523. Материалы уголовного дела № 1999/236 // Архив Регионального штаба Полиции г. Приштина, Косово.

524. Материалы уголовного дела № РР – КТ No. 657-7/07 // архив Департамента юстиции Миссии ООН в Косово.

525. Материалы уголовного дела № Р-128/2003 против Мартина Альмера и др. // Архив Муниципального суда г. Ораховац, Косово.